

М 106
56.
А. Ламартинъ.

ИСТОРИЯ
ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1904.

32

А. Ламартинъ.

ИСТОРИЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1904.

XXXVI.

Впечатлѣніе, произведенное смертію Людовика XVI.—Лепеллетье де-Сенъ-Фаржо. — Кабинеты Европы. — Кюстинъ.— Англія.— Питтъ.— Фоксъ.— Талейранъ.— Вильшная коалиція.— Рекрутскій наборъ.— Армія.— Военный министр Пашъ.— Дюмуре въ Бельгіи. — Госпожи Фернигъ. — Жеммапъ.— Герцогъ Шартрекій.— Дюмуре побѣждаетъ.

1.

Великія общественныя событія находятъ откликъ въ воображеніи народномъ и сильнѣе всего чувствуются людьми, наиболѣе одаренными способностью, такъ сказать, резюмировать въ себѣ общее впечатлѣніе, вызванное этими катастрофами, причемъ экзальтація ихъ, достигающая крайнихъ предѣловъ, доводитъ ихъ иногда до преступленія. Смерть Людовика XVI, удивленіе, оскверненіе святыни, горестъ—вызвали сильное волненіе во всемъ государствѣ. Всѣ не раздѣлявшіе стоицизма судей были объаты ужасомъ и печалью. Имъ казалось, что великое святотатство должно призвать на народъ, совершившій его или допустившій ему совершиться, одно изъ тѣхъ возмездій, когда Небо требуетъ за кровь праведника крови всего народа. Нѣкоторые умерли отъ горя, узнавъ о совершившейся казни, другіе лишились рассудка. Женщины бросались на улицу съ крышъ домовъ и въ Сену съ парижскихъ мостовъ. Сестры, дочери, жены и матери членовъ Конвента осыпали упреками своихъ мужей и сыновей. Казнь не была еще совершена, когда одинъ изъ главныхъ судей понесъ уже кару за смертный приговоръ Людовику XVI.

Мишель Лепеллетье де-Сенъ-Фаржо, потомокъ древняго рода, члены котораго занимали всегда высшія судебныя должности, и владѣлецъ огромныхъ помѣстій въ департаментѣ Іоннъ, человѣкъ скорѣе честолюбивый, чѣмъ талантливый, сначала защищалъ права короля въ генеральныхъ штатахъ. Послѣ Учредительнаго собранія, предвидя паденіе монархіи, онъ удалился въ свои помѣстья, а затѣмъ перешелъ на сторону народной партіи съ притворнымъ рвеніемъ и угодливостью человѣка, которому во многомъ надо заслужить прощеніе. Когда онъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировались недовольные его департамента, душою клубовъ, подстрекателемъ народныхъ волненій,—его выбрали членомъ Національнаго Конвента въ Сансъ. Архіепископъ сансскій Ломени де-Бріеннъ, бывшій министръ Людовика XVI и извѣстный противникъ церкви въ вопросахъ философіи, присутствовалъ въ гражданскомъ платьѣ и красной шапкѣ при избраніи Мишеля Лепеллетье. Такимъ образомъ

духовенство и аристократія отрѣклись отъ своихъ правъ въ пользу народа и обагрились уже въ крови. Архіепископъ санскій, предвидя ужасныя послѣдствія популярности, требующей подобныхъ жертвъ, уже носилъ съ собою ядъ, приготовленный Кабанисомъ и присланный ему Кондорсе, которымъ онъ и воспользовался нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Сень-Фаржо предчувствовалъ уже, что его долженъ поразить кинжалъ роялиста. Тотъ и другой должны были сдѣлаться мучениками своего новаго положенія: одинъ нанесъ себѣ ударъ самъ, другой палъ отъ руки убійцы.

Выдѣлявшійся скорѣе своимъ происхожденіемъ и богатствомъ, тѣмъ краснорѣчіемъ, Лепеллетье де-Сень-Фаржо пользовался въ Конвентѣ и у якобинцевъ вліяніемъ благодаря своему имени, такъ какъ имена, которыя привыкли уважать, сохраняютъ свое обаяніе нѣкоторое время даже въ той средѣ, куданосящіе ихъ удостоиваютъ спуститься. Онъ председательствовалъ иногда въ собраніяхъ якобинцевъ и шелъ навстрѣчу желаніямъ Робеспьера. Никто не можетъ льстить представителямъ народа лучше аристократа, научившагося лести при дворѣ. Онъ бывалъ у герцога Орлеанскаго и прочилъ отдать, какъ говорили, свою единственную дочь за старшаго сына герцога. Огромное приданое должно было сгладить неравенство именъ, а революціонные принципы уничтожить разницу въ общественной іерархіи. Его богатство и высокое положеніе попечителя разныхъ учреждений въ Бургонскомъ департаментѣ сгруппировали около него десять или двѣнадцать членовъ Конвента, не спускавшихъ глазъ съ своего представителя и готовыхъ во всемъ подражать ему. Эти двѣнадцать голосовъ, присоединившихся къ противной сторонѣ по знаку де-Сень-Фаржо, составили разницу въ двадцать четыре голоса въ процесѣ короля. Колебаніе и образовавшееся равенство голосовъ возлагали всю отвѣтственность за жизнь и за смерть Людовика XVI на Лепеллетье. Роялистамъ это было извѣстно. Тайнственныя просьбы посыпались на Сень-Фаржо; онъ обѣщалъ подать голосъ за помилованіе. Якобинцы, узнавъ объ этихъ переговорахъ, потребовали, чтобы онъ опровергъ ихъ актомъ, залогомъ которому должна была служить его голова, и онъ обѣщалъ, что будетъ непреклоненъ. Въ рѣшительную минуту онъ сдержалъ слово, данное якобинцамъ, и подаль голосъ за казнь. Подавшій этотъ голосъ былъ вдвойнѣ достоинъ презрѣнія, по мнѣнію роялистовъ: царубійство, въ ихъ глазахъ, было болѣе тѣмъ предательство.

2.

Среди роялистовъ находился молодой человѣкъ по имени Парисъ, сынъ одного изъ управляющихъ имѣніями графа д'Артуа. Парисъ поступилъ въ конституціонную гвардію Людовика XVI какъ разъ въ то время, когда въ ней соединились всѣ оставшіеся вѣрными защитники короля. Онъ оставался въ Парижѣ со дня основанія гвардіи, всячески ища случая пожертвовать собою ради своего дѣла. Смѣлый, безстрашный, ловкій, онъ являлся вооруженнымъ во всѣ общественныя собранія, ободрялъ роялистовъ, задѣлывалъ якобинцевъ, ругалъ народъ, бунтовалъ женщинъ и ухитрялся всегда ускользать отъ мщенія якобинцевъ при помощи своего оружія и тайны своего убѣжища. Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые должны были на-

пасть на конвой короля въ то время, когда его повезутъ на казнь, и которые вербовали бунтовщиковъ, чтобы овладѣть воротами Тампля. Онъ надѣялся до послѣдней минуты, что Конвентъ не откажется на царевѣйство. Когда было объявлено смертный приговоръ и отказъ въ отсрочкѣ приведенія его въ исполненіе, бѣшенство и горе его дошли до крайнихъ предѣловъ. Онъ почувствовалъ непреодолимую потребность, которая овладѣваетъ иногда страстными натурами, возстать одному противъ цѣлаго народа. Онъ простился съ своею любовницей, молоденькой продавщицей духовъ въ Пале-Рояль, дававшей ему убѣжище, точно разставался съ нею навѣки. Со спрятанной подъ плащомъ саблей, онъ вышелъ изъ дому, не зная еще, какой онъ нанесетъ ударъ, но твердо рѣшившись нанести такой ударъ, который не забываютъ.

Парисъ долго бродилъ въ такомъ настроеніи въ галереяхъ и по дворамъ, надѣясь, что случай натолкнетъ его на жертву, которой долженъ былъ сдѣлаться герцогъ Орлеанскій. Но случай обманулъ его ожиданія. Герцогъ не появлялся. Парисъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей, вошелъ къ трактирщику въ Пале-Рояль, по имени Февріе. Подземныя залы этого трактирщика походили на плохо освѣщенные отдушинами погреба. Желаніе казаться бѣднякомъ привело богатаго Лепеллетье въ погребокъ Февріе, потому что въ эти смутные дни богатство заставляло подозрѣвать въ приверженности къ аристократіи. Лепеллетье обѣдалъ въ темной залѣ за маленькимъ столикомъ одинъ, рядомъ со столикомъ Париса, который ничего не могъ ѣсть—до того онъ былъ возбужденъ. Онъ бесѣдовалъ вполголоса съ своимъ другомъ о приговорѣ, произнесенномъ наканунѣ, о завтрашней казни и низости народа. Дурно скрытое негодованіе прорывалось въ звукъ его голоса и въ выраженіи лица. У лицъ, сидѣвшихъ невдалекѣ отъ него, явилось предчувствіе, что онъ кончитъ безуміемъ или преступленіемъ. Его собесѣдникъ, тихо разговаривавшій съ нимъ, скорѣе ободрялъ его, какъ соумышленникъ, нежели отговаривалъ, какъ другъ. Два или три раза Парисъ порывисто вставалъ изъ-за обѣда, выходилъ изъ залы и снова возвращался, точно поджидалъ кого-то. Послѣ обѣда, онъ скрестилъ на груди руки, наклонилъ голову и, повидимому, погрузился въ размышленія. Его блуждающіе взоры машинально перебѣгали по лицамъ присутствовавшихъ въ залѣ, каждый изъ которыхъ занималъ отдѣльный столикъ.

Когда кто-то назвалъ имя Лепеллетье и при этомъ указалъ на него, Парисъ, не знавшій въ лицо санскаго депутата, а также, за что онъ подаль голосъ, приблизился къ нему и спросилъ: „Васъ зовутъ Сень-Фаржо?“—„Да, меня“, отвѣтилъ депутатъ: „что вамъ отъ меня угодно?“—У васъ лицо порядочнаго человѣка; неправда ли, вы не подали голоса за казнь короля?“—„Вы ошибаетесь, сударь“ возразилъ Сень-Фаржо грустнымъ, но твердымъ голосомъ: „я подаль голосъ за казнь короля, потому что этого требовала моя совѣсть“.—„Ты требовалъ смерти! ну такъ вотъ же тебѣ за это!“ Съ этими словами Парисъ дѣлаетъ движеніе, чтобы откинуть полы своего плаща и схватиться за рукоятку шпaги. Сень-Фаржо встаетъ, хватается ножъ и протягиваетъ руки впередъ, приготовившись защищаться. Но Парисъ въ мгновеніе ока вытаскиваетъ шпaгу, вонзаетъ ее въ грудь Лепеллетье и бѣжитъ вонъ. Перенесенный

на кровать, умирающій Сень-Фаржо спросилъ, какъ зовутъ человѣка, нанесшаго ему ударъ. Онъ умеръ нѣсколько минутъ спустя.

Его предсмертной агоніи приписали вдохновенныя слова мученика, исполненные неземной радости. И эти высокопарныя слова распространили въ народѣ, чтобы возбудить въ немъ отвращеніе къ убійцѣ-роялисту и вызвать восторженное поклоненіе памяти его жертвы. Ударъ шпаги Париса сдѣлалъ Лепеллетье великимъ. Вслѣдствіе особаго декрета двери Пантеона раскрылись передъ его гробомъ. Ему устроили похороны на счетъ націи не столько для того, чтобы почтить его память, какъ затѣмъ, чтобы торжественнѣй отомстить той партіи, жертвой которой онъ палъ.

Вечеромъ въ Пале-Рояль, у дверей трактира собралась цѣлая толпа, тѣснившаяся около носилокъ, на которыхъ уносили безчувственное тѣло Лепеллетье. Народные ораторы, рассказывая подробности этой смерти, придавали ей особенное значеніе—перваго акта огромнаго заговора, который угрожаетъ смертью всѣмъ вѣрнымъ представителямъ народа. Въ Пале-Рояль повсюду сверкали обнаженные сабли, готовыя отомстить за смерть Сень-Фаржо. Въ саду, посреди толпы, негодовавшей, когда произносили имя убійцы, и громко требовавшей его смерти, прогуливался Парисъ съ своимъ другомъ. Одинъ изъ роялистовъ, бывшій свидѣтелемъ убійства, встрѣтивъ Париса и узнавъ его, содрогнулся отъ ужаса и удивленія. „Дѣло мое еще не кончено“, тихо сказалъ ему Парисъ: „я найду того, кого ищу, здѣсь или въ Конвентѣ и отправлю его вслѣдъ за тѣмъ“. Полиція, искавшая убійцу повсюду, кромѣ того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе, не арестовала его ни въ эту ночь, ни во всю послѣдующую недѣлю, и онъ безнаказанно разгуливалъ по Пале-Роялю.

Недѣлю спустя по совершеніи преступленія онъ уѣхалъ изъ Парижа вмѣстѣ со своею любовницей и двѣнадцати-лѣтнимъ братомъ. Онъ уѣхалъ въ томъ же самомъ платьѣ, которое было на немъ въ день убійства. Онъ надѣялся въ Діеппѣ сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Англію. Любовница и братъ проводили его только до Жизора, а отсюда онъ отправился одинъ пѣшкомъ по проселочнымъ дорогамъ въ маленькій городокъ Форжъ-ле-О. Онъ вошелъ въ одинъ изъ пригородныхъ трактировъ и потребовалъ себѣ ужина и ночлегу. Въ ожиданіи ужина онъ сѣлъ у камина въ общей залѣ. Нѣсколько разносчиковъ бесѣдовали о событіяхъ дня. Парисъ вмѣшался въ ихъ разговоръ. „Что думаютъ здѣсь объ осужденіи и казни короля?“ спросилъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ.—„Говорятъ, что поступили прекрасно“, отвѣтилъ одинъ изъ торговцевъ: „и что заодно съ нимъ слѣдовало бы казнить и всѣхъ остальныхъ тирановъ“. Парисъ невольнымъ движеніемъ выдалъ свое негодованіе, вызванное этимъ отвѣтомъ, взявшее верхъ надъ осторожностью. „Такъ, значитъ, я всюду буду встрѣчать только убійцъ своего короля!“ проговорилъ онъ нарочно довольно громко, чтобы его слышали. Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился въ приготовленную ему комнату, гдѣ спокойно поужиналъ. Люди, наблюдавшіе за нимъ въ стеклянную дверь, видѣли, какъ онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ свою правую руку, какъ бы благодаря ее за совершенный ею актъ правосудія. Послѣ ужина онъ спросилъ перо и чернилъ. Онъ написалъ нѣсколько

строкъ на своемъ отпускномъ билетѣ королевской гвардіи, положилъ пистолеть подъ подушку и легъ спать.

Между тѣмъ разносчики и трактирщикъ рано утромъ отправились къ мэру и въ жандармское управленіе Форжа и рассказали о своихъ подозрѣніяхъ, касающихся одного путешественника, который онъ возбудилъ въ нихъ своимъ обращеніемъ и словами. Члены муниципалитета, въ своихъ трехцвѣтныхъ шарфахъ, и жандармы съ обнаженными саблями вошли въ комнату Париса. Онъ крѣпко спалъ. Его разбудили. Онъ посмотрѣлъ на жандармовъ безъ малѣйшаго смущенія. „Это вы“, сказалъ онъ: „я васъ ждалъ“. „Покажите вашъ паспортъ — „У меня нѣтъ его“.—Слѣдуйте за нами въ городское управленіе. „Я иду вслѣдъ за вами“. Съ этими словами онъ сунулъ руку подъ подушку, вытащилъ оттуда пистолеть и раздробилъ себѣ черепъ, прежде чѣмъ жандармы успѣли замѣтить и предупредить его движеніе. На груди у него нашли отпускной билетъ, выданный изъ гвардіи короля, на которомъ онъ наканунѣ написалъ слѣдующія слова: „Это мой почетный дипломъ. Не трогайте никого. Сообщниковъ у меня не было въ имѣвшемъ счастливый исходъ убійствѣ негодяя Сень-Фаржо. Если бы онъ не подвернулся мнѣ подъ руку, я совершилъ бы еще лучшее дѣяніе, избавивъ Францію отъ отцеубійцы герцога Орлеанскаго. Всѣ французы—трусы!“

Когда Конвентъ узналъ объ этомъ арестѣ и самоубійствѣ, то немедленно отправилъ Лежандра и Талліена въ Форжъ-ле-О, чтобы удостовѣриться въ тождественности трупа. Лежандръ хотѣлъ, чтобы тѣло Париса привезли въ Парижъ и проталили на тележкѣ по всему городу на поруганіе толпы. Талліенъ воспротивился этому. Спросили Конвентъ, который тоже отвергъ подобное издѣвательство надъ трупомъ. Его зарыли, какъ животное, въ ямѣ, вырытой въ лѣсу, въ окрестностяхъ города.

3.

Три дня спустя Конвентъ хоронилъ жертву убійства. Трагическій геній Шенье начерталъ церемоніаль похоронъ по образцу древне-греческихъ. На катафалкѣ, живымъ пьедесталомъ которому служили сто федератовъ, покоилось на парадномъ ложѣ обнаженное тѣло Лепеллетье. Одна рука его свѣшивалась, какъ бы взывая о мести. Широкая рана, чрезъ которую улетѣла его жизнь, зіяла на его груди. Вынутая изъ ноженъ сабля убійцы лежала на тѣлѣ его жертвы. Окровавленную одежду убитаго несли на пикѣ, на подобіе знамени. Президентъ Конвента поднялся по ступенькамъ катафалка и возложилъ на мертвеца дубовый вѣнокъ, усѣянный иммортелями, на подобіе звѣздочекъ. Погребальное шествіе двинулось подъ бой обернутыхъ барабановъ и подъ тихую погребальную музыку; звуки скорѣе рыдали, чѣмъ раздавались въ воздухѣ. Семья Лепеллетье, въ траурной одеждѣ, шла за гробомъ убитаго отца, брата и мужа. Среди семисотъ членовъ Конвента возвышалось развѣвающееся знамя, на которомъ золотыми буквами были написаны послѣднія слова, приписываемыя де-Сень-Фаржо: „Я умираю, съ радостью проливъ свою кровь за отечество; я надѣюсь, что она послужитъ къ упроченію свободы и равенства и поможетъ узнать враговъ народа“. За гробомъ слѣдовалъ народъ. Муж-

чины несли вѣнки изъ иммортелей, женщины — кипарисныя вѣтви. Пѣли гимны въ честь мученика свободы и требовали гибели тирановъ.

Когда погребальное шествіе приблизилось къ Пантеону, оно застало храмъ Революціи уже наводненнымъ народомъ. Тѣло, поднятое толпой, завладѣвшей имъ у Конвента, чуть не скатилось на ступени перистыля. Феликсъ Лепеллетье, братъ жертвы, взомель на возвышеніе и, несмотря на гулъ толпы, обратился къ ней съ рѣчью, въ которой сравнилъ своего брата съ старшимъ изъ Гракховъ, и поклялся подражать ему. На другой день Феликсъ Лепеллетье, держа за руку восьмилѣтнюю дочь своего брата, одѣтую въ глубокой трауръ, представилъ ее Конвенту. Ребенокъ, усыновленный всей націей, въ полномъ энтузіазма декретъ былъ объявленъ пріемной дочерью республики.

4.

Мнѣнія департаментовъ по поводу смерти Людовика XVI раздѣлились: Вандейскій департаментъ, о возстаніи котораго мы вскорѣ сообщимъ, видѣлъ въ этомъ событіи проявленіе отчаянія, которое овладѣваетъ народомъ во время междоусобныхъ войнъ. Департаменты Кальвадскій, Севенскій и Жирондскій, повидимому, раздѣляли колебанія, политическіе порывы и раскаяніе своихъ представителей. Распространившійся слухъ о предстоящей войнѣ вскорѣ заставилъ прекратить взаимные упреки. Пророчества Сая, Бриссо и Верньо оправдались. Европа, вначалѣ увлеченная принципами свободы, почувствовала ужасъ при видѣ эшафота короля: она осуждала эту казнь съ безпристрастіемъ судьи, находящагося на разстояніи. Переговоры, искусно начатые Дюмуре, Бриссо, Дантономъ и министромъ Лебреномъ, навстрѣчу которымъ такъ охотно пошла Пруссія, были прерваны ножомъ гильотины и не могли быть доведены до конца.

Взглянемъ теперь, въ какомъ положеніи находились эти сношенія и какъ относились кабинеты Европы къ французской революціи въ тотъ моментъ, когда казнь Людовика XVI вызвала вторую коалицію.

Мы оставили союзную армію послѣ битвы при Вальми, по отъѣздѣ Дюмуре въ Парижъ, въ беспорядкѣ проходящую, подъ предводительствомъ прусскаго короля и герцога Брауншвейгскаго, черезъ Аргонскіе проходы и направляющуюся къ Вердену и Лонгви. Все указывало на тайное соглашеніе между французами и пруссакими. Келлерманъ, хотѣвшій преслѣдовать непріятеля, дважды получилъ приказаніе черезъ комиссаровъ разомкнуть войска, чтобы пропустить его.

Каждое передвиженіе французской арміи происходило послѣ перехода прусскихъ войскъ и совершалось согласно предварительныхъ переговоровъ предводителей противныхъ сторонъ. Въ полъ-милѣ отъ Вердена, въ открытомъ полѣ, состоялось совѣщаніе между генералами Лаборильеромъ и Гальбо съ одной стороны и генераломъ Калькрейтомъ и герцогомъ Брауншвейгскимъ съ другой. Предлогомъ было возвращеніе Вердена французскимъ войскамъ безъ боя. Наши генералы гордились тѣмъ, что они стоятъ за національное дѣло; духъ Конвента перешель въ лагери. „Удивительный народъ!“ громко сказалъ герцогъ Брауншвейгскій: „не успѣлъ онъ объявить себя республикой, какъ уже за-

говорилъ языкомъ древнихъ республиканцевъ!“ Когда Гальбо возразилъ на это, что народы властны надъ собою и имѣютъ право избирать ту форму правленія, которая болѣе другихъ способна возвеличить или охранить ихъ, герцогъ смиренно извинился за выраженія, которыя онъ употребилъ въ своемъ манифестѣ, и сказалъ, что въ немъ высказаны угрозы для того только, чтобы запугать ими народы передъ битвой, но смыслъ ихъ сумѣютъ понять умные люди. „Я не оспариваю у французской націи права устроить свои дѣла“, продолжалъ онъ: „но избрала ли она дѣйствительно ту форму правленія, которая наиболѣе соответствуетъ ея характеру? Вотъ о чемъ беспокоится и въ чемъ сомнѣвается Европа. Отправляясь во Францію, я имѣлъ только одно намѣреніе „помочь ей возстановить порядокъ“. Гальбо отвѣтилъ, что порядокъ, возстановленный иностранцами, у всѣхъ народовъ называется рабствомъ. Рѣшили дожидаться приказаній прусскаго короля относительно возвращенія Вердена. Обмѣнялись бѣглецами къ ужасу одной стороны и подозрѣнію другой. „Продолжайте оба вѣрно служить своему отечеству“, сказалъ при прощаніи герцогъ Брауншвейгскій обоимъ генераламъ: „и вѣрьте, что, несмотря на выраженія манифестовъ, нельзя не уважать воиновъ, которые способствуютъ охраненію независимости своей страны“. Верденъ былъ возвращенъ. Его занялъ генералъ Валенсъ. Гессенцы и австрійцы, входившіе въ составъ союзной арміи, разстались съ пруссаками на возвышенности Лонгви и пошли на Люксембургъ, Кобленцъ и Нидерланды, которымъ угрожалъ Дюмуре. Фактически коалиція распалась, и французская территорія была очищена.

5.

Но этого было мало. Герцогъ Брауншвейгскій, стоявшій лагеремъ у Люксембурга, просилъ у генерала Диллона свиданія для переговоровъ о мирѣ, и мѣстомъ этого свиданія назначилъ замокъ Дамбруджъ между Лонгви и Люксембургомъ. Келлерманъ, уполномоченный комиссарами Конвента, отправился на это свиданіе. Тамъ онъ встрѣтилъ герцога Брауншвейгскаго, князя Гогенлоэ, князя Рейсскаго, посла императора, и маркиза Луккезини, итальянскаго дипломата, состоявшаго на прусской службѣ. „Генералъ“, обратился къ Келлерману герцогъ Брауншвейгскій: „мы назначили вамъ это свиданіе, чтобы переговорить о мирѣ; условія мира назначьте сами“. „Признайте республику, откажитесь отъ короля и эмигрантовъ, не вмѣшивайтесь въ наши внутреннія дѣла ни прямо, ни косвенно, и тогда заключить миръ будетъ не трудно“, отвѣтилъ Келлерманъ. — „Итакъ“, сказалъ герцогъ: „каждый изъ насъ вернется къ себѣ“. — „Но кто же заплатитъ за военные издержки? гордо возразилъ Келлерманъ: — Я полагаю, что такъ какъ императоръ былъ зачинщикомъ, то австрійскіе Нидерланды должны остаться у Франціи въ видѣ вознагражденія“. Князь Рейскій, посолъ императора, движеніемъ выразилъ удивленіе свое передъ такой дерзостью. Герцогъ Брауншвейгскій сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ его. „Передайте Конвенту“, сказалъ онъ Келлерману: „что мы согласны на миръ и ему остается только назначить уполномоченнаго и мѣсто для переговоровъ“.

Такое предложеніе, сдѣланное націи, устраненной отъ какихъ бы то ни

было дипломатических сношений съ другими государствами и притомъ еще послѣ отступленія ея арміи, служило достаточнымъ свидѣтельствомъ о раскаяніи прусскаго короля въ дерзкой демонстраціи и о его намѣреніи вступить въ союзъ съ республикой. Его министръ Гаугвицъ, личный секретарь Ломбаръ, любовница графиня Лихтенау и въ особенности Луккезини, умѣвшій совѣтовать съ ловкостью придворнаго, вкрадчивостью и хитростью, — всѣ сообща старались склонить короля вступить въ переговоры. Переговоры всегда представляютъ собою огромное поле для интригъ. Луккезини, пріобрѣтавшій все болѣе и болѣе вліянія въ Пруссіи и обладавшій, какъ итальянецъ, дипломатическимъ талантомъ, естественно изыскивалъ случаи усовершенствовать его. Въ то время какъ австрійскій кабинетъ отличался нѣмецкимъ терпѣніемъ, макіавелизмъ, занесенный въ Германію Фридрихомъ, часто бывалъ отличительной чертой прусскаго кабинета. Луккезини, родившійся въ Тосканѣ и получившій воспитаніе въ Берлинѣ, съ дѣтства усвоившій дипломатическія хитрости и одаренный отъ природы способностью править и увлекать, былъ человекомъ какъ нельзя болѣе подготовленнымъ обстоятельствами къ тому, чтобы лавировать между республиканскою революціей и монархіями и впутывать Пруссію въ политику всѣхъ странъ, не связывая себя окончательно ни съ одной изъ нихъ.

Эти переговоры свидѣтельствовали о томъ, какой ужасъ вызвало отступление арміи во всей Германіи. Это отступление передъ такими неравными силами и послѣ грозныхъ манифестовъ не могло быть объяснено само собою. Оно скорѣе напоминало маневры кабинетовъ, чѣмъ военныя дѣйствія. Одно изъ двухъ: приходилось усомниться или въ военномъ геніи герцога Брауншвейгскаго или въ его искренности. Относительно его военного таланта не могло быть сомнѣнія. Искали тайныхъ причинъ его колебаній и медлительности, слишкомъ похожихъ на измѣну. Причины крайне серьезныя и глубокія дѣйствовали, повидимому, на трудно объяснимое рѣшеніе герцога Брауншвейгскаго. Герцогъ Брауншвейгскій былъ женатъ на принцессѣ Августѣ, сестрѣ Георга III, короля Англіи. Такимъ образомъ онъ являлся кліентомъ Великобританіи. Увлеченный страстной любовью отца и честолюбіемъ монарха, онъ жаждалъ выдать свою дочь за наслѣдника англійскаго престола. Питтъ, которому было извѣстно это честолюбивое стремленіе брауншвейгскаго двора, поощрялъ его. Онъ далъ понять, что бракъ этотъ можетъ быть устроенъ цѣною политическихъ и военныхъ уступокъ лондонскому кабинету. Герцогъ согласился, затянулъ войну, склонился на сторону мира и увлекъ къ тому же и короля Пруссіи. Онъ сдѣлался такимъ образомъ Улиссомъ коалиціи, которая назначала его быть своимъ Агамемнономъ. Его хитрости погубили тотъ успѣхъ, который сулило завоевать его оружіе.

6.

Въ то время какъ эти неопредѣленные переговоры раздражали Австрію и пріучали Прирейнскую Германію къ мысли о скоромъ братскомъ союзѣ съ Франціей, побѣдоносная, но несвоевременная отвaga одного французскаго генерала покрыла славою оружіе республики, встревожила Пруссію и заставила эту колебавшуюся еще до сихъ поръ державу объявить Франціи войну. Мы говоримъ о походѣ Кюстина.

Графъ Адамъ-Филиппъ де-Кюстинъ принадлежалъ къ числу генераловъ старой арміи, которые отправились въ Америку подышать чистымъ воздухомъ свободы и вернулись вмѣстѣ съ Лафайетомъ республиканцами въ души, хотя были аристократами по крови. Полу-нѣмецъ, такъ какъ родился въ Мецѣ, потомокъ знаменитаго рода, владѣвшій огромнымъ состояніемъ, онъ уже въ 21 годъ былъ драгунскимъ полковникомъ и ученикомъ Фридриха Великаго въ его послѣднихъ войнахъ, фанатическимъ поклонникомъ прусской тактики и суровымъ ревнителемъ дисциплины; онъ съ восторгомъ видѣлъ, что революція, раздѣливъ Европу на два лагеря, предоставляла военнымъ людямъ его чина и таланта возможность, спасая отечество, сравняться съ героями древности. Кромѣ того, Кюстинъ вносилъ въ свои отношенія къ республикѣ тотъ почти мистическій энтузіазмъ, который придаетъ германскій темпераментъ каждому убѣжденію. Для него революція была высшимъ идеаломъ, къ которому должны стремиться все народы, и онъ считалъ счастьемъ для Франціи, что она носитъ на своихъ штыкахъ знамя этого идеала. Его личная храбрость сочетала въ себѣ нѣмецкое спокойствіе и французскую веселость. Пальба была его стихіей, конь служилъ ему ложемъ, атака—отдохновеніемъ. Однажды пуля разорвала депешу, которую читалъ ему его адъютантъ Барагэ-д'Иллэ, ѣхавшій рядомъ съ нимъ подъ выстрѣлами. Адъютантъ взглянулъ на генерала и остановился. „Продолжайте“, сказалъ Кюстинъ:— „пуля по всей вѣроятности оторвала одно только слово“.

Выбранный дворянствомъ Меца въ члены Учредительнаго собранія, Кюстинъ съ перваго же дня сталъ на сторону народа. Въ началѣ войны онъ служилъ подъ начальствомъ Бирона на сѣверѣ и на Рейнѣ. Получивъ наконецъ постъ 10-го августа назначеніе командовать войсками, онъ уже негодовалъ на эту лагерную войну, которая давала такъ мало возможности развернуться таланту и прославиться. Онъ считалъ, что передвиженіе составляетъ главную часть военнаго искусства и вмѣсто того, чтобы дожидаться успѣховъ революціи на границахъ, Франція должна попытаться счастья на территорияхъ и въ столицахъ своихъ непріятелей. Рожденный быть генераломъ, подобно Дюмуре, онъ такъ же, какъ Наполеонъ, предугадалъ революціонную войну.

Биронъ командовалъ въ Эльзасѣ сорокапяти-тысячной арміей. Онъ ожидалъ еще изъ восточныхъ и южныхъ департаментовъ двадцать тысячъ волонтеровъ, разсыянныхъ въ Рейнской долинѣ. Это войско раздѣлилось на нѣсколько небольшихъ лагерей, пригодныхъ для развѣдокъ, но неспособныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Австрійцы и эмигранты, подъ начальствомъ Эрбаха, Эстергази и принца Конде, растянулись цѣпью; у нихъ не было ни единодушія, ни сплоченности; занявъ Бризгау, они забыли укрѣпить Майнцъ, ключъ Германіи.

Кюстинъ сразу замѣтилъ, какую брешь онъ могъ бы сдѣлать въ этихъ провинціяхъ. Онъ стоялъ лагеремъ подъ Ландау съ семнадцатитысячнымъ войскомъ. Въ Парижѣ онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ предводителями якобинской партіи, тогда какъ Дюмуре опирался на жирондистовъ; Кюстинъ былъ увѣренъ, что клубы охотно простятъ ему его рискованное предпріятіе, которое гораздо болѣе удовлетворяло ихъ нетерпѣнію, чѣмъ обдуманная медлительность Дюмуре. Онъ мечталъ о подвигѣ, о славѣ, которой покроетъ его

иния внезапное вторженіе, о популярности, которую приобрѣтетъ война благодаря взятію нѣсколькихъ иностранныхъ столицъ, объ ужасѣ, которымъ проникнется Германія вслѣдствіе нанесеннаго ей такъ издалека удара, о распространеніи республиканскихъ идей, втайнѣ бродящихъ въ курфиршествахъ и готовыхъ вспыхнуть отъ первой французской картечи.

Одна неосторожная выходка непріятеля заставила Кюстина принять окончательное рѣшеніе. Графъ Эрбахъ, командовавшій десяти тысячамъ австрійцевъ, стоявшихъ противъ французской арміи, получилъ приказъ занять мѣсто корпуса принца Гогенлоэ подѣ Тюнвиллемъ. Благодаря этому передвиженію, Спирь, гдѣ находился складъ военныхъ припасовъ союзниковъ, остался почти безъ прикрытія; его защищали только тысяча австрійцевъ и двѣ тысячи майнцкихъ солдатъ подѣ командою полковника Винкельмана. Кюстинъ устремился на Спирь; Винкельманъ тщетно пытался отстоять городъ съ своими тремя тысячами войска. Артиллерія Кюстина разбила защитниковъ города. Они отступили къ Рейну, гдѣ Винкельманъ заранѣе заготовилъ суда для переправы черезъ рѣку. Лодочники, испуганные выстрѣлами, побросали лодки и бѣжали на противоположный берегъ. Окруженные французами и прижатые къ рѣкѣ Винкельманъ и его три тысячи солдатъ должны были сдаться въ плѣнъ. Это былъ самый блестящій успѣхъ французовъ со времени объявленія войны. Кюстинъ занимаетъ Спирь, захватываетъ боевые и продовольственные припасы непріятеля, идетъ на Вормсъ и оглашаетъ громомъ своихъ побѣдъ трибуну Конвента и клубы якобинцевъ по всей странѣ. Революція, которой больше говорятъ имена завоеванныхъ городовъ, нежели обширные и мудрые планы Дюмуре, провозглашаетъ Кюстина главой завоеванныхъ имъ городовъ. Въ три дня имя его приобрѣло такую популярность, на достиженіе которой въ другомъ случаѣ потребовалась бы цѣлая жизнь. Его самого оцѣняетъ этотъ шумъ, который доходитъ до него черезъ якобинцевъ. Онъ не хочетъ ни подчиняться, ни вести военные дѣйствія совмѣстно съ Бирономъ и Келлерманомъ, онъ идетъ одинъ на Пфальцъ и уже мечтаетъ о взятіи Майнца. Пропаганда раньше пушекъ открыла ему городскія ворота.

Въ этой части Германіи почва была уже подготовлена отчасти французскою философіею, а отчасти недовольствомъ правленіемъ духовныхъ князей, которые владѣли ею. Духовные правители и феодальная аристократія вызвали усиленную ненависть народа къ двойному господству. Отголоски съ французскихъ трибунъ взволновали умы нѣмецкаго юношества въ университетахъ. Всѣ симпатіи были на сторонѣ Франціи. Служить дѣлу революціи значило для нѣмецкихъ мыслителей служить человѣчеству. Идти противъ властителей, этихъ тирановъ просвѣщенныхъ умовъ и простого народа—значило вывести изъ рабства человѣческій разумъ и отстаивать свободу. Даже быть завоеваннымъ не считалось униженіемъ, потому что завоеваніе несло съ собою освобожденіе. Трехцвѣтное знамя повсюду сдѣлалось знаменемъ философовъ. Такое настроеніе умовъ должно было встрѣтить Кюстинъ въ Пфальцѣ.

Князя Швабскій и Франконскій, кромѣ архіепископа Тревскаго, зная такое настроеніе умовъ своихъ народовъ, держались до сихъ поръ относительно Франціи благоразумнаго нейтралитета. Курфирстъ баварскій, герцогъ виртем-

бергскій и маркграфъ баденскій запретили въ своихъ владѣнїяхъ собираться эмигрантамъ. Архіепископъ-курфирстъ майнцскій предоставилъ свои войска въ распоряженіе императора. Его правленіе, болѣе гуманное, нежели правленіе сосѣднихъ князей, было менѣе ненавистно народу. Но Майнцъ, вполнѣ духовный городъ, нѣчто въ родѣ нѣмецкаго Рима, гдѣ праздное духовенство жило въ роскоши и полномъ упадкѣ нравовъ, болѣе всѣхъ другихъ столицъ подавалъ поводъ къ нападкамъ на господство церкви, и народъ жаждалъ тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо сверженія верховной власти. Едва Кюстинъ вступилъ въ германскіе предѣлы между Мозелемъ и Рейномъ, какъ въ главную его квартиру явились сторонники новыхъ идей, чтобы сообщить французскому генералу о желаніи народа и нѣмецкихъ патріотовъ-революціонеровъ завязать сношенія съ его арміей.

Полковникъ Гушаръ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, весь покрытый шрамами отъ ранъ, былъ посланъ потребовать отъ губернатора сдачи Майнца, и онъ угрожалъ, что въ случаѣ сопротивленія городъ будетъ подвергнутъ бомбардировкѣ. „Выбирайте“, писалъ Кюстинъ: „смерть или братство. Мой долгъ по отношенію къ славѣ моей республики, стремящейся къ уничтоженію тирановъ, не насиловать долѣе пыла моихъ солдатъ“. Майнцъ требовалъ признанія его нейтральнымъ въ награду за сдачу. Кюстинъ отказался общать что-либо отъ имени республики, но поклялся, что Франція не хочетъ иныхъ завоеваній, кромѣ свободы народовъ. Ворота Майнца открылись передъ нимъ.

7.

Взятіе Майнца надѣлало столько шума въ Германіи и въ лагерѣ прусскаго короля, какъ будто сама Германія была разрушена. Кюстинъ, преувеличивъ въ своихъ отчетахъ Конвенту препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть силой оружія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ побѣдилъ ихъ скорѣе переговорами нежели осадой, довелъ до ослѣпленія восторгъ яacobинцевъ отъ его военныхъ подвиговъ, хотя въ дѣйствительности это было торжество нашихъ идей, а не его оружія. Онъ вступилъ въ Майнцъ скорѣе какъ апостолъ, чѣмъ какъ генералъ, и раздулъ тамъ революціонный очагъ, при помощи котораго намѣревался зажечь всю Германію. Потерявъ голову отъ гордости своими побѣдами, онъ упустилъ изъ виду, что необходимо овладѣть Кобленцомъ и грозной крѣпостью Эрэнбрейтштейномъ, въ то время плохо вооруженной. Это упущеніе Кюстина помѣшало Франціи воспользоваться плодами идеи Дюмуре — уничтожить всю армію сразу или взять ее въ плѣнъ. Въмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту своего главнаго штаба, указывавшаго ему на Эрэнбрейтштейнъ и Кобленцъ, какъ на Кавдинское ущеліе союзниковъ, Кюстинъ, прельщенный большими контрибуціями, которыя онъ могъ взять съ Франкфурта, какъ средоточія коммерческихъ сокровищъ Германіи, занялъ этотъ городъ. Безъ всякаго объявленія войны, 22-го октября, одинъ изъ офицеровъ Кюстина явился во главѣ авангарда передъ Франкфуртомъ и потребовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Городскія власти вступили въ переговоры и уступили силѣ. Кюстинъ взялъ съ города контрибуцію въ размѣрѣ четырехъ милліоновъ. Нейтральный и республиканскій городъ Франкфуртъ не подаль къ такому насилію никакого повода

кромѣ своей слабости. Эта добыча повредила популярности нашихъ войскъ по ту сторону Рейна.

Занявъ Франкфуртъ, Кюстинъ направилъ свои отряды и прокламаціи противъ владѣній ландграфа Гессенскаго. „Народы Германіи“, писалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ французскій генералъ: „высказывайтесь! пусть союзъ двухъ націй будетъ грознымъ примѣромъ для всѣхъ деспотовъ и угѣбительной надеждой для народовъ, изнывающихъ подъ гнетомъ тирановъ! А тебя, чудовище!“ писалъ онъ, обращаясь къ монарху: „чудовище, надъ головою котораго уже столько времени собираются проклятія германскаго народа, подобно чернымъ тучамъ, предвѣстницамъ бури, — тебя твои солдаты, трудами которыхъ ты злоупотреблялъ, предадутъ справедливой мести французамъ! Ты не уйдешь отъ нихъ. Возможно ли, чтобы нашелся народъ, который далъ бы убѣжище такому тирану, какъ ты?“ Это гремѣла трибуна якобинцевъ по ту сторону Рейна устами французскаго генерала. Кюстинъ, благодаря своей смѣлости, рѣчамъ и воинственной вѣщности, являлся вооруженнымъ распространителемъ республиканскихъ идей. Грабежъ Франкфурта лишилъ его рѣчи ихъ увлекательности. Германія, раскрывшая объятія освободителю, не хотѣла принять ни завоевателя, ни тѣмъ болѣе грабителя. Энтузіазмъ, зажженный французскими ученіями, былъ растоптанъ ногами солдатъ. Пруссскій король, справедливо встревоженный вторженіемъ французской арміи въ Германію, отказался отъ мысли выйти изъ коалиціи и вступить въ переговоры о мирѣ съ Франціей. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, также возмущеннымъ дерзкимъ поступкомъ съ владѣтельными князьями. Пятьдесятъ тысячъ пруссаковъ и гессенцевъ, наскоро собранныхъ, сосредоточились на правомъ берегу Лана, чтобы дѣйствовать противъ Кюстина и освободить Франкфуртъ.

8.

Вся имперія была потрясена. Республиканскія прокламаціи Кюстина и декретъ Конвента казались нѣмецкимъ князьямъ объявленіемъ войны. Сеймъ единодушно отвѣтилъ на нихъ объявленіемъ войны Франціи. Онъ увеличилъ наборъ въ три раза со ста двадцати тысячъ человѣкъ. Въ качествѣ курфирста бранденбургскаго, король прусскій объявилъ три дня спустя, что пошлетъ на Рейнъ вторую армію. Узнавъ, что противъ него соединились нѣмецкіе монархи, Кюстинъ, всемогущій въ Конвентѣ благодаря якобинцамъ, добивается, чтобы былъ отданъ приказъ Вирону прислать ему изъ Эльзаса подкрѣпленіе изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Въ это же время и Вёрнонвиль, смѣнившій Келлермана на Мозелѣ, получаетъ распоряженіе отправиться на помощь Кюстину черезъ курфиршество Триевское. Пока эти мѣры приводятся въ исполненіе, прусская армія и одинъ изъ французскихъ отрядовъ располагаются въ боевомъ порядкѣ подъ стѣнами Франкфурта, какъ бы оспаривая другъ у друга эту добычу. Двѣ тысячи человѣкъ, оставленныхъ въ городѣ, выжидаютъ въ бездѣйствіи. Идутъ приготовленія къ битвѣ, но бранденбургскій курфистъ, командующій пруссаками и гессенцами, продолжаетъ втихомолку вести переговоры и предупреждаетъ рѣшительный ударъ. Молодой дипломатъ Филиппъ де-Кюстинъ, сынъ главнокомандующаго, имѣетъ тайное свиданіе съ герцогомъ Кёнигштейнскимъ. Герцогъ и дипломатъ

уже давно знали другъ друга. Годъ назадъ молодой Кюстинъ передалъ герцогу Брауншвейгскому предложеніе принять на себя командованіе французскими войсками. И тотъ и другой умѣли скрывать свои тайныя мысли подъ маскою официальности. Серьезныя обязательства не входили въ планы герцога Брауншвейгскаго. Кюстинъ, болѣе осторожный дипломатъ, нежели его отецъ, подобно Дантону и жирондистамъ, хотѣлъ сохранить возможность примиренія между Пруссіей и республикой. Результаты этого свиданія свидѣтельствуютъ объ образѣ мыслей обоихъ посредниковъ.

Французы отступили отъ Франкфурта. Это отступленіе безъ боя съ добровольно избраннаго ими и укрѣпленнаго поля сраженія объясняется какъ результатъ тайныхъ переговоровъ. Прусскій король, всегда стоявшій на сторонѣ мира съ Франціей, избѣгалъ только сдѣлать лишній шагъ навстрѣчу заключенія мира, чтобы не показаться измѣнникомъ государей и Германіи; французы щадили его даже въ то время, когда сражались противъ него.

9.

До сихъ поръ Англія покровительствовала революціонному движенію во Франціи. Англійскій народъ и британское правительство, повидимому, одинаково желали свободы конституціи въ Парижѣ: англійскій народъ потому, что любовь къ свободѣ свойственна его натурѣ, и онъ близко принимаетъ къ сердцу народное дѣло каждой націи. Британское же правительство хотѣло конституціи потому, что свобода заразительна и примѣръ Франціи могъ увлечь весь континентъ, и это открыло бы Англіи болѣе широкое поприще къ дипломатическому вмѣшательству въ дѣла Европы. Лондонскій кабинетъ радовался отчасти изъ чувства національной мести при видѣ волненій въ Парижѣ, затрудненій, въ которыя былъ поставленъ тронъ, и быстрого паденія дома Бурбоновъ. Помимо продолжительнаго соперничества, которое въ теченіе трехъ вѣковъ дѣлало изъ Англіи и Франціи два противовѣса міра, даже по свойству человѣческой природы Лондонскій кабинетъ съ удовольствіемъ увидалъ паденіе Людовика XVI, какъ государя, который оказалъ помощь Америкѣ въ войнѣ за независимость.

Къ этимъ причинамъ тайнаго удовольствія англійскаго кабинета присоединился и страхъ, который внушалъ англичанамъ французскій флотъ, плававшій въ моряхъ, омывающихъ англійскія владѣнія въ Восточной Индіи. Французскій флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе во все время революціоннаго кризиса, который удержитъ всѣ силы и финансы Франціи на континентѣ. Но до сихъ поръ Лондонскій кабинетъ сохранялъ наблюдательное положеніе и нейтралитетъ, скорѣе благопріятный, нежели враждебный революціи. Такое положеніе ему подсказывалъ не только страхъ, чтобы союзныя государства на континентѣ не восторжествовали безъ Англіи надъ Франціей и не вычеркнули ее изъ карты народовъ, но оно предписывалось ей и общественнымъ мнѣніемъ, которое въ свободныхъ странахъ сильнѣе государей и въ данномъ случаѣ громко поднимало голосъ за народъ противъ низвергнутыхъ самовластія монархіи и церкви. Ненависть къ католицизму была такъ же популярна въ Англіи, какъ и любовь къ политической свободѣ. Этотъ народъ-мыслитель смотрѣлъ на революцію какъ на дѣло Божіе и человѣческаго разума, дававшее свободу вѣроисповѣданія и

мысли. Англійская аристократія послѣ смерти короля начала брататься съ французскими эмигрантами. Въ британскомъ парламентѣ образовались двѣ партіи.

Представителями этихъ двухъ партій, состязавшимися въ краснорѣчіи въ парламентѣ, были: Питтъ и Фоксъ. Третій ораторъ, столь же могущественный благодаря своему гению, перу и краснорѣчію, нѣкоторое время не примыкалъ ни къ той, ни къ другой партіи; онъ началъ держаться въ сторонѣ отъ народа съ тѣхъ поръ, какъ народъ запятналъ себя анархизмомъ и кровью, и наконецъ примкнулъ къ аристократіи и роялизму. Это былъ Воркъ. Въ странахъ дѣйствительно свободныхъ вліяніе личности настолько велико, что эти три человѣка волновали и успокаивали Англію однимъ измѣненіемъ направленія своихъ мыслей.

10.

Питтъ, которому въ то время было тридцать три года, уже въ теченіе десяти лѣтъ управлялъ своей страной. Онъ былъ сынъ лорда Чатама, самаго краснорѣчиваго изъ государственныхъ дѣятелей послѣдняго столѣтія, и наследовалъ отъ отца его блестящія способности. Въ то время какъ первый Чатамъ умѣлъ увлекать, второй обладалъ даромъ управлять людьми. Менѣе краснорѣчивый, чѣмъ отецъ, зато умѣвшій убѣждать и управлять, Питтъ болѣе чѣмъ кто-либо олицетворялъ собою ту гордую и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливую и цѣльную волю господствовавшей аристократіи, защищающей свои права и добивающейся своего величія съ упорствомъ, какимъ нѣкогда отличался римскій сенатъ. Питтъ сталъ во главѣ правительства въ одну изъ тѣхъ отчаянныхъ минутъ, когда честолюбіе, ищущее власти, можетъ быть уподоблено патріотизму, бросающемуся на проломъ, чтобы погибнуть или спасти отечество. Англія достигла послѣдней степени истощенія и униженія. Она только что подписала постыдный миръ съ Европою. Французы явились ея соперниками въ Индіи; Америка ускользала изъ ея рукъ; наша эскадра оспаривала у нея власть на морѣ; большинство въ нижней палатѣ, развращенное предшествовавшими министерствами, не обладало ни достаточнымъ патріотизмомъ, чтобы самому спасти себя, ни необходимой дисциплиной, чтобы признать кого-нибудь своимъ главой. Питтъ, которому не удалось привлечь его на свою сторону, имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу, и ему посчастливилось побѣдить его при помощи воззванія къ народу. Новая палата подчинилась его власти. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ успокоилъ Индію, возобновилъ торговыя отношенія съ Америкой и подчинилъ ее вліянію англійской дипломатіи, усмирилъ волненіе умовъ въ Ирландіи, поправивъ состояніе финансовъ, заключилъ съ Франціей торговый договоръ, по которому половина Европы должна была допустить къ употребленію у себя англійскіе товары, наконецъ освободилъ Голландію отъ протектората Франціи и при помощи ея утвердилъ вліяніе британской политики на материкѣ. Благодарная страна рукоплескала ему за его управленіе; всѣ относились съ полнымъ довѣріемъ къ человѣку, поднявшему страну, павшую такъ низко. Личныя чувства Питта къ французской революціи, хотя не одобрявшаго народныхъ вол-

ней, какъ опасныхъ для государственныхъ дѣятелей, пока еще ничѣмъ не проявлялись въ его политикѣ. Страсти никогда не омрачали его разума, или, вѣрнѣе, онъ сосредоточилъ всѣ страсти въ одной—жаждѣ величія своей страны. Георгъ III, другъ Людовика XVI, никогда не дозволилъ бы своему министерству объявить войну Франціи въ тотъ моментъ, когда война могла бы осложнить и безъ того стѣсненное положеніе любимого имъ короля. Неправда, что Англія при помощи золота вызвала революціонные беспорядки во Франціи: французская партія свободы, даже находясь въ самомъ отчаянномъ положеніи, не приняла бы поддержки Англіи. Георгъ III, лордъ Стаффордъ, канцлеръ Тюрловъ и даже самъ Питтъ съ негодованіемъ отказались бы отъ принятія такихъ позорныхъ мѣръ противъ монарха, воюющаго съ своимъ народомъ. Но Питтъ, изъ состраданія къ Людовику XVI, не упустилъ бы ни одного благоприятнаго момента, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для блага своего народа. Онъ предвидѣлъ этотъ моментъ, онъ предчувствовалъ болѣе или менѣе близкое крушеніе трона, власть котораго была поколеблена столь необузданными страстями. Онъ зналъ, что догматы Французской революціи внушили королю и большей части англійской аристократіи страхъ и отвращеніе. Онъ приготавлился къ войнѣ въ ожиданіи того часа, когда часъ этотъ для нея пробьетъ, по мнѣнію самого короля; онъ не хотѣлъ ни приблизить, ни отдалить его. Часъ этотъ приближался. Боркъ уже возвѣстилъ его наступленіе въ парламентѣ.

Мы видѣли уже, что приверженцы конституціи и жирондисты Бриссо и Нарбоннѣ, руководимые одной и той же мыслью, отправили де Талейрана въ Лондонъ, чтобы, напомнивъ о революціи 1688 года, предложить Питту возобновить торговый договоръ 1786 года. Такой цѣной Людовикъ XVI, приверженцы конституціи и жирондисты надѣялись купить если не союзъ, то по крайней мѣрѣ нейтралитетъ англійскаго кабинета. Этимъ двумъ партіямъ,—сторонникамъ конституціи и жирондистамъ, желавшимъ въ то время войны съ континентомъ, чтобы привлечь бурю, угрожавшую парижской конституціи, на границы Франціи,—необходимъ былъ нейтралитетъ Англіи. Для переговоровъ съ Питтомъ они выбрали среди аристократіи самаго обольстительнаго дипломата изъ всѣхъ умѣренныхъ приверженцевъ революціи. Этотъ выборъ, одобренный г-жой Сталь, былъ удаченъ.

11.

Талейранъ въ то время только что выступилъ на то поприще, на которомъ онъ затѣмъ подвизался въ теченіе болѣе полустолѣтія и которое онъ не покинулъ до самой своей смерти. Ему въ то время было тридцать восемь лѣтъ. Лицо его было нѣжное, съ тонкими чертами, а въ голубыхъ глазахъ его проглядывали проницательность и ясный, но холодный умъ и душевное спокойствіе, не смущаемое никогда и никакими волненіями. Онъ былъ высокаго роста и прекрасно сложенъ и даже его физическій недостатокъ почти не портилъ его наружности. Онъ хромалъ, но этотъ недостатокъ придавалъ какъ бы умышленную медлительность его походкѣ—такъ искусно онъ умѣлъ придавать прелесть даже самымъ недостаткамъ природы. Только хромота помѣ-

шала ему вступить на военное поприще, куда онъ имѣлъ полный доступъ благодаря своему знатному происхожденію. Умъ оставался у него единственнымъ средствомъ составить себѣ имя. Онъ отшлифовалъ его, заострилъ и научился владѣть вполне этимъ оружіемъ, чтобы одерживать посредствомъ него побѣды на поприщѣ честолюбія. Въ голосѣ его слышались серьезные, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжныя, глубоко затрагивающія душу нотки. Слушая его, казалось, что этотъ человѣкъ лучше всѣхъ другихъ найдетъ путь къ сердцу властителей, народовъ, трибунъ, женщинъ, императоровъ, королей. Его сардоническая улыбка очаровывала всѣхъ; она, казалось, говорила, что этотъ человѣкъ умѣетъ, увлекая людей, заставлять исполнять ихъ свои желанія и управлять ими.

Происходя изъ рода, который до объединенія Франціи владѣлъ одною изъ провинцій, служащихъ теперь ея украшеніемъ, Талейранъ былъ предназначенъ къ духовной карьерѣ, такъ какъ считали унижительнымъ, чтобы онъ занялъ мѣсто при дворѣ, и отъ церкви онъ долженъ былъ ждать высшихъ должностей—епископа и кардинала.

Епископъ г. Отёна, воздвигнутаго на развалинахъ древняго римскаго города въ лѣсахъ Бургундіи, молодой прелатъ, пренебрегая своими епископскими обязанностями, жилъ въ Парижѣ среди распущенности и увеселеній, на которыя большинство духовныхъ лицъ его возраста и положенія расточали огромные церковные вклады. Другъ Мирабо, состоящій въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми философами, предугадывалъ наступленіе въ близкомъ будущемъ революціи, первый взрывъ которой сокрушитъ религію, служителемъ которой онъ являлся, а потому онъ началъ изучать политику, долженствовавшую призвать всѣ выдающіеся умы къ уничтоженію существующаго порядка и къ возведенію на его развалинахъ новаго государства.

Выбранный членомъ Учредительнаго собранія, онъ весьма кстати, хотя и осторожно отказался отъ погибшихъ вѣрованій и перешелъ на сторону силы и будущаго. Онъ понималъ, что аристократическое имя и демократическія воззрѣнія имѣютъ двойную силу, и что ихъ нужно искусно соединить въ своемъ лицѣ, чтобы импонировать однимъ своимъ высокимъ положеніемъ, а другимъ—своимъ образомъ мыслей. Онъ отказался отъ своего духовнаго сана, какъ отъ непріятнаго воспоминанія и стѣсняющей одежды. Онъ старался проникнуть въ революцію окольнымъ путемъ. Умъ его, застѣнчивый и не обладавшій широтой, былъ смѣлѣе только въ кабинетѣ, создавая выжидательные планы, и не давая ему возможности выступить на трибунѣ, гдѣ въ то время раздавались блестящія рѣчи. Талейранъ вступилъ на дипломатическое поприще, гдѣ постоянно царить ловкость и хитрость. Дружба умирающаго Мирабо бросила на Талейрана одинъ изъ тѣхъ посмертныхъ отблесковъ, которые великіе люди оставляютъ на всѣхъ, кто только приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. Его многозначительное молчаніе, подобно молчанію Сіеса, внушало уваженіе къ его личности всему собранію. То было могущество неизвѣстнаго, привлекательность загадки для людей, любящихъ отгадывать. Талейранъ умѣлъ превосходно пользоваться этимъ своимъ положеніемъ. Слова его только изрѣдка и отчасти открывали его мысль. Умъ его отъ этого казался только глубже. Недомолвки—краснорѣчіе сдержанности. Таково было и краснорѣчіе Талейрана.

Его мнѣнія часто выражали только извѣстные положенія; его истины были не что иное, какъ его мнѣнія. Онъ относился безразлично, какъ доказала вся его жизнь, и къ королевской власти, и къ республикѣ, и къ королямъ и къ народнымъ учрежденіямъ, къ правамъ и обязанностямъ правительствъ; правительства, въ его глазахъ, были только видоизмѣняемая форма, въ которую облекается духъ времени или нація, чтобы осуществить ту или иную фазу своего существованія. Монаршая власть, народныя собранія, Конвентъ, консульство, реставрація и перемѣна династій,—все это было для него не болѣе какъ игра случая. Онъ служилъ имъ только до тѣхъ поръ, пока имъ покровительствовало счастье. Мысленно онъ готовилъ себѣ роль баловня судьбы, и дѣйствительно, онъ всегда былъ тамъ, гдѣ была удача. Онъ служилъ сильнымъ, презиралъ неудачниковъ, покидалъ несчастныхъ. Эта теорія въ теченіе пятидесяти лѣтъ давала ему возможность занимать выдающееся положеніе, дѣлала его предтечею успѣха, выносила его на поверхность послѣ всѣхъ крушеній и помогала переживать погромы. Эта система ставитъ государственнаго дѣятеля, придавая ему видъ сверхъестественнаго равнодушія, выше измѣнчивости событій и онъ, благодаря ей, какъ бы господствуетъ надъ тѣмъ, что его возвеличило.

Это не болѣе какъ софизмъ истиннаго величія ума. Это видимое издѣвательство надъ событіями должно начинаться съ отреченія отъ самого себя. Ибо для того, чтобы взять на себя эту роль равнодушія ко всѣмъ превратностямъ судьбы, человѣкъ долженъ отказаться отъ того, что составляетъ величіе его характера и ума: измѣнить своимъ привязанностямъ и искренности своихъ убѣжденій, то-есть отказаться отъ лучшей части своего сердца и ума. Служить всѣмъ идеямъ—значитъ не признавать ни одной. Чему въ этихъ случаяхъ служить подъ именемъ идеи? Своему честолюбію. Эти люди льстецы, а не помощники Провидѣнія. Однако съ самаго начала революціи Талейранъ понялъ, что главная цѣль ея—миръ, и оставался вѣренъ этой цѣли до конца своей жизни.

12.

Вслѣдствіе постановленія Народнаго собранія, воспрещавшаго членамъ своимъ принимать на себя должности исполнительной власти до истеченія четырехлѣтняго срока по выходѣ изъ состава его,—Талейранъ не могъ быть назначенъ официально посредникомъ при переговорахъ. Официальныя вѣрительныя грамоты были вручены де-Шовелену, паредворцу, сдѣлавшемуся популярнымъ благодаря своимъ нападкамъ на дворъ; но секретныя инструкціи, дѣла и полномочія были переданы Талейрану. Конфиденціальное письмо, написанное рукою Людовика XVI королю Англіи Георгу III, гласило: „Новыя отношенія должны установиться между нашими государствами. Два короля, отмѣтившіе свое царствованіе постояннымъ стремленіемъ сдѣлать свои народы счастливыми, должны заключить союзъ, который будетъ крѣпнуть по мѣрѣ того, какъ выгоды такого союза для націй сдѣлаются очевидными“. Талейранъ былъ представленъ Питту. Онъ пустилъ въ ходъ все, что только могъ придумать хитрый и ловкій льстецъ для того чтобы склонить великаго человѣка къ заключенію союза, который онъ хотѣлъ навязать ему. Онъ съ воодушевленіемъ рисовалъ ему славу государственнаго человѣка, которому потомство будетъ обязано

примиреніемъ двухъ народовъ, отъ которыхъ зависить миръ и война“. Питтъ слушалъ его хотя благосклонно, но съ недобѣріемъ. „Этотъ государственный мужъ будетъ очень счастливъ, отвѣтилъ онъ юному французскому дипломату со вздохомъ:—хотѣлось бы мнѣ быть еще министромъ въ то время!“—Неужели господинъ Питтъ считаетъ это время еще такимъ далекимъ? возразилъ Тайлеранъ. Питтъ задумался. „Это зависить отъ того, отвѣтилъ онъ:—когда кончится ваша революція и наступить конститущія“. Питтъ далъ ясно понять Талейрану, что англійскій кабинетъ не захочетъ компрометировать себя заключая союзъ въ самый разгаръ революціи, вспышки которой, слѣдую одна за другой, не давали никакихъ гарантій къ выполненію принятыхъ на себя обязательствъ. Тайлеранъ, вернувшись во Францію, передалъ мнѣніе Питта жирондистскому министерству Ролана и Дюмурье, только что смѣнившему Нарбонна и де-Лессара. Дюмурье послалъ Талейрана снова въ Лондонъ, чтобы просить Англію быть посредницей между императоромъ и Франціей. Въ этотъ разъ Талейранъ и Шовеленъ сдѣлались не только докучливы, но отнеслись даже подозрительно къ Питту. Послѣдній замѣтилъ, что французскіе уполномоченные одновременно вели переговоры съ нимъ о соглашеніи съ Франціей, а съ главами оппозиціонной партіи о возмущеніи Англіи. Министерскія газеты громко обвиняли ихъ въ томъ, что они находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фоксомъ, лордомъ Греемъ и даже съ Томасомъ Пэнномъ и демагогомъ Торнъ-Гукомъ, основателемъ народной партіи, которая нападала не только на министровъ, но даже на аристократію, на собственниковъ, церковь, на духъ государственнаго устройства Великобританіи и на самый строй общества.

Тщетно Фоксъ, соперникъ Питта на трибунѣ, человѣкъ способный скорѣе возбуждать народъ своими словами, нежели руководить имъ, старался въ своихъ рѣчахъ о французской революціи, достигавшихъ даже до трона Георга III, оправдать движеніе въ Парижѣ; тщетно старался онъ объяснить, что свобода Франціи солидарна съ британской свободой, народъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него, чтобы примкнуть къ Питту. Доводы Фокса, имѣвшіе болѣе сторонниковъ въ уличной толпѣ, нежели въ Нижней палатѣ, нашли поддержку только въ меньшинствѣ, состоявшемъ изъ пятидесяти или шестидесяти голосовъ. 20-е іюня и 10-е августа одно за другимъ отвѣтили на его обѣщанія основать конституціонную свободу во Франціи и заставили содрогнуться многочисленную народную партію, желавшую конституціи. Лордъ Гоуеръ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, былъ отозванъ тотчасъ же послѣ низверженія Людовика XVI подъ предлогомъ, что его полномочія потеряли силу съ паденіемъ того монарха, къ которому онъ былъ акредитованъ. На пребываніе Талейрана и Шовелена въ Лондонѣ Питтъ смотрѣлъ только какъ на проявленіе крайней терпимости со стороны своего правительства. Сентябрскіе дни, отмѣченные кровью въ сочиненіяхъ и рѣчахъ Борка, придали мрачную окраску рѣчамъ Фокса. Миръ и союзъ съ Франціей казались англійскому народу сообщничествомъ въ этихъ безнаказанныхъ убійствахъ. Плѣвъ короля, королевъ и двухъ дѣтей, неповинныхъ ни въ какомъ преступленіи, возбуждалъ ужасъ и состраданіе. Судъ надъ королевемъ, совершенный вопреки всѣмъ законамъ и безъ присяжныхъ, привлекъ на сторону Питта сочувствіе всего общества.

Король былъ казнень. Ужась объялъ всѣхъ государей; всѣ народы съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣли на этотъ святотатственный поступокъ съ королевъ, власти котораго приписывали божественное происхожденіе. Когда прѣѣхалъ курьеръ, привезшій эту роковую вѣсть въ Лондонъ, Шовелень получилъ приказаніе покинуть Англію въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ. Запрошенный оппозиціонной партіей относительно поводовъ къ такому изгнанію изъ свободной Англіи, Питтъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Послѣ событій, которыхъ нельзя себѣ представить безъ ужаса и съ тѣхъ поръ, какъ власть во Франціи попала въ руки адской крамолы, мы не могли допустить дальнѣйшаго пребыванія де Шовелена, потому что не было тѣхъ средствъ подкупа, къ которымъ не прибѣгалъ бы де Шовелень лично или чрезъ своихъ согладатаевъ, чтобы соблазнить народъ и возмутить его противъ правительства или законовъ нашей страны“. Марэ, который долженъ былъ высадиться въ тотъ день въ Дувръ, получилъ приказаніе уѣхать обратно, не заѣзжая въ Лондонъ. Талейранъ, не имѣвшій официальныхъ полномочій французскаго правительства и не подавшій поводовъ Питту къ тѣмъ подозрѣніямъ, которые навлекъ на себя Шовелень, остался въ Лондонѣ и держалъ въ своихъ рукахъ послѣднюю нить сношеній.

Шовелень, вернувшись въ Парижъ, распространилъ тамъ слухъ о сильномъ броженіи въ англійскомъ народѣ; онъ говорилъ, что, по знаку республиканскихъ обществъ, весь народъ въ Лондонѣ возстанетъ въ тотъ день, когда Питтъ дерзнетъ объявить войну Франціи, и что Георгъ III не будетъ въ безопасности даже въ собственномъ дворцѣ. Бриссо, довѣряя Шовелену, взомель на трибуну Конвента и началъ говорить отъ имени дипломатическаго комитета. Онъ думалъ смутить Питта, объявивъ ему, что имѣющая разразиться война освободитъ Ирландію отъ ига Англіи. Не слушая совѣтовъ болѣе осѣдлаго Дюмуре, онъ сказалъ: „Голландія держитъ сторону Сень-Джемскаго кабинета и является при этомъ скорѣ подвластной ему, чѣмъ его союзницей; пусть же она раздѣлитъ его участь!“ Война съ Англіей и голландскимъ штатгальтеромъ, подвергнутая голосованію, была принята единогласно. „Мы высадимся на ихъ островъ, писалъ министръ Монжъ французскому флоту; бросимъ имъ пятьдесятъ тысячъ фригійскихъ колпаковъ, водрузимъ священное знамя свободы и откроемъ объятія нашимъ братьямъ-республиканцамъ. Деспотическое правительство скоро падетъ“. Питтъ, опиравшійся съ одной стороны на національное соперничество, а съ другой на ужасъ, который внушала казнь короля, не устранился этихъ угрозъ. Онъ считалъ наши корабли, но не наши прокламаціи. Онъ зналъ, что эмиграція разсѣяла суда французскаго флота. У Франціи было въ морѣ и въ портахъ 66 линейныхъ кораблей и 93 фрегата и корвета. У Англіи было 158 линейныхъ кораблей, 22 пятидесятипушечныхъ корабля, 125 фрегатъ и 110 развѣдочныхъ судовъ. Голландія, союзница Англіи, могла вооружить кромѣ того 100 боевыхъ судовъ различной величины. Съ своего острова, окруженнаго такимъ подвижнымъ укрѣпленіемъ, Питтъ могъ невозмутимо руководить дѣлами континента и выжидать.

Состояніе его финансовъ было не менѣе угрожающе, нежели его вооруженія. Онъ могъ бы содержать всю Европу на англійскія деньги. „Министръ приготовленій“, какъ его въ насмѣшку называли десять лѣтъ назадъ, имѣлъ такой даръ предвидѣнія, что угадалъ громадность дѣла, которое десятилѣтняя коалиція возлагала на его отечество.

14.

Казнь Людовика XVI имѣла для насъ и въ Россіи зловѣщія послѣдствія. Екатерина II нарушила тотчасъ же торговый договоръ 1783 года, въ силу котораго французы являлись наиболѣе благопріятствуемой націей въ ея государствѣ, и запретила какія бы то ни было сношенія своимъ подданнымъ съ ними. Она приказала всѣмъ французамъ, жившимъ въ Россіи, выѣхать изъ ея предѣловъ въ теченіе двадцати дней, если они формально не отрекутся отъ революціонныхъ принциповъ своей страны. Хотя, по заключеніи мира съ Турціей, императрица располагала огромной арміей, которую могла бы двинуть на Францію, но она предоставила Австріи и Пруссіи одиѣмъ бороться противъ революціи, чувствуя къ ней ту ненависть, съ которой деспотизмъ относится къ свободѣ. Она долго надѣялась, что шведскій король Густавъ, въ которомъ она всячески старалась поддержать противореволюціонный энтузіазмъ, одинъ справится и успокоитъ Францію. Убіеніе Густава обмануло ея ожиданія. Послѣ его смерти ее тревожили двѣ заботы, изъ которыхъ одна имѣла источникомъ тщеславіе, а другая гордость монарха: а именно Польша и Франція. Ея войска заняли Варшаву и подавили тамъ революціонныя волненія, имѣвшія связь съ революціей въ Парижѣ. Король прусскій на тѣхъ же основаніяхъ занялъ Данцигъ и великую Польшу. Эта несчастная страна всегда подавала поводы къ вмѣшательству въ ея дѣла своимъ сильнымъ сосѣдямъ. Польша черезчуръ привыкла быть конституціонной анархіей. Императрица и король прусскій хотѣли совмѣстно покорить и раздѣлить между собою Польшу, пока императоръ былъ занятъ защитой Германіи противъ Франціи. Въ этомъ заключалась тайна медлительности лукавой дипломатіи короля прусскаго и нерѣшительности первой коалиціи. Король прусскій имѣлъ въ виду иное, а императрица не хотѣла рисковать своими войсками на Рейнѣ, боясь тѣмъ временемъ упустить Польшу.

Но, получивъ извѣстіе о казни Людовика XVI, Екатерина приказала своему полномочному посланнику въ Лондонѣ, графу Воронцову, заключить трактатъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ Англіей. Едва трактатъ этотъ былъ подписанъ, какъ она предоставила Англіи, Голландіи, Пруссіи и императору однимъ нести тяжесть войны на морѣ, въ Нидерландахъ и на Рейнѣ и двинула свои войска на Польшу. Итакъ политика тщеславія одержала верхъ въ сердцѣ Екатерины надъ политикой принциповъ. Она громко выражала свое негодованіе противъ французской анархіи. Она издали подстрекала своихъ союзниковъ къ борьбѣ, но сама воздерживалась отъ вмѣшательства. Пруссія, съ своей стороны, тревожась присутствіемъ Россіи съ тылу и желая удержать за собою свою долю въ великой Польшѣ, принимала слабое участіе въ дѣлахъ коалиціи. Австрія взяла на себя ту роль, которую играла Пруссія въ

первой коалиціи, соединила всѣ отдѣльныя государства Имперіи и взяла на себя вести наступательную войну въ Нидерландахъ. Рѣшили, что войско каждаго государства будетъ имѣть своего отдѣльнаго начальника. Совмѣстныя дѣйствія армій были такимъ образомъ предоставлены на благоусмотрѣніе ихъ государей. Императоръ назначилъ главнокомандующимъ принца Кобургскаго, командовавшаго имперскими войсками въ войнѣ противъ турокъ и раздѣлившаго съ Суворовымъ славу побѣдъ при Фокшанахъ и Рымникѣ. Принцъ Кобургскій былъ сторонникъ выжидательнаго способа веденія войны и принадлежалъ къ школѣ герцога Брауншвейгскаго, слѣдовательно, былъ человѣкъ наименѣе способный разбить горѣвшую воодушевленіемъ французскую армію. Какъ только принцъ Кобургскій получилъ назначеніе, онъ немедленно отправился во Франкфуртъ для переговоровъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, генералиссимусомъ прусскихъ войскъ, и совмѣстнаго обсужденія столь малодушнаго и безалабернаго плана, результатомъ котораго было освобожденіе Шампани, гибель Людовика XVI и оставленіе Рейна безъ прикрытія.

15.

Такова была организація новой коалиціи, въ которой изъ пяти государей три оставались въ выжидательномъ положеніи, и только два собирались сражаться, съ тревогой слѣдя другъ за другомъ и готовясь къ битвѣ съ опаской, втайнѣ дѣлая усилія сбросить съ себя гнетъ войны; войска ихъ маневрировали подъ начальствомъ двухъ генераловъ, державшихся совершенно различныхъ взглядовъ и сходившихся только въ желаніи избѣжать столкновенія съ непріателемъ.

Мы оставили Дюмурье побѣдителемъ при Вальми, Келлермана, скорѣе сопровождавшаго, нежели преслѣдовавшаго отступившаго прусскаго короля, Кюстина въ Майнцѣ, Диллона въ Эльзасѣ, Монтескью набирающимъ тридцать тысячъ человѣкъ изъ гарнизоновъ нашихъ южныхъ городовъ, чтобы напасть съ ними на Савойю.

Савоя расположена на отрогахъ Альповъ и граничитъ съ Монбланомъ и съ Монъ-Сени одною изъ высочайшихъ своихъ вершинъ. Одинъ склонъ наполняющихъ ее Альповъ круто спускается къ богатымъ долинамъ Пьемонта, а именно по направленію къ Турину; внутри страны Альпы образуютъ три широкихъ и глубокихъ долины, изъ которыхъ каждая служить ложемъ потоку, берущему начало въ ледникъ и вытекающему изъ входа въ ущелье. Тамъ эти потоки, теченіе которыхъ замедляется или совершенно пріостанавливается, образуютъ озера, какъ напр. Женевское, Аннеси, Бурже, или сливаются съ большими рѣками, какъ-то Изеромъ и Роной, протекающими черезъ южныя провинціи Франціи и впадающими въ Средиземное море. Потоки эти постоянно несутъ въ своей пѣнѣ лавины и обломки утесовъ, оторванныхъ отъ горъ. Слышно, какъ они ревуть на днѣ глубокихъ ущелій. Часто невозможно переправиться съ одного ихъ берега на другой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ русло расширяется, разбросано на сѣромъ пескѣ и на булыжникѣ, нанесенномъ теченіемъ, нѣсколько низенькихъ хижинъ съ крышами изъ черной лавы. По большей же части маленькія деревушки и уединенныя хижины ютятся, какъ бы цѣпляясь, на узкихъ, отвѣсныхъ уступахъ горъ. Тамъ, гдѣ склоны менѣе круты, разстилаются

луга и растутъ виноградъ, переплетающійся съ орѣшникомъ; крестьяне, дорожа мѣстомъ, сажаютъ виноградныя лозы въ видѣ широкихъ шпалеръ, поддерживая ихъ обручками деревьевъ.

Эти главныя долины на каждомъ шагѣ пересѣкаются другими, суживающимися въ ущелья и примыкающими къ области вѣчныхъ снѣговъ. Долина Фосинны, ближайшая отъ Валисса и Швейцаріи, начинается у подошвы Монблана и оканчивается у Женевы. Ламорьень, берущая начала на Монтъ-Сени, становится шире протекая между Конфланомъ и Монмеляномъ, городами Савойи. Тутъ она соединяется съ Тарантезской долиной, по которой протекаетъ Изеръ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Монмеляна, Ламорьень развѣтвляется на два рукава; изъ нихъ правый течетъ на Шамбери, столицу Савойи, а лѣвый на Гренобль, французскій городъ—главный городъ Дофинѣ, расположенный въ долинѣ, окруженной Альпами. Такимъ образомъ Монмелянъ, заграждающій одновременно входъ въ Морьень, въ Тарантезъ, въ долины Шамбери и Грививоданскую, ведущую къ Греноблю, является ключомъ къ Савойѣ.

16.

У народа, населяющаго эти плоскогорья, долины и равнины, подчиненнаго монарху, мѣстопребываніе котораго находится въ Италіи, только и есть итальянскаго, что его правленіе. Народъ этотъ не принадлежитъ ни къ латинскому, ни къ гельветическому племени. Онъ не говоритъ ни по-нѣмецки, ни по-итальянски, а по-французски. Его характеръ, нравы, обычаи, даже промышленность французскіе. Какъ только ослабнетъ или порвется звено, насильственно связующее Савойю съ Пьемонтомъ, онъ тотчасъ же примкнетъ къ Франціи. Войны, которыя онъ ведетъ противъ Франціи подъ сардинскимъ знаменемъ,—войны противоестественныя и чуть ли не гражданскія. Исключая дворянства и духовенства, фанатическія преданнаго Савойскому дому благодаря тѣмъ милостямъ, которыми ихъ осыпаетъ дворъ, вся остальная часть населенія проникнута любовью къ Франціи. Пьемонтское иго тяготитъ его; его унижаетъ преимущество, отдаваемое всему, носящему пьемонтское имя; его оскорбляютъ привилегіи дворянства, а господство духовенства, опасаящагося, чтобы идеи извнѣ не проникли за эти горы, лишаетъ его свѣта и вѣяній новаго вѣка. Савойскій домъ, хотя отечески заботящійся и вводящій благодѣтельныя реформы въ трехъ государствахъ, которыми онъ управляетъ, держитъ ихъ однако въ дисциплинѣ, чисто монастырской, напоминающей испанскій режимъ. Король, дворянинъ, священникъ, солдатъ, всѣ представляютъ собою народъ.

Однако общій языкъ, общія границы, торговыя сношенія, многочисленная эмиграція савояровъ во Францію открыли доступъ революціоннымъ идеямъ и въ эти горы. Жанъ-Жакъ Руссо провелъ свою юность въ маленькомъ городкѣ Аннеси и въ Шарметъ близъ Шамбери. Вольтеръ состарился проживъ все время въ Фернеѣ, на границѣ Савойи. Женева, разсадникъ протестантской свободы, ставшая послѣ пребыванія въ ней Кальвина метрополіей новѣйшей философіи, примыкала своими предмѣстіями къ савойской территоріи. Эти воспоминанія, вліянія и сосѣдство пробудили въ населеніи презрѣніе къ мягкому, но отсталому правительству и желаніе примкнуть къ Франціи.

Несмотря на частые брачные союзы между членами Савойского и Бурбонского домовъ, Вормскій трактатъ 1741 года, заключенный между Карломъ-Эммануиломъ и Маріей-Терезіей, политически связалъ Сардинскую монархію съ Австріей. Викторъ-Амедей, царствовавшій въ то время, когда во Франціи разразилась революція, былъ любимъ своимъ народомъ, но медлителенъ, какъ вообще люди въ преклонномъ возрастѣ, и тратилъ даромъ время на слова и совѣты. Его прозвали Альпійскимъ Несторомъ. Несмотря на безпокойства, которыя въ немъ возбуждало желаніе Савойи отдѣлиться отъ союза трехъ государствъ и примкнуть къ революціи, онъ готовъ былъ держаться, благодаря своему характеру, нейтралитета. Но духовенство внушило ему ужасъ къ республикѣ, угрожающей религіи его Господа такъ же, какъ и трону его предковъ. Много духовныхъ лицъ пріѣхало изъ Франціи, будучи изгнаны изъ своихъ приходоѡвъ за отказъ признать гражданскую конституцію, и искали убѣжища у своихъ савойскихъ братіи. Они распространяли тамъ слухи о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ противъ церкви, и грозили проклятіями расколу. Шамбери былъ переполненъ епископами и бѣжавшими дворянами, которые съ тщеславіемъ выставляли напоказъ свои страданія, надежды и мечты, какъ вообще это дѣлаютъ бѣглецы всѣхъ странъ и народовъ. Туринъ былъ столицей контр-революціи въ Франціи. Роялисты Ліона, Гренобля и Юга, поддерживали черезъ границы Савойи и графство Ниццу тайныя сношенія съ Туриномъ. Король сардинскій отзывалъ своего посланника изъ Парижа, ясно доказывая этимъ, что считаетъ Людовика XVI плѣнникомъ и прекращаетъ всякія сношенія съ французскимъ народомъ. Де Семонвилъ, посланный Дюмурье въ Туринъ для дружескихъ объясненій, былъ задержанъ въ Александріи по подозрѣнію въ томъ, что онъ будто бы ѣдетъ вызывать революцію въ Италіи. Жирондисты, составлявшіе наиболѣе сильную партію въ министерствѣ и въ Народномъ собраніи, настояли на томъ, чтобы начаты были непріязненные дѣйствія.

17.

Монтеस्कью, командовавшій южной арміей, получилъ приказаніе готовиться къ вторженію. На подкрѣпленіе къ нему были посланы сорокъ баталіоновъ, отдѣленныхъ отъ стоявшей въ бездѣйствіи пиренейской арміи. Мѣсто его военныхъ дѣйствій простиралась болѣе чѣмъ на сто миль по прямой линіи: отъ Юры, возвышающейся надъ Женевой, до Вара, протекающаго по Ниццкому графству. Монтеस्कью горѣлъ нетерпѣніемъ явиться съ французскимъ знаменемъ къ народу, ожидающему только случая, чтобы отдаться подъ власть Франціи, для котораго пораженіе равнялось освобожденію. Онъ наметилъ мѣстомъ стоянки своего праваго фланга берегъ Вара; второй лагерь онъ разбилъ около Турнона въ Нижнихъ Альпахъ. На лѣвомъ флангѣ онъ сосредоточилъ десять тысячъ человѣкъ въ крѣпости Барро, близъ Гренобля; затѣмъ онъ помѣстилъ десять тысячъ отборныхъ солдатъ Сесъ и нѣсколько отрядовъ въ Сейселъ и Гексъ, у входа въ Савойскую долину.

Монтеस्कью, вѣрный военнымъ традиціямъ маршала Бервика, видѣлъ, что экспедиція на Пьемонтъ,—узкую круглую котловину, каждый угрожаемый пунктъ котораго можетъ получить по тремъ направленіямъ подкрѣпленія изъ Турина,

своей столицы и арсенала, — невозможна съ такими слабыми силами, какія были у него; но онъ понималъ, что графство Ницца и Савойя, двѣ длинныхъ полосы, отдѣленныхъ отъ Сардинскаго государства, могутъ быть отрѣзаны отъ своей метрополи и присоединены къ Франціи, и Пьемонтъ не будетъ имѣть возможности спасти ихъ. Сообразно этому положенію вещей, онъ началъ свои дѣйствія. 4-го сентября онъ отдалъ секретный приказъ своимъ варскимъ войскамъ вторгнуться въ Ниццкое графство; въ то время, какъ его флотъ долженъ былъ выйти изъ Тулона и произвести атаку съ моря, войска его, подъ командой генерала Ансельма, должны были перейти горы. Онъ приказалъ генералу Казабіанкѣ угрожать Шамбери со стороны Сент-Жени. Самъ же онъ съ главными силами придвинулся къ крѣпости Барро, чтобы овладѣть ущельемъ, заграждавшимъ путь въ Савойю.

18.

Пьемонтская армія состояла изъ восемнадцати тысячъ человѣкъ. Ею командовалъ генералъ Лазари. Этотъ генералъ, обмѣнявшись нѣсколькими пушечными выстрѣлами, выпущенными его арьергардомъ, съ войсками Монтестью при входѣ въ ущелье, стануль свою армію къ Монмельяну. Но вмѣсто того, чтобы укрѣпить Монмельянъ и заградить такимъ образомъ входъ въ три долины, на точкѣ пересѣченія которыхъ расположенъ этотъ городъ, Лазари ушелъ оттуда и направился въ Конфланъ. Пьемонтскіе отряды, разсѣянные въ Аннеси, Шамбери и Фосиньи почти безъ боя, направились къ главному ядру сардинской арміи и удалились къ Пьемонту. Французскія войска безпрепятственно слѣдовали за ними при кликахъ побѣжденнаго народа. Монтестью съ триумфомъ вошелъ въ Шамбери, получилъ изъ рукъ городского начальства ключи отъ столицы Савойи и предоставилъ ей жителямъ самоуправленіе. Въ самый день этого триумфа якобинцы въ Парижѣ отрѣшили отъ должности генерала Монтестью. Извѣстіе объ одержанной имъ побѣдѣ и крикъ негодованія народа противъ неблагодарности якобинцевъ отсрочили на-время отставку Монтестью. Упрочивъ свое завоеваніе, онъ придвинулъ свои войска къ женевской границѣ.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій генералъ Ансельмъ, присоединивъ къ восьми тысячамъ войска, которымъ онъ командовалъ, батальоны марсельскихъ волонтеровъ, укрѣпился на варской линіи, угрожая Ниццкому графству вторженіемъ, а самъ въ то же время опасаясь нападенія съ юга. Графъ Сент-Андре командовалъ пьемонтцами. Его армія состояла изъ восьми тысячъ регулярныхъ войскъ и двѣнадцати тысячъ волонтеровъ національнаго ополченія.

Графство Ниццкое, узкій, но прелестный естественный амфитеатръ, спускающійся уступами съ вершинъ Альповъ къ Средиземному морю, — итальянская Швейцарія, гдѣ оливковыя и лимонныя деревья замѣняютъ кедръ и сосну, но узкія, лежащая среди утесовъ долины котораго, съ протекающими по нимъ часто пересыхающими потоками, представляютъ для вторженія такія же препятствія, какъ и Савойя. Лигурійское племя, населяющее его, занимающееся скотоводствомъ въ горахъ, мореплаваніемъ и торговлей на берегу моря, но повсюду одинаково воинственное, говоритъ на другомъ языкѣ и имѣетъ иные нравы, чѣмъ мы, и было далеко не такъ расположено къ Франціи, какъ

савояры. Море и горы дѣлають народы вдвойнѣ независимыми. Сосѣдство Генуи подавало издавно народамъ примѣръ республиканской независимости, сбросившей съ себя иго большихъ сосѣднихъ государствъ. Дух генуэзцевъ былъ народнымъ духомъ и Ниццскаго графства: любовь къ французскимъ принципамъ и ужасъ передъ игомъ Франціи. Горцы дѣлыми отрядами спускались съ своихъ альпійскихъ вершинъ, обутые въ сандалии, съ кожаными ремнями, съ ружьями въ рукѣ, неспособные къ продолжительной кампаніи и военной дисциплинѣ, но подвижные, неутомимые и неустрашимые въ горской войнѣ, полной неожиданностей; стрѣлки они превосходные.

Графъ Сентъ-Андре удачно выбралъ позицію на Саорджіо, недоступной возвышенности, господствующей надъ Ниццей и дорогами, ведущими во Францію и Пьемонтъ; онъ укрѣпилъ его, сдѣлавъ его обсерваціонной крѣпостью провинціи, которую ему поручено было защищать. Онъ заранѣе устроилъ тамъ укрѣпленный лагерь, а окопы обнесъ стѣнами. Адмиралъ Трюге явился передъ Ниццей 28-го сентября съ эскадрой, состоявшей изъ девяти судовъ, и угрожалъ городу бомбардировкой. Генералъ Ансельмъ подошелъ къ нему съ суши, приготовившись занять Варскій проходъ. Вечеромъ генералъ Куртентъ, комендантъ города, придвинулъ свои войска къ Саорджіо. Три тысячи французскихъ эмигрантовъ, нашедшіе убѣжище въ Ниццѣ, возмущенные трусливымъ отступленіемъ гарнизона, возмутили часть населенія и бѣжали одни къ морскимъ фортамъ, а другіе на варскія укрѣпленія; но вслѣдствіе угрозъ буржуазіи, видѣвшей въ этомъ отчаянномъ сопротивленіи только предлогъ къ поджогу города, они принуждены были ночью направиться на дорогу въ Саорджіо, преслѣдуемые, подвергавшіеся ограбленію и убиваемые жестокимъ береговымъ населеніемъ. Это населеніе грозило разграбить даже самый городъ. Буржуазія умоляла генерала Ансельма какъ можно скорѣе занять его. Ансельмъ перешелъ Варъ во главѣ четырехъ тысячъ французовъ и вступилъ въ столицу графства при единодушныхъ кликахъ народа.

19.

Однако насилія, причиняемая ниццскими революціонерами ихъ личнымъ врагамъ подъ прикрытіемъ штыковъ и французскаго знамени, возмутили горцевъ, всегда болѣе приверженныхъ къ обычаямъ старины и болѣе преданныхъ своему правительству, нежели жители равнинъ и прирѣчныхъ или приморскихъ областей. Священники и монахи, опасаясь вторженія въ свое государство, черезъ посредство оружія, идей, лишившихъ церковь ея владѣній во Франціи, возстали на защиту своихъ правъ, отождествляя ихъ съ вопросомъ религіи, и возмутили народъ, пробуждая въ немъ не патріотизмъ, но религіозное чувство. Самые молодые и неустрашимые изъ нихъ шли во главѣ отрядовъ и нападали на французскіе аванпосты и отряды повсюду, гдѣ встрѣчали ихъ отдѣлившимися отъ главныхъ силъ. Засѣвъ за скалами или стволами деревьевъ, они давали залпъ и затѣмъ разсыпались по утесамъ съ ловкостью истыхъ охотниковъ. Война была только продолжительнымъ убійствомъ.

Французскій генералъ Ансельмъ видѣлъ, какъ рѣдѣли ряды его войска. Центромъ этой священной войны былъ Онейль. Этотъ маленькій городокъ, въ

одно и то же время приморскій и нагорный, столица небольшого государства, подвластнаго Сардиніи, былъ очагомъ всѣхъ заговоровъ противъ французскаго владычества. Его портъ служилъ убѣжищемъ и мѣстомъ вооруженія многочисленными пиратамъ и сардинскимъ, генуэзскимъ и неаполитанскимъ корсарамъ, легкія суда которыхъ и вооруженныя фелюги дѣлали ночные десанты на берегъ или производили на морѣ такіе же грабежи, какъ горскіе отряды въ Ниццской долинѣ. Многіе монастыри, дѣйствительные владыки города, разжигали эту священную войну и освящали своими проповѣдями эти бесполезныя и кровопролитныя экспедиціи. Ансельмъ и Трюге рѣшили подавить фанатизмъ въ его очагѣ. Войска были посажены въ Вилльфраншѣ на суда эскадры. 23-го октября они явились подъ Онейлемъ. Адмиралъ Трюге отправилъ своего флагъ-капитана дю-Шайла потребовать сдачи города и приказалъ объявить жителямъ, что они своею покорностью могутъ избѣжать ужасовъ бомбардировки. Шлюпка, на которой ѣхалъ дю-Шайла, подошла къ берегу подъ парламентарскимъ флагомъ, при миролюбивыхъ знакахъ населенія, стоявшаго на берегу. Но не успѣла шлюпка подойти къ пристани, какъ раздался залпъ изъ ста ружей, пробилъ шлюпку, убилъ офицера, четырехъ матросовъ, ранилъ нѣсколько человекъ и въ томъ числѣ самого дю-Шайла. Шлюпка, съ убитыми и ранеными, преслѣдуемая и обстрѣливаемая при каждомъ своемъ появленіи на гребнѣ волей градомъ пуль и ядеръ, сдѣлала поворотъ и съ трудомъ подошла къ своей эскадрѣ, являя собою доказательство вѣроломства жителей. Возмущенный экипажъ требовалъ отомщенія. Трюге сталъ на шпрингъ и бомбардировалъ городъ до сумерекъ. Фортъ Онейль былъ разрушенъ бомбами. Онъ прекратилъ огонь. Тысяча двѣсти солдатъ, подъ командою генерала Лабульера, были ночью посажены на шлюпки эскадры и ждали только наступленія разсвѣта, чтобы подъ прикрытіемъ огня двухъ фрегатовъ высадиться на берегъ.

При ихъ появленіи населеніе бѣжала въ горы, унося съ собою все, что у нихъ было драгоцѣннаго и оставляя свои дома на жертву грабежу и пожару. Одни только монахи, привыкшіе къ неприкосновенности, которою пользовалось духовенство во время прежнихъ войнъ въ Италіи, заперлись въ своихъ монастыряхъ. Французы брали приступомъ ворота этихъ убѣжищъ, убивали безъ разбора правыхъ и виноватыхъ монаховъ, возмущенные ихъ подстрекательствами къ заговору и вѣроломнымъ убійствомъ дю-Шайла. Грабежъ и пожаръ явились ужаснымъ возмездіемъ и разрушили это гнѣздо пиратства и разбоя. Уходя изъ Онейля, французы оставили въ немъ только груды пепла и трупы монаховъ на развалинахъ ихъ монастырей.

Онейская экспедиція и убійство духовенства не только не подавили возстанія горцевъ въ Ниццскомъ графствѣ, а, напротивъ, вызвали мятежъ барбетовъ. Соединившись съ пьемонтцами и съ австрійскимъ отрядомъ, посланнымъ на помощь королю сардинскому императоромъ, они напали на французовъ при Соспелло, самомъ возвышенномъ пунктѣ нашей стоянки. Шесть тысячъ солдатъ при восемнадцати орудіяхъ сбили генерала Брюне съ позиціи. Ансельмъ, вышедшій изъ Ниццы со всѣмъ гарнизономъ, въ числѣ двѣнадцати гренадерскихъ ротъ, тысячи пятисотъ отборныхъ солдатъ и при четырехъ орудіяхъ, двинулся, чтобы вернуть эту важную позицію. Онъ взялъ ее штурмомъ и вер-

нулся въ Ниццу. Обвиненный въ Конвентѣ за мягкость своего правленія, виновный въ глазахъ якобинцевъ въ томъ, что онъ поддерживалъ населеніе Ниццы въ ихъ мести и убійствахъ, онъ былъ схваченъ среди своей побѣдоносной арміи и отправленъ въ Парижъ, чтобы искупить въ тюрьмѣ славу первыхъ побѣдъ нашей арміи.

20.

Французская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Латуша, отправилась между тѣмъ, чтобы принудить неаполитанскаго короля высказаться, стоитъ ли онъ за или же противъ республики, и заставить его выразить порицаніе своему послу въ Константинополь за то, что тотъ воспротивился признанію султаномъ трехцѣтнаго знамени. Эскадра, состоявшая изъ шести боевыхъ судовъ, вошла 27-го декабря въ заливъ, не взирая на пять сотъ пушекъ, стоявшихъ на берегу и въ фортахъ Неаполя. Латушъ, ставъ на якорь передъ окнами королевскаго дворца, далъ сигналъ приготовиться къ бою своимъ кораблямъ и послалъ морскаго гренадера передать письмо королю. Этотъ посланникъ былъ простой французскій солдатъ, единственной вѣрительной грамотой которому служили зажженные фитили у пушекъ флота, огонь которыхъ король видѣлъ съ высоты террасы своего дворца. Адмиралъ требовалъ въ своемъ письмѣ, чтобы посланный республики былъ принятъ, Франціи былъ бы гарантированъ нейтралитетъ Неаполя, дерзкій посолъ, не признавшій законности правленія французскаго народа, былъ бы отозванъ изъ Константинополя и чтобы неаполитанскій дворъ назначилъ посланника въ Парижъ. Отказъ въ исполненіи одного изъ этихъ пунктовъ долженъ былъ послужить сигналомъ къ открытію огня съ судовъ.

Испуганный король принялъ французскаго гренадера съ такими же почестями, какія онъ оказалъ бы послу республики; онъ согласился на все предъявленныя ему требованія и предложилъ даже быть посредникомъ между республикой и ея врагами. „Республика“, отвѣтилъ ему на это грендеръ:—„не желаетъ иного посредника между собою и своими врагами кромѣ побѣды или смерти“. Неаполитанскій дворъ, управляемый гордой королевой, враждебно расположенной къ французамъ, безропотно подчинялся этому униженію. Онъ сдѣлалъ видъ, что готовъ выполнить мирныя условія, предложенныя Латушемъ, но въ то же время втайнѣ рѣшилъ попрежнему принимать участіе въ заговорѣ державъ.

21.

Въ то время какъ наши войска заняты были покореніемъ Савойи и Ницскаго графства, наши эскадры господствовали въ водахъ Средиземнаго моря, а Дюмуре медленно завоевывалъ Шампань, австрійцы, ободренные въ Нидерландахъ отсутствіемъ главныхъ силъ нашей арміи, которыя Дюмуре отозвалъ къ Аргону, пытались ворваться въ сѣверную Францію. Эмигранты увѣрили герцога Альберта Саксонъ-Тешенскаго, штатгальтера Нидерландовъ, въ томъ, что населеніе сѣвера Франціи и въ особенности жители Лилля ждутъ только предлога, чтобы возстать противъ Конвента и выразить своему плѣнному королю

вѣрность, которою всегда отличались эти провинціи. Бѣрновиль, уводя шестнадцать тысячъ человѣкъ изъ состава Сѣверной арміи на помощь Дюмуре, оставилъ Лилль безъ прикрытія. Гарнизонъ этого города состоялъ только изъ десяти тысячъ человѣкъ, число которыхъ было слишкомъ незначительно для того, чтобы защищать многочисленныя укрѣпленія и въ то же время держать въ повиновеніи населеніе численностью въ семьдесятъ тысячъ душъ. Герцогъ Альбертъ собралъ двадцать пять тысячъ войска, взялъ изъ нидерландскихъ арсеналовъ пятьдесятъ осадныхъ орудій и 25-го сентября явился передъ укрѣпленіями Лилля и засѣлъ въ траншеяхъ.

Когда въ ночь на 29-е сентября было окончено возведеніе шести батарей, вооруженныхъ тридцатью орудіями, баронъ Аспръ потребовалъ сдачи города. Его провели въ ратушу съ тѣми почестями, которыхъ требуетъ законъ войны, и онъ предъявилъ тамъ свои требованія генералу Рюлю, коменданту города. Генераль отвѣтилъ ему какъ человѣкъ, увѣренный въ самомъ себѣ, въ храбрости своего незначительнаго гарнизона и въ энтузіазмѣ жителей. Толпа, тѣснившаяся у дверей ратуши, проводила парламентаря до австрійскихъ аванпостовъ съ криками: „Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ нація!“ Огонь тотчасъ открылся. Въ теченіе семи сутокъ ядра и бомбы непрерывно сыпались на городъ, убили шесть тысячъ жителей, зажгли восемьсотъ домовъ. Погребавъ, въ которыхъ искали спасенія женщины, старики и дѣти, во многихъ частяхъ города обрушились подъ градомъ бомбъ и погребли подъ своими развалинами тысячи жертвъ. Отважное населеніе превратилось въ закаленныхъ въ бою воиновъ, ни на минуту не колебавшихся. Война, повидимому, была обычнымъ занятіемъ этого пограничнаго населенія. Всѣ сѣверные города Франціи, отъ которыхъ Лилль не былъ еще вполне отрѣзанъ, посылали ему продовольствіе, боевыя припасы и отряды изъ цѣлѣ своей молодежи. Шесть членовъ Конвента: Дюгемъ, Дельмасъ, Бельгардъ, Дау, Дульсе и Дюкесной, явились въ городъ, чтобы поддержать мужество осажденныхъ и показать австрійцамъ, что вся нація борется съ ними въ лицѣ своихъ представителей. Напрасно тридцать тысячъ раскаленныхъ ядеръ и шесть тысячъ разрывныхъ сто-фунтовыхъ бомбъ сыпались изъ мортиръ въ теченіе пятидесяти часовъ на этотъ дымящійся костеръ, то потухавшій, то снова разгоравшійся; напрасно эрцгерцогиня австрійская Марія-Христина, супруга герцога Альберта, чтобы поддержать мужество осаждающихъ, явилась открыть собственноручно огонь новой батарее: жители Лилля замѣтили, что австрійцы заряжаютъ свои орудія желѣзными прутьями, цѣпями и камнями. Они заключили изъ этого, что у осаждающихъ не хватаетъ боевыхъ припасовъ, и съ еще болѣе большимъ упорствомъ и геройскимъ равнодушіемъ стояли подъ огнемъ орудій. Герцогъ Альбертъ, у котораго открылся недостатокъ въ войскахъ и боевыхъ припасахъ, узнавъ объ успѣхахъ Дюмуре въ Шампани, опасался, чтобы наши войска не двинулись на Сѣверъ, и снялъ осаду, хотя на него и не было сдѣлано нападенія.

Лилль потерялъ цѣлое предмѣстье; многіе кварталы города обратились въ груды кирпичей, подъ которыми нашли себѣ могилы тысячи труповъ. Развалины эти еще дымились и свидѣтельствовали о военной славѣ города, который съ такимъ самоотверженіемъ защищали его жители.

Они проявили геройство древнихъ. Волонтеръ, городской канониръ, стоялъ у орудія на окопахъ. Ему сообщили, что надъ его домою разорвалась бомба; онъ обернулся, увидалъ свой домъ, объятый пламенемъ, и сказалъ: „Мое мѣсто здѣсь. Меня поставили сюда, чтобы защищать мое отечество, а не мое жилище. Огонь за огонь!“ И онъ зарядилъ свое орудіе и выпалилъ изъ него. Освобожденіе Лилля вызвало всеобщій восторгъ. Позоръ пораженія Вердена и Лонгви былъ отомщенъ.

Лишь только была снята осада съ Лилля, какъ Бьёрнговиль, отдѣлившись съ шестнадцатю тысячами человѣкъ отъ войска Келлермана, направился къ сѣвернымъ границамъ, чтобы вмѣстѣ съ Дюмурье вторгнуться въ Бельгію, — планъ, давно задуманный послѣднимъ, но блестяще прерванный походомъ противъ прусскаго короля.

22.

Мы видѣли, что Дюмурье, рѣшивъ вернуться къ этому плану, поспѣшилъ въ Парижъ немедленно послѣ отступленія герцога Брауншвейгскаго. Онъ явился въ Парижъ, руководимый не столько желаніемъ насладиться своимъ триумфомъ, какъ имѣя въ виду подготовить себѣ рядъ новыхъ триумфовъ, принявъ при помощи одного побѣдоноснаго генерала вторженіе въ Бельгію. Кумиръ народа, гроза якобинцевъ, другъ Дантона, пощаженный жирондистами, онъ, благодаря своей славѣ, ловкости и увлеченію его военной доблестью, лишалъ исполнительную власть всѣхъ средствъ, которыми она могла бы располагать. Отголосокъ событій 10-го августа, ужасы Сентябрскихъ дней, провозглашеніе республики, недоумѣніе однихъ и отчаяніе другихъ передъ эшафотомъ короля, наконецъ гордость Вальми и слава побѣды, послѣдствіемъ которой было возвращеніе завоеванной территоріи, заставили взяться за оружіе всю молодежь. Нехватало оружія, но не рукъ. Его приготавливали во всѣхъ мастерскихъ республики. Комиссары Конвента и комиссары, избранные якобинцами, дѣйствовавшіе одни во имя закона, а другіе во имя диктатуры облегшей ихъ власти, объѣзжали департаменты, чтобы пустить въ ходъ мастерскія, налагать запрещенія и вербовать солдатъ во всей Франціи. Лица, пользующіяся авторитетомъ, какъ бы внезапно выросшія изъ народа, которыхъ народная молва отмѣтила какъ наиболѣе воодушевленныхъ патріотизмомъ, приобрѣли въ странѣ такое довѣріе и власть, какими въ обыкновенное время не пользовалось ни одно правительство. Имъ повиновались, какъ повинуются своей страсти. Они были регуляторами всеобщаго движенія.

Люди всѣхъ положеній, состояній и возрастовъ являлись толпами, чтобы пополнить собою батальоны, которые каждый изъ департаментовъ посылалъ на границы. Національная гвардія, посылая въ эти батальоны своихъ наиболѣе испытанныхъ въ бояхъ воиновъ, становилась такимъ образомъ, уже на самомъ мѣстѣ сформированія ихъ, дѣйствующей арміей. Молодые люди, наиболѣе выдающіеся въ національной гвардіи по своему рвенію и патріотизму, провозглашались своими товарищами по оружію начальниками этихъ батальоновъ. Эти волонтеры изъ однихъ и тѣхъ же городовъ, кантоновъ, братья, родные, друзья, земляки, знавшіе другъ друга и выбиравшіе себѣ начальни-

ками самых храбрыхъ, самыхъ умныхъ и пользовавшихся наибольшею любовью, образовывали такимъ образомъ какъ бы столько военныхъ семей, сколько было въ департаментахъ батальоновъ. Они шли въ сраженіе слѣдя другъ за другомъ, поддерживая и общая другъ другу засвидѣтельствовать о патриотизмѣ, доблести и смерти павшихъ.

При извѣстіи, полученномъ въ Парижѣ о новомъ событіи, объ объявленіи войны новому врагу, при описаніи катастрофы или военного успѣха, которыми были отмѣчены первые шаги нашихъ войскъ въ Шампани, Савойѣ, на югѣ и на сѣверѣ, любовь къ отечеству, возгоравшаяся съ новой силой благодаря опасности или славы, наполняла собой сердца гражданъ. Горячія прокламаціи Конвента, властей, якобинцевъ, представителей народа, облеченныхъ властью, призывали къ оружію защитниковъ свободы. Ихъ голосъ, нашедшій себѣ тотчасъ же откликъ, былъ единственнымъ закономъ, въ силу котораго началось ополченіе. Энтузіазмъ вербоваль, воля водворяла дисциплину, народныя дающія одѣвали, вооружали, платили жалованье и кормили этихъ дѣтей отечества.

23.

Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, въ тѣ дни, когда религіозныя празднества и ярмарки собирали народъ въ огромныя толпы, деревянный амфитеатръ воздвигался обыкновенно на площади передъ дверями ратуши. Военная палатка поддерживаемая пирамидами изъ ружей съ трехцвѣтнымъ знаменемъ наверху, разставлялась на этихъ подмосткахъ, чтобы напомнить поле сраженія. Со стороны, обращенной къ народу, полотно палатки поддерживали гренадеръ и кавалеристъ, въ полной парадной формѣ. Посреди ея стоялъ столъ, на которомъ лежалъ списокъ лицъ, записавшихся въ число волонтеровъ. Представитель народа, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, въ шляпѣ съ загнутыми полями, украшенной султаномъ изъ перьевъ, заведывалъ спискомъ, внося въ него имена завербовавшихся. Мэръ, муниципальные чиновники, председатели округовъ и клубовъ толпились вокругъ него стоя. Взволнованная толпа ежеминутно разступалась, чтобы пропустить вереницы защитниковъ отечества, которые поднимались по ступенькамъ эстрады, чтобы назвать комиссарамъ свои имена. Одобрительный крикъ народа, объятія народныхъ представителей, слезы умиленія матерей семействъ, громъ военной музыки, раскаты барабаннаго боя, куплеты Марсельезы, распѣваемые хоромъ, все это возбуждало, опяняло, вознаграждало этихъ людей за ихъ преданность благу республики.

Этотъ заражающій энтузіазмъ, который овладевалъ толпой, захватывалъ нерѣдко и зрителей и заставлялъ людей, до того равнодушныхъ и робкихъ, подражать поступкамъ, свидѣтелями которыхъ они являлись. Женатые люди вырывались изъ объятій своихъ женъ, чтобы броситься къ алтарю отечества. Люди преклоннаго возраста, даже старики, чувствовавшіе себя еще бодрыми и крѣпкими, жертвовали остатокъ своей жизни для блага родины. Они снимали съ себя куртки передъ представителями народа и обнажали свою грудь, плечи и руки и показывали свои сохранившіе еще силу кулаки, чтобы показать, что они еще настолько сильны, что смогутъ нести ранецъ и ружье и перенесутъ тягости лагерной жизни. Отцы, жертвуя и собою и дѣтьми, сами отдавали отечеству

Барнавъ.

своихъ сыновей и требовали, чтобы имъ позволили идти вмѣстѣ съ ними. Женщины, не желая разставаться съ своими мужьями или любовниками, или подъ вліяніемъ страсти къ свободѣ и отечеству, самой святой и высокой изъ всѣхъ страстей, мѣняли свою одежду на мундиръ волонтеровъ и записывались въ батальоны своихъ департаментовъ.

Эти волонтеры получали открытый листъ, съ которымъ они должны были отправиться въ депо, назначенное имъ военнымъ министромъ, чтобы получить тамъ обмундировку, инструкцію и организацію. Они отправлялись въ путь болѣе или менѣе многочисленными партіями подъ барабанный бой и куплеты національнаго гимна; ихъ провожали матери, братья, сестры, невѣсты, которые несли ихъ ранцы и оружіе и разставались съ ними только тогда, когда усталость окончательно истощала ихъ силы. На перекресткахъ дорогъ, на вершинахъ холмовъ, при входѣ въ города и при выходѣ изъ нихъ, у дверей уединенныхъ гостиницъ, у которыхъ останавливались эти отряды, — повсюду путешественники были свидѣтелями этихъ разставаній и прощаній. Волонтеры, задержанные этими прощаніями, отирали глаза, быстрыми шагами нагоняли свой батальонъ и не оглядываясь, изъ боязни разстроиться и поколебаться въ принятіи рѣшеній, глухимъ, но твердымъ голосомъ подхватывали куплеты Марсельезы, который распѣвали ихъ товарищи: „Allons, enfants de la patrie!“

Жители городовъ и селеній, черезъ которые они проходили, высыпали изъ своихъ жилищъ, чтобы посмотреть, какъ они проходятъ, и угостить ихъ на порогѣ своихъ домовъ хлѣбомъ и виномъ. На этапахъ жители ссорились между собою за право дать имъ ночлегъ, точно это были дѣйствительно ихъ дѣти. Патріотическія общества выходили имъ навстрѣчу и приглашали ихъ на свои вечернія засѣданія. Предсѣдатель привѣтствовалъ ихъ; клубные ораторы братались съ ними и воспламеняли ихъ мужество разказами о военныхъ подвигахъ, заимствованными изъ древней исторіи. Ихъ заставляли заучивать гимны двухъ Тиргеевъ революціи, поэтовъ Лэбрена и Шенье. Ихъ опыняли страстно любовію къ отечеству и фанатизмомъ свободы.

24.

Изъ такихъ-то элементовъ состояла армія, двигавшаяся по всѣмъ нашимъ дорогамъ, отъ центра къ окраинамъ. Дюмуре приводилъ ее въ порядокъ во время пути.

Послѣ четырехъ дней, проведенныхъ въ Парижѣ въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ Дантономъ и въ совѣщаніяхъ насчетъ военныхъ дѣйствій съ Серваномъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ, генераль Дюмуре 20-го октября двинулся въ свою главную квартиру въ Валансьенъ. Но прежде чѣмъ явиться туда, онъ провелъ два дня въ уединеніи на своей дачѣ въ окрестностяхъ Перонна. Ему надо было рѣшить два вопроса: планъ кампаніи, имѣвшій дѣлю вырвать Бельгію изъ рукъ австрійцевъ, и образъ дѣйствій относительно Конвента, рассчитанный на то чтобы польстить ему или запугать его, служить республикѣ, если она сумѣетъ выбрать себѣ правительство, или овладѣть ею и уничтожить ее, если она, — какъ онъ предвидѣлъ это, — будетъ переходить отъ одной анархіи къ другой, поочередно въ руки всевозможныхъ партій.

Генераль уѣхалъ полный презрѣнія къ жирондистамъ и довѣрія къ генію Дантона. Въ будущемъ ему рисовались двѣ перспективы, на которыхъ одинаково отдыхало его воображеніе: диктатура для него, раздѣляемая имъ только въ дѣлахъ внутренняго управленія съ Дантономъ, или роль Монка, видоизмѣненная единственно вѣлѣдствіе разницы эпохи, то есть возстановленіе при помощи арміи конституціонной монархіи, мысль о которой ему подаль герцогъ Шартрскій.

Пока Дюмурье соображалъ, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести война или революція, Серванъ вышелъ изъ министерства. Его замѣнилъ Пашъ.

25.

Пашъ, посредственность, внезапно выдвинувшійся изъ неизвѣстности, возведенный въ военные министры жирондистами, былъ другомъ Ролана. Онъ принадлежалъ къ числу людей, честолюбіе которыхъ скрывается подъ личиною скромности, успокаивающей относительно ихъ замысловъ. Никому не было извѣстно его происхожденіе, ни какимъ путемъ онъ шелъ, или пробирался, до сихъ поръ въ жизни. Подозрѣвали, что онъ былъ сынъ дворника герцога Кастрійскаго; на него, воспитаннаго благодаря милостямъ этого знатнаго дома, было возложено потомъ воспитаніе одного изъ сыновей этой семьи. Образованный, любознательный, скромный, только изрѣдка вставляющій въ разговоръ слова, указывающія на ясность его мышленія и разносторонность его ума, Пашъ, повидимому, былъ въ высшей степени способенъ стать однимъ изъ полезныхъ орудій правительственнаго механизма, но никто не могъ бы заподозрить, что онъ захочетъ сдѣлаться его двигателемъ. Это было лицемѣрное безкорыстіе, скрывающее свое стремленіе къ власти подъ привычками и простодушіемъ философа. Эта античная суровость обворожила госпожу Роланъ, восторгавшуюся всѣмъ, что напоминало ей героевъ Плутарха. Она сдѣлала Паша завѣдующимъ личнымъ кабинетомъ своего мужа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и довѣреннымъ и помощникомъ въ его самыхъ сложныхъ и секретныхъ дѣлахъ. Она видѣла въ Пашѣ одного изъ мудрецовъ, которыхъ Провидѣніе посылаетъ государственнымъ дѣятелямъ для подаванія имъ благихъ совѣтовъ.

Въ то время какъ Серванъ былъ выбранъ въ военные министры, Пашъ занялъ при немъ то же мѣсто, какое занималъ при Роланѣ; онъ и здѣсь выказалъ такое же усердіе къ своимъ обязанностямъ. Послѣ отставки Сервана, Роланъ предложилъ пригласить Паша, на время войны, въ совѣтъ министровъ. Жирондисты, видѣвшіе въ Пашѣ, со словъ Ролана, преданнаго имъ друга, согласились на это предложеніе. Они думали, что духомъ Ролана будутъ такимъ образомъ проникнуты два министра. Но лишь только Пашъ почувствовалъ, что онъ твердо сидитъ въ министерствѣ, какъ тотчасъ же сбросилъ съ себя, точно какое-то назойливое воспоминаніе, зависимость и благодарность къ своему прежнему покровителю и началъ сначала тайно, а затѣмъ и явно принимать участіе въ заговорахъ якобинцевъ, имѣвшихъ цѣлью лишить Ролана власти и возвести его жену на эшафотъ. Въ видѣ залога Пашъ ввѣрилъ креатурамъ якобинцевъ управленіе военнымъ министерствомъ. Его именемъ тамъ управляли Венсенъ и Гассенфрацъ; первый былъ молодой кордельеръ, воспитанникъ и сторонникъ Марата; второй—уроженецъ Меца, бѣжавшій въ Парижъ. Пашъ

заботившійся исключительно о пріобрѣтеніи популярности, обратилъ всѣ свои бюро въ клубы, гдѣ оказывали покровительство костюмамъ, нравамъ, языку самой отчаянной демагогіи. Мундиръ былъ замѣненъ фригійскимъ колпакомъ и курткой. Дочери Паша появлялись на народныхъ праздникахъ и рисовались своимъ патріотизмомъ. Подобный министръ не могъ служить планамъ Дюмуре, котораго обвиняли въ томъ, что онъ былъ представителемъ жирондистовъ на полѣ брани. Онъ былъ пораженъ назначеніемъ Паша и смутно почувствовалъ, что близость послѣдняго съ якобинцами заставитъ или его склониться передъ ними, или же онъ заставитъ ихъ дрожать передъ собою.

26.

По пріѣздѣ въ Валансьенъ, Дюмуре составилъ планъ вторженія въ Бельгію и сообщилъ каждому изъ подвѣдомственныхъ ему генераловъ ту часть плана, которую ему предстояло выполнить; весь планъ, дѣликомъ, былъ извѣстенъ одному только Дюмуре, руководившему общимъ ходомъ движенія войскъ. Въ рядахъ его войска было до восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Порывъ, увлекшій эти батальоны на границы, усиливался еще надеждой одержать побѣду во имя республики. Они питали къ своему главнокомандующему то же довѣріе, которое внушалъ своимъ солдатамъ побѣдитель при Вальми и освободитель Шампани. Тамъ, гдѣ былъ Дюмуре, были для нихъ законъ и отечество. Въ его лицѣ и словахъ виднѣлось что-то диктаторское, такъ же какъ и въ отдаваемыхъ имъ ежедневно приказахъ по войскамъ. Повидимому онъ мало заботился о комиссарахъ, постановленіяхъ Конвента, планахъ военнаго министра и сосредоточивалъ все управленіе въ самомъ себѣ.

Герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій командовалъ въ Бельгіи австрійцами. Онъ былъ оставленъ императоромъ и Пруссіей въ полномъ одиночествѣ и такой образъ дѣйствій свидѣтельствовалъ о томъ, что Бельгіи угрожаетъ опасность. Разрозненные войска герцога Саксенъ-Тешенскаго едва достигали 30 тысячъ, изъ числа которыхъ четыре тысячи приходились на долю французскихъ эмигрантовъ, стоявшихъ у Намюра подъ командой герцога Бурбонскаго, сына принца Конде. Болѣе значительные отряды, находившіеся подъ начальствомъ его лейтенантовъ, занимали всю бельгійскую границу. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій, расположившійся въ центрѣ своихъ разсѣянныхъ силъ, готовый двинуться на помощь имъ или сплотить ихъ около себя, занималъ съ небольшимъ гарнизономъ Брюссель.

27.

Если бы Дюмуре обладалъ изобрѣтательнымъ военнымъ геніемъ, который удешевляетъ силу армій, концентрируя ихъ вокругъ себя, онъ могъ бы разбить всѣ эти разрозненные отряды австрійцевъ сплоченной массой своихъ войскъ, двигаясь одной колонной къ сердцу Бельгіи, отрѣзать ихъ, разсѣять и обратить въ бѣгство. Но планъ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе недостатка довѣрія генерала къ своимъ батальонамъ волонтеровъ, въ особенности недостатка въ снарядахъ, повозкахъ и съѣстныхъ припасахъ, которые не желали пополнить реквизиціей. Привычка къ старому

способу веденія войны сбивала съ толку даже самыхъ опытныхъ генераловъ. Дюмуре, подобно герцогу Саксенъ-Тешенскому, раздѣлилъ свое войско на четыре отряда. Генераль Валенсъ, его правая рука и любимый ученикъ, командовалъ арденской арміей, возвратившейся отъ Вальми затѣмъ, чтобы задержать Клерфѣ. Валенсъ получилъ приказъ двинуться на Намюръ и, если возможно, помѣшати соединенію Клерфѣ съ бельгійскими войсками подъ стѣнами Монса; но было уже слишкомъ поздно. Передовые отряды Клерфѣ уже вступили въ Монсъ. Второй отрядъ, изъ 12 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала д'Арвила угрожалъ Шарльруа. Третій отрядъ, состоявшій изъ 18 тысячъ человѣкъ подъ командой генерала Бурдоннэ, который на самомъ дѣлѣ и былъ главнымъ начальникомъ Сѣверной арміи, долженъ былъ двинуться на Турнай. Наконецъ самъ Дюмуре, во главѣ двухъ отрядовъ изъ 35 тысячъ человѣкъ, составляющихъ ядро его войска, долженъ былъ двинуться на Монсъ и нанести рѣшительный ударъ соединеннымъ силамъ Клерфѣ и герцога Саксенъ-Тешенскаго, разомкнуть эти войска и пройти сквозь эту брешь на Брюссель, разгромяя направо и налево бельгійскія провинціи и образуя собою авангардъ тремъ отрядамъ — Валенса, д'Арвила и Ля Бурбонне. Прокламаціи въ умѣренно-революціонномъ духѣ, призывавшія Бельгію къ независимости и заставившія бродить въ этихъ провинціяхъ старую революціонную закваску, были искусно написаны самимъ Дюмуре. Эти прокламаціи, образецъ ловкости, носили на себѣ печать осторожности дипломата, духа революціонера и шпаги воина. Дюмуре являлся въ нихъ скорѣе освободителемъ, чѣмъ завоевателемъ. Французы обращались въ нихъ, какъ братья, къ народамъ, которыхъ они пришли освободить отъ власти ихъ притѣснителей. Въ лицѣ своего лучшаго генерала говорилъ настоящій духъ революціи. Если бы она говорила и дѣйствовала въ духѣ Дюмуре, то ея пропаганда, миротворная для народовъ и грозная только для угнетающихъ ихъ своею властью владыкъ, сдѣлала бы для нея болѣе завоеваній, чѣмъ ея войска. Нѣсколько бельгійскихъ патріотовъ, желая освободить свою страну отъ австрійскаго ига, перешли границу, сѣвша навстрѣчу французскому генералу на его призывъ, и образовали батальоны волонтеровъ. Дюмуре повелъ эти батальоны съ собою. Это былъ уголекъ, которымъ онъ надѣялся разжечь пламя патріотизма и возмущенія.

28.

Весь планъ кампаніи, обдуманый и подготовленный такимъ образомъ, былъ основанъ на первомъ сраженіи подъ стѣнами Монса, которое должно было произойти между войсками Дюмуре, подкрѣпленными войсками Валенса и д'Арвила съ одной стороны, а съ другой, войсками герцога Саксенъ-Тешенскаго и Клерфѣ стоявшаго лагеремъ подъ большимъ городомъ и сдѣлавшаго себѣ изъ него опорный пунктъ. Съ этой минуты всѣ соединенныя силы быстро и единодушно двинулись къ Монсу, гдѣ Бельгія должна была быть побѣждена или уничтожена. Планы Дюмуре, ясно выраженные въ расположеніи его войскъ и движеніи его колоннъ, были тотчасъ разгаданы Клерфѣ. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій и Клерфѣ соединили свои войска подъ Монсомъ, и такимъ образомъ у нихъ составилось до тридцати тысячъ солдатъ; они успѣли расположить

ихъ на полѣ битвы, завладѣть высотами, заградить проходы, спустившись по отлогостямъ, вооружить редуты въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на нихъ могло бы быть сдѣлано нападеніе.

Поле битвы, укрѣпленное холмиками, окруженное лѣсами, перерѣзанное болотами, канавами и рѣчками, какъ огромная укрѣпленная крѣпость, представляло собою, такимъ образомъ, цѣпь холмовъ, только кое-гдѣ мѣстами прерывающуюся небольшими углубленіями тамъ, гдѣ они соединяются между собою, и протягивающуюся на полмили передъ Монсомъ. Вершины этой цѣпи холмовъ покрыты лѣсомъ. Деревня Жеммалъ, расположенная на верхнихъ ступеняхъ этой цѣпи, образуетъ ея правую оконечность; налѣво цѣпь понижается примыкая къ деревнѣ Кесмъ. Пространство между этими двумя деревнями, изъ которыхъ австрійцы устроили себѣ крѣпости, образуетъ естественнымъ строеніемъ почвы два или три вдающихся угла, куда были помѣщены батареи, предназначенныя для обстрѣливанія перекрестнымъ огнемъ колоннъ, которыя вздумали бы сдѣлать попытку взобраться на возвышенность.

Внизу, подобно дну высохшаго озера, разстилается равнина, глубокая и узкая, образующая мѣстами ущелья и впадины между разорванными холмами, окаймляющими ее. Сзади, въ особенности со стороны Жеммала, холмъ, на которомъ расположилась лагеремъ австрійская армія и укрѣпила себя редутами, заканчивался болотомъ, сырая и топкая почва котораго перерѣзана дренажными канавами, лужами стоячей воды и камышами, образующими по краямъ канавъ высокія изгороди, дѣлающія доступъ къ холму невозможнымъ ни для кавалеріи, ни для артиллеріи. Прикрытой съ тылу этимъ болотомъ и городомъ Монсъ, съ праваго фланга деревней Жеммалъ, а съ лѣваго деревней Кесмъ, примыкающей къ предместьямъ укрѣпленнаго города, австрійской арміи, огравдившей себя спереди, у подножія холмовъ, батареями и редутами, вооруженными 120-ю орудіями, и аванпостами, расположившимися на крайнихъ холмахъ, выдающихся выступами въ равнину—оставалось только разбивать французовъ, подходившихъ къ ней спереди безъ всякаго прикрытія отъ огня по равнинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной австрійскими войсками. Удачный выборъ мѣста расположенія войскъ увеличивалъ силу австрійцевъ. Выборъ и диспозиція лагеря убѣдили Дюмурье въ томъ, что онъ встрѣтилъ въ Клерфѣ противника, достойнаго помѣряться съ нимъ.

29.

Сбивъ 3-го и 4-го ноября австрійцевъ съ нѣсколькихъ передовыхъ постовъ, на которыхъ они укрѣпились по пути и въ долинѣ, Дюмурье 5-го развернулъ свое войско въ огромную изогнутую линію, опирающуюся лѣвымъ флангомъ на деревню Каренъонтъ, которую онъ не могъ взять наканунѣ, а правымъ флангомъ протянувшуюся до холма Сипли, находившагося у подножія Бертамонскихъ высотъ и горы Пализень, защищавшихъ одно изъ предмѣстій Монса. Самъ онъ помѣстился въ центрѣ этой боевой линіи, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ фланговъ. Д'Арвиль, командовавшій правымъ флангомъ, у подошвы горы Пализель и почти подъ самыми стѣнами Монса, получилъ приказъ выжидать и воспользоваться моментомъ отступленія и замѣшательства,

которые должны были быть вызваны натискомъ французскихъ войскъ на австрійцевъ, для того, чтобы завладѣть дорогой въ Монсъ и запретъ передъ непріателемъ ворота этого города, убѣжище въ которомъ безъ сомнѣнія приготавливали себѣ герцогъ Саксенъ-Тешенскій и Клерфэ. Бёрновиль, которому Дюмуре ввѣрилъ командованіе авангардомъ, равнымъ по величинѣ почти цѣлому армейскому корпусу, получилъ приказъ, съ лучшею частью войска, открыть огонь и взять штурмомъ деревню Кесмъ и укрѣпленную возвышенность, составлявшія лѣвый флангъ австрійцевъ. Пять редутовъ были возведены на этой грозной возвышенности. Вся линія непріятельскаго войска между деревнями Кесмъ и Жеммапомъ была также защищена редутами, громаднѣйшими одинъ надъ другимъ, выстрѣлы съ которыхъ перекрещивались, брустверами, сложенными изъ срубленныхъ деревьевъ, переплетающіяся вѣтви которыхъ дѣлали невозможнымъ наступленіе для кавалеріи, лощинами, углубленными и разрытыми киркой, и зубчатыми стѣнками, изъ-за которыхъ тирольскіе стрѣлки могли спокойно слѣдить за нашими отрядами и производить безнаказанно опустошенія въ рядахъ нашего войска, шедшаго въ атаку. Только въ центрѣ деревня и лѣсъ Фленю, расположенные на болѣе широкомъ плато съ менѣе крутыми скатами, представляли собою проходъ, по которому французская кавалерія могла дойти до подножія возвышенности. Но путь этотъ, прегражденный деревней Фленю, былъ заранѣе укрѣпленъ отборными эскадронами австрійской кавалеріи. Престарѣлый генералъ Ферранъ, ветеранъ Лопельта и Семилѣтней войны, которому громъ пушечныхъ выстрѣловъ вернулъ его молодость, командовалъ лѣвымъ флангомъ, отодвинутымъ немного назадъ отъ боевой линіи деревней Каренбонтъ, которую все еще занимала артиллерія сильной австрійской колонны, расположившейся передъ возвышенностями Жеммапа.

Герцогъ Шартрскій (впослѣдствіи король французскій) командовалъ центромъ подъ руководствомъ главнокомандующаго; это былъ самый молодой изъ лейтенантовъ Дюмуре и пользовавшійся наибольшимъ расположеніемъ этого генерала. Повидимому, главнокомандующій хотѣлъ приберечь для него ореолъ славы, чтобы указать на него Франціи и сдѣлать его достойнымъ того назначенія, которое, какъ угадалъ своимъ политическимъ чутьемъ Дюмуре, судьба готовила юному офицеру.

Герцогъ Шартрскій долженъ былъ двинуться въ атаку только въ тотъ моментъ, когда наступитъ время нанести рѣшительный ударъ неприступному центру непріятеля. Ферланъ и Бёрновиль должны были предварительно разбить одинъ изъ болѣе доступныхъ для побѣды фланговъ—Жеммапъ или Кесмъ. Та и другая изъ этихъ позицій были единственнымъ проходомъ, черезъ который французская армія могла проникнуть на возвышенность, ударить на флангъ или обойти австрійскую армію съ тылу.

Дюмуре объяснялъ планъ хода военныхъ дѣйствій своему штабу болѣе по картѣ, чѣмъ по разстилающейся передъ нимъ мѣстности. Изгороди, рощицы, большія деревья, окаймляющія поля и дороги въ Бельгіи, хотя и лишенные листы, заслоняли собою горизонтъ отъ глазъ генерала. Отрядамъ, разсѣянными на большія пространства, приходилось направлять свои движенія,

такъ сказать, ошущю и во время битвы руководствоваться скорѣе слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ.

Ночь окутала уже обѣ арміи, когда Дюмуре отдалъ приказанія съ малѣйшими деталями командирамъ отдѣльных частей. Драгуны и гусары, съ зажженными факелами, сопровождали по дорогамъ и тропинкамъ адъютантовъ и генераловъ, возвращавшихся въ свои стоянки, чтобы приготовиться къ предстоявшему на другой день сраженію. Солдаты спали на полѣ битвы, не снимая съ себя оружія, съ ранцами на спинѣ, артиллеристы у своихъ орудій, въ которыхъ были впряжены лошади, ѣздовые спали перекинувъ поводья черезъ руку. Такъ приказалъ Дюмуре. Для битвы на большомъ протяженіи, которая должна была произойти на трехъ совершенно самостоятельныхъ поляхъ сраженія, исходъ которыхъ зависѣлъ отъ всевозможныхъ случайностей, генераль не хотѣлъ потерять ни минуты изъ сумерекъ, такъ какъ тогда стояло время года, когда дни чрезвычайно коротки. Притомъ онъ боялся, что если побѣда не будетъ одержана до сумерекъ, то непріятель можетъ, воспользовавшись темнотою ночи, отступить къ Монеу и избѣгнуть его преслѣдованія.

30.

Итакъ первые лучи солнца, взошедшаго надъ холмистой Бельгіей, освѣтили французскихъ солдатъ, дремавшихъ подъ тяжестью своего оружія. Небо было сѣро, дождевыя тучи низко спускались, точно осенью въ странахъ Сѣвера. Холодный туманъ стлался по землѣ и повисъ дождевыми каплями на вѣтвяхъ деревьевъ. Хлѣбъ былъ уже свезенъ съ полей, земля обнажена, листья молча осыпались съ деревьевъ и черныя ряды батальоновъ и эскадроновъ, ожидавшихъ приказа сняться съ своихъ позицій, не оживлялись даже признакомъ зелени.

Суровый, воинственный и сосредоточенный видъ непріятеля, окопавшагося на возвышенностяхъ, мѣховыя шапки венгерскихъ гренадеровъ, бѣлые плащи австрійской кавалеріи, небесно-голубыя венгерки гусаръ, сѣрое платье тирольскихъ стрѣлковъ, неподвижность отрядовъ, выстроенныхъ на уступахъ Жеманскаго плоскогорья, точно на гласисахъ цитадели, похожихъ скорѣе на зрителей, нежели на участниковъ въ сраженіи, рѣзко противорѣчилъ революціонному виду и шумной подвижности войска Дюмуре. Провидѣніе, казалось, хотѣло поставить лицомъ къ лицу и заставить сразиться двѣ самыя большія военныя силы: дисциплину и энтузіазмъ.

31.

Французская армія, за исключеніемъ генераловъ, состарившихся на службѣ, и кавалеріи, полки которой пополняли старые солдаты, гордившіеся своею опытностью, почти сплошь состояла изъ однихъ волонтеровъ. Простые мундиры являли собою длинныя темныя линіи, волнообразныя колебанія которыхъ, плохо регулируемыя неопытной командой офицеровъ-новичковъ, обнаруживали въ солдатахъ недостатокъ военной выправки. Башмаки изъ толстой кожи, гетры чернаго сукна, застегивающіяся выше колѣнъ и придающія походкѣ легкость, поддерживая и обрисовывая мускулы ногъ; бѣлые штаны; скюртукъ, длинныя и

широкія фалды котораго, скроенныя на подобіе птичьихъ крыльевъ, спускались до пятъ; два широкихъ ремня изъ бѣлой кожи, перекрещивающіеся на груди, изъ которыхъ на одномъ за спиной висѣла фляга, а на другомъ, на лѣвомъ боку, сабля; два другихъ, болѣе узкихъ ремня, проходящихъ подъ мышками и поддерживающихъ солдатскій, козловой кожи, ранецъ; краснаго сукна отвороты, кровавымъ пятномъ выдѣляющіеся на сюртукѣ; низкій воротникъ, чтобы не стѣснять движеніе шеи; длинные напояженные и напудренные волосы, свѣшивающіеся на уши подобно двумъ клокамъ гривы и перевязанные на затылкѣ бумажной ленточкой; наконецъ, смотря по отрядамъ, головной уборъ или въ видѣ легкой каски изъ крѣпкой кожи съ небольшимъ султаномъ или шляпа съ загнутыми полями, на которой развѣвались пѣтушия перья, — вотъ одежда французскаго волонтера.

Вооруженіе его состояло изъ короткой сабли, запаснаго ножа, на случай, когда сломается штыкъ и придется бороться въ рукопашную, и длиннаго одноствольнаго ружья, къ концу котораго былъ привинченъ штыкъ, чтобы послѣ выстрѣла пронзить грудь непріятеля. Почти вся пѣхота носила эту форму и имѣла такое вооруженіе. Стрѣлки снимали съ себя иногда излишнюю тяжесть, чтобы сдѣлать свои движенія болѣе проворными. Гренадеры, великаны строя, увеличивали свой ростъ еще посредствомъ черной мѣховой шапки, причемъ длинные волосы мѣха свѣшивались спереди на вызолоченную или высеребренную мѣдную бляху, на которой выпуклыми цифрами былъ обозначенъ нумеръ полка или шифръ батальона.

Отряды саперовъ, землекоповъ или военныхъ рабочихъ, навербованныхъ наудачу, вмѣсто ружья со штыкомъ были вооружены широкимъ, острымъ и блестящимъ топоромъ, короткая рукоятка котораго покоилась на плечѣ, — оружіе, одинаково пригодное для того, чтобы рубить деревья на пути арміи и члены человѣческаго тѣла на полѣ битвы.

Артиллеристы носили болѣе короткій сюртукъ, болѣе яркіе цвѣта и больше украшеній: красный бумажный аксельбантъ на лѣвомъ рукавѣ и посеребренную каску съ краснымъ султаномъ.

На флангахъ каждой дивизіи блестѣла кавалерія, состоявшая, смотря по росту всадниковъ и лошадей, изъ жандармовъ, карабинеровъ, кирассиръ, стрѣлковъ и гусаръ. Ихъ лошади, отдохнувшія въ тучныхъ долинахъ Сѣвера, ржали, фыркали, рыли копытами землю, какъ бы съ нетерпѣніемъ ожидая начала битвы. Пушки, гремя на лафетахъ, сопровождаемыя муниціонными ящиками, около которыхъ шли карабинеры съ фитилями въ рукахъ, казались темными бревнами на тѣлѣжкахъ дровяниковъ. Повсюду снимали палатки старшихъ офицеровъ, которые только одни и спали въ эту ночь. Ряды фуръ, нагруженныхъ хлѣбомъ, тянулись за батальонами. Гасли бивуачные огни, вокругъ которыхъ толпились провіантмейстеры и маркитантки, раздающіе отрядамъ водку, и дымъ отъ нихъ низко стлался по землѣ сливаясь съ ночнымъ туманомъ. Грохотъ лафетовъ по мостовой широкихъ бельгійскихъ шоссе, звукъ трубъ и барабановъ, бьющихъ сборъ, доносившіеся время отъ времени, указывали, что нѣкоторые отряды снимались съ мѣста, чтобы занять другую позицію, по приказанію генерала.

Вот какую картину представляла собою болотистая долина Жеммапъ въ утро, предшествовавшее битвѣ. Настроеніе солдатъ можно было ясно прочесть на лицахъ волонтеровъ. У нихъ не было безстрашнаго и мрачнаго вида, неподвижной и воинственной наружности войска, привычнаго къ маневрамъ и дисциплинѣ, придающей движеніямъ и лицамъ однообразіе въ жестахъ и выраженіи. Порядокъ плохо соблюдался, одежду и оружіе носили не всѣ одинаково, молчаніе постоянно нарушалось, почтительность къ начальству отзывалась фамиллярностью и часто слышались возраженія и шутки солдатъ. Возрастъ, манеры, лица, языкъ этихъ волонтеровъ—были различны. Нѣкоторые, еще юноши, едва имѣли силу нести сорокафунтовую тяжесть, приходившуюся на долю каждого вооруженнаго солдата. Другіе уже приближались къ старости и носили сѣдые усы ветерановъ. Большинство же принадлежало къ среднему возрасту, между 20—40 годами. По нѣжности или загробѣлости рукъ, бѣлизнѣ или загару кожи, изяществу или плотности сложенія, видно было, что эти батальоны были набраны не изъ одного класса общества, а что всѣ возрасты, сословія, профессіи смѣшались и слились въ нихъ: рабочій шелъ рядомъ съ человѣкомъ празднымъ, сынъ буржуазіи рядомъ съ землепашцемъ, богачъ рядомъ съ бѣднякомъ, знатный рядомъ съ простолюдиномъ. Лица ихъ имѣли единственное сходство—это написанное на нихъ мужество. Чувствовалось, что это были не машины, наведенныя въ рекруты и живыми палисадниками выстроенныя передъ врагомъ въ силу закона дисциплины и набора, но что они шли повинуваясь внутреннему внезапному порыву, что дѣло, ради котораго они шли, голодали и холодали, было ихъ личное дѣло, и что въ этой битвѣ, въ которой одному народу предстояло сразиться со всей Европой, каждый изъ нихъ добивался побѣды своихъ идей и своей любви къ отечеству.

На лицахъ этихъ замѣчалось беспокойное любопытство и волненіе, свидѣтельствовавшія, что войска эти были еще новички и не привыкли къ боевому огню и пушечнымъ выстрѣламъ. Они готовились къ сраженію скорѣе какъ къ зрѣлищу, а не какъ къ битвѣ. Это крайнее напряженіе, читавшееся на лицахъ, въ одно и то же время беспокоило и ободряло начальниковъ. Оно могло у этихъ людей, слишкомъ чутко настроенныхъ, чтобы остаться равнодушными, перейти или въ панику или въ энтузіазмъ и превратить ихъ или въ толпу бѣглецовъ или въ батальоны героевъ.

Дюмурье всего только нѣсколько часовъ проспалъ на охапкѣ соломы въ своей палаткѣ, да и то сонъ его часто нарушался рапортами и отдачей приказаній. Онъ уже объѣзжалъ ряды своего войска, окруженный офицерами своего штаба, въ числѣ которыхъ находились: Туveno, фактическій начальникъ штаба, офицеръ, котораго онъ уважалъ болѣе всѣхъ другихъ, потому что въ Седанѣ онъ первый понялъ и помогъ ему осуществить его великій планъ относительно Аргона; герцогъ Шартрскій, котораго онъ выставлялъ на видъ солдатамъ, чтобы пріучить ихъ къ лицезрѣнію принца; молодой герцогъ Мон-

пансье, почти ребенокъ, второй сынъ герцога Орлеанскаго, бывшій адъютантомъ при своемъ братѣ при Жеммапѣ: рано обнаруженная имъ доблесть, меланхолическое выраженіе лица, страстная любовь къ брату привлекали къ нему всеобщее вниманіе и трогали сердца солдатъ; Моретонъ де Шабрильянъ, номинальный начальникъ штаба, храбрый, но увлекающійся и ревностный офицеръ; молодой Баптистъ Ренаръ, взятый генераломъ на службу еще ребенкомъ, чувство почтенія котораго къ начальнику перешло въ преданность своему генералу; наконецъ, четыре офицера, различнаго возраста, верхомъ на лошадяхъ. Между ними можно было различить два женскихъ лица; ихъ скромность, румянецъ и грація, несмотря на одежду ординарцевъ, составляли рѣзкій контрастъ съ мужественными лицами окружавшихъ ихъ воиновъ. Это были флигель-адъютантъ Дюмюръе, де Фернигъ, уроженецъ французской Фландріи; его сынъ, лейтенантъ полка Оксеруа, и его двѣ дочери, которыхъ привязанность къ отцу и любовь къ отечеству заставили забыть свой полъ и возрастъ и увлекли на поле битвы. Дѣтская любовь не позволила имъ искать иного убѣжища.

34.

Онѣ родились въ деревнѣ Монтань, на самой границѣ Франціи и Бельгіи. Вотъ какимъ образомъ онѣ узнали свое признаніе.

Въ началѣ войны пограничные департаменты самостоятельно возстали на защиту страны. Франція представляла собою одинъ общій лагерь, и они считали себя его аванпостами. Независимо отъ батальоновъ, которые они посылали Дюмюръе, отряды волонтеровъ, состоявшіе изъ людей женатыхъ, стариковъ и юношей, руководимые только однимъ закономъ — благомъ народа, и имѣя вмѣсто всякой организаціи — патріотизмъ, вождями которыхъ выбирались храбрѣйшіе, выходили изъ маленькихъ городовъ, деревень и фермъ, нападали на непріятельскіе отряды, противостояли вторженію авангардовъ и сражались съ уланами Клерфа. Жены сопровождали въ этихъ набѣгахъ своихъ мужей, а дочери — отцовъ. Всѣ возрасты и полы хотѣли принести свою дань энтузіазма и пролить свою кровь за родину и свободу. Самыя преданныя и фанатичныя изъ этихъ героинь были двѣ молодыя дѣвушки, имена которыхъ прославлены въ лѣтописяхъ нашихъ первыхъ сраженій; одну изъ нихъ звали Теофиль, другую Фелиситѣ.

Де Фернигъ, бывшій офицеръ, удалившійся на покой въ деревню Монтань, былъ отцомъ многочисленнаго семейства. Одинъ изъ его сыновей служилъ въ Пиренейской арміи, другой — въ Рейнской. Четыре дочери, которыхъ смерть лишила матери, жили съ нимъ. Двѣ изъ нихъ были еще дѣтьми, двѣ старшія едва достигли юношескаго возраста. Ихъ отецъ, командовавшій національными гвардейцами въ Монтани, заражалъ своимъ воинственнымъ пыломъ крестьянъ своего кантона. Онъ обратилъ въ лагерь всю страну. Онъ пріучалъ жителей къ войнѣ постоянными нападеніями на непріятельскихъ гусаръ, которые часто переходили границу, чтобы оскорблять и грабить жителей и поджигать ихъ жилища. Рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы онъ лично не велъ эти патрули гражданъ и не производилъ нападенія. Дочери дрожали за его жизнь.

Двѣ старшія, Теофилъ и Фелиситэ, еще больше тревожимыя участіемъ своего отца, тѣмъ опасностью, угрожавшею отечеству, повѣрили другъ другу свои безпокойства и у нихъ одновременно зародилась одна и та же мысль. Онѣ рѣшили тоже взяться за оружіе, стать безъ вѣдома де Фернига въ ряды землепашцевъ, которыхъ онѣ обратилъ въ солдатъ, сражаться вмѣстѣ съ ними, а главное слѣдить за отцомъ и броситься между имъ и смертію въ случаѣ, если непріятельскіе кавалеристы слишкомъ приблизятся къ нему.

Онѣ затаили въ душѣ свое намѣреніе и сообщили о немъ только нѣкоторымъ изъ жителей деревни, помощь которыхъ была имъ необходима, чтобы скрыть ихъ отъ взоровъ отца. Онѣ надѣли мужское платье, оставленное ихъ братьями, когда они уѣхали изъ дома въ армію, вооружились охотничьими ружьями, и слѣдуя въ теченіе нѣсколькихъ ночей за маленькой колонной, которой предводительствовалъ де Фернигъ, онѣ попали въ перестрѣлку съ австрійскими мародерами, привыкли къ походамъ, битвамъ, близости смерти и увлекали своимъ примѣромъ храбрыхъ жителей деревни. Ихъ тайна долго и свято сохранялась. Де Фернигъ, возвращаясь утромъ домой и рассказывая за столомъ дѣтямъ о своихъ приключеніяхъ, опасностяхъ и набѣгахъ, и не подозрѣвалъ, что родныя его дочери сражались въ первыхъ рядахъ его стрѣлковъ и нерѣдко спасали его собственную жизнь.

Между тѣмъ Бѣрнонвиль, командиръ Сентъ-Аманскаго лагеря, находившагося неподалеку отъ границы, услыжавъ о героизмѣ монтаньскихъ волонтеровъ, вскочилъ на коня и, ставъ во главѣ сильнаго отряда кавалеріи, задумалъ очистить страну отъ фуражировъ Клерфэ. Приблизившись на разсвѣтѣ къ Монтаню, онѣ встрѣтилъ отрядъ де Фернига. Отрядъ этотъ возвращался въ деревню послѣ утомительнаго ночного сраженія, во время котораго выстрѣлы не прекращались по всей линіи войска и самъ де Ферингъ чуть не былъ взятъ въ плѣнъ гусарами, изъ рукъ которыхъ его вырвали его дочери. Измученная колонна, увозя съ собою нѣсколькихъ раненыхъ и пять плѣнныхъ, распѣвала Марсельезу при звукахъ единственнаго барабана, пробитаго пулями. Бѣрнонвиль остановилъ де Феринга отъ имени Франціи и, чтобы почтить патріотизмъ и храбрость его крестьянъ, вздумалъ произвести имъ смотръ со всѣми военными почестями. Только что начинало свѣтать. Храбрецы выстроились подъ деревьями, гордясь тѣмъ, что французскій генераль обходится съ ними какъ съ солдатами. Но, сойдя съ лошади и проходя передъ фронтомъ маленькаго отряда, Бѣрнонвиль замѣтилъ, что два самыхъ юныхъ волонтера, спрятавшись за строемъ, избѣгали его взоромъ и поспѣшно переходили отъ одной группы къ другой, стараясь быть не замѣченными имъ. Не понимая такой застѣнчивости въ людяхъ, носящихъ оружіе, онѣ попросилъ де Феринга приказать подойти къ нему этимъ храбымъ юношамъ. Ряды раздвинулись и пропустили обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ; но ихъ мужская одежда, лица, покрытая копотью отъ выстрѣловъ ночной битвы, губы, запачканныя патронами, которые онѣ разгрызали зубами, сдѣлали ихъ неузнаваемыми даже для родного отца. Де Фернигъ былъ удивленъ, что онѣ не знаетъ этихъ двухъ солдатъ своего маленькаго отряда. „Кто вы?“ спросилъ онѣ ихъ строгимъ голосомъ. При этихъ словахъ глухой шопотъ, сопровождаемый всеобщими улыбками, про

бѣжалъ по рядамъ. Теофиль и Фелиситэ, увидавъ, что ихъ тайна открыта, упали на колѣни, покраснѣли, заплакали, зарыдали, назвали себя и умоляли, обнимая колѣни отца, простить имъ ихъ обманъ. Де Фернигъ обнялъ дочерей и самъ заплакалъ. Онъ представилъ ихъ Бёрновиллю, описавшему эту сцену въ своемъ донесеніи Конвенту. Конвентъ объявилъ Франціи имена этихъ молодыхъ дѣвушекъ и послалъ имъ отъ имени ихъ отечества лошадей и почетное оружіе. Мы встрѣчаемъ ихъ снова сражающимися при Жеммапѣ, торжествующими, спасающими раненыхъ непріятелей послѣ одержанной надъ ними побѣды. Тассъ изобразилъ въ Клориндѣ не бѣльшій героизмъ и не больше любви, чѣмъ явили намъ подвиги дочерней любви и храбрости эти героини свободы.

35.

Дюмуре, въ эпоху своего перваго командованія во Фландріи, указывалъ на нихъ какъ на лицъ, достойныхъ удивленія, своимъ солдатамъ Мольдскаго лагеря. При первомъ нашемъ отступленіи ихъ домъ былъ сожженъ изъ мести австрійцами. У Фернига остался единственный очагъ—его войско. Дюмуре взялъ съ собою отца, сына и обѣихъ дочерей въ Аргонскій походъ. Онъ причислилъ отца и сына къ своему штабу. Молодые дѣвушки, не покидавшія отца и брата, носили за ними ихъ платье, оружіе и исполняли обязанности ординарцевъ. Онѣ сражались при Вальми и горѣли желаніемъ сразиться при Жеммапѣ. Старшая изъ нихъ, Фелиситэ де Фернигъ, слѣдовала верхомъ за герцогомъ Шартрескимъ, котораго она не покидала во все время сраженія. Младшая, Теофиль, должна была передавать генералу Феррану приказанія главнокомандующаго и идти вмѣстѣ съ нимъ на приступъ редутовъ лѣваго фланга. Дюмуре указывалъ своимъ солдатамъ на этихъ прелестныхъ героинь какъ на примѣръ патріотизма и предвѣстницъ побѣды. Благодаря своей красотѣ и молодости, онѣ напоминали собою тѣ чудесныя видѣнія, геніевъ счастья, которыя въ дни сраженій появляются во главѣ армій, чтобы покровительствовать имъ. Свобода, подобно религіи, была достойна имѣть свои чудеса.

36.

Между тѣмъ какъ Дюмуре, окончивъ смотръ войска, обращался къ своимъ солдатамъ съ словами, возбуждающими энтузіазмъ, въ которыхъ заключается какъ бы приказъ одержать побѣду, бой завязывался на обѣихъ флангахъ его войска. На лѣвомъ крылѣ генераль Ферранъ бросился при пѣніи Марсельезы на укрѣпленную деревню Кареньонъ, передовой постъ, который необходимо было взять, чтобы затѣмъ отбросить австрійцевъ вправо или взять приступомъ Жеммапъ. Дюмуре, прислушавшійся къ пушечнымъ выстрѣламъ, раздававшимся непрерывно въ теченіе часа съ той стороны, понялъ, что Ферранъ встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе въ батареяхъ, еще наканунѣ принудившихъ къ отступленію бельгійскіе батальоны. Не будучи въ состояніи предпринять что-либо въ долженствовавшемъ сохранять свою настоящую позицію центрѣ, онъ поскакалъ галопомъ къ Кареньону, чтобы своимъ присутствіемъ поддержать

мужество солдатъ во время атаки, которая въ случаѣ неудачи могла парализовать всѣ дѣйствія центра и праваго крыла. Когда онъ подъѣхалъ, то увидалъ, что Ферранъ, обстрѣливаемый изъ домовъ, обращенныхъ въ засады, и пулями, сыпавшимися съ редутовъ, казалось, былъ въ нерѣшимости и, ища защиты за ближайшими домами деревни, хотѣлъ дать передохнуть своимъ батальонамъ. Но достаточно было одного движенія и слова Дюмуре, указавшаго рукою на возвышенность, чтобы вернуть мужество поколебавшимся батальонамъ. Онъ отправляетъ своего наперника Туveno вмѣсто себя во главѣ этихъ колоннъ. Ферранъ и Туveno, воодушевленные благороднымъ порывомъ, вновь строятъ и ведутъ колонны, бросаются во главѣ ихъ на правый и лѣвый фланги деревни, выдерживаютъ три залпа, направленныхъ на нихъ съ редутовъ, бросаются на нихъ бѣгомъ и берутъ ихъ штурмомъ и, подкрѣпленные четырьмя батальонами генерала Розьера, овладѣваютъ деревней Каренъонъ и всю мѣстностью между Каренъономъ и Жеммапомъ.

Потомъ, по приказанію Дюмуре, они раздѣляютъ свои силы на двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ Розьера, развертывается на дорогѣ восемь, готовыхъ вступить въ сраженіе, эскадроновъ, въ то время какъ главнокомандующій съ восемью батальонами пѣхоты подходитъ къ деревнѣ Жеммапъ слѣва; другая, во главѣ съ Ферраномъ и Туveno, должна была взять на себя атаку, подойти къ Жеммапу съ фронта и взять его штурмомъ, чтобы редуты, перезарядивъ орудія, не успѣли осыпать огнемъ осаждающихъ.

Туveno, желая осуществить мысль своего командира и друга, Ферранъ же, чтобы искупить свою утреннюю нерѣшимость и украсить свои сѣдины побѣдой, тысячу разъ рисковали жизнью увлекая гренадеровъ, строевую пѣхоту и волонтеровъ на уступы Жеммапскихъ высотъ. Подъ градомъ пуль и осколковъ гранатъ, взрывающихся подъ его ногами, опрокинутый лошадыю, убитой подъ нимъ, Ферранъ при помощи Туveno поднялся съ земли и, держа шляпу въ рукѣ, во главѣ гренадеръ, осыпаемыхъ картечью австрійцевъ, съ ружьями на перевѣсѣ, бросился въ улицы деревни, чтобы взять ее штурмомъ. Кровь течетъ у него изъ ранъ, но онъ этого не замѣчаетъ. Розьеръ съ своими четырьмя батальонами угрожаетъ обойти Жеммапъ слѣва. Редуты прекратили пальбу. Отрядъ стрѣлковъ нападаетъ на одинъ изъ послѣднихъ батальоновъ венгерскихъ гренадеръ, которые продолжали еще сражаться съ колонной центра. Молодой Теофиль Фернигъ, вмѣстѣ со своими стрѣлками, давъ залпъ, убиваетъ двумя выстрѣлами изъ пистолета двухъ гренадеръ и собственноручно беретъ въ плѣнъ батальоннаго командира, котораго, обезоруженнаго, приводитъ къ Феррану.

Дюмуре, успокоившись относительно положенія своего лѣваго крыла, гдѣ онъ въ лицѣ Туveno оставилъ какъ бы самого себя, и видя клубы дыма, окутывающіе Жеммапъ и свидѣтельствующіе объ успѣхахъ французовъ, устремилъ все свое вниманіе на правый флангъ. Съ этой стороны онъ увидалъ, что арденская армія и Валенсъ, ея начальникъ, еще не выстроились и ему пришлось возложить всю надежду на одного Бѣрновилля, дѣятельнаго и пылкаго гене-

рала. Было одиннадцать часовъ утра, и погода начала портиться. Переѣхавъ въ главной квартирѣ лошадей, Дюмуре поспѣшилъ отдать нѣсколько распоряженій герцогу Шартрскому и во весь опоръ помчался, чтобы собственными глазами увидать, что задерживаетъ атаку Бёрнонвиля у подножія плато Кесмъ. Онъ засталъ войско этого генерала стоявшимъ неподвижно, какъ стѣна, подъ градомъ пуль, но не рѣшавшимся переступить черезъ линію огня, отдѣлявшую его отъ плато. Двѣ бригады пѣхоты Бёрнонвиля немного переступили за редуты, которые защищали венгерскіе гренадеры. Въ ста шагахъ позади десять эскадроновъ гусаръ, драгунъ и французскихъ стрѣлковъ тѣтно ожидали, чтобы пѣхота открыла имъ свободный проходъ. На эти эскадроны ежеминутно сыпались залпы изъ орудій, выбивавшіе изъ строя цѣлые ряды лошадей. Къ довершенію несчастія, артиллерія генерала д'Арвиля, стоявшая довольно далеко отъ возвышенностей Сипли, принявъ эти эскадроны за венгерскія войска, стрѣляла въ нихъ съ тыла. Надъ редутами же кавалерійская и пѣхотная колонны, готовые броситься на наши батальоны, какъ только пули разстроятъ ихъ ряды, показывали уже изъ-за дыма орудій первые ряды своихъ штыковъ и груди лошадей передовыхъ взводовъ.

38.

Таково было положеніе нашихъ атакующихъ колоннъ на плато Кесмъ въ моментъ прибытія Дюмуре. Генераль Дампьеръ, состоявшій подъ начальствомъ Бёрнонвиля, недовольный задержкой, которая, ослабляя пылъ воиновъ, давала имъ время сосчитать убитыхъ и возбуждала въ нихъ желаніе отступить, не хочетъ ждать, пока Дюмуре отобьетъ у него славу или смерть. Отчаяннымъ движеніемъ Дампьеръ увлекаетъ въ атаку Фландрскій полкъ и батальонъ волонтеровъ Парижскаго летучаго отряда, отчаянныхъ молодцовъ, приносившихъ на поле битвы театралный, но героическій фанатизмъ якобинцевъ. Лѣвой рукой онъ машетъ трехцвѣтнымъ султаномъ своей генеральской шапки и подъ картечью редутовъ и огнемъ венгерцевъ приводитъ въ движеніе взмахомъ своей шапки находившійся въ ста шагахъ за нимъ батальонъ. Смерть, ожидавшая его въ такомъ близкомъ будущемъ на другомъ полѣ битвы, на этотъ разъ пощадила его: ни одна пуля не попала въ него. Фландрскій полкъ и Парижскій батальонъ, ободренные тѣмъ, что видятъ его передъ собою, бросаются бѣгомъ, нагоняютъ его и съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“ прорываются при помощи штыковъ сквозь ряды венгерскихъ батальоновъ и овладѣваютъ редутами, орудія которыхъ они обращаютъ противъ непріятеля. Дюмуре и Бёрнонвиль съ своими колоннами бросаются съ фронта и съ праваго фланга и вступаютъ на плато, уже очищенное Дампьеромъ. Крики побѣды и трехцвѣтное знамя, водруженное на второмъ редутѣ, казалось, возвестили Дюмуре, что Кесмъ уже въ его власти и что пора овладѣть центромъ, оба крыла котораго отступили и который потому сдѣлался доступенъ съ обоихъ фланговъ.

Онъ бросается галопомъ отдать приказаніе своему тридцати-пяти-тысячному войску наступать на укрѣпленныя возвышенности, соединяющія деревню Кесмъ съ Жеммапомъ. Эти многочисленные батальоны, стоявшіе неподвижно подъ ружьемъ съ самаго разсвѣта, ожидали, прислушиваясь къ залпамъ орудій, раз-

дававшимися на обоихъ флангахъ. Вѣтеръ, дувшій со стороны Жеммапа, приносилъ къ нимъ вмѣстѣ со звукомъ выстрѣловъ и взрывовъ пушекъ клубы дыма и одуряющій запахъ пороха. Они съ нетерпѣніемъ ждали, когда ихъ поведутъ въ бой, и роптали на медлительность своего генерала.

По знаку Дюмуре вся линія приходитъ въ движеніе, батальоны строятся въ три длинныхъ и сомкнутыхъ колонны, затягиваютъ одновременно Марсельезу и бѣглымъ шагомъ пересѣкаютъ узкую долину, отдѣляющую ихъ отъ возвышенностей. 120 орудій австрійскихъ батарей непрерывно изрыгаютъ свои пули и гранаты на эти колонны, которыя отвѣчаютъ только боевымъ гимномъ. Выстрѣлы, направленные слишкомъ высоко, пролетаютъ надъ головами солдатъ и поражаютъ только послѣдніе ряды. Двѣ колонны начинаютъ взбираться по склонамъ холмовъ.

Третья колонна, шедшая черезъ лѣсъ Фленю, внезапно настигнутая восемью австрійскими эскадронами, останавливается, отступаетъ и укрывается за деревней. Эта нерѣшительность сообщается правой и лѣвой колоннамъ. Ряды съ каждой минутой все болѣе рѣдѣютъ. Юные батальоны, предпочитавшіе лучше броситься на встрѣчу смерти, нежели бездѣйствовать, обратились въ нестройные ряды и вслѣдъ затѣмъ начали наудачу формироваться въ безпорядочные взводы—признакъ, обычно предшествующій обращенію въ бѣгство. Дюмуре, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, взглядомъ, жестомъ и голосомъ указывалъ направленіе передовымъ батальонамъ праваго фланга. Покинуть отборное войско, которое одушевляло его присутствіе, значило увлечь его вслѣдъ за собою въ бѣгство. Онъ посылаетъ молодого Баптиста Ренара узнать о причинѣ замѣченнаго имъ безпорядка. Безстрашный Баптистъ пересѣкаетъ галопомъ пространство, отдѣляющее дивизію Дюмуре отъ лѣса Фленю. Мимоходомъ онъ собираетъ французскую кавалерію и направляетъ ее на помощь опрокинутой колоннѣ. Эти эскадроны, вступивъ на равнину, произвели уже замѣшательство и вызвали ужасъ въ тылу атаковавшихъ насъ колоннъ. Цѣлая бригада генерала Друэна, отрѣзанная, зарубленная саблями, разсѣялась. Клерфѣ съ высоты своей позиціи, откуда ему видны были всѣ наши атаки, увидаль необычайное смятеніе, вызванное на равнинѣ бригадой Друэна. Онъ направляетъ туда всю кавалерію. Этотъ натискъ, ужасный для неопытныхъ батальоновъ, отрѣзываетъ ихъ, разсѣваетъ и гонитъ ихъ вразсыпную до передовой линіи.

Центръ былъ разбитъ и вскорѣ цѣликомъ увлеченъ въ водоворотъ ужаса и смятенія, когда герцогъ Шартрскій, сражавшійся впереди, оглянулся и увидаль влѣво отъ себя свои пришедшіе въ разстройство батальоны. Тогда, повернувъ лошадь, уже раненую въ крупъ осколкомъ гранаты, онъ, съ обнаженной саблей, бросается на непріятельскихъ гусаръ; за нимъ слѣдуютъ его братъ, герцогъ Монпансье, младшая изъ сестеръ Фернигъ и нѣсколько его адъютантовъ. Онъ пересѣкаетъ долину, пистолетными выстрѣлами прочищая себѣ путь, и бросается въ самую жаркую схватку, продолжающуюся еще между остатками его готовыхъ отступить бригадъ. Голосъ молодого генерала, лица его спутниковъ, горящіе жаждою побѣды, стыдъ объятыхъ страхомъ солдатъ при видѣ шестнадцатилѣтней дѣвушки, съ пистолетомъ въ рукѣ, упрекающей ихъ за то, что они бѣгутъ передъ опасностью, на встрѣчу которой она такъ безстрашно

стремится, покрытое порохомъ и кровью лицо герцога Монпансье, мольбы офицеровъ, объявившихъ своимъ отрядамъ, что они отступать только черезъ ихъ тѣла, задерживаютъ бѣгство солдатъ, и вокругъ штаба молодого герцога образуется ядро изъ добровольцевъ отъ всѣхъ батальоновъ. Онъ наскоро строитъ ихъ, ободряетъ и увлекаетъ за собою. „Вы будете называться Жеммапскимъ батальономъ, кричитъ онъ имъ, а завтра васъ будутъ звать „батальономъ побѣды“, потому что она находится въ вашихъ рядахъ!“

Онъ приказываетъ помѣстить посрединѣ этого отряда связанные вмѣстѣ пять знаменъ, принадлежавшихъ до того пяти разбитымъ батальонамъ, изъ остатковъ которыхъ составилъ этотъ отрядъ. Съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“ онъ переходитъ долину подъ прикрытіемъ огня, открытаго кавалеріей центра противъ австрійскихъ эскадроновъ. Жеммапскій батальонъ, усилившійся на пути въ числѣ, благодаря присоединившимся къ нему остаткамъ разбитыхъ бригадъ, бросается съ неистовствомъ мщенія на укрѣпленія и по тѣламъ раненыхъ и убитыхъ взбирается на нихъ. Даже кавалерія, преодолевъ неблагоприятныя условія, представляемыя для нея почвой, бросается на редуты. Австрійскіе канониры всѣ умираютъ у своихъ орудій. Земля на батареяхъ сдѣлалась скользкой отъ человѣческой и лошадиной крови. Груды труповъ отмѣчаютъ уступы редутовъ. Венгерцы, скрестивъ штыки съ волонтерами, противопоставляютъ каждой линіи выстрѣловъ стѣну изъ желѣза. Людей, поднимающихся снизу, едва хватаетъ, чтобы замѣтить собою убитыхъ выстрѣлами съ редутовъ. Герцогъ Шартрскій и его отрядъ не могутъ подвинуться ни на шагъ; они чуть не отброшены снова въ долину, какъ вдругъ генераль Ферранъ показывается изъ деревни Жеммапъ, взятой имъ штурмомъ, во главѣ шести-тысячнаго отряда при восьми пушкахъ. Австрійцы очутились между двухъ огней.

При первыхъ же залпахъ непріятельскаго войска, австрійскіе генералы приказываютъ своимъ батальонамъ медленно отступать, оставивъ во власти герцога Шартрскаго и Феррана Жеммапскія высоты и редуты. Во время этого отступленія герцогъ Шартрскій и генераль Ферранъ направляютъ свои соединенныя силы—легкую пѣхоту и кавалерію—на аррьергардъ австрійцевъ. Окруженный такимъ образомъ аррьергардъ не имѣетъ времени соединиться съ главнымъ корпусомъ; онъ спускается съ холма за Жеммапомъ подъ непріятельскимъ огнемъ, а также подъ ударами сабель и штыковъ французовъ. Одной части пѣхоты удается спастись, побросавъ оружіе и оставивъ раненыхъ на произволъ непріятеля. Австрійская кавалерія мчится галопомъ прямо въ болота, окружающія подножіе холма, и бросается въ Гайнъ, глубокую и быструю рѣку съ крутыми берегами, извиноюся въ этихъ болотахъ. Четыреста или пятьсотъ человѣкъ и болѣе восьмисотъ лошадей потонули въ ней при переправѣ. Съ обрывистыхъ и топкихъ береговъ рѣки срываются ноги лошадей и руки людей, цѣпляющихся, чтобъ вскарабкаться на нихъ. Рѣка, вода въ которой поднялась отъ осеннихъ дождей, уноситъ трупы людей и лошадей и выкидываетъ ихъ за милю оттуда на тину или въ тростники этого огромнаго болота. Ферранъ тотчасъ же отправилъ генерала Туveno сообщить Дюмуре объ успѣхѣ его лѣваго крыла. Герцогъ Шартрскій послалъ своего брата, герцога Монпансье,

донести главнокомандующему, что сраженіе приняло благопріятный для нихъ оборотъ и что редуты центра взяты.

39.

Пока сраженіе велось съ такимъ переменнымъ успѣхомъ, Дюмурье, вполне полагавшійся на главный корпусъ своего войска, устремившійся на редуты непріятельскаго центра и взбравшійся на ихъ уступы, снова поспѣшилъ къ Бёрноввилю.

Изъ пяти редутовъ, защищавшихъ высоты Кесмъ, только два были взяты утромъ на его глазахъ, благодаря храбрости Дампьера. Но герцогъ Саксенъ-Геншенскій, собравъ свои лучшіе венгерскіе батальоны и эскадроны тяжелой кавалеріи, выстроилъ ихъ на вершинѣ и по склонамъ плато, возвышавшагося надъ тремя редутами. Эта позиція, прикрывавшая фась его войска и дорогу, служившую для сообщенія съ городомъ Монсомъ, являлась ключомъ къ побѣдѣ или къ пораженію. Ее защищали Латуръ, Болье, лучшіе генералы и самые храбрые солдаты. Тамъ бился пульсъ его войска. Дюмурье понялъ это. Онъ ѣхалъ туда съ безпокойствомъ. Въ моментъ его приближенія нѣсколько адъютантовъ, опечаленныхъ замѣшательствомъ и отступленіемъ центра его войска, сообщили ему грустную вѣсть о пораженіи трехъ его бригадъ въ лѣсу Фленю. Дюмурье поскакалъ на одну изъ возвышенностей и нѣсколько минутъ стѣдилъ за изгибомъ линіи своего войска и сверкающими на солнцѣ касками многочисленной конницы Клерфа; въ это время онъ пережилъ одно изъ тѣхъ нестерпимыхъ колебаній, когда воину приходится выбирать между унижительной осторожностью съ одной стороны и безразсуднымъ упорствомъ—съ другой. Онъ чувствовалъ, что необходимо сомкнуть оба фланга, уже наполовину одержавшіе побѣду, чтобы слить ихъ съ центромъ, который уже не могъ оказать имъ поддержки, и шагомъ спустился съ возвышенности, съ опущенной головой, задумчивый, рѣшившись скомандовать отступление.

По лицу его было видно, чего ему стоило это рѣшеніе. Революція и онъ самъ одинаково нуждались въ побѣдѣ. Это была бы первая побѣда, которую наши войска увидали бы со времени Семилѣтней войны, потому что Вальми было не что иное, какъ простая канонада; это былъ первый случай, представившійся къ возвращенію своему отечеству высшей военной доблести, которая, когда рѣчь заходитъ о численности войска, ставится на первый планъ; это было первое правильное сраженіе, которое онъ давалъ лично. До тѣхъ поръ онъ былъ только осторожнымъ тактикомъ, а не побѣдоноснымъ генераломъ. Якобинцы и Конвентъ держали въ эту минуту надъ его головой одновременно вѣнокъ побѣдителя и топоръ гильотины. Отъ триумфа или гибели его славы въ этотъ день зависѣло, то или другое опустится на его голову. У него не потребуютъ отчета въ нѣсколькихъ тысячахъ жизней, которыя погибнуть или будутъ сохранены, благодаря его осторожности; у него потребуютъ отчета въ славѣ французской арміи и въ энтузіазмѣ революціи, которые ускользнули бы у него вмѣстѣ съ побѣдой!

Дюмурье чувствовалъ, что онъ не долженъ пережить своей славы, потому что онъ не перенесетъ бы послѣдствій пораженія или отступления, которые по-

ставили бы его въ ужасное положеніе передъ завистливыми генералами, подзрительными якобинцами и Конвентомъ. Онъ прищипорилъ коня и поскакалъ на плато Кесмъ. Тамъ все было тихо въ виду грозной линіи пѣхоты и имперской конницы, убѣжавшей, какъ мы уже видѣли, своими батальонами и эскадронами вершины редутовъ. Въ эту минуту тамъ не было ни одного изъ командовавшихъ генераловъ. Раненый Дампьеръ пошелъ перевязывать свои раны. Бёрнонвиль, командовавшій правымъ флангомъ, держалъ свои бригады готовѣ, чтобы идти на помощь батальонамъ, атакованнымъ австрійцами. Наступилъ одинъ изъ тѣхъ часовъ затишья, когда вслѣдствіе нерѣшительности обонихъ лагерей прекращается сраженіе и у солдатъ наступаетъ передышка.

Первые отряды, встрѣченные Дюмуре, были двѣ пѣхотныя бригады, состоявшія изъ трехъ батальоновъ юныхъ парижанъ, которые, казалось, играли со смертію, и изъ четырехъ тысячъ старыхъ солдатъ его Мольдскаго лагеря, фанатически преданныхъ ему, какъ баловни его счастья, и испытанныхъ въ бою подъ руководствомъ его генія. Случай натолкнулъ его на нихъ въ этотъ критическій для него моментъ, отъ котораго зависѣла его слава и жизнь.

При видѣ своего генерала спѣшенные солдаты отдають ему честь, ударяя прикладомъ ружья о землю, бросаютъ шапки въ воздухъ и кричатъ: „Да здравствуетъ Дюмуре! да здравствуетъ нашъ отецъ!“ Ихъ энтузіазмъ передается и батальонамъ, состоящимъ изъ дѣтей Парижа. Взволнованный и тронутый генераль проходитъ передъ фронтомъ обѣихъ бригадъ, называя солдатъ по именамъ, и даетъ клятву, что приведетъ ихъ къ побѣдѣ. Они обѣщаютъ идти за нимъ. Десять эскадроновъ французской кавалеріи, драгунъ, стрѣлковъ, гусаръ, въ рядахъ которыхъ пули, сыпавшіяся съ редутовъ, время отъ времени прокладывали борозды, сражались въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда. Дюмуре спѣшитъ туда во главѣ своихъ поколебавшихся эскадроновъ. Онъ посылаетъ своего адъютанта Филиппа де-Во сказать Бёрнонвилю, чтобы тотъ постигшилъ начать атаку, потому что главнокомандующій началъ сраженіе. Австрійцы узнають Дюмуре по движенію, которое возникаетъ вокругъ него, по восторгу и крикамъ французовъ; они посылаютъ съ высотъ цѣлую дивизію имперскихъ драгунъ, чтобы разбить и смять это ядро. Солдаты Мольдскаго лагеря, неподвижные, какъ войска въ день смотра, окружають парижскіе батальоны и подпускають нападающихъ драгунъ на десять шаговъ отъ себя, цѣлятъ имъ въ грудь и въ головы ихъ лошадей и убиваютъ болѣе двухсотъ изъ нихъ, которыя падаютъ, увлекая за собою всадниковъ, и издыхаютъ. Огражденные этимъ валомъ, состоящимъ изъ труповъ, обѣ бригады обстрѣливаютъ эскадроны по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ линію ихъ огня. Дюмуре, по главѣ десяти французскихъ эскадроновъ, пускаетъ въ дѣйствіе гусаръ Бершени, которые начинаютъ рубить саблями имперскихъ драгунъ, потерявшихъ уже десятую часть своихъ силъ. Эта масса австрійской кавалеріи наконецъ въ безпорядкѣ бѣжитъ по дорогѣ въ Монсъ и своимъ разстроеннымъ видомъ приводитъ въ замѣшательство колонну венгерской конницы. Бёрнонвиль спѣшитъ на помощь съ своимъ резервомъ. Онъ занимаетъ плато Кесмъ, только что покинутое австрійцами. Дюмуре, успокоенный съ этой стороны, слѣзаетъ съ коня; солдаты прѣвѣтствуютъ его криками радости. Онъ строитъ колонну изъ двухъ бригадъ,

присоединяетъ къ ней полкъ конныхъ стрѣлковъ подъ командой одного изъ братьевъ Фрешвилля, полкъ Шамборанскихъ гусаръ, подъ командой другого брата Фрешвилля, изъ которыхъ оба отличались замѣчательными качествами какъ командиры въ боевыхъ схваткахъ; затѣмъ онъ даетъ имъ на подмогу полкъ гусаръ Бершени, состоящій изъ испытанныхъ въ прежнихъ войнахъ венгерскихъ авантюристовъ, одно имя которыхъ наводило ужасъ и обращало въ бѣгство во время войнъ революціи; полкомъ этимъ командовалъ полковникъ Нордманъ. Онъ затягиваетъ Марсельезу и ему вторитъ весь его штабъ и пятнадцать тысячъ голосовъ дѣтей Парижа.

Подъ это пѣніе, заглушающее грохотъ пушекъ и приводящее въ изступленіе солдатъ и даже лошадей, колонна приходитъ въ движеніе и бросается приступомъ на редуты. Венгерскіе канониры едва успѣваютъ выстрѣлить въ головы колоннѣ изъ своихъ пушекъ, заряженныхъ картечью. Волонтеры и солдаты, чтобы добраться до редутовъ, перелѣзаютъ черезъ изуродованные трупы товарищей; они прикалываютъ штыками тѣла венгерцевъ къ лафетамъ ихъ пушекъ. Среди густого порохового дыма, окутывающаго это небольшое поле, съ трудомъ можно отличить француза отъ врага, и нерѣдко сражающіеся узнаютъ другъ друга только тогда, когда ударъ уже нанесенъ.

Обѣ стороны проявили чудеса храбрости во время этой битвы: бились грудь съ грудью среди злобѣщей тишины, нарушавшейся только лязгомъ желѣза и глухимъ стукомъ труповъ, падающихъ съ парашетовъ, да громкимъ побѣднымъ крикомъ, раздававшимся съ каждаго уступа редутовъ послѣ того, какъ французы завладѣвали ими и водружали на нихъ знамена своихъ батальоновъ. Тутъ не было ни бѣгства, ни плѣнныхъ; всѣ венгерцы погибли у своихъ орудій, держа въ рукахъ обломки штыковъ и ружей.

40.

Бёрнонвилъ, увлеченный атакой, мчался вдоль праваго фланга редутовъ съ главными силами своей тяжелой конницы, преслѣдуя по пятамъ австрійскую кавалерію. Будучи въ душѣ скорѣе солдатомъ, чѣмъ генераломъ, онъ опережалъ свои эскадроны и повременамъ принуждалъ ѣхавшіе позади своихъ войскъ непріятельскіе отряды вступать съ нимъ въ сраженіе. Его адъютанты, окруженные эскадрономъ кирасиръ, падаютъ мертвые; онъ самъ, опрокинутый съ лошади, изъ которой дѣлаетъ себѣ оплотъ, едва отбивается отъ направленныхъ противъ него ударовъ сабель, уже касавшихся его груди. Жандармскій поручикъ Лабретешъ, въ сопровожденіи горсти всадниковъ, старыхъ солдатъ, прорываетъ строй австрійскаго эскадрона, опрокидываетъ своей грудью ближайшихъ къ Бёрнонвилю кирасиръ, прикрываетъ его своимъ тѣломъ, въ которое тотчасъ же вонзаются сорокъ лезвій сабель, и выигрываетъ такимъ образомъ время, давъ возможность французскому эскадрону прискакать на выручку своего генерала. Унесенный на рукахъ солдатами безъ признаковъ жизни, Лабретешъ остался, однако, живъ и въ послѣдствіи сражался еще.

Когда колонна, подходя къ одному изъ редутовъ, проходила передъ Дампьеромъ при кликахъ: „Да здравствуетъ республика!“ и въ пылу энтузіазма, казалось, не чувствовала подъ собой земли, генераль замѣтилъ среди волонте-

ровъ убѣленного сѣдинами старика, проливавшего слезы и ударявшего себя въ грудь. „Что съ тобою, другъ мой? спросилъ Дампьеръ:—Неужели солдатъ можетъ печалиться въ ту минуту, когда онъ идетъ навстрѣчу смерти или побѣды?“— „О, сынъ мой! сынъ мой! говорилъ про себя старый воинъ:—неужели мысль о твоёмъ позорѣ должна отравить мнѣ такую славную минуту!...“ И онъ разсказалъ генералу, что сынъ его, состоявшій въ первомъ Парижскомъ батальонѣ, дезертировалъ и что онъ поспѣшилъ занять его мѣсто, чтобы отдать свою жизнь взаменъ той руки, которую трусость его сына отняла у націи. Эта черта, достойная римлянина, была упомянута въ приказахъ Дюмуре по войску. Молодые солдаты стремились познакомиться со старымъ ветераномъ, который своею кровью искупалъ проступокъ сына и, смотря на него, вспоминали своихъ отцовъ.

41.

Едва только побѣда на правомъ флангѣ склонилась на нашу сторону, какъ Дюмуре поспѣшилъ къ центру, чтобы добиться побѣды и здѣсь. Онъ отдѣлилъ шесть эскадроновъ стрѣлковъ, бывшихъ подъ командою Фрешвилля, и во главѣ этой конницы во весь опоръ помчался къ лѣсу Фленю, чтобы напасть на австрійскую кавалерію, какъ вдругъ увидѣлъ приближавшагося навстрѣчу къ нему галопомъ герцога Монпансье. Молодой принцъ мчался сообщить ему о побѣдѣ герцога Шартрскаго. Вскорѣ затѣмъ Тувено принёсъ ему вѣсть о торжествѣ его лѣваго фланга при Жеммапѣ. Дюмуре обнялъ обоихъ вѣстниковъ побѣды; крикъ радости, вырвавшійся изъ груди генерала и его офицеровъ, былъ повторенъ эскадронами Фрешвилля и пронёсъ отъ Кесмъ до Жеммапа, изъ устъ въ уста, по всей линіи высотъ, занятыхъ теперь французами. Батареи молчали; только изрѣдка все слабѣ слышались выстрѣлы изъ пушекъ отступавшаго войска Клерфѣ и герцога Саксенъ-Тешенскаго. Это были лучшія минуты въ жизни Дюмуре, а также и въ боевой жизни Франціи. Побѣда и патріотизмъ заключили союзъ на Жеммапскихъ высотахъ.

42.

Дюмуре, который хотѣлъ и могъ вполне воспользоваться результатами своего успѣха, отрѣзавъ австрійскому войску дорогу въ Монсъ и отбросивъ его въ болота Гайна, гдѣ онъ потопилъ бы его и остатки его взялъ бы въ плѣнъ, посылалъ адъютанта за адъютантомъ къ генералу д'Арвилю, командовавшему Валансънской арміей. Она занимала, въ качествѣ резервнаго корпуса, высоты Сипли, вблизи предмѣстій Монса, скорѣ расположившись небольшими кучками, нежели выстроившись боевой линіей. Побѣдитель Дюмуре заставилъ ее поспѣшно перейти долину, отдѣляющую Сипли отъ горы Пализеля, взобраться на три редута, возвышающіеся надъ этой долиной, и такимъ образомъ отрѣзать австрійцамъ путь для отступленія къ Монсу.

Медлительность генерала д'Арвиля, хладнокровіе Клерфѣ, неустрашимость венгерцевъ, тирольцевъ и австрійской кавалеріи обманули эту надежду Дюмуре. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій и Клерфѣ отступали медленно, продолжая отстрѣливаться, безъ преслѣдованія вступили въ Монсъ и заперли за собою во-

рота. Слава побѣды и оставшееся за нимъ поле сраженія были единственными плодами успѣха Дюмуре. Усталость, оскудѣніе въ боевыхъ припасахъ, потеря ранеными и истощеніе силъ арміи, сражавшейся въ продолженіе четырехъ дней, наконецъ недостатокъ въ пищѣ принудили главнокомандующаго дать войскамъ два часа на отдыхъ. Имъ роздали хлѣбъ и водку на самомъ полѣ сраженія. Этотъ привалъ на взятыхъ штурмомъ редутахъ и возвышенностяхъ, среди сожженныхъ деревень и посреди умирающихъ и мертвыхъ, при звукахъ „Ca ira“ и Марсельезы, отвѣчавшихъ на стоны раненыхъ, представлялъ глазамъ Дюмуре, проѣзжавшаго шагомъ по полю сраженія, картину его потерь и побѣды.

Этотъ генералъ былъ настолько философъ, что проливалъ слезы при видѣ этого зрѣлища, и въ то же время честолюбивый воинъ, презирающій его и наслаждающійся имъ. Онъ не потерялъ ни одного изъ своихъ приближенныхъ и друзей. Туveno, герцогъ Шартрскій, герцогъ Монпансье, Бѣрновиль, Ферранъ, преданный и храбрый Баптистъ, обѣ молодая и прекрасныя героини,—Фелиситѣ и Теофилъ Фернигъ, слѣдовали за нимъ верхомъ, оплакивая мертвыхъ, поднимая и утѣшая раненыхъ. Троекратный крикъ привѣтствовалъ Дюмуре при его приближеніи—со стороны бригадъ, полковъ и батальоновъ. Ни одинъ раненый не упрекнулъ его за пролитую кровь, а всѣ оставшіеся въ живыхъ восхваляли его за одержанную имъ побѣду и за свою жизнь. Тучи, съ утра застилавшія небо, разсѣялись отъ залповъ артиллеріи, и все пространство, занятое войсками, теперь было залито свѣтомъ яркаго осенняго солнца. Густые клубы порохового дыма стлались тамъ и сямъ по склонамъ возвышенностей Кесмъ и Жеммапа. Нѣсколько домовъ, зажженныхъ гранатами, и верескъ, вспыхнувшій отъ картечи въ лѣсу Фленю, еще тлѣли. Тридцать или сорокъ пушекъ, брошенныхъ вмѣстѣ съ ящиками, стояли на редутахъ. Четыре тысячи труповъ австрійцевъ и венгерцевъ плавали въ крови на откосахъ и на выдавшемся краю Жемманскаго плато.

Двѣнадцать тысячъ лошадей австрійской артиллеріи и кавалеріи издыхали, вытянувъ головы, а поводья ихъ были еще въ рукахъ ихъ мертвыхъ всадниковъ.

На рѣкѣ Гайнѣ и на болотѣ, по которому она протекаетъ, видѣлись кучки людей и лошадей, барахтавшихся въ водѣ и въ тинѣ, стараясь выбраться оттуда. Двѣ тысячи труповъ французовъ и болѣе двухъ тысячъ лошадей, у которыхъ грудь и бока были изорваны ядрами, свидѣтельствовали объ опустошеніи, произведенномъ австрійскими редутами въ рядахъ французской артиллеріи и конницы, напавшихъ на нихъ со стороны ущелья. Цѣлыя груды труповъ отмѣчали каждый шагъ батальоновъ и промежутки, оставленные смертью между залпами. Почти всѣ выстрѣлы, направленные противъ нападающихъ, были смертельны. Только тысяча двѣсти или тысяча пятьсотъ раненыхъ были доставлены своими товарищами въ амбулаторіи. Остальные умерли, пораженные картечью, или испускали послѣдній вздохъ, когда къ нимъ подѣхалъ ихъ генералъ. Лица ихъ еще дышали тѣмъ воодушевленіемъ, которое возбуждало ихъ во время атаки. Даже ихъ агонія была торжествомъ. Они умирали съ радостью, не какъ солдаты, павшіе жертвой честолюбія начальника, а какъ люди, добровольно принесяшіе себя въ жертву отечеству и гордящіеся этимъ.

Врачи, бывшіе въ арміи, обратили вниманіе на то, что бредъ солдатъ, умиравшихъ отъ ранъ на другой или на третій день послѣ сраженія въ госпиталѣхъ Монса, носилъ патріотическій характеръ; воодушевленіе, увлекшее ихъ на поле сраженія, продолжалось и во время агоніи, и послѣднія слова, произносимыя передъ смертію, были слова гимна Руже де-Лилля или: „Отечество и свобода“. Идея революціи сливалась въ арміи съ мыслью объ отечествѣ; въ Парижѣ она создавала мучениковъ, а въ Жеммапѣ—героевъ.

43.

Когда Дюмуре въходилъ въ палатку, чтобы отдать приказаніе насчетъ новаго наступательнаго движенія, его остановилъ другой кортежъ: солдаты несли на носилкахъ тѣло умирающаго генерала Друэна, покрытое окровавленнымъ плащомъ. Виновный въ безпорядкѣ, который чуть не погубилъ центръ и не обратилъ побѣду въ пораженіе, Друэнъ геройски искупилъ своими ранами проступокъ своихъ солдатъ. Онъ пошелъ навстрѣчу смерти. Его товарищи торжествовали, онъ умиралъ.

Австрійскіе генералы, офицеры и солдаты отдавали укрѣпленія только вмѣстѣ съ жизнью. Обѣ арміи боролись не только за Бельгію, но и за славу двухъ націй и первой выигранной битвы. Они разрушили Жеммапское плато, оспаривая его другъ у друга. Каждая стычка заканчивалась рукопашной схваткой. Бились только холоднымъ оружіемъ. Почти всѣ австрійскіе генералы были ранены. Баронъ Кеймъ, командовавшій венгерскими гренадерами, увидѣвъ, что они дрогнули, нарочно всталъ подъ выстрѣлы и далъ убить себя, чтобы видъ его смерти воодушевилъ его гренадеръ желаніемъ отомстить за него.

Было четыре часа пополудни. У побѣдителей оставался только одинъ часъ до наступленія вечера. Вся французская армія двинулась, чтобы занять предмѣстья Монса. Австрійцы выступили изъ города ночью. Дюмуре вошелъ въ него на другой день какъ побѣдитель. Появленіе его показало, какое сильное чувство независимости и братства жило во всей Бельгіи еще во время пребыванія австрійской арміи. Городскія власти и жители, въ лицѣ главнокомандующаго и арміи, привѣтствовали побѣду и революцію. Они поднесли вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ Дюмуре и Дампьеру; монскіе якобинцы такимъ образомъ приписывали послѣднему часть побѣды. Дюмуре справедливо негодовалъ на то, что его хотѣли заставить раздѣлить славу съ его помощникомъ, образъ дѣйствій котораго, по его мнѣнію, противорѣчившій его намѣреніямъ, наименѣе содѣйствовалъ побѣдѣ. Побѣда всецѣло принадлежала ему, потому что онъ подготовилъ ее, добивался ея и достигъ. Жеммапъ принадлежалъ Дюмуре, какъ дѣйствіе принадлежитъ уму, въ которомъ зародилась мысль о совершеніи его. Первую награду, выпавшую на его долю,—эту побѣду, оспаривала у него зависть, тѣнь, слѣдующая по пятамъ великихъ людей. Побѣда потеряла для него прелесть, а якобинцы сдѣлались ему еще ненавистнѣе.

XXXVII.

Дюмуре медлитъ.—Бельгія.—Дантонъ.—Его планы.—Дюмуре недоволенъ.—Онъ покидаетъ Брюссель.—Онъ прибѣгаетъ въ Парижъ.—Онъ замышляетъ завоевать Голландію.—Онъ возвращается въ Брюссель.—Приказъ Конвента.—Бернвилль.—Пораженіе.—Дюмуре вступаетъ въ переговоры съ непріятелями.—Слухи объ его измѣнѣ.—Орлеанскій домъ.—Комиссары въ лагерь Дюмуре.—Дюмуре получаетъ приказаніе явиться.—Онъ отказывается повиноваться.—Онъ выдаетъ комиссаровъ австрійцамъ.—Измѣна.—Дюмуре спасается отъ смерти бѣгствомъ.

1.

Французская армія нашла въ Монсѣ двѣсти пушекъ и огромные запасы продовольствія, предназначенные для имперскихъ войскъ. Дюмуре пять дней былъ занятъ организаціей администраціи въ странѣ и распредѣленіемъ продовольственныхъ припасовъ. Онъ хотѣлъ предоставить Бельгіи самоуправленіе подъ протекторатомъ французской арміи. Дюмуре справедливо полагалъ, что независимый народъ, исполненный ненависти къ Австріи, дѣтище французской революціи, присужденный жить и умереть вмѣстѣ съ нами и, въ силу своей слабости, долженствующій стать житницей, арсеналомъ и полемъ сраженія нашихъ сѣверныхъ войскъ—могъ быть гораздо полезнѣе для нашего отечества, чѣмъ завоеванная, подчиненная и угнетенная провинція, опустошенная комиссарами Конвента и пропагандой якобинцевъ. Первое время онъ обращался съ бельгійцами какъ съ братьями; комиссары же и якобинцы хотѣли обращаться съ ними, какъ съ побѣжденными.

Во время этого вынужденнаго, но роковаго пребыванія въ Монсѣ, офицеры Дюмуре, медленно и неточно приводя въ исполненіе его планъ, подвигались по направленіямъ, которыя онъ назначилъ каждому изъ нихъ: Валенсъ къ Шарлеруа, Бурдоннэ къ Турнэ и Генту. Послѣ цѣлаго ряда стычекъ съ аванпостами, происходившихъ между 12—14-ымъ ноября, армія вошла въ Брюссель, столицу Бельгіи, покинутую наканунѣ маршаломъ Бендеромъ.

Въ одной изъ такихъ стычекъ между французскимъ авангардомъ и австрійскимъ арьергардомъ, одна изъ юныхъ амазонокъ Фернигъ, Фелиситэ, схвативъ съ приказомъ Дюмуре въ головѣ колонны, была окружена вмѣстѣ съ кучкой французскихъ гусаръ отрядомъ непріятельскихъ улановъ. Съ трудомъ отбившись отъ направленныхъ на нее сабель, она вмѣстѣ съ нѣсколькими гусарами помчалась къ своей колоннѣ, какъ вдругъ замѣтила молодого офицера изъ бель-

гійскихъ волонтеровъ, выстрѣломъ сшибленнаго съ лошади и отбивавшагося саблей отъ старавшихся прикончить его улановъ. Хотя Фелиситэ не знала этого офицера, однако тотчасъ же бросилась на помощь раненому, убила двумя пистолетными выстрѣлами двухъ уланъ и обратила остальныхъ въ бѣгство; затѣмъ слѣзла съ лошади, подняла умирающаго и, поручивъ его попеченіямъ своихъ гусаръ, проводила сама до амбулаторіи и возвратилась къ генералу. Этого молодого бельгійскаго офицера звали Фандерваленъ. Оставшійся по уходѣ французской арміи въ брюссельскимъ госпиталѣ, бельгіецъ забылъ свои раны, но никогда не могъ забыть своей очаровательной спасительницы, явившейся ему на полѣ битвы. Это лицо женщины, носящей одежду товарища по оружію, бросившейся въ схватку, чтобы спасти его отъ смерти, и склонявшееся затѣмъ надъ его ложемъ въ амбулаторіи, постоянно являлось его воображенію.

Когда Дюмуре бѣжалъ за границу и армія потеряла слѣды юныхъ воительницъ, которыхъ онъ увлекъ за собою въ свои неудачи и изгнаніе, Фандерваленъ вышелъ въ отставку и отправился въ Германію на поиски за своей спасительницей. Онъ долго ѣздилъ по городамъ Сѣвера, тщетно стараясь получить какія бы то ни было свѣдѣнія о семействѣ Фернигъ. Наконецъ онъ нашель ее въ одномъ изъ захолустій Даніи. Его благодарность къ молодой дѣвушкѣ перешла въ любовь, когда онъ увидѣлъ ее прелестной и скромной, въ одеждѣ, свойственной ея полу. Онъ женился на ней и увезъ ее къ себѣ на родину. Теофиль, ея сестра и подруга по славѣ, послѣдовала за Фелиситэ въ Брюссель. Она умерла тамъ еще молодой; замужъ она не вышла. Она занималась искусствами. Подобно Викторіи Колонна, она была музыкантшей и поэтессой. Послѣ нея остались стихотворенія, отличающіяся героизмомъ мужчины, чувствительностью женщины и достойныя увѣковѣчить имя ихъ автора.

Обѣ сестры, неразлучныя при жизни и на полѣ битвы, нашли покой на чужбинѣ, похороненныя подъ однимъ и тѣмъ же кипарисомъ. На какой мраморной доскѣ нашихъ триумфальныхъ арокъ записаны ихъ имена? Въ которой изъ залъ Версаля выставлены ихъ портреты? На которой изъ нашихъ границъ, орошенныхъ ихъ кровью, возвышаются ихъ статуи?

2.

Представители Брюсселя принесли ключи отъ города въ главную французскую квартиру въ Андерлехтѣ. „Возьмите эти ключи обратно, сказали имъ Дюмуре, мы не враги ваши; управляйте собою сами и не подчиняйтесь чужеземному игу“. Армія вступила въ Брюссель при восторженныхъ кликахъ народа; но генералъ не допустилъ грабежа, а также старался, чтобы его войска не подвергались вліянію распущенности, царящей въ каждой большой столицѣ. Онъ сосредоточилъ всѣ свои войска въ Андерлехтскомъ лагерѣ. Четыре тысячи бельгійскихъ солдатъ перешли на сторону освободителей своего отечества и, нацѣпивъ трехцвѣтныя кокарды, встали подъ ихъ знамена, заполнивъ такимъ образомъ ряды, разрѣженные во время Жеммапской битвы.

Дюмуре, возвеличенный этимъ двойнымъ триумфомъ, любимый народомъ,

независимость которого онъ отстоялъ при Вальми, и войскомъ, обязаннымъ ему своею побѣдой, а также и бельгийцами, которымъ онъ обѣщалъ независимость,—министръ, дипломатъ, генераль, счастливый администраторъ, связавшій свое имя съ первой побѣдой, одержанной во имя свободы, возбудившей энтузіазмъ и гордость всего народа, сдѣлался настоящимъ диктаторомъ всѣхъ партій. Госпожа Роланъ вела съ нимъ секретную переписку, въ которой ея восхищеніе его побѣдой доходило до опьяненія. Жансонне и Бриссо настойчиво совѣтовали ему завоевать Голландію и Германію. Якобинцы увѣщали его бують въ залахъ своихъ засѣданій. Робеспьеръ молчалъ, чтобы преждевременно не пойти въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ. Одинъ только Маратъ рѣшился обличить Дюмуре, какъ измѣнника, уподобляя его Кромвелю. Конвентъ съ распростертыми объятіями принялъ Баптиста, прежняго подчиненнаго, а теперь адъютанта Дюмуре, наградивъ его почетнымъ оружіемъ и выслушавъ изъ его устъ рассказъ о подвигахъ генерала. Дантонъ и Лакруа получили отъ своихъ сотоварищей разрѣшеніе отправиться въ Брюссель поздравить побѣдителя и дать устройство завоеваннымъ имъ странамъ. Наконецъ герцогъ Орлеанскій, пославъ свою дочь въ Турнай къ госпожѣ Жанлисъ, отправился самъ въ армію, украшеніемъ главной квартиры которой были оба его сына, воспитанники Дюмуре; такимъ образомъ Дюмуре могъ выбирать между республикой и монархіей. Для него это являлось осуществленіемъ его грезы о диктатурѣ, о которой Лафайетъ только мечталъ. Конечно, пока еще не настало время объявить о ней. Республика, только что народившаяся, не дошла еще до той степени разложенія, когда становится возможнымъ господство одного вооруженнаго главы партій надъ его обезсиленными противниками: но этотъ часъ, наступленіе котораго могло быть ускорено анархическими движеніями, волновавшими Парижъ, могъ и долженъ былъ наступить. Дюмуре оставалось только отдаться на волю теченія, поднимавшаго его все выше и выше. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ самъ замедлилъ движеніе, увлекавшее его по пути къ успѣху. Въѣсто того, чтобы являться въ походахъ завоевателемъ во имя республики, онъ преждевременно прекратилъ свои дѣйствія. Дантонъ лучше самого Дюмуре понималъ его призваніе къ военному поприщу и въ какое безразсудное движеніе, внезапное и неожиданное, онъ долженъ былъ увлечь въ эту минуту свои войска. Какъ только республика была объявлена, миръ становился уже невозможенъ. Слѣдовало дать болѣе крутой оборотъ военнымъ дѣйствіямъ и заставить врасплохъ пока еще дремлющихъ монарховъ. Дюмуре же слишкомъ полагался на свой умъ дипломата въ то время, когда онъ могъ разсчитывать только на свою шпагу. Но онъ не хотѣлъ слѣдовать ни совѣтамъ Бриссо, ни побужденіямъ Дантона. Онъ далъ время Англіи составить заговоръ, Голландіи—вооружиться, Германіи—осмотрѣться, Бельгіи—сдѣлаться недовольной своимъ положеніемъ, собственной арміи—остынуть въ своемъ воинственномъ порывѣ, а генераламъ начать злоумышлять противъ него. Медлительность, часто столь полезная въ мирныя времена, губить людей во время борьбы. Движеніе—вотъ основа революцій. Замедлить его значитъ измѣнить имъ. Съ военной точки зрѣнія, въ этомъ заключалась ошибка Дюмуре.

3.

Безъ сомнѣнія, бельгійцевъ слѣдовало щадить. Революціонныя идеи, принесенныя къ нимъ Дюмуре, не были рабскимъ подражаніемъ парижскимъ. Два народа, столь схожіе другъ съ другомъ по географическому положенію своей страны, почвѣ и идеямъ, не походили одинъ на другой характерами. Эти жители Сѣвера, разжирѣвшіе на плодородной почвѣ, разбогатѣвшіе отъ промышленности и обширной торговли, воспитанные въ духѣ суроваго католицизма, сохранили, даже подъ религіозно-деспотическимъ правленіемъ Филиппа II, страстную любовь къ народной свободѣ и личную гордость гражданъ; свободолюбивые, страстно преданные искусствамъ, соперничающіе съ самими Римомъ въ способностяхъ къ живописи и музыкѣ, не имѣющіе на своей территоріи большихъ городовъ, гдѣ ютятся подонки націй, представляя собою единый народъ, не имѣющій черни,—бельгійцы понимали свободу иначе, чѣмъ мы. Республика, которая годилась бы для нихъ, будь она аристократическая, буржуазная или духовная, явилась бы не триумфомъ взбунтовавшейся черни надъ богачами и цвѣтомъ народа, но результатомъ правильнаго распредѣленія правъ и власти между всѣми классами общества. Во Франціи свобода была завоевана, въ Бельгіи она составляла привычку. Въ первой былъ необходимъ Конвентъ,—естественнымъ правительствомъ второй являлся Сенатъ.

Но время рѣшить окончательно, какая форма правленія наиболѣе пригодна для Бельгіи, еще не наступило. Завоевать ее, воодушевить, пройти ее, увлекая за собою ея революціонеровъ и солдатъ на борьбу съ Голландіей и Рейномъ, суля имъ побѣду, составляло единственный подвигъ Дюмуре, какъ воина. Для этого достаточно было временнаго правительства, находящагося подъ протекторатомъ и вліяніемъ французской арміи. Общать полунезависимое правленіе, сообразно услугамъ, которыя оказали бы намъ въ нашей союзной войнѣ бельгійскій народъ,—такова была единственная политика, которой долженъ былъ держаться Конвентъ и уполномоченный имъ генераль. Освобождая Бельгію, Дюмуре, подобно римскимъ полководцамъ, дѣлался покровителемъ народа и былъ въ правѣ требовать отъ него подкрѣпленій и съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для арміи-освободительницы.

Средства Конвента, финансами котораго завѣдывалъ Камбонъ, были слишкомъ истощены, чтобы онъ могъ одинъ платить жалованье своимъ войскамъ и содержать ихъ. Онъ послалъ вслѣдъ за генераломъ комиссаровъ, чтобы обложить налогами бельгійскія провинціи и города. Комиссары, обходясь съ этими провинціями и городами скорѣе какъ съ завоеванными странами, а не какъ съ союзниками, набросились на Бельгію, какъ на добычу, и старались извлечь личную пользу изъ патріотическихъ чувствъ, которыя они должны были бы всячески щадить. Во время возникшей изъ-за этого ожесточенной борьбы съ Камбономъ, военнымъ министромъ Пашемъ и его агентами въ Бельгіи, генераль въ одно и то же время тормозилъ финансовыя предпріятія Конвента и движеніе своихъ войскъ. Они во всемъ нуждались, хотя были въ самой жилищѣ Европы; они роптали, дезертировали, выходили въ отставку. Въ это время въ Брюссель пріѣхалъ Дантонъ съ своимъ другомъ Лакруа.

Дантонъ, покидая Парижъ и принимая на себя порученіе въ лагерь, преслѣдовалъ двѣ цѣли. Во-первыхъ, благодаря своему отсутствію, онъ избѣгалъ необходимости объявить, чью сторону онъ беретъ въ борьбѣ якобинцевъ съ жирондистами; во-вторыхъ, взятое имъ на себя порученіе приближало его къ театру войны и дипломатіи. Наконецъ, онъ могъ обстоятельнѣе переговорить съ Дюмуре относительно своихъ плановъ, касающихся диктатуры, которые онъ таилъ въ душѣ, и восстановленія конституціонной монархіи. Самые достовѣрные и секретныя свѣдѣнія не оставляютъ сомнѣнія въ истинныхъ намѣреніяхъ Дантона по отношенію къ республикѣ. Онъ не скрывалъ ни отъ жены, ни отъ своихъ близкихъ и друзей своего желанія возстать противъ анархіи, лишь только она утомится отъ своего самовластія, войти въ сношеніе съ Пруссіей или по крайней мѣрѣ съ Англіей, воздвигнуть тронъ и возвести на него принца, столь же скомпрометированнаго въ революціи, какъ и сама Франція. Этотъ принцъ былъ герцогъ Орлеанскій, отъ имени котораго Дантонъ надѣялся царствовать самъ. По совѣту Дантона, герцогъ Орлеанскій поѣхалъ въ армію и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Турнеѣ, подъ предлогомъ встрѣтить тамъ свою дочь и госпожу Жанлисъ.

Въ ожиданіи возможности осуществить свои планы, Дантонъ старался сдѣлаться посредникомъ между Нашемъ и Дюмуре. Ему было важно, чтобы во главѣ арміи стоялъ генералъ, столь же невѣрный республикѣ, какъ и онъ самъ, и такъ же, какъ и онъ, желающій восстановленія конституціонной монархіи.

Не высказываясь открыто въ вопросѣ объ окончательномъ присоединеніи Бельгіи къ Франціи, Дантонъ и Лакруа раздували въ Брюсселѣ пламя якобинства. Они братались съ самыми экзальтированными бельгийцами, раздавали своимъ послѣдователямъ остатки церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Увеличеніе ихъ личнаго состоянія, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, подало поводъ къ обвиненію ихъ въ томъ, что они подражаютъ въ лихоимствѣ римскимъ проконсуламъ и купили молчаніе генерала, сдѣлавъ его участникомъ въ расхищеніи сокровищъ націи.

На чемъ бы ни основывались эти слухи, возникшіе вслѣдствіе необычайной роскоши Дантона и Лакруа и ихъ близости съ Дюмуре, но со времени вступленія французовъ въ Бельгію всѣ ихъ административныя мѣры были крайне беспорядочны и непослѣдовательны. Армія теряла свои силы, республика — свое значеніе, а главнокомандующій время, чтобы утвердиться въ завоеванной странѣ и двинуться впередъ.

Онъ поручилъ генералу Ля-Бурдонне взять Антверпенъ. Его авангардъ, выступившій 10-го изъ Брюсселя, подъ командой Штангеля, овладѣлъ Мехельномъ, арсеналомъ австрійцевъ, гдѣ оказались боевые припасы, необходимые для похода. Самъ Дюмуре занялъ Лувенъ и Лютихъ. Антверпенъ, сопротивлявшійся до тѣхъ поръ нерѣшительнымъ атакамъ Ля-Бурдонне, сдался генералу Мирандѣ. Одного мѣсяца было вполне достаточно, чтобы покорить Бельгію и княжество Лютихъ. Дантонъ, Лакруа и тридцать два комиссара Конвента или якобинца послѣдовали за лютихской арміей и потребовали, чтобы это княжество, подобно Савойѣ, присоединилось къ Французской республикѣ. Дю-

мурье воспротивился этому, потому что мѣра эта заставила бы Германію, сохранявшую до сихъ поръ нейтралитетъ, объявить намъ войну за нарушеніе германской федераціи; онъ такъ же неохотно объявилъ войну Голландіи, начавъ блокаду Шельды.

Блокада Шельды была разорительна для торговли Антверпена, соперника Амстердама. Императоръ Іосифъ II, воевавшій съ Голландіей за право свободного плаванія по этой рѣкѣ, кончилъ тѣмъ, что отказался отъ этого яблока раздора и продалъ голландцамъ за четырнадцать милліоновъ фунтовъ устье Шельды. Франція, завоевательница Нидерландовъ, не могла признать этого договора, наносившаго величайшій ущербъ ея новымъ подданнымъ. Эта защита бельгійскихъ интересовъ показала оскорбленіемъ голландцамъ и англичанамъ, въ то время ревностнымъ покровителямъ Голландіи. Блокада Шельды, скорѣе чѣмъ эшафотъ Людовика XVI, заставила Питта объявить войну республикѣ.

4.

Французская армія, хотя одержала побѣду и расположилась на зимнія квартиры между Ахеномъ и Лютихомъ, нуждалась однако во всемъ и съ каждымъ днемъ убавлялась въ численности подъ вліяніемъ нужды и недовольства. У нея осталась только четвертая часть ея боевыхъ силъ. Остальные три четверти составляли батальоны волонтеровъ, храбрыхъ въ бою, но крайне недисциплинированныхъ. Солдаты, не получавшіе жалованья и не имѣвшіе ни обуви, ни одежды, дезертировали массами, гордясь побѣдой, но не имѣя силъ къ перенесенію зимней кампаніи. Генералы и офицеры уѣзжали отъ своихъ частей и искали развлеченій въ городахъ Лютихъ и Ахенѣ. Комиссары Конвента, уполномоченные парижскихъ якобинцевъ, братались съ нѣмецкими революціонерами и, сдѣлавъ изъ Лютиха колонію парижскихъ демагоговъ, лишали главнокомандующаго свободы дѣйствій и авторитета. Конвентъ, по настоянію Дантона взявшій на себя защиту всѣхъ угнетенныхъ народовъ въ Европѣ, издалъ декретъ, превращавшій правильную войну во всеобщее возстаніе. „Конвентъ“, говорилось въ этомъ декретѣ, „объявляетъ отъ имени французскаго народа, что онъ даруетъ братство и помощь всѣмъ народамъ, которые захотятъ добиться свободы. Онъ приказываетъ генераламъ подавать помощь народамъ, защищать всѣхъ гражданъ, которые терпятъ или могутъ потерпѣть притѣсненіе за защиту свободы“. Не существовало болѣе препятствій къ возникновенію войны. Управляли уже не дипломатія и не законы войны, а комиссары. Лютихъ сдѣлался жертвой ихъ всемогущества и грабежа. Однако проконсульскій авторитетъ Дантона и Лакруа, все еще продолжавшихъ поддерживать тайныя сношенія съ Дюмурье, защищаль отчасти главнокомандующаго противъ требованій лютихскихъ клубистовъ и обвиненій агентовъ Паша и въ особенности Ронсэна. Дантонъ жаждалъ поправить свое состояніе на счетъ средствъ завоеванныхъ городовъ, такъ какъ онъ не получалъ уже болѣе субсидій отъ двора.

Дюмуре, бездѣятельный и недовольный, провелъ нѣсколько недѣль, запершись во дворцѣ люттихскаго епископа; удрученный заботами и чувствуя, что вмѣстѣ съ уже наполовину разсѣявшейся арміей исчезаетъ и его слава, онъ видѣлся только съ Дантономъ, но даже и съ нимъ сходилса не во всемъ. Побѣдитель при Жеммапѣ искупалъ тайнымъ уныніемъ почести, которыя вся Франція воздавала его имени. Бродя одиноко по обширнымъ заламъ люттихскаго дворца, онъ изрѣдка взглядывалъ на свою шпагу и чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ искушеніе разрубить узелъ, затянувшій его въ такое мучительное для него положеніе.

Однажды, терзаемый грустью и мрачными предчувствіями, онъ развернулъ одинъ изъ томовъ сочиненій Плутарха, этой школы великихъ мужей, и взоръ его упалъ на слова историка-философа въ біографіи Клемена: „Такъ какъ положеніе вещей крайне непривлекательно, то пора увидѣть ихъ позоръ и выйти изъ него“. Слова эти, столь соотвѣтствовавшія состоянію его души, склонили его на сторону нетерпѣнія и измѣны. Для Дюмуре они означали не раскаяніе и благоразуміе, а возмущеніе и негодованіе противъ отечества.

Въ это время процессъ короля близился къ концу, и повелитель, котораго онъ любилъ и которому служилъ, долженъ былъ взойти на эшафотъ, а онъ, его слуга и другъ, держалъ въ своей рукѣ шпагу, которой командовалъ французской арміей. Этотъ контрастъ между положеніемъ, въ которомъ онъ находился, и его чувствами исторгъ у него слезы умиленія и негодованія. Онъ старался тайно узнать, съ какими чувствами относятся французскіе солдаты къ королю-узнику. Но сердца ихъ бились для одной только республики. Воспоминаніе о нѣсколькихъ вѣкахъ рабства было живо въ сердцахъ французовъ. Партія Робеспьера и якобинцевъ имѣла сообщниковъ въ арміи даже въ лицѣ генераловъ, соперниковъ или враговъ Дюмуре. Ля-Бурдонне, Дампьеръ и Моретонъ злоумышляли противъ него. Отчаявшись возбудить къ возстанію противъ Парижа большую часть своей арміи, главнокомандующій остановился на мысли устроить побѣгъ узниковъ изъ Тампля при помощи отряда легкой кавалеріи, который, подъ предлогомъ маневрированія, долженъ былъ приблизиться къ воротамъ Парижа и, раздѣлившись на небольшіе отряды, служить прикрытіемъ во время бѣгства королевской семьи до аванпостовъ арміи. Такова была мечта и Лафайета, еще болѣе неосуществимая въ Тамплѣ, чѣмъ въ Тюльери. Онъ написалъ Жансонне и Бареру, прося ихъ устроить, чтобы Конвентъ приказалъ ему явиться въ Парижъ на помощь собранію противъ коммуны. Жирондисты, смѣлые только на словахъ, не рѣшались угрожать Конвенту. Бареръ, человѣкъ предусмотрительный, уже отсталъ отъ жирондистовъ и угрожалъ Робеспьеру. Онъ ничего не отвѣтилъ главнокомандующему. Дюмуре отправился въ Парижъ, отдавъ бельгійцамъ приказъ, приглашавшій ихъ образовать предварительныя собранія для устройства Учредительнаго собранія, которое должно было взять на себя организацію ихъ свободы.

6.

Дюмуре явился въ Парижъ скорѣе какъ бѣглецъ, нежели какъ триумфаторъ, и укрылся въ одномъ изъ мрачныхъ домовъ въ Клиши. Въ то время какъ общественное мнѣніе раздѣлилось за и противъ казни Людовика XVI, онъ хотѣлъ остаться въ тѣни, изучать людей и слѣдить за событіями; онъ былъ равно неспособенъ, какъ выказывать несуществовавшую въ его душѣ лицебѣрную ярость противъ короля, такъ и явиться единственнымъ безоружнымъ защитникомъ жертвы, которую онъ жалѣлъ, но спасти былъ не въ состояніи. Дюмуре присматривался ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ партіямъ, чтобы увидѣть, гдѣ сила и къ которой изъ нихъ въ критическій моментъ перейдетъ управление республикой. Онъ соблазнялъ каждую изъ нихъ предложеніемъ великодушно пощадить жизнь короля. Убѣжденный поборникъ тайныхъ заговоровъ, онъ вернулся къ своей первоначальной роли и не останавливался ни передъ какой интригой, чтобы скрыть свои планы и войти въ сношенія съ главными вождями партій, льстилъ ихъ политикѣ и тщеславію. Въ простомъ мундирѣ и плащѣ кавалерійскаго офицера, онъ отправлялся вечеромъ пѣшкомъ на свиданія, назначенныя въ частныхъ домахъ и у общихъ друзей. Всѣ двери раскрывались передъ покрытымъ боевою славой генераломъ, баловнемъ успѣха и любимцемъ арміи, на котораго возлагались тайныя надежды. Онъ видѣлся тайкомъ съ Жансонне, Верньо, Роланомъ, Петіономъ, Кондорсе и Бриссо. Республика, только что созданная этими ораторами, уже ужасала ихъ своими порывами; они не узнавали въ ней воплощеніе своего философскаго идеала; они дрожали передъ своимъ созданіемъ и съ ужасомъ спрашивали себя, неужели демократія породила чудовище.

Жансонне льстилъ себя надеждой спасти короля; Барбару возмущался жестокостью парижанъ; Верньо клялся, что онъ не допуститъ свою родину до такого позора, хотя бы ему пришлось одному отказать народу выдать эту голову; Роланъ и его жена тѣмъ болѣе хотѣли спасти жертвы, что они упрекали себя въ томъ, что предали ихъ. Петіонъ говорилъ съ умиленіемъ, что онъ любитъ Людовика XVI какъ человѣка, хотя и хотѣлъ свергнуть его съ престола какъ короля. Но никто, кромѣ Верньо, не изъявлялъ готовности пожертвовать ради спасенія короля своею партіей и въ особенности идти противъ коммуны подъ руководствомъ Дюмуре. Несмотря на обаяніе имени Дюмуре, они не довѣряли возможности успѣха нѣсколькихъ незначительныхъ отрядовъ парижскаго гарнизона и марсельскихъ союзниковъ, подстрекаемыхъ Барбару, въ борьбѣ съ движеніемъ всего народа. Дюмуре, чувствовавшій въ глубинѣ души болѣе расположенія къ этимъ республиканскимъ аристократамъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ, съ грустью удалился отъ нихъ, когда убѣдился въ ихъ слабости и безсиліи; онъ жалѣлъ и въ то же время презиралъ ихъ.

Находясь въ сношеніяхъ съ Сантерромъ черезъ посредство Вестермана, Дюмуре встрѣчалъ у него руководителей коммуны и даже сентябристовъ; онъ пытался привлечь на свою сторону Паниса, шурина Сантерра и друга Робеспьера; онъ хотѣлъ черезъ Паниса дать понять Робеспьеру, что отъ него одного зависитъ спасеніе короля.

7.

Робеспьеръ, предчувствовавшій уже, что Дюмуре грозитъ изгнаніе, подобно Лафайету, отказался отъ всякихъ сношеній съ нимъ; онъ хотѣлъ только диктатуры, основанной на убѣжденіи; онъ ненавидѣлъ вліяніе, приобретенное посредствомъ шпaги; онъ ждалъ, когда разсѣется слава Жеммапа, ослѣплявшая въ это время Францію, чтобы обличить въ побѣдителя заговорщика. Дюмуре, находясь съ якобинцами, прикидывался республиканцемъ. Но онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что якобинцы представляютъ собою взрывчатый матеріалъ, который сдержать и которымъ управлять не можетъ никакая политика. Онъ рѣшилъ притворяться, что раздѣляетъ ихъ убѣжденія, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ нихъ самихъ власть управлять ими. Эти тайныя сношенія между нимъ и якобинцами склонили Паша и исполнительный совѣтъ согласиться на предложенный имъ планъ—завоевать Голландію. Его популярность въ кружкахъ Санterra, Паниса, Дефе, у якобинцевъ и въ Конвентѣ давала ему смѣлость говорить, какъ главѣ арміи. Его мнѣнію подчинялись въ комитетахъ Конвента такъ же, какъ и въ кабинетахъ Паша; одинъ только Маратъ рѣшался идти противъ него. Однажды во время обѣда у Санterra, Дюба-Крансе, якобинецъ и очень популярный офицеръ, другъ Марата, осмѣлился оскорбить побѣдителя при Жеммапѣ и даже сдѣлалъ ему угрожающій жестъ; Дюмуре всталъ изъ-за стола, схватился за рукоятъ шпaги и, несмотря на свой небольшой ростъ, вплотную подошелъ къ стоявшему съ поднятымъ кулакомъ колосу Дюба-Крансе. Гости бросились между ними и не допустили до пролитія крови.

8.

Но возмущенный генералъ мечталъ уже о мести. Заперевшись подъ предлогомъ болѣзни въ своемъ уединенномъ убѣжищѣ въ Клиши, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ казни и послѣдовавшихъ за казнью короля, не принималъ никого, кромѣ своихъ трехъ повѣренныхъ, Вестермана, Лакруа и Дантона. Эти дни онъ обдумывалъ планъ завоеванія Голландіи и дѣйствія, которыя необходимо предпринять для укрощенія и обузданія революціи. Вестерманъ, которому грозила месть Марата за то, что тотъ осмѣлился ударить его на Новомъ мосту, заранѣе радовался униженію демагоговъ, которое они должны будутъ потерпѣть отъ побѣдоносной арміи. Дантонъ втихомолку поддерживалъ эти надежды вонновъ; онъ вѣрилъ, что борьба между революціей и монархами будетъ отчаянная. Онъ думалъ, что надо ослѣпить народъ славой побѣдъ нашей арміи, потому что онъ неспособенъ понять славу философіи революціи. Онъ всячески старался содѣйствовать послѣдующему величію Дюмуре. Лакруа старался о томъ же, жаждая обогатиться.

9.

Планъ военныхъ дѣйствій, имѣвшій связь съ политическимъ заговоромъ Дюмуре, состоялъ въ слѣдующемъ: подойти съ двадцати-пяти тысячнымъ войскомъ къ Антверпену, сердцу Голландіи, проникнуть до канала Мѣрдика, морского рукава, опоясывающаго Роттердамъ и Гаарлемъ, переходъ черезъ кото-

рый дѣлаетъ бесполезными всѣ укрѣпленія, защищающія эти богатая мѣстности; сдѣлать призывъ къ революціонному чувству батавійцевъ, вернуть власть врагамъ Оранскаго дома и отечество многочисленнымъ изнанникамъ, которые встали подъ французскія знамена, увлекаемые стремленіемъ возстать противъ своего штатгальтера.

Батавскій легіонъ и двѣ тысячи антверпенцевъ составляли авангардъ этой арміи-освободительницы. Одержавъ побѣду, Дюмуре удалилъ изъ своей арміи всѣ батальоны волонтеровъ, присутствіе которыхъ не соотвѣтствовало его намѣреніямъ. Онъ хотѣлъ оставить въ Голландіи только строевые полки, которые готовы были безпрекословно исполнять его волю, и генераловъ, вполнѣ преданныхъ ему. У него оказалось тридцать тысячъ такихъ солдатъ въ Бельгіи и столько же въ Голландіи; такимъ образомъ у него явилось войско, которымъ онъ могъ располагать для своихъ личныхъ цѣлей. Онъ укрѣпилъ площади, вооружилъ флотъ Текселя и созвалъ представителей двухъ націй: бельгійцевъ въ Гентѣ и батавцевъ въ Гаагѣ; подъ охраной своего войска, онъ образовалъ нейтралитетъ Англіи и во главѣ этой соединенной арміи направился къ Парижу, чтобы дать тамъ окончательное устройство республикѣ. Но, какъ вѣршій въ судьбу авантюристъ, Дюмуре предоставилъ случаю рѣшеніе своихъ воинственныхъ комбинацій. Ему ли достанется диктатура? Или онъ вступитъ въ дуумвиратъ съ Дантономъ? Или возстановится конституціонная монархія 89-го года, въ которой престолъ займетъ герцогъ Шартрскій? Или, наконецъ, ему постоянно придется прибѣгать къ протекторату Голландіи и Бельгіи лично для себя, или, быть можетъ, онъ надѣялся на развалинахъ нѣсколькихъ троновъ создать тронъ для себя съ титуломъ герцога Брабантскаго? Онъ объ этомъ не говорилъ; онъ этого не зналъ. Никому лучше его не было извѣстно, какую огромную долю въ судьбахъ людей приходится предоставлять случаю.

10.

Дюмуре быстрымъ движеніемъ, соотвѣтствующимъ эластичности его плановъ, подошелъ къ Брюсселю, построилъ свое войско въ колонны, привелъ въ изумленіе Голландію, овладѣлъ Бредомъ и Гертруденбергомъ и почти безъ сопротивленія подошелъ къ Мѣрдику; онъ намѣревался при помощи своей флотиліи овладѣть имъ и былъ уже близокъ къ осуществленію первой части своего плана, такъ какъ голландцы, вслѣдствіе своей медлительности, не смѣли противопоставить значительную силу его двѣнадцатитысячной арміи, съ которой онъ сдѣлалъ попытку овладѣть цѣлымъ государствомъ. Общественное мнѣніе въ Голландіи было за него. Голландцы, германцы по происхожденію, измѣнили свой національный характеръ подъ вліяніемъ моря и имѣютъ черты, общія съ нѣмцами и англичанами: они тяжелы на подъемъ, какъ первые, и любятъ свободу, какъ вторые. Море внушаетъ, повидимому, народамъ, живущимъ на берегахъ его, стремленіе къ независимости. Океанъ, при видѣ котораго мысли уносятся свободно вдаль, порождаетъ свободолюбіе у народовъ. Голландцы, которые должны были создать себѣ, такъ сказать, искусственную территорію, расширили свое государство при посредствѣ флота, обогатили его торговлей, усилили отдаленными колоніями въ восточной Индіи и освободились отъ тираніи Испаніи

въ царствованіе Филиппа II, благодаря Оранскому дому. Независимые Соединенные Штаты вѣнчали ея освободителей подъ тигуломъ штатгальтеровъ. Въ союзной республикѣ, управляемой наслѣдственными штатгальтерами, богатыми, любимыми и могущественными, шли ожесточенныя распри между союзомъ и штатгальтерами, и въ недавнее еще время поколебали основы конституціи, глава которой былъ монархомъ, а члены республиканцами.

Въ то время какъ Дюмуре шелъ такимъ образомъ на Гаагу и Амстердамъ, планы его были разстроены приказомъ Конвента. Принцъ Кобургскій собралъ армію въ Колоньи, отбѣнилъ повсюду французскія войска, снялъ осаду Мѣстриха и во главѣ шестидесятитысячнаго войска подошелъ къ Бельгій, чтобы снова овладѣть ею. Французскіе солдаты, развращенные и ненавидимые своею разнузданностью бельгійскому народу, дезертировали массами. Болѣе десяти тысячъ волонтеровъ возвратились отдѣльными отрядами въ Сѣверный департаментъ. Полки, стоявшіе лагеремъ подъ Лувеномъ, потеряли свои палатки, повозки и орудія. Ни одинъ изъ командовавшихъ ими генераловъ не пользовался достаточнымъ вліяніемъ и авторитетомъ, чтобы склонить войска къ отступленію, которое грозило обратиться въ бѣгство. Одинъ только Дюмуре могъ вернуть себѣ авторитетъ надъ арміей, а арміи счастье, котораго она лишилась во время его отсутствія. Онъ посѣдѣлъ въ Лувенѣ. Огорченный этими неудачами, онъ въ продолженіе всего пути разсыпался въ упрекахъ, бранили и даже угрожалъ Конвенту, которому приписывалъ причину безпорядковъ, преувеличивая ихъ при этомъ. Казалось, онъ хотѣлъ навести на мысль бельгійцевъ и своихъ собственныхъ солдатъ, что армія близка къ возмущенію противъ бельгійскихъ проконсуловъ и парижскихъ тирановъ. Онъ сѣялъ на своемъ пути ропотъ, презрѣніе и негодованіе противъ нихъ. Онъ старался поднять сначала словесный бунтъ, а затѣмъ уже дать проявиться ему на дѣлѣ.

11.

Дантонъ и Лакруа, предвидя кризисъ, вернулись въ Парижъ, чтобы предотвратить столкновеніе между генераломъ и Конвентомъ. Комиссары Камюсъ, Марленъ, де Дуэ, Трейляръ и Госсюэнъ отправились въ Лилль со многими дезертирами изъ арміи, которыхъ они намѣревались удержать при себѣ съ цѣлью организовать изъ нихъ отрядъ подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ. Они явились къ главнокомандующему въ Лувенѣ и упрекнули его за распоряженія, которыя онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ Брюсселѣ, между прочимъ въ томъ, что онъ вернулъ церквамъ ихъ серебряную утварь. Дюмуре отвѣтилъ имъ, какъ человѣкъ, отвѣтственный передъ Франціей и потомствомъ, но не передъ Конвентомъ. „Подите и посмотрите, сказалъ онъ Камюсу, суровому яansenиту, соединявшему въ себѣ самое крайнее суетвѣріе съ непоколебимымъ якобинствомъ:—подите и посмотрите въ бельгійскихъ соборахъ на дароносицы, опрокинутыя на землю и разбросанныя по церковнымъ плитамъ; на разрушенные алтари и исповѣдальни, на разодранные образа! Если Конвентъ одобряетъ такія преступленія, если они не оскорбляютъ его и онъ не караетъ за нихъ тѣмъ хуже для него и для моего несчастнаго отечества Знайте, что если бы

потребовалось совершить только одно преступленіе, чтобы спасти его, то я не совершилъ бы его. Такое положеніе вещей позоритъ Францію, а я рѣшился спасти ее“. Комиссары, пораженные такою смѣлою рѣчью, начали вѣрить смутнымъ слухамъ, обвинявшимъ Дюмуре въ намѣреніи противопоставить власть власти. „Генераль, возразилъ ему Камюсъ, не рѣшавшійся еще повѣрить вполне своимъ подозрѣніямъ:—васъ обвиняютъ въ томъ, что вы стремитесь сыграть роль Цезаря; если бы я былъ увѣренъ въ этомъ, то я взялъ бы на себя роль Брута и закололъ бы васъ кинжаломъ“. Дюмуре, замѣтившій, что онъ слишкомъ явно обнаружилъ свои планы, принялъ прежній небрежный тонъ и сказалъ съ ироніей: „Дорогой Камюсъ, я не Цезарь, а вы не Брутъ, а потому и ваша угроза, что я умру отъ вашей руки, служить мнѣ порукой въ моемъ долгодѣіи“. Разставшись съ комиссарами, генераль написалъ Конвенту угрожающее письмо, въ которомъ онъ рѣзко упрекалъ его въ томъ, что по его винѣ армія терпитъ нужду, что агенты его поступаютъ безчестно, что союзъ Франціи съ Бельгіей невыгоденъ для первой; онъ обвинялъ его въ святотатствѣ, профанаціи и грабежахъ, отмѣчавшихъ каждый шагъ французскихъ войскъ въ дружественной намъ странѣ и дѣлавшихъ Францію отвѣтственной въ несчастьяхъ въ Э-ля-Шапельѣ, въ Люттихѣ и Мѣстрихѣ. Онъ нарочно преувеличивалъ эти несчастія, чтобы придать больше горечи своимъ упрекамъ. Единственнымъ неповиннымъ въ этихъ упрекахъ лицомъ, по его мнѣнію, являлся генераль Бѣрновиль, его ученикъ и другъ.

Бѣрновиль только что смѣнилъ Паша въ военномъ министерствѣ. Генераль этотъ, котораго Дюмуре называлъ своимъ Аякомъ, получилъ мѣсто по протекціи и указанію Дантона. Дюмуре кончилъ письмо просьбой объ отставкѣ. Эта отставка, о которой онъ часто повторялъ, являлась вызовомъ, который онъ бросалъ своимъ врагамъ. Конвенту прекрасно было извѣстно, что войско, любившее генерала и питавшее къ нему довѣріе, никогда не согласилось бы на замѣну его другимъ главнокомандующимъ.

12.

Войско задрожало отъ радости, увидавъ своего главнокомандующаго. Оно думало, что вмѣстѣ съ нимъ къ нему вернется и побѣда. Дюмуре обошелся съ офицерами и солдатами какъ отецъ, встрѣчающій возвращенныхъ ему дѣтей. Строгость его выговоровъ только вызвала уваженіе къ нему, слившееся съ энтузіазмомъ, который онъ умѣлъ внушать всѣмъ. Въ арміи находилось еще 40,000 человекъ старыхъ, закаленныхъ въ бою пѣхотинцевъ и 5,000 конницы, составившейся изъ тѣхъ храбрыхъ полковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ за собою военную славу. Кромѣ того къ ней причислялись находившіеся на флангахъ и на операціонной линіи, въ бельгійскихъ гарнизонахъ и въ отдѣльномъ корпусѣ, занимавшемъ Голландію, еще около сорока тысячъ солдатъ. Изъ сорока тысячъ человекъ, бывшихъ у него подъ рукою, Дюмуре предоставилъ въ распоряженіе генерала Валенса восемнадцать батальоновъ правофланговыхъ, столько же предоставилъ герцогу Шартрскому изъ центра своего войска и Мирамбѣ такое же число лѣвофланговыхъ; резервъ изъ восьми батальоновъ гренадеръ онъ далъ генералу Шальмелю и сильный авангардъ изъ шести

тысячъ человѣкъ старому генералу Ламаршу, бывшему гусарскому полковнику, сохранившему, несмотря на свои посѣдѣвшіе волосы, пылкость юноши. 16-го Марта Дюмуре атаковалъ австрійцевъ при Тирлемонѣ и принудилъ ихъ къ отступленію.

Принцъ Кобургскій, получавшій ежедневно новыя подкрѣпленія и имѣвшій подъ своимъ начальствомъ болѣе шестидесяти тысячъ солдатъ, сконцентрировалъ свое войско между Тонгромъ и Сень-Трономъ. Три деревни: Нижнюю, Среднюю и Верхнюю Винде австрійскій генералъ оставилъ безъ прикрытія между своею арміею и непріятельской, какъ поле сраженія и добычу, принадлежавшую достаться въ награду побѣдителю. Дюмуре разбилъ свое войско на нѣсколько колоннъ: тремя правыми начальствовалъ генералъ Валенсъ; онъ долженъ былъ обойти австрійцевъ съ лѣваго фланга и угрожать Сень-Трону; двумя центральными командовалъ герцогъ Шартрскій, а также и резервомъ; три лѣвыхъ колонны были подъ начальствомъ генерала Миранды. Онъ подалъ сигналъ къ общей атакѣ 18-го, на разсвѣтѣ. Его правыя колонны безпрепятственно дошли до высотъ Сень-Трона; но отброшенные вслѣдъ затѣмъ непріятельской кавалеріею, онѣ вернулись и искали защиты подъ прикрытіемъ конницы центра. Герцогъ Шартрскій дважды бралъ приступомъ деревню Нижнюю Винду, но, увидавъ, во время третьей атаки, что генералъ Дефоре, его лучшій помощникъ, убитъ, подалъ сигналъ къ отступленію. Дюмуре въ четвертый разъ атаковалъ эту деревню, жертвуя своею конницею. Натискъ австрійцевъ снова принудилъ его къ отступленію. Соединившіяся подъ начальствомъ герцога Шартрскаго и главнокомандующаго въ ста шагахъ отъ деревни, пѣхота и конница центра и праваго фланга нѣсколько разъ подвергались залпамъ пятнадцати-тысячной австрійской артиллеріи. Валенсъ сражался какъ простой солдатъ, былъ раненъ и унесенъ съ поля битвы. Тувено приказалъ рядамъ разомкнуться, чтобы пропустить эскадроны, выдвинулъ впередъ пушки, заряженные картечью, и отбилъ непріятельскую конницу. Такимъ образомъ сраженіе при Нижней Винде казалось нерѣшеннымъ для праваго фланга и центра французовъ.

Но лѣвый флангъ, состоявшій изъ волонтеровъ подъ командой Миранды дрогнулъ, послѣ того какъ большая часть его генераловъ и офицеровъ были убиты. Миранда, не предупредивъ главнокомандующаго, отошелъ съ своей дивизіею слишкомъ за двѣ мили отъ боевой линіи. Такъ какъ лѣвый флангъ, который, по плану Дюмуре, долженъ былъ вынести на себѣ все сраженіе, не поддержалъ центра и правый флангъ, то движеніе на Нижнюю Винде и Сень-Тронъ сдѣлалось невозможнымъ. Войско не имѣло уже опоры. Дюмуре, замѣтивъ вечеромъ, что отряды непріятельской пѣхоты и конница окружаютъ принца Кобургскаго справа и слѣва, заподозрилъ неудачу или измѣну Миранды. Поручивъ своему довѣренному, Тувено, надзоръ за центромъ и правымъ флангомъ, онъ помчался галопомъ, почти одинъ, къ позиціямъ, которыя, по его назначенію, долженъ бы занимать Миранда. Но онъ не нашелъ въ нихъ войска Миранды; онѣ были заняты Клерфѣ; самъ же онъ спасся отъ австрійскихъ гусаръ только благодаря быстротѣ своего коня. Преслѣдуя по пятамъ свой отступившій лѣвый флангъ, одинъ въ ночной темнотѣ, пораженный молчаніемъ и одиноче-

ствомъ, онъ встрѣтилъ у воротъ Тирлемона нѣсколько батальоновъ волонтеровъ, шедшихъ по большой дорогѣ, но уже безъ артиллеріи и конницы.

13.

Отъ этихъ бѣглецовъ онъ узналъ о гибели трехъ тысячъ ихъ товарищей, павшихъ на полѣ битвы. Главнокомандующій, пораженный спокойствіемъ и беззаботностью Миранды, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и ночью же отдалъ приказъ къ отступленію герцогу Шартрскому и Валену. Въ этихъ двухъ отрядахъ уже были убиты два генерала и двѣ тысячи рядовыхъ; они кромѣ того лишились пушекъ и шести тысячъ волонтеровъ, дезертировавшихъ и бѣжавшихъ въ Лувенъ.

Когда разнесся слухъ о пораженіи, Дантонъ и Лакруа явились въ Лувенъ и какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда разбитый Дюмуре входилъ въ этотъ городъ. Они явились въ качествѣ посредниковъ отъ Конвента, чтобы умолять главнокомандующаго взять обратно отправленное имъ угрожающее письмо. Они всю ночь убѣждали его въ его личныхъ интересахъ и въ интересахъ Конвента примириться съ послѣднимъ. Дюмуре вручилъ имъ записку, содержащую шесть строкъ, въ которой онъ, не взявъ обратно своихъ выражений, старался однако смягчить ихъ. Дантонъ уѣхалъ въ ту же ночь обратно, чувствуя, что Дюмуре уже не можетъ служить ему опорой въ его политикѣ, и угадывая своимъ безошибочнымъ инстинктомъ, что поражение—плохая прелюдія для диктатуры.

14.

Почти тотчасъ по отбѣздѣ Дантона изъ Лувена, туда вступилъ въ качествѣ парламентаря полковникъ Макъ, начальникъ главнаго штаба принца Кобургскаго, и вошелъ съ Дюмуре въ секретное соглашеніе, опредѣлявшее шагъ за шагомъ переходы обѣихъ армій до Брюсселя. Имперскія войска должны были пропустить отступившія французскія войска и ограничить непріязненные дѣйствія только незначительными стычками между ихъ авангардами и арьергардами, чтобы замаскировать ими передъ войсками тайное соглашеніе, въ которое вступили ихъ генералы. Несмотря на эту предосторожность, долженствовавшую обезпечить имперцамъ возвращеніе Бельгіи, а Дюмуре безопасное отступленіе, отступленіе это, начиная отъ Лувена, обратилось для французовъ въ настоящее бѣгство. Дюмуре, не рѣшавшемуся обороняться въ Брюсселѣ съ войскомъ изъ всякаго сѣрода, едва удалось составить изъ гарнизона столицы и лучшихъ полковъ арьергардъ приблизительно въ пятнадцать тысячъ человекъ для прикрытія остатковъ арміи на пути къ Франціи. Онъ арестовалъ генерала Миранду и, по приказанію Конвента, отправилъ его въ Парижъ, какъ искупительную жертву нашихъ несчастій.

Въ тотъ же день въ Атѣ произошло послѣднее роковое совѣщаніе между полковникамъ Макомъ и генераломъ Дюмуре. На немъ присутствовали герцогъ Шартрскій, полковникъ Монжуа и генералъ Валенсъ. Они составляли Орлеанскую партію въ арміи, присутствовавшую въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей при совершеніи акта, долженствовавшего уничтожить республику и при

посредствѣ народа и войска возложить вѣнецъ конституціоннаго монарха на главу одного изъ принцевъ Орлеанскаго дома. Дюмуре забылъ однако, что корона, доставленная посредствомъ измѣны и пораженія, поддерживаемая съ одной стороны австрійцами, а съ другой генераломъ, измѣнившимъ своему отечеству, не могла крѣпко держаться на головѣ короля. Пока Дюмуре пошелъ бы на Парижъ, чтобы низвергнуть конституцію, австрійцы, въ качествѣ союзниковъ, вступили бы на французскую территорію и взяли бы заложникомъ Конде.

15.

Въ этомъ секретномъ договорѣ безуміе соперничало съ измѣною. Дюмуре, вообразившій, что онъ перешелъ Рубиконъ, и стремившійся разыграть роль Цезаря, забылъ, что Цезарь не приводилъ галловъ въ Римъ. Заставить свои войска перейти на сторону одной изъ партій, на которыя распалась республика послѣ побѣды надъ виѣшними врагами и упроченія своихъ границъ, идти на Парижъ и завладѣть диктатурой,—такого образа дѣйствія свобода никогда не прощаетъ, а иногда, только въ крайнія времена, онъ можетъ быть извиненъ успѣхомъ и славой; но предать свое войско, открыть ворота своихъ крѣпостей монархіи, вести противъ родины непріятельскіе легіоны, которые отечество поручило ему разбить, при помощи иноземцевъ навязать своей странѣ правительство—это значило въ тысячу разъ превзойти своей виной эмигрантовъ: послѣдніе были только перебѣжчиками, а атскіе конфедераты—измѣнниками.

Послѣ этого ночнаго совѣщанія Дюмуре съ своимъ главнымъ штабомъ отправился въ Турнэ. Онъ собралъ около себя шесть тысячъ конницы, наиболѣе преданной ему, расположилъ въ укрѣпленіяхъ по сосѣдству съ Лиллемъ, Валансьеномъ и Конде, также въ Мольдскомъ и Сентъ-Амандскомъ лагеряхъ генераловъ и войска, которыхъ, какъ онъ надѣялся, легче увлечь, и приготовилъ все для страшной измѣны, которой онъ намѣревался удивить Европу и уничтожить Конвентъ.

Однако, такъ какъ онъ долженъ былъ скрывать свой замыселъ и только лишь отчасти посвящать въ него, чтобы настроить на желаемый ладъ войска, то распространился смутный слухъ о замышляемой имъ измѣнѣ и достигъ даже до Парижа, возбудивъ тамъ предчувствіе какого-то большого несчастья.

Дантонъ и Лакруа бездѣйствовали, но выказывали недовѣріе къ генералу, котораго они видѣли такимъ гордымъ и возмущеннымъ. Жирондисты, ненавидѣвшіе Орлеанскую фамилію, выражали открыто недовѣріе къ главнокомандующему, въ штабъ котораго находилось два Орлеанскихъ принца. При этомъ они указывали на тотъ фактъ, что госпожа Силлери, другъ и довѣренное лицо Филиппа Эгалите, и ея шестнадцатилѣтняя дочь, Орлеанская принцесса, находились въ Турнэ какъ разъ въ то время, когда Дюмуре строилъ тамъ свои козни, такъ что главная квартира республиканскаго генерала походила на дворъ будущей Орлеанской монархіи. Якобинцы послали трехъ эмиссаровъ, Проли, Дюбийссона и Перейру, узнать, какого мнѣнія держится генералъ, и склонить его на свою сторону противъ Жиронды. Выслушавъ ихъ, Дюмуре сказалъ имъ: „Не воображайте, что ваша республика можетъ существовать; ваши

безумства и преступленія сдѣлали существованіе ея настолько же невозможнымъ, насколько она сама отвратительна“.

16.

Между тѣмъ бездѣйствовавшій, хотя все еще угрожавшій Дюмурье, повидимому, впалъ въ душевное разстройство, которое овладѣваетъ человѣкомъ передъ совершеніемъ преступленія и заставляетъ его мыслить и поступать съ лихорадочной непостѣдовательностью; онъ былъ смѣлъ только на словахъ и далъ своей арміи время обдумать и раскаяться въ своихъ поступкахъ. Онъ удалился съ своимъ штабомъ и самыми преданными ему полками въ небольшой городокъ Сентъ-Аманъ, гдѣ до него дошли одна за другой вѣсти о капитуляціи Анверской крѣпости, взятой австрійцами у французовъ, о пораженіи, которое понесъ Молдскій лагерь, и о патріотическомъ возстаніи Лилльскаго гарнизона противъ генерала Мячинскаго.

Въ Сентъ-Аманѣ съ Дюмурье находились только герцогъ Шартрскій, герцогъ Монпансье, его братъ, генераль Валенсъ, старшій адъютантъ Монжуа, Туveno, Нордманнъ, полковой командиръ Бершени и штабные офицеры. Онъ встрѣтилъ въ Турнѣ принцессу Аделаиду Орлеанскую, сестру герцога Шартрскаго, и проводилъ ее въ Сентъ-Аманъ, чтобы защитить ее одновременно противъ австрійцевъ и противъ Конвента. Юная принцесса, полная благородной граціи, умная не по лѣтамъ и обладавшая сильной душой, скиталась въ то время на границѣ Франціи и Бельгіи: она не имѣла права вѣзда ни на родину, вслѣдствіе закона объ эмигрантахъ, ни за границу, потому что имя ея отца возбуждало ужасъ во врагахъ революціи. Соединенная съ братьями узами дружбы, которыя не могли поколебать ни несчастія, ни изгнаніе, ни, впоследствии, тронъ, она искала въ лагерь защиты войска. Скитанія ея дѣлила съ ней другая дѣвушка, Памела Сеймуръ, которую общественное мнѣніе признавало за незаконную дочь герцога Орлеанскаго и госпожи Жанлисъ. Эта молодая особа, поразительной красоты, воспитанная какъ сестра принцевъ и принцессы Орлеанскихъ, только что вышла замужъ въ Турнѣ за лорда Эдуарда Фицъ-Жеральда, сына герцога Лейнстера, перваго пэра Ирландіи. Этотъ молодой патріотъ воспылялъ во французскомъ лагерьѣ страстью къ свободѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ участіе въ заговорѣ, цѣлю котораго было освобожденіе Ирландіи изъ-подъ ига Англіи. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, какъ глава заговора, но избѣжалъ исполненія смертнаго приговора, окончивъ жизнь самоубійствомъ въ темницѣ и оставивъ въ лѣтописяхъ патріотовъ своего отечества еще одно славное имя.

17.

Госпожа де-Силлери-Жанлисъ, другъ герцога Орлеанскаго, находилась также въ главной квартирѣ. Женщина все еще обворожительной наружности, обращающая на себя вниманіе умомъ, ловкая интриганка, она своимъ присутствіемъ придавала заговору Дюмурье отпечатокъ орлеанизма. Генераль Валенсъ былъ зятемъ госпожи Жанлисъ, герцоги Шартрскій и Монпансье ея учениками, принцесса Аделаида — ея воспитанницей, якобинцы — ея преслѣдователями. Въ домѣ ея каждый вечеръ собирались главные начальники войска, которыхъ

надо было привлечь на свою сторону и возстановить противъ революціи. Дюмуре чувствовалъ, что держитъ въ своихъ рукахъ всю революцію. Хотя онъ и не выставлялъ открыто Орлеанскую династію, но окружавшая его среда служила ему какъ бы знаменемъ, которое онъ развѣтывалъ, чтобы показать новую революціонную монархію и заставить признать ее. Увлеченный ролью защитника молодой, прекрасной и гонимой принцессы, онъ преклонялся передъ ней, подавая всей арміи примѣръ уваженія къ ней.

Среди этихъ женщинъ-изгнанницъ и подозрительнаго въ глазахъ республики общества Дюмуре бездѣйствовалъ, ожидая, чтобы армія насильно увлекла его въ Парижъ. Смутные признаки указывали ему на измѣну его генераловъ, возмущившихся при мысли идти противъ своего отечества. Однако отъ недовольства арміи до вооруженнаго возстанія противъ родины такъ же далеко, какъ отъ ропота до преступленія. Дюмуре принялъ ропотъ за твердо установившееся мнѣніе, а нежеланіе повиноваться за возмущеніе. Въ Сентъ-Аманѣ уже знали, что Конвентъ обдумывалъ, какъ ему слѣдуетъ поступить съ мятежнымъ генераломъ, и хотѣлъ потребовать отъ него отчета въ его поведеніи. Дантонъ, Робеспьеръ и даже Маратъ, опасавшіеся разлада въ войскѣ въ присутствіи побѣдоноснаго врага, не рѣшались еще окончательно признать измѣну и съ трудомъ добились отсрочки этой мѣры на нѣсколько дней. Пока лагерь былъ полонъ шпіонами Конвента; волонтеры же, скорѣе граждане, чѣмъ солдаты, сами слѣдили за каждымъ шагомъ своего генерала.

Шестеро изъ такихъ волонтеровъ Марискаго баталіона, возбужденные ропотомъ въ арміи, осмѣлились явиться вооруженными на аудіенцію къ генералу; слово „республика“ было написано мѣломъ на ихъ шапкахъ. Они потребовали у своего начальника, чтобы онъ повиновался приказаніямъ, которыя получилъ отъ Конвента, и объявили ему, что они, подобно Бруту, заколютъ его, если онъ не поспѣшитъ повиноваться гласу отечества. Отвѣтъ генерала подтвердилъ ихъ подозрѣнія; они хотѣли уже окружить его, но вѣрный Баптистъ, слѣдившій за ихъ движеніями, бросился съ обнаженной саблей между своимъ господиномъ и солдатами и позвалъ стражу. Волонтеровъ схватили и посадили въ тюрьму. Дюмуре, умышленно преувеличивая опасность, которой онъ подвергался, распустилъ слухъ о покушеніи на его жизнь, чтобы, возбудивъ негодованіе, вызвать къ себѣ сочувствіе и преданность. Это ему удалось. Сочувственные адреса, подписанные именами его подчиненныхъ, высказывали отвращеніе по поводу этого покушенія и непоколебимое довѣріе къ начальнику.

18.

Между тѣмъ Конвентъ, послѣ долгихъ колебаній, издалъ указъ, повелѣвавшій генералу покинуть войско и явиться въ Парижъ, чтобы объяснить причину своего недовольства и свои планы. Дюмуре не обманывалъ себя относительно послѣдствій, которыя долженъ былъ повлечь за собою этотъ приказъ. Онъ чувствовалъ за собой слишкомъ большую вину, чтобы въ ней оправдаться; онъ прекрасно сознавалъ, что если онъ разстанется съ своими солдатами, то ему, какъ человѣку, заставившему трепетать республику, не позволятъ уже

вернуться къ нимъ обратно; онъ предпочиталъ погибнуть въ борьбѣ съ угнетателями своего отечества съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ выдать себя имъ головой безъ сопротивленія и безъ мести. Даже если бы, благодаря хитрости его рѣчей, отважному поведенію и вліянію Дантона, ему и удалось оправдаться, то одно уже его отсутствіе разстроило бы всѣ планы, относительно которыхъ онъ условился съ Макомъ. Итакъ онъ твердо рѣшился не повиноваться Конвенту; и если онъ не могъ уже долѣе обманывать его, зато онъ готовился совершить послѣдній шагъ къ возмущенію противъ комиссаровъ, которыхъ осмѣлились бы послать къ нему.

Таково было положеніе вещей, когда 2-го апрѣля въ полдень распространился слухъ о прибытіи въ лагерь самого военного министра; это былъ Бѣрнонвиль, личный другъ Дюмуре. Бѣрнонвиль вышелъ изъ экипажа въ сопровожденіи четырехъ комиссаровъ: Камюса, Ламарка, Банкаля и Кинетта; Камюсъ, человѣкъ суровый, внесшій въ республику строгость аксетизма и непоколебимую честность; Ламаркъ, краснорѣчивый, но ходульный адвокатъ, привыкшій кричать о патріотизмѣ въ войскахъ; Банкаль, осторожный и умѣренный дипломатъ, способный примирить партійныя страсти; Кинеттъ, у котораго любовь къ свободѣ уравнивалась страстью къ порядку, всегда стремился удержать теорію на границахъ истины и патріотизмъ въ границахъ справедливости.

19.

Бѣрнонвиль, войдя къ Дюмуре, заключилъ его въ свои объятія, точно этимъ движеніемъ желалъ доказать присутствующимъ, что хочетъ удержать генерала на службѣ родинѣ только любовью и воспоминаніями. Онъ сказалъ, что захотѣлъ лично проводить комиссаровъ, которымъ было поручено передать декретъ Конвента, чтобы присовокупить къ голосу долга убѣжденіе дружбы. Камюсъ умолялъ главнокомандующаго удалить свидѣтелей, которые мѣшали имъ свободно излить накопившееся въ ихъ душѣ, или же перейти въ болѣе укромное мѣсто. При этихъ словахъ поднялся ропотъ среди присутствовавшихъ офицеровъ, точно ихъ главнокомандующаго собирались лишить защиты ихъ оружія. Дюмуре успокоилъ это волненіе жестомъ. Онъ провелъ Бѣрнонвиля и комиссаровъ въ свой кабинетъ, но генералы потребовали, чтобы дверь туда оставалась открытой для того, чтобы они могли наблюдать за ходомъ разговора, если и не могли разслышать словъ. Камюсъ передалъ Дюмуре декретъ Конвента. Генераль прочелъ его со спокойствіемъ, граничившимъ съ презрѣніемъ; затѣмъ, передавая его комиссару, сказалъ, что исполненіе его было бы равносильно распущенію арміи и гибели отечества; что онъ не откажется повиноваться, но исполнить приказаніе только тогда, когда найдетъ это удобнымъ для себя, а не для своихъ враговъ. Онъ ироническимъ тономъ просилъ дать ему отставку; иронія эта не ускользнула отъ комиссаровъ. „Что вы намѣрены дѣлать по выходѣ въ отставку?“ съ безпокойствомъ спросилъ его Камюсъ. „Что мнѣ заблагоразсудится, гордо отвѣтилъ главнокомандующій:—предупреждаю васъ однако, что я не намѣренъ ѣхать въ Парижъ, чтобы видѣть, какъ меня будутъ тамъ унижать и какъ революціонный трибуналъ про-

изнесетъ надо мною приговоръ“. — „Слѣдовательно, вы не признаете этого трибунала?“ спросилъ Камюсъ. „Я считаю его трибуналомъ кражи и преступленія, возразилъ Дюмуре:—и пока у меня въ рукахъ будетъ хоть обломокъ желѣза, я не подчинюсь ему“.

20.

Остальные комиссары, боясь, чтобы, рѣзкій разговоръ между Дюмуре и Камюсомъ не привелъ къ плачевной развязкѣ, вмѣшались въ ихъ бесѣду и умоляли главнокомандующаго хотя бы только ради формальности подчиниться декрету Конвента, приказывающему ему явиться въ Парижъ, ручаясь головой, что удовлетворенный Конвентъ немедленно дастъ ему разрѣшеніе вернуться въ армію. Кинеттъ предложилъ сопровождать его, въ случаѣ надобности защитить его своею грудью и проводить обратно въ главную квартиру. Банкаль приводилъ ему прекрасные примѣры повиновенія отечеству со стороны великихъ людей древности. „Римляне не убили Тарквинія, возразилъ на это Дюмуре:—у нихъ не было ни якобинскихъ клубовъ, ни революціоннаго трибунала: тигры требуютъ моей головы, а я не хочу отдать ее имъ. Такъ какъ вы приводите мнѣ въ примѣръ римлянъ, то я объявляю вамъ, что я часто игралъ роль Деція, но никогда не буду Курціемъ и не брошусь въ пропасть“. — „Итакъ вы отказываетесь повиноваться Конвенту?“ категорически спросилъ Камюсъ. „Клянусь вамъ, отвѣтилъ Дюмуре:—что когда въ моемъ отечествѣ будетъ правительство и законы, я отдамъ имъ отчетъ въ своихъ поступкахъ и подвергну себя ихъ суду; теперь же это было бы только безразсудствомъ“.

Комиссары удалились для совѣщанія въ другую комнату. Дюмуре на минуту остался наединѣ съ Бѣрновилемъ: онъ попытался склонить на свою сторону министра, указавъ ему на опасность, которой онъ подвергался въ Парижѣ, и предложилъ ему командовать своимъ авангардомъ. „Я знаю, героически отвѣтилъ ему на это Бѣрновиль:—что мнѣ предстоитъ погибнуть отъ руки моихъ враговъ; но я умру на своемъ посту. Мое положеніе ужасно! Я вижу, что вы рѣшились на отчаянную мѣру; какъ единственную милость, прошу васъ позволить мнѣ раздѣлить участь, которую вы готовите депутатамъ, какова бы она ни была“. — „Не сомнѣвайтесь въ этомъ, отвѣтилъ Дюмуре:—и мнѣ кажется, что, поступивъ такъ, я окажу вамъ услугу и спасу васъ“.

Дюмуре и Бѣрновиль вернулись въ залу, гдѣ собрался весь главный штабъ. Полковникъ гусаръ Бершени Нордманнъ, полкъ котораго выстроился передъ квартирой главнокомандующаго, получилъ приказъ отдѣлить тридцать лучшихъ солдатъ, которые должны были по первому требованію исполнить то, что имъ прикажутъ. Эти гусары были всѣ нѣмцы и эльзасцы. Разница языка гарантировала ихъ отъ патріотическаго краснорѣчія комиссаровъ; они повинсались только командѣ своего полкового командира.

Послѣ часового секретнаго совѣщанія, во время котораго непоколебимый Камюсъ боролся противъ смягчающихъ обстоятельствъ, которыя его сотоварищи выставляли, желая предотвратить отъ своего отечества это новое горе, депутаты вошли. Спокойная рѣшимость, авторитетъ закона, мужественная горестъ ихъ миссіи отражались на ихъ лицахъ. Они еще разъ потребовали, чтобы генераль

повиновался декрету. Онъ снова отказался. „Итакъ, сказалъ Камюсъ:—я объявляю, что вы отставлены отъ всѣхъ вашихъ должностей; вы уже болѣе не главнокомандующій, и я запрещаю повиноваться вамъ; приказываю схватить васъ и опечатать всѣ ваши бумаги“. Глухой ропотъ всего штаба и движеніе офицеровъ, приблизившихся къ главнокомандующему и положившихъ руки на эфесъ своего оружія, приготовившихся защищать его, дали понять комиссарамъ, что ихъ авторитета не хотятъ признавать, и самая жизнь ихъ въ опасности: они жертвовали ею ради долга. „Это уже слишкомъ, вскричалъ Дюмуре:—пора положить предѣлъ такой дерзости!“ и онъ крикнулъ по-нѣмецки гусарамъ, чтобы они вошли. „Арестуйте этихъ четверыхъ господъ, приказалъ онъ офицеру, командовавшему ими:—но пусть имъ не наносятъ вреда; арестуйте также военного министра, но оставьте оружіе при немъ“.—„Генераль Дюмуре! воскликнулъ Камюсъ:—вы губите республику!“ Гусары увели комиссаровъ Конвента, и кареты, приготовленные въ то время, когда шли переговоры, eskortируемые гусарами Бершени, увезли ихъ въ Турнэ, гдѣ ихъ отдали въ качествѣ заложниковъ австрійскому генералу Клерфэ.

21.

Тотчасъ послѣ этого событія, сорвавшего послѣднюю завѣсу съ его образа дѣйствій, Дюмуре пожелалъ вступить въ новыя переговоры съ непріятельскими генералами, чтобы согласовать свое движеніе съ ихъ. На другой же день онъ поѣхалъ верхомъ въ лагерь. Тамъ онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой представилъ имъ вчерашнее событіе въ видѣ покушенія яacobинцевъ, хотѣвшихъ отнять генерала у арміи—отца у дѣтей. Войско покрыло голосъ генерала восторженными криками. Униженіе гражданской власти передъ военной всегда радуетъ солдата. Чтобы доказать своему войску, насколько онъ питаетъ довѣріе къ нему, Дюмуре провелъ ночь въ лагерь. Онъ намѣревался передвинуть свои войска въ Орши, откуда онъ могъ одновременно угрожать Лиллю, Дуэ и Бушену. Онъ хотѣлъ также убѣдиться въ положеніи Конде, который онъ хотѣлъ передать австрійцамъ въ видѣ вознагражденія. Онъ уѣхалъ изъ Сентъ-Амана 4-го апрѣля, чтобы привести въ исполненіе первую часть своей измѣны.

Пятьдесятъ гусаръ должны были составить его свиту, но эта свита заставила себя ждать. Онъ поѣхалъ поэтому только съ герцогомъ Шартрскимъ, полковникомъ Тувено, старшимъ адъютантомъ Монжуа и восемью дежурными гусарами по дорогѣ въ Конде. Онъ оставилъ приказъ въ лагерь, чтобы его свита, когда будетъ готова, послѣдовала за нимъ этой же самой дорогой. Онъ ѣхалъ такимъ образомъ въ полнѣйшей безопасности, соображая всѣ обстоятельства своего смѣлаго предпріятія, какъ вдругъ въ полъ-мили отъ Конде помощникъ генерала Нѣлли, коменданта этого города, явился предупредить его отъ имени своего начальника, что въ войскѣ онъ замѣтилъ броженіе и не ручается за своихъ солдатъ. Они почуяли, что ихъ обманули. Они возмущены секретными переговорами, которые вели ихъ генералы съ непріятельскими; они громко объявили, что отвѣчаютъ за Конде передъ своимъ отечествомъ и не допустить, чтобы туда вошелъ новый отрядъ, который могъ бы помѣшать имъ защи-

щать его. Дюмуре слѣзъ съ коня и началъ размышлять объ этомъ обстоятельстве, которое могло помѣшать ему привести въ исполненіе свой планъ. Въ это время мимо него прошли три батальона волонтеровъ съ артиллеріей, шедшихъ въ Конде по своему собственному почину; офицеръ, командовавшій ими, былъ будущій маршалъ Даву. Удивленный движеніемъ отряда, относительно котораго онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, Дюмуре поспѣшилъ разспросить о немъ офицеровъ этихъ батальоновъ и приказалъ имъ остановиться.

22.

Батальонъ остановился. Дюмуре свернулъ шагъ на сто съ дороги и вошелъ въ хижину, чтобы написать приказъ, какъ вдругъ услыхалъ крики недовольства, вырвавшіеся изъ рядовъ батальоновъ, и увидѣлъ, что они внезапно снова двинулись въ путь; тогда онъ понялъ, что необходимо позаботиться о своей безопасности. Волонтеры сообразили, встрѣтивъ Дюмуре и сопоставивъ приказы и контръ-приказы, что тутъ кроется измѣна, и рѣшили обнаружить ее, схвативъ измѣнниковъ. Нѣкоторые, прицѣлившись въ главнокомандующаго, грозили уже выстрѣлить въ него, если онъ откажется подождать ихъ. Дюмуре поспѣшилъ вскочить на коня и умчался со своей незначительной свитой, преслѣдуемый проклятіями и выстрѣлами. Лошадь его остановилъ ровъ, окаймлявшій болотистую мѣстность. Градъ ядеръ сыпался уже на его свиту. Два гусара поражены на-смерть. Двое слугъ, которые везли портфель и плащъ главнокомандующаго, падаютъ около него. Лошадь подъ Туveno убита, и онъ вскочилъ на шею лошади храбраго Баптиста. Тогда главнокомандующій соскакиваетъ съ своего боевого коня, который въ ужасѣ бросается въ ряды батальоновъ и съ торжествомъ приводится послѣдними въ Валансьенъ. Младшая изъ дочерей Фернига также лишилась лошади. Ея сестра Фелиситэ соскакиваетъ съ сѣдла и уступаетъ свою лошадь Дюмуре. Молодые дѣвушки перескакиваютъ черезъ ровъ и садятся на лошадей, принадлежащихъ свитѣ герцога Шартрскаго. Секретарь главнокомандующаго, Кантенъ, падаетъ, перескакивая черезъ ровъ, и попадаетъ подъ лошадь. Пять людскихъ труповъ, восемь труповъ лошадей, одинъ плѣнный, экипажи и секретная переписка главнокомандующаго остались во рву. Остальные бѣглецы мчались во весь духъ черезъ болота, отрѣзанные отъ Врѣльскаго лагеря, съ которымъ Дюмуре думалъ соединиться, и преслѣдуемые до самой Шельды выстрѣлами волонтеровъ. Юныя амазонки, которымъ была знакома эта мѣстность, проводили Дюмуре до паромъ, на которомъ онъ переправился вмѣстѣ съ ними и герцогомъ Шартрскимъ. Лошадей бросили на берегу. Свита, которой не хватило мѣста на паромѣ, поѣхала вдоль берега Шельды и вернулась въ Мольдскій лагерь. Баптистъ распустилъ слухъ, что генераль убитъ возмущившимися волонтерами, и вернулъ такимъ образомъ Дюмуре прежнее расположеніе его войскъ.

Между тѣмъ главнокомандующій, переѣхавъ Шельду, изнуренный усталостью, пѣшкомъ пошелъ по болотамъ, окаймляющимъ рѣку. Онъ постучалъ въ дверь небольшого замка, куда его сначала не хотѣли впустить. Баптистъ нагналъ его вечеромъ. Онъ сообщилъ ему о негодованіи лагеря, почувствовавшаго къ нему снова расположеніе. Какъ пріѣхалъ ночью. Онъ привезъ съ собою свиту изъ

пятидесяти имперскихъ драгуновъ, которые должны были проводить главнокомандующаго до лагеря. Исключая нѣсколькихъ мрачныхъ лицъ и взоровъ, въ которыхъ подозрѣніе еще боролось съ привязанностью къ главнокомандующему, всѣ части войска привѣтствовали Дюмуре какъ своего обожаемаго начальника. Собравъ около себя полкъ гусаръ Версени и нѣсколько преданныхъ ему эскадроновъ кирасиръ и драгунъ, онъ двинулся во главѣ этой кавалеріи до Рюмижи, находящагося въ одной милѣ отъ Сентъ-Аманскаго лагеря. Онъ думалъ, что вернулъ свое вліяніе въ арміи и можетъ уже привести въ исполненіе свой планъ относительно Конде, неудавшійся наканунѣ.

Но артиллерія Сентъ-Аманскаго лагеря, получивъ ложное извѣстіе о смерти Дюмуре, погибшаго въ волнахъ Шельды, прогнала его генераловъ, запрягла лошадей въ пушки и двинулась къ Валансьену. Цѣлыя дивизіи, отказываясь повиноваться своимъ офицерамъ или увлекая ихъ за собою, покидали лагерь, гдѣ измѣна ихъ главнокомандующаго заставляла ихъ служить орудіемъ неизвѣстнымъ интригамъ.

Получивъ одно за другимъ эти извѣстія изъ Рюмижи, Дюмуре уронилъ перо, которымъ писалъ приказъ по арміи. Онъ почувствовалъ свою слабость какъ гражданина, идущаго противъ отечества, и несостоятельность своей интриги противъ революціи. Онъ поѣхалъ верхомъ съ двумя братьями Тувено, герцогомъ Шартрскимъ, полковникомъ Монжуа, полковникомъ Барруа, Фернигомъ и его дочерьми безъ всякой свиты въ Турнэ, гдѣ генераль Клерфэ встрѣтилъ его не какъ генерала непріятельской арміи, а какъ своего несчастнаго союзника. Любовь, которую Дюмуре сумѣлъ внушить къ себѣ своимъ солдатамъ, была такъ велика, что восемьсотъ рядовыхъ полка Версени и саксонскіе гусары присоединились къ нему по собственному побужденію въ Турнэ. Эти солдаты предпочли заслужить имя перебѣжчиковъ горести разстаться съ своимъ начальникомъ.

Остатки французской арміи, разрозненной, едва сплоченной только въ укрѣпленіяхъ, были предоставлены нападеніямъ Клерфэ. Генераль жертвовалъ кровью своихъ солдатъ, но перебѣжчики не выдали непріятелю сокровище арміи. Дюмуре пріѣхалъ безъ защиты и отдалъ себя на волю случая и благодарности союзныхъ монарховъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Турнэ, у него въ кошелькѣ было только нѣсколько золотыхъ.

Всѣ его товарищи по бѣгству находились въ такомъ же положеніи. Герцогъ Шартрскій, Тувено, Нордманъ, Монжуа, вѣрный Баптистъ и юныя героини Фернигъ, дезертировавшія, не совершивъ преступленія, сдѣлали складчику въ пользу Дюмуре и первые дали ему горькій хлѣбъ изгнанія.

23.

Такова была развязка длинной политической и военной драмы, возвысившей Дюмуре въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на степень величайшаго мужа и низвергнувшей его до уровня презрѣннаго авантюриста.

Его чувства не соответствовали его мужеству и широтѣ ума. Воспитанный въ легкихъ нравахъ двора и привыкшій, какъ дипломатъ, видѣть обратную сторону политики и приписывать великія послѣдствія маленькимъ причи-

намъ, онъ былъ не достаточно серьезенъ, чтобы понять республику, и не настолько самоотверженъ, чтобы служить ей съ рискомъ сложить ради нея свою голову. Онъ игралъ роль великаго человѣка, хотя былъ имъ только наполовину. Его кровь, пролитая на полѣ битвы за свободу или на эшафотѣ неблагодарной республикой, взывала бы о вѣчномъ мщеніи къ потомству и сохранила бы на вѣчныя времена одно изъ лучшихъ воспоминаній о республикѣ. Его жизнь, спасенная посредствомъ измѣны, бросаетъ тѣнь сожалѣнія на блескъ его кампаній и побѣдъ. Имя его, такъ сказать, только блестящее явленіе въ исторіи, бросающее тѣнь на его отечество. Онъ обладалъ головой политика, рукою героя, сердцемъ интригана и горько становится, что не можешь восхищаться имъ всецѣло. При его имени горечь примѣшивается къ энтузіазму. Избѣгаешь провозносить его имя рядомъ съ славными именами родины, потому что ничего не можешь быть позорнѣе, какъ видѣть великія судьбы, доставшіяся въ удѣлъ низкимъ душамъ, и человѣка, обладающаго большими способностями, который не уважаетъ самого себя. Народы требуютъ, чтобы поступки людей соответствовали тѣмъ великимъ мыслямъ, которыя зарождаются въ ихъ умахъ. Преступленія, совершаемыя во время революцій, оскорбляютъ менѣе, чѣмъ легкомысліе; преступленіе, болѣе гнусное, является однако меньшей безмыслицей въ великихъ человѣческихъ катастрофахъ.

24.

Съ этихъ поръ Дюмуре, проклинаемый въ отечествѣ, едва терпимый заграницей, переѣзжалъ изъ одной страны въ другую, не находя себѣ родины. Предметъ презрительнаго любопытства, почти нищій, не имѣя ни соотечественниковъ, ни семьи, получая субсидіи отъ Англіи, онъ возбуждалъ состраданіе во всѣхъ партіяхъ. Какъ бы для того, чтобы сильнѣе покарать его, Небо не отняло у него его генія, желая наказать его бездѣйствіемъ. Онъ не переставая писалъ мемуары и составлялъ планы для всѣхъ войнъ, которыя Европа вела въ продолженіе тридцати лѣтъ съ Франціей; онъ всѣмъ предлагалъ свою шпагу и всегда получалъ отказъ. Хилый и немощный, онъ принужденъ былъ жить въ Германіи и Англіи въ то время, когда Франція открыла свои двери изгнанникамъ всѣхъ партій; онъ боялся, чтобы самая земля не укорила его въ измѣнѣ. Онъ умеръ въ Лондонѣ. Отечество оставило его прахъ на мѣстѣ его изгнанія и даже не воздвигло ему могильнаго камня на полѣ битвы, гдѣ онъ одержалъ побѣду и спасъ свое отечество.

XXXVIII.

Событія внутри государства.—Марать.—Учрежденіе комитетовъ.—Общественныя учрежденія.—Возмущенія.—Ассигнаціи.—Мъры предосторожности.—Декретъ, обвиняющій Марата.—Іюнь.—Вандея.—Армія.—Дантонъ на границѣ.—Робеспьеръ.—Жирондисты.—Инсуррекціонный комитетъ.—Смерть жены Дантона.—Двадцать два жирондистскихъ депутата.—Заговоръ противъ нихъ.—Дантонъ.—Ръчи.—Революціонный трибуналъ.—Верньо.—Пренія.—Жирондисты отвергаютъ предложенія Дантона.—Комитетъ общественной безопасности.—Госпожа Роланъ.

1.

Вернемся къ ходу событій внутри государства, отъ которыхъ мы отступили, чтобы не прерывать нашего разсказа.

Уступка жирондистовъ, пожертвовавшихъ головою короля, не успокоила смуты въ государствѣ. Партіи на нѣкоторое время смѣшались, но не слились между собою. Слабое правительство не обезоруживаетъ, а, напротивъ, ободряетъ къ новымъ требованіямъ. Жирондисты обезсилили себя, пожертвовавъ жизнью короля, лишивъ себя единственной опоры, подъ прикрытіемъ которой они могли еще бороться съ внутренними и внѣшними врагами. Когда они обнаружили свою слабость, то можно было заранѣе предвидѣть ихъ гибель.

Между тѣмъ якобинцы, довольные побѣдой, которую они одержали надъ противниками, дали время вздохнуть своимъ врагамъ. Установилось даже, по-видимому, нѣчто вродѣ соглашенія между комитетами Конвента и Парижской коммуной, съ цѣлью обуздать насилие и возстановить порядокъ въ государствѣ. Уговорились заставить войти въ свое русло великій народный потокъ, который только что опрокинулъ своимъ теченіемъ тронъ.

2.

Дантонъ держался гордо и независимо въ сторонѣ, такъ что являлся какъ бы третейскимъ судьей партій. Робеспьеръ ждалъ, чтобы новый кризисъ вознесъ его еще выше. Ни тотъ, ни другой въ то время не поддерживали безцѣльныхъ безпорядковъ и волненій толпы. Только одинъ человекъ смущалъ всѣ партіи въ Конвентѣ. Это Марать, настоящее воплощеніе анархіи. Дантонъ олицетворялъ собою силу, старающуюся спасти народы, направляя ихъ патріотическій порывъ и доводя его до убійства; Робеспьеръ — упрямаго философа, идущаго къ своей цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Марать служилъ олицетвореніемъ смутныхъ и лихорадочныхъ мечтаній толпы, страдающей, стонущей

и копошащейся,—подонковъ націи, класса общества, лишеннаго голоса, которымъ они могли бы дать услышать о себѣ, не могущаго дѣйствовать правильно, чтобы очистить себѣ мѣсто, готоваго принять участіе во всякомъ заговорѣ, становящагося фанатикомъ при видѣ своихъ обманутыхъ надеждъ, переходящаго отъ заблужденій къ ярости и разрушающаго государства, не будучи еще въ состояніи разрушить условій труда, притѣсненій и уничтожить нищету, держащихъ ихъ въ униженіи. Марать былъ представителемъ современнаго пролетаріата,—вида рабства, умѣряемаго заработной платой. Онъ вывелъ на политическую арену толпу, до тѣхъ поръ удаленную отъ нея по своему безсилію и запятнанную своими лохмотьями. Страсть Марата разыгрывать эту роль вызывалась не однимъ стремленіемъ его властвовать, а также желаніемъ вернуть права страдающимъ и угнетеннымъ классамъ общества. Онъ взялъ на себя ихъ защиту. Онъ хотѣлъ, чтобы съ этимъ дѣломъ было связано его имя въ потомствѣ. Онъ хотѣлъ освободить страдающій классъ народа и обратить противъ богатыхъ классовъ бичъ, тяготѣвшій въ теченіе столькихъ вѣковъ надъ обездоленными; онъ жаждалъ сдѣлать и ихъ участниками въ довольствѣ; онъ стремился доставить его и пролетаріату. Но только онъ велъ ихъ къ нему какъ варваровъ, дѣлающихъ набѣгъ, съ мечомъ и огнемъ въ рукахъ, которые, вернувъ свои права, очищаютъ себѣ мѣсто на землѣ, сжигая и уничтожая все, что было до нихъ.

Съ 10-го августа Марать, выходя изъ подземелья, гдѣ онъ жилъ, говорилъ только о страданіяхъ народа. Являясь передъ толпой, якобинцами, кордельерами, въ ратушѣ и среди всѣхъ волненій,—онъ вездѣ держалъ себя аффектированно. Онъ началъ освобождаться отъ покровительства Дантона, котораго долго домогался и терпѣлъ. Онъ началъ оспаривать у Робеспьера аплодисменты якобинцевъ. Робеспьеръ общалъ народу только законы, которые должны были справедливѣе распредѣлить общественныя блага между всѣми классами общества,—Марать общалъ коренной переворотъ и довольство въ будущемъ. Одинъ сдерживалъ народъ своимъ благоразуміемъ,—другой увлекалъ его безумствомъ. Робеспьера уважали,—Марата боялись. Онъ чувствовалъ, какую роль онъ играетъ, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ характеризуетъ себя въ „Другѣ Народа“.

3.

„Да простятъ мнѣ мои читатели, если я буду говорить имъ сегодня о самомъ себѣ. Мною руководить не самолюбіе, не хвастовство, но желаніе послужить общественному благу. Зачѣмъ вмѣнять мнѣ въ преступленіе мое желаніе представить себя такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, если мои враги не перестаютъ изображать меня безумцемъ, ненавистникомъ людей, кровожаднымъ тигромъ, чтобы помѣшать мнѣ сдѣлать благое дѣло, къ которому я стремлюсь? Рожденный съ чувствительнымъ сердцемъ, пылкимъ воображеніемъ, характеромъ вспыльчивымъ, прямымъ и упрямымъ, умомъ прямолинейнымъ, склоннымъ къ страстнымъ увлеченіямъ, а особенно стремленіемъ къ славѣ; воспитанный среди нѣжныхъ попеченій въ родительскомъ домѣ, я дожилъ до зрѣлаго возраста,

не испытывал увлеченій страсти. Въ двадцать одинъ годъ я былъ чистъ, а съ тѣхъ поръ я отдался наукамъ и размышленію.

„Природа закалила мнѣ душу, а матери я обязанъ воспитаніемъ моего характера, потому что она пробудила въ моемъ сердцѣ любовь къ справедливости и къ людямъ. Она черезъ меня помогала бѣднымъ; участіе, которое она проявляла, говоря о несчастныхъ, внушило и мнѣ очень рано то же состраданіе, которое она питала къ нимъ. Въ восемь лѣтъ мои нравственные воззрѣнія уже сложились. Уже въ этомъ возрастѣ я не могъ видѣть дурного обращенія съ людьми. Жестокость возбуждала во мнѣ негодованіе, несправедливость заставляла усиленно биться мое сердце, точно мнѣ наносилось личное оскорбленіе.

„Въ дѣтствѣ я былъ слабаго здоровья; я не зналъ ни радости, ни рѣзвости, ни дѣтскихъ забавъ. Я былъ тихъ и прилеженъ, и учителя лаской могли всего добиться отъ меня. Меня наказали всего одинъ разъ. Въ то время мнѣ было одиннадцать лѣтъ. Наказаніе было незаслуженно. Меня заперли въ комнату. Я открылъ окно и выскочилъ на улицу.

„Любовь къ славѣ была всегда моей главной страстью. Пяти лѣтъ я мечталъ быть школьнымъ учителемъ, въ пятнадцать—профессоромъ, въ восемнадцать—писателемъ, въ двадцать—изобрѣтателемъ, а теперь я мечтаю о славѣ принести себя въ жертву отечеству! Будучи мечтателемъ съ дѣтства, я чувствовалъ потребность работать даже тогда, когда бывалъ боленъ. Я былъ счастливъ, мечтая въ тѣ тихія минуты, когда душа съ восторгомъ созерцаетъ небеса, или, погрузившись въ самую себя, анализируетъ себя, положивъ на одну чашку вѣсовъ истинное блаженство, а на другую тщеславіе людского величія, или старается проникнуть въ туманное будущее, ищетъ человѣка по ту сторону могилы, или съ безпокойнымъ любопытствомъ гадаетъ о будущей судьбѣ міра.

„Я провелъ двадцать пять лѣтъ въ уединеніи, въ чтеніи, въ размышленіи по поводу лучшихъ книгъ, трактующихъ о нравственности, философіи и политикѣ, желая придти къ наилучшимъ выводамъ. Изъ восьми томовъ метафизическихъ изысканій, двадцати—открытій физическихъ законовъ я вынесъ страстное желаніе сдѣлаться полезнымъ человѣчеству, святое уваженіе къ правдѣ, сознаніе скудности человѣческихъ знаній. Шарлатаны ученаго сословія, разные д'Аламберы, Кондорсе, Лапласы, Лаланды, Монты, Лавуазье, хотѣли одни занимать видное мѣсто. Я не могъ даже заставить назвать заглавіе моихъ трудовъ. Я уже въ теченіе пяти лѣтъ стоналъ подъ этимъ позорнымъ гнетомъ, когда революція дала о себѣ знать созывомъ генеральныхъ штатовъ. Я скоро угадалъ, къ чему это должно повести, и вздохнулъ свободнѣе, надѣясь увидѣть человѣчество отомщеннымъ, помочь ему разорвать его узы, и занять подобающее мнѣ мѣсто.

„Но это былъ пока только чудный сонъ! Онъ чуть не улетучился. Жестокая болѣзнь едва не свела меня въ могилу. Не желая умереть, не совершивъ ничего для человѣчества, я на своемъ страдальческомъ ложѣ сочинялъ „Жертву отечеству“... Когда я выздоровѣлъ, я только и думалъ о томъ, какъ послужить дѣлу свободы! А они еще обвиняютъ меня, что я продажный извергъ! Да я могъ бы получить милліоны, если бы только продавалъ свое молчаніе. А я нищій!...“

Шарлотта Кордье.

4.

Въ этихъ строкахъ рисуется душа Марата, неистово жаждавшего славы и постоянно требовавшего борьбы противъ соціальнаго неравенства и любви къ страдающимъ классамъ, идущей рука объ руку съ жестокостью къ богатымъ и счастливымъ.

Такая жажда безусловной справедливости и внезапнаго уравниенія всѣхъ людей могла быть утолена только кровью. Маратъ не переставая требовалъ ея у народа, что являлось слѣдствіемъ ожесточенности его ума, жаждавшего уничтожить все, что противостояло непримиримости его системы.

Онъ велъ нищенскій и трудолюбивый образъ жизни, занималъ жалкое помѣщеніе въ одномъ изъ мрачныхъ домовъ въ улицѣ Кордельеровъ; онъ зарабатывалъ средства къ жизни перомъ. Неустанный умственный трудъ, постоянное желчное настроеніе, бессонныя ночи волновали ему кровь, глаза у него впали, кожа пожелтѣла и лицо его приняло болѣзненный видъ и подергивалось судорогами. Онъ не щадилъ своей жизни такъ же, какъ и чужой. Даже во время продолжительныхъ и частыхъ болѣзней, которыя приковывали его къ постели, онъ съ быстротою молніи заносилъ на бумагу мысли, зарождавшіяся въ его мозгу во время лихорадочныхъ мечтаній. Типографскіе посыльные уносили одинъ за другимъ въ наборную лоту бумаги, пропитанные его желчью; черезъ часъ газетчики и афиши, прибитыя на углахъ улицъ, распространяли ихъ по всему Парижу. Его жизнь была яростнымъ непрерывнымъ общеніемъ съ толпою. Онъ принималъ всѣ впечатлѣнія за вдохновенія и торопливо записывалъ ихъ какъ прорицанія сивиллы или священныя мысли пророковъ. Женщина, съ которой онъ жилъ, смотрѣла на него какъ на невѣдомаго міру благодѣтеля, который повѣряетъ ей первой свои тайныя мысли. Маратъ, жестокій и рѣзкій со всѣми, смягчалъ свой голосъ, когда говорилъ съ этой женщиной. Звали ее Альбертиной. Нѣтъ въ мірѣ такого несчастнаго или презрѣннаго чловека, которому судьба не судила бы привязанность женщины, готовой раздѣлить съ нимъ трудъ, наказаніе, преступленіе или добродѣтель.

Маратъ, подобно Робеспьеру и Руссо, питалъ непоколебимую вѣру въ свои принципы. Онъ считалъ себя орудіемъ Божіимъ. Онъ написалъ книгу о безсмертіи души. Библіотека его состояла изъ пятидесяти томовъ сочиненій философовъ, поставленныхъ на полкѣ изъ сосноваго дерева, прибитой къ голыи стѣнѣ его комнаты. Тамъ можно было увидѣть Монтескьё, Рейналя, которыхъ онъ часто перелистывалъ. Евангеліе лежало всегда раскрытое на его столѣ. „Революція, говорилъ онъ тѣмъ, кто удивлялись его словамъ:—всецѣло основывается на Евангеліи. Нигдѣ народъ не находилъ болѣе энергичной защиты, нигдѣ не высказано столько проклятій богатымъ и сильнымъ міра сего. Иисусъ Христосъ“, часто повторялъ онъ, благоговѣнно склоняясь, когда произносилъ это имя:—Иисусъ Христосъ—нашъ общій Учитель!“

Немногіе друзья навѣщали Марата въ его мрачномъ уединеніи: это были Армонвиль, сентябристъ Арміена; Понъ де-Вердёнъ, поэтъ, лстившій всякой власти; Венсенъ, Лежандръ, изрѣдка Дантонъ, потому что Дантонъ, долгое время прокуривательствовавшій Марату, началъ его бояться. Робеспьеръ ненавидѣлъ

его, какъ выскочку, выдвинутого народнымъ капризомъ. Онъ завидовалъ ему, но не хотѣлъ пасть настолько низко, чтобы искать популярности у толпы. Когда Марать и Робеспьеръ встрѣчались въ Конвентѣ, то обмѣнивались оскорбительными и презрительными взглядами. „Подлый ханжа!“ бормоталъ Марать. — „Низкій убійца“, шепталъ Робеспьеръ. Но оба они одинаково ненавидѣли жирондистовъ.

Небрежная одежда, которую носилъ въ эту пору Марать, составляла рѣзкую противоположность съ приличнымъ костюмомъ Робеспьера. Темная въ заплаткахъ куртка, рукава у которой онъ засучивалъ какъ рабочій, только что окончившій работу; бархатныя въ чернильныхъ пятнахъ панталоны, синіе шерстяные чулки, башмаки, завязанные у щиколотки веревками, грязная, разстегнутая на груди рубашка, прилипшіе на вискахъ волосы, стянутые сзади кожанымъ ремешкомъ, круглая съ опущенными полями шляпа, — вотъ въ какомъ видѣ Марать являлся въ Конвентъ. Несоразмѣрно большая съ маленькимъ ростомъ голова, шея, наклоненная къ лѣвому плечу, постоянное подергиваніе мускуловъ, насмѣшливая улыбка, дерзкій взглядъ, рѣзкость замѣчаній обращали на него всеобщее вниманіе. Его жалкая виѣшность служила выѣской его мнѣній. Сознаніе важности предстоявшей ему роли росло вмѣстѣ съ предчувствіемъ ожидавшаго его могущества. Онъ угрожалъ всѣмъ, даже своимъ прежнимъ друзьямъ. Онъ смѣялся надъ Дантономъ по поводу его роскоши и изощренности его вкуса. „Что Дантонъ, спрашивалъ онъ Лежандра:—все еще говоритъ, что я смутяня, портящій все? Одно время я хлопоталъ для него о диктатурѣ, думая, что онъ способенъ къ ней. Онъ изнѣжился въ наслажденіяхъ. Его опьянила добыча, полученная въ Бельгіи, и важность возложеннаго на него порученія. Онъ теперь слишкомъ важный баринъ для того, чтобы снизойти до меня. Камилль Демуленъ, Кабо, Фабръ д'Эглантинъ и его льстецы презираютъ меня. Народъ и я—мы не спускаемъ съ него глазъ“.

5.

Конвентъ старался нѣкоторое время учрежденіемъ комитетовъ пріучить своихъ членовъ къ исполненію обязанностей, къ которымъ они могли бы оказаться способными по своей природѣ. Управленіе учредилось, такъ сказать, по единоголосному выбору народа. Конституція, народное просвѣщеніе, финансы, армія, флотъ, дипломатія, общественная безопасность гражданъ наконецъ,—это высшее вѣдомство, дающее націи возможность самоуправленія, образовали множество отдѣльных комитетовъ, гдѣ вырабатывались въ интимныхъ преніяхъ и глубоко обдуманныхъ докладахъ разнообразныя государственныя вопросы, касающіеся политической экономіи и администраціи. Конвентъ утилизировалъ такимъ образомъ всѣ способности, заставляя ихъ работать надъ вопросами, подлежащими ихъ компетенціи. Онъ предоставилъ на долю народныхъ засѣданій великую борьбу политическихъ страстей, потрясавшую государство и заставлявшую поочередно торжествовать и падать различныя партіи. Но нервъ внутренней администраціи и виѣшной обороны заключался въ комитетахъ. Эта пружина продолжала дѣйствовать тайно, въ то время какъ Конвентъ, казалось, былъ раздираемъ народными конвульсіями.

Учрежденіе республиканскаго правленія въ странѣ, привыкшей въ теченіе столькихъ вѣковъ къ единоличной власти, было первой необходимостью и первой мыслью Конвента. Онъ призвалъ въ конституціонный комитетъ людей, которые, какъ онъ предполагалъ, были въ высшей степени одарены организаторскимъ гениемъ. Въ своихъ первыхъ выборахъ онъ руководствовался не партійными взглядами, но выбиралъ способнѣйшихъ. Жирондисты преобладали, но не столько количественно, сколько по личнымъ качествамъ своихъ представителей. Эти представители были: Сійесъ, Тома Пэнъ, Бриссо, Петіонъ, Верньо, Жансонне, Бареръ, возбуждавшій энтузіазмъ тѣмъ, что самъ прикидывался энтузіастомъ, Кондорсе, наконецъ Дантонъ. Робеспьеръ, ненавидимый жирондистамъ и подозрѣваемый въ приверженности къ анархіи, не былъ выбранъ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ этимъ и скрылъ свою обиду подъ маской презрѣнія.

6.

Комитетъ народнаго просвѣщенія, наиболѣе важный послѣ комитета конституціоннаго въ то время, когда слѣдовало вмѣстѣ съ измѣненіемъ законовъ измѣнить и нравы націи, состоялъ изъ философовъ, писателей и артистовъ. Кондорсе, Приёръ, Героде Сешель, Ланжюине, Роммъ, Лантена, Дюсо, Мерсье, Давидъ, Лекиньо, Фоше были главными его членами. Камбонъ царилъ въ комитетѣ финансовъ: якобинецъ по своей страсти къ республикѣ, жирондистъ по ненависти къ анархистамъ, честный какъ рука народа, когда она касается своихъ собственныхъ сокровищъ, непоколебимый какъ цифры. Комитетъ общественной безопасности, долженствовавшій поглотить въ себѣ всѣ остальные и возвыситься надъ законами какъ фатумъ, былъ учрежденъ только два мѣсяца спустя и просуществовалъ только полгода.

Въ то время какъ эти комитеты въ тиши готовили конституцію и обсуждали системы воспитанія, военную, финансовую и общественной благотворительности, народное волненіе въ Парижѣ безпрестанно напоминало Конвенту о насущныхъ и неотложныхъ нуждахъ. Война и голодъ одинаково побуждали народъ къ возмущенію. По роковому совпаденію, годы волнений были для Франціи и годами бесплодія для ея почвы; продолжительныя жестокія зимы выморозили хлѣба; времена года были суровы. Казалось, сами стихіи сражались противъ свободы. Паника, преувеличивая недостатокъ хлѣба, помрачила народное воображеніе; рѣки замерзли; дровъ трудно было добыть; хлѣбъ вздорожалъ; высокая цѣна всѣхъ припасовъ предвѣщала нужду и смерть въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ возбуждаютъ наиболѣе ропотъ въ народѣ: въ видѣ голода. У рабочихъ не было работы; роскошь исчезла вмѣстѣ съ чувствомъ безопасности, которое ее порождаетъ; богатые прикидывались нищими, чтобы избѣжать ограбленія; дворяне и священники во время бѣгства унесли съ собой, или зарыли въ погребахъ, въ садахъ, въ стѣнахъ своихъ домовъ значительную часть золота и серебра въ монетахъ,—эти знаки цѣнности, средства обмѣна и денежныхъ оборотовъ, источники труда и заработной платы. Конфискаціи и секвестры оставляли въ рукахъ республики безъ всякой пользы множество невоздѣланныхъ земель и необитаемыхъ домовъ.

Чтобы пополнить недостатокъ золота и серебра, которыя, казалось, вдругъ исчезли, конституціонное собраніе создало бумажную монету подъ именемъ ассигнацій. Эта монета, основанная на довѣріи, могла бы стоять наравнѣ съ монетой металлической, если бы народъ захотѣлъ понять ея значеніе и принять ее; она увеличила бы число сдѣлокъ между частными лицами, оживила бы трудъ, оплачивала бы подати и представляла собою цѣнность земель. Монета, что бы ни говорили подчасъ политико-экономы, никогда не имѣетъ другой цѣны, кромѣ цѣны по договору, который ее создалъ, и по кредиту, который она имѣетъ. Достаточно того, чтобы отношеніе между покупаемыми вещами и монетой, на которую ихъ покупаютъ, не могло быть внезапно и самовольно измѣнено произвольнымъ увеличеніемъ этихъ монетныхъ знаковъ; дѣйствительная и истинная цѣна всѣхъ вещей основана на этомъ отношеніи. Слѣдовательно, только одна законная власть, честная и осмотрительная, имѣетъ право чеканить монету. А будетъ ли она чеканить монету изъ золота, серебра, мѣди или печатать на бумагѣ, это имѣетъ мало значенія, лишь бы отношеніе было свято сохранено и народъ не потерялъ такимъ образомъ довѣрія къ кредиту этого денежнаго знака. Вексель, монета личная, имѣющая цѣну только благодаря подписи того лица, которое его выдаетъ, замѣняетъ между частными лицами несчетное количество разнѣной монеты. Онъ имѣетъ то же значеніе, что золото и серебро. Но это монета, которую имѣетъ право чеканить каждый человѣкъ и которая выражаетъ степень довѣрія къ извѣстной личности. Почему бы государству, представляющему собою имущественную цѣнность и кредитъ всѣхъ гражданъ, не выпускать бумажныя деньги, которыя должны внушать къ себѣ такое же непоколебимое довѣріе, какъ монета простыхъ гражданъ?

7.

Но народъ привыкъ къ золоту. Онъ хотѣлъ взвѣшивать и ощущивать его. Онъ не довѣрялъ бумагѣ. Пока истины не усвоятся народомъ, онѣ кажутся ему ловушками.

Притомъ правительство, вынужденное необходимостью, внезапно выпустило слишкомъ большое количество бумажныхъ денегъ. Вслѣдствіе того онѣ упали въ цѣнѣ, и владѣльцы ихъ лишились части своего капитала; это вызвало немолимые законы противъ тѣхъ, кто отказывался ихъ принимать, замедленіе въ оборотахъ, паденіе торговли, рискъ въ дѣлахъ, отсрочку векселей, заботовку рабочихъ, недоплату заработанныхъ денегъ, изнурительный трудъ рабочихъ. Землевладѣльцы и богачи жили только тѣмъ, что получали непосредственно съ земли, и накопленными деньгами, серебряными и золотыми, которыя они расходовали очень скупно и только на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ потребностей. Землю обрабатывали дурно, расходовали мало. Построекъ не предпринимали. Кареты и лошади исчезли. Мебель не обновляли. Въ одеждахъ видны были страхъ, скупость и нищета. Жизнь, ограниченная предѣлами крайней необходимости, лишала безчисленныхъ ремесленниковъ, кормящихся только искусственно созданными потребностями спокойно живущаго общества, занятій и заработной платы.

Торговцы больших городов, эти посредники между потребителем, желающим купить дешево, и производителем, который хочет продать дорого, накидывали лихвенные проценты на купленные ими съестные припасы. Торговцы пользуются всеми обстоятельствами, чтобы разбогатеть, даже голодом; это составляет не порок их, а лежит в их натуре. Жажда золота ожесточает так же, как и жажда крови. Жестокая борьба с каждым днем все сильнее разгоралась между чернью Парижа и мелочными торговцами. Ненависть к бакалейщикам, продавцам по мелочам товара, ежедневно потребляемого народом, сдѣлалась такой же ожесточенной и кровавой, как и ненависть к аристократам. Лавки осыпались такими же проклятиями, как и замки. Постоянные бунты у дверей булочников, виновных торговцев и на порогах бакалейных лавок нарушали тишину улиц. Голодные толпы, во главе которых шли женщины и дѣти—признакъ крайней нужды—выходили каждое утро из кварталов, гдѣ жилъ простой народ, и предмѣстій, расходились по богатым кварталам и останавливались передъ домами, владельцы которых подозрѣвались в скупкѣ жизненных припасовъ. Эти толпы окружали Конвентъ и иногда врывались въ него, громкими криками требуя хлѣба и пониженія насильственными мѣрами цѣнъ на припасы. Легіоны женщин, живущих на берегах рѣки и на лодкахъ, зарабатывающихъ хлѣбъ себѣ и дѣтямъ стиркой бѣлья на большой городъ, требовали у Конвента пониженія цѣнъ на мыло, главный продуктъ, потребный въ ихъ профессіи, на масло, свѣчи и дрова, необходимыя имъ въ хозяйствѣ.

Онѣ требовали „максимума“, — то есть таксы на товары, — посредниковъ отъ правительства между торговцами и потребителями, которые умѣряли бы барыши первыхъ и облегчали бы нужды послѣднихъ. Хотя мысль о „максимумѣ“ была законна, зато исполненіе ея было невозможно. Справедливость, оказанная такимъ образомъ нуждающемуся потребителю, легко могла бы оказаться беззаконіемъ и притѣсненіемъ относительно торговца. Закону пришлось бы дѣйствовать ощупью и замѣнить произволомъ свободу обмѣна. Чтобы быть справедливымъ, „максимумъ“ долженъ былъ бы измѣнять свои цифры такъ же часто, какъ мѣнялись цѣны на товары. Никто не согласился бы съ такой оцѣнкой. Уничтожились бы всякія спекуляціи. Спекуляція — душа торговли. Торговцы, подчиненные такому инквизиторскому вмѣшательству, перестали бы снабжать Францію провизіей; требованія народа вызвали бы уничтоженіе торговыхъ сдѣлокъ. Эти мѣропріятія, вызвавшія энергичный протестъ со стороны самыхъ умныхъ изъ жирондистовъ, Робеспьера, Гебера и даже Шометта, внесли бы въ вопросъ о продовольствіи Парижа и въ отношенія народа и купцовъ несогласія и вызвали бы голодъ, словомъ то, что они должны были предупредить. Но если народъ быстро понимаетъ вопросы чисто политическіе и истины національныя, потому что онъ понимаетъ ихъ сердцемъ и разбѣшаетъ чувствомъ, зато онъ съ трудомъ разбирается въ вопросахъ экономическихъ, такъ какъ они требуютъ изощреннаго ума и просвѣщеннаго опыта. Политическая

экономія—наука; политика — только чувство: потому-то на этой почвѣ легче всего ввести въ заблужденіе массы, въ особенности, когда нищета и голодъ придають страстную силу софизмамъ.

9.

Маратъ и его приверженцы отнеслись фанатически къ вопросу о „максимумѣ“. Они голодомъ принуждали народъ къ требованію таксы и къ грабежу богатей. Листки Марата ежедневно били въ набатъ о голодѣ.

„Несомнѣнно“, говорилъ онъ въ „Другѣ Народа“ 23-го февраля: „что капиталисты, ажіотеры, перекупщики, торговцы предметами роскоши, крючкотворцы, бывшіе приказные, бывшіе дворяне, всѣ, за немногими исключеніями, — приверженцы стараго правленія и сожальють о злоупотребленіяхъ, которыми они пользовались, чтобы жирѣть на народныя крохи. Вслѣдствіе невозможности измѣнить ихъ сердца и видя тщетность всѣхъ средствъ, употребленныхъ до сихъ поръ съ цѣлью заставить ихъ исполнять свои обязанности, и не надѣясь болѣе, что наши законодатели примутъ серьезныя мѣры, чтобы понудить ихъ къ этому,—я вижу, что только окончательное истребленіе проклятаго племени можетъ вернуть спокойствіе государству: они имѣють злодѣйство морить народъ, непомѣрно увеличивая цѣны на припасы первой необходимости, и угрожаютъ ему перспективой голода. Разграбленіе магазиновъ, на дверяхъ которыхъ повѣсили бы нѣкоторыхъ перекупщиковъ, быстро положило бы конецъ этимъ притѣсненіямъ, приводящимъ въ отчаяніе пять миллионъ человѣкъ, изъ которыхъ тысячи умирають отъ нищеты. Неужели представители народа всегда будутъ только умѣть разглагольствовать о его бѣдствіяхъ и никогда не придумаютъ средствъ помочь ему? Долой законы: они, очевидно, никогда не имѣли силы! Наконецъ, такое положеніе вещей не можетъ продолжаться долѣе; немного терпѣнія, и народъ наконецъ пойметъ великую истину, что онъ долженъ спасти себя самъ. Злодѣи, которые хотятъ снова заключить его въ оковы и наказать за то, что онъ избавился отъ горсти измѣнниковъ 2-го, 3-го и 4-го сентября,—пусть трепещутъ сами, чтобы ихъ не причислили къ тѣмъ негоднымъ членамъ, которые полезно отсѣчь отъ политическаго тѣла!

„Подлые лицемеры, силившіеся погубить отечество подъ предлогомъ возвысить силу закона, взойдите на трибуну! осмѣльтесь обвинить меня! Съ этимъ листкомъ въ рукѣ, я готовъ васъ уничтожить!“

10.

Невозможно было бы проповѣдывать грабежъ и убійства въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ. На другой же день народъ, для котораго листокъ Марата представлялъ трибуну съ сорока тысячами голосовъ, повиновался призыву своего апостола; голодныя толпы вышли изъ предмѣстій, изъ мастерскихъ и изъ разныхъ притоновъ и наводнили собою богатые кварталы Парижа; выламывали двери булочныхъ, врывались въ бакалейныя лавки, раздѣляли между собою, придерживаясь таксы, припасы первой необходимости: хлѣбъ, мыло, масло, свѣчи, кофе, чай, сыръ и затѣмъ разграбили нѣсколько лавокъ съ съѣстными припасами.

На другой день Бареръ, членъ центра, потребовалъ, чтобы законъ былъ отомщенъ. „До тѣхъ поръ, пока я буду представителемъ народа, сказалъ онъ:— я буду упорно бороться съ тѣми, кто нарушаетъ права собственности и ставить грабежъ и кражу на мѣсто общественной нравственности, скрывая эти преступленія подъ маской патриотизма“.

Жирондистъ Салль читаетъ съ трибуны кровавое воззваніе Марата. „Обвинительный декретъ противъ этого чудовища!“ кричитъ толпа депутатовъ. Маратъ бросается на трибуну при рукоплесканіяхъ своихъ друзей, разставленныхъ имъ еще съ утра между зрителями. „Народныя волненія, происшедшія вчера, говоритъ онъ, смотря на Салля и Бриссо:—дѣло этой преступной партіи и ея агентовъ; это они посылаютъ въ разныя части города своихъ эмиссаровъ, чтобы поддерживать тамъ возбужденіе умовъ. Въ порывѣ негодованія я сказалъ, что надо разграбить магазины скушниковъ и повѣсить ихъ на дверяхъ ихъ домовъ, что это единственное вѣрное средство спасти народъ; и за это осмѣливаются требовать противъ меня обвинительнаго декрета!“ При этихъ словахъ почти всѣ находящіеся въ залѣ встаютъ въ негодованіи. Ругательства заглушаютъ слова оратора. Маратъ презрительно улыбается, глядя на эти „слабѣя“ души. „Глупцы!“ говоритъ онъ, сходя съ трибуны.

Ларевельеръ-Лепо, человѣкъ честный и сохраняющій нейтралитетъ между партіями, свидѣтельствуеетъ о честности Ролана и защищаетъ его противъ клеветы Марата. „Настало время узнать, восклицаетъ Ларевельеръ-Лепо:—сумѣетъ ли Конвентъ сдѣлать выборъ между преступленіемъ и добродѣтью!“— Кто осмѣливается защищать Марата! раздается ропотъ со всѣхъ сторонъ.— „Я“, отвѣчаетъ Тиріонъ.— „Я не нуждаюсь въ защитникѣ, кричитъ „другъ народа:—все это происки шайки, преслѣдующей въ моемъ лицѣ представителя Парижа. Они хотятъ удалить меня изъ собранія, потому что я имъ мѣшаю, раскрывая ихъ заговоры.—“ Маратъ легковѣренъ говоритъ Карра:—онъ вредитъ своею вспыльчивостью своимъ друзьямъ и возбуждаетъ неудовольствіе противъ всей Горы“. Маратъ перебиваетъ Карра. „Вѣроломное толкованіе Карра можетъ привести на эшафотъ лучшихъ патриотовъ“. Бюзо съ ироніей проситъ разрѣшенія сказать слово за Марата. „Я достаточно силенъ, чтобы защищать себя самому“, дерзко говоритъ обвиняемый. „Въ чемъ, продолжаетъ Бюзо:— вы обвиняете этого человѣка? Онъ пишетъ въ своей газетѣ только то, что каждый день говорится съ этой трибуны; онъ лишь отголосокъ тѣхъ клеветъ, которые не перестаютъ изрыгать на насъ и на лучшихъ гражданъ; онъ только провозвѣстникъ той анархіи, которая заключаетъ въ себѣ, какъ послѣдній бичъ, королевскую власть! Декретъ, который вы издали бы противъ него, придалъ бы только значеніе человѣку, который дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а является орудіемъ развращенныхъ людей“. Ропотъ Горы раздается противъ Бюзо и негодованіе на Марата смѣняется яростью противъ жирондистовъ. Салль, Валазе, Буало, Фонфредъ требуютъ обвинительнаго декрета, Банкаль—изгнанія, Перейръ—объявленія Марата сумасшедшимъ. Члены Конвента, вставъ съ мѣстъ, раздѣляются на двѣ неравныя группы, изъ которыхъ раздаются восклицанія, насмѣшки, брань. „Требуемъ поименнаго голосованія! восклицаетъ—Буало. Надо наконецъ узнать друзей Марата и тѣхъ

трусовъ, которые бояться его тронуть!“— „Пусть онъ говорить! восклицаютъ нѣкоторые:—его обвиняютъ, онъ имѣетъ право слова“.

Тогда Маратъ, обращаясь къ жирондистамъ, говоритъ: „Здѣсь нѣтъ ни справедливости, ни стыда!“ Жирондисты встаютъ какъ одинъ человѣкъ и, по-видимому, готовы уничтожить оратора. „Да, издавайте противъ меня обвинительный декретъ, продолжаетъ Маратъ съ вызывающей улыбкой:—но вмѣстѣ съ тѣмъ объявите въ декретѣ сумасшедшими этихъ „государственныхъ мужей“. Этимъ именемъ демагоги коммуны и самъ Робеспьеръ величали друзей Ролана. Таллиенъ, одинъ изъ ярыхъ сторонниковъ Марата, упорно, но тщетно старается защитить своего учителя; крики, раздающіеся изъ центра, покрываютъ голосъ Таллиена. Верньо требуетъ, чтобы обвиненіе было направлено въ обыкновенный судъ и преслѣдованіе виновниковъ и подстрекателей къ грабежу было поручено министру юстиціи.

„Это злодѣйство!“ восклицаетъ Маратъ и уходитъ при аплодисментахъ Горы. Такимъ образомъ, топчя законы, Гора защищала человѣка. Въ лицѣ Марата она любила врага жирондистовъ.

11.

Нѣсколько дней спустя послѣ этихъ безпорядковъ узнали о бунтахъ въ Лионѣ и о поголовномъ возстаніи Вандей,—первыхъ признакахъ гражданской войны. Эти признаки появились въ тотъ моментъ, когда на границѣ измѣнили Дюмуре, а анархія раздирала Парижъ; но вниманіе Конвента всецѣло устремилось на границы.

Тамъ одно несчастіе слѣдовало за другимъ. Пришло извѣстіе сначала объ отступленіи Кюстина въ Германію, затѣмъ о пораженіи Сѣверной арміи и о заговорѣ Дюмуре. Испанія начала непріязненные дѣйствія. Конвентъ на донесеніе Барера отвѣтилъ не колеблясь объявленіемъ войны мадридскому двору. Не тая своихъ опасеній отъ націи, Конвентъ искалъ спасенія въ самой опасности. Онъ выставилъ ее всю цѣликомъ. Девяносто три комиссара немедленно были назначены, чтобы объявить въ разныхъ частяхъ Парижа о пораженіи нашихъ войскъ. Коммуна подняла черное знамя, въ знакъ траура и смерти, на верхушкахъ соборныхъ башенъ. Театры закрылись. Били сборъ войскамъ, подобно набату, въ теченіе двадцати часовъ кряду, во всѣхъ кварталахъ Парижа. Странствующіе ораторы читали на площадяхъ прокламацію Совѣта, заимствовавшую свои возбуждавшія энтузіазмъ выраженія изъ гимна марсельцевъ: „Къ оружію, граждане! къ оружію! Если вы замедлите, все погибнетъ!“ Кварталы города, обратившіеся въ дѣятельные муниципалитеты, и совѣщательный Конвентъ рѣшились на отчаянныя мѣры. Они требовали запрещенія продажи звонкой монеты, смертной казни за торговлю монетой, налога на богатыхъ, отрѣшенія отъ должности военнаго министра, обвиненія Дюмуре и его сообщниковъ, наконецъ учрежденія революціоннаго судилища, чтобы судить Бриссо, Петіона, Ролана, Бюзо, Гаде, Верньо и всѣхъ жирондистовъ, вѣроломная умѣренность которыхъ погубила отечество подъ предлогомъ спасенія законности.

12.

Дантонъ, появляясь то въ Конвентѣ, то въ лагеряхъ и возвышаясь надъ партіями пылкостью своего характера, убѣдилъ своихъ согражданъ двинуться къ границамъ и, повидимому, принудилъ Конвентъ согласиться направить всю энергію противъ иностранцевъ. Робеспьеръ отъ имени якобинцевъ обратился къ народу съ прокламаціей, въ которой всѣ наши неудачи приписывались жирондистамъ. Онъ обвинялъ ихъ въ подстрекательствѣ къ грабежу, имѣвшемъ цѣлью обезчестить народныя доктрины и привлечь богатыхъ, землевладѣльцевъ и торговцевъ на сторону контръ-революціи. Онъ требовалъ возведенія вала изъ головъ между націей и ея врагами, между которыми первое мѣсто должно было принадлежать головамъ жирондистовъ.

Но подъ этимъ открытымъ движеніемъ якобинцевъ, коммуны, кордельеровъ и городскихъ кварталовъ, кипѣвшихъ ненавистью противъ главарей Конвента, скрывалось тайное общество, которое иногда открыто, иногда тайно старалось соединить и возбудить народъ къ мятежу противъ большинства въ Конвентѣ. Этотъ мятежный комитетъ собирался то въ одной изъ залъ городской думы, то, въ меньшемъ числѣ, въ одномъ изъ домовъ предмѣстья Сень-Марсо. Къ нему принадлежали Марать, Дюбуа-Кране, Дюкнун, Друз, Шудъё, Пашъ, мэръ Парижа, Шометтъ, Геберъ, Моморо, Пани, Дюбионсонъ, испанецъ Гюсманъ, Проли, Перейръ, Допсенъ, предсѣдатель квартала Сите, одинъ изъ организаторовъ рѣзни въ тюрьмахъ, Гассенфранцъ, Анріо, Дюфурни. Второстепенными дѣятелями были по большей части люди 6-го октября, 20-го іюня, 10-го августа, 2-го сентября,—революціонный кадръ, который удержала при себѣ коммуна. Эти отважные молодцы, повиновавшіеся раньше внушеніямъ Петіона и его друзей, готовы были теперь повиноваться Пашу, Марату и Робеспьеру: революціонный потокъ, готовый всегда выйти изъ береговъ. Всякое стремленіе успокоить революцію было имъ невыносимо. Среди этихъ крайнихъ людей были также: Мальяръ, предводитель рѣзни въ аббатствѣ; Сера, руководившій убійствами въ Кармѣ, бывшій въ настоящее время мировымъ судьей въ Люксембургскомъ кварталѣ; Гоншонъ—Дантонъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ; Варле; красильщикъ Маларъ, другъ Бильо Варенна; парикмахеръ Сире, который со времени взятія Бастиліи, гдѣ онъ впервые испыталъ свою храбрость, не пропустилъ ни одного изъ сраженій революціи; кожевникъ Жибонъ, патріотъ, увлеченный Анріо и смѣшивавшій такъ же, какъ и тотъ, патріотизмъ съ преступленіемъ; Ларейни, бывшій старшій викарій въ Шартрѣ, преслѣдовавшій упорно въ революціи остатки тѣхъ учреждений, отъ которыхъ онъ отрекся; Александръ, добивавшійся военной власти въ своемъ предмѣстьѣ, и наконецъ Шаландонъ, предсѣдатель революціоннаго комитета одного изъ кварталовъ, у котораго знаменитый адвокатъ Тарже униженно заискивалъ покровительства, посѣщая его трапезы и исправляя его рѣчи.

13.

6-го марта, ночью, Комитетъ всеобщаго возстанія собрался болѣе тайно, чѣмъ обыкновенно. Приглашеніе получили только члены, извѣстные своему

рѣшимостью и испытанной скромностью. Имъ наскучило слышать имя убійцы, которое Верньо и его друзья бросали имъ съ высоты трибуны. Они надѣялись, что Дантонъ, бывший ихъ сообщникъ, котораго жирондисты осыпали оскорбленіями, присоединится къ нимъ, чтобы уничтожить ихъ общихъ враговъ. Они готовы были назначить его диктаторомъ, чтобы онъ отстаивалъ патріотизмъ. Они съ-часу-на-часъ ожидали его возвращенія изъ арміи, куда онъ поѣхалъ въ третій разъ, чтобы поддержать духъ въ ослабѣвшемъ войскѣ.

14.

Дантонъ, извѣщенный письмомъ деверя, Шарпантье, о болѣзни своей жены, поспѣшилъ уѣхать изъ Конде, чтобы принять послѣдній вздохъ подруги своей юности. Но смерть опередила его. Когда онъ выходилъ изъ кареты у дверей своего дома, ему доложили, что жена его только что скончалась. Его хотѣли удалить отъ этого печальнаго зрѣлища; но Дантонъ, питавшій, несмотря на пылкость своихъ политическихъ страстей и развратный образъ жизни, нѣжность и уваженіе къ матери своихъ двухъ дѣтей,—отстранилъ друзей, которые не пускали его въ домъ, и внѣ себя отъ волненія вошелъ въ комнату, бросился къ постели, приподнялъ саванъ и, покрывая поцѣлуями и слезами полуостывшее тѣло жены, провелъ всю ночь въ рыданіяхъ и столахъ.

Никто не осмѣлился прервать его скорби и оторвать его отъ гроба, чтобы увлечь въ мятежъ. Проектъ заговорщиковъ былъ отложенъ за отсутствіемъ начальника. Между тѣмъ Дюбуиссонъ обратился къ комитету съ рѣчью, въ которой указалъ на крайнюю необходимость предупредить жирондистовъ, каждый день требовавшихъ отомщенія за сентябрскія убійства. „Смерть этимъ лицемерамъ патріотизма и добродѣтели!“ сказалъ онъ кончая рѣчь.

15.

Поднятыя руки и угрожающіе жесты были молчаливымъ одобреніемъ этой рѣчи Дюбуиссона. Имена двадцати двухъ жирондистскихъ депутатовъ были предложены на обсужденіе и головы ихъ обречены на смерть. Это число двадцати двухъ приговоренныхъ соответствовало какъ разъ числу двадцати двухъ якобинцевъ, которыхъ Дюмуре, по слухамъ, обѣщалъ предать мести своей арміи и ярости иностранцевъ. Одни предлагали повѣсить Верньо, Бриссо, Гаде, Петіона, Барбару и ихъ друзей на вѣтвяхъ деревьевъ въ Тюльери; другіе — отвести ихъ въ аббатство и тамъ повторить надъ ними подвиги „сентябрскаго правосудія“. Маратъ, имя котораго не могло пострадать отъ одного лишняго злодѣяства и для котораго слава заключалась въ шумѣ преступленій, разсѣялъ эти недоумѣнія. „Насъ зовутъ кровопійцами, сказалъ онъ:—такъ оправдаемъ же это названіе, упившись кровью нашихъ враговъ! Смерть тирановъ послѣдній доводъ рабовъ. Цезарь былъ убитъ при полномъ собраніи сената; поступимъ такимъ же образомъ съ представителями народа, измѣнниками отечеству, и умертвимъ ихъ на ихъ скамьяхъ, на аренѣ ихъ преступленій“. Мамень, несшій нѣкогда на остріѣ своей пики голову принцессы де-Ламбаль, вызвался самъ съ нѣсколькими изъ своихъ голо-

ворѣзовъ убить жирондистовъ въ ихъ собственныхъ домахъ. Геберъ поддержаль это предложеніе. „Смерть безъ шума, застигшая въ потемкахъ, отомститъ измѣнникамъ столь же хорошо за отечество и покажетъ всѣмъ, что рука народа всегда готова покарать заговорщиковъ“. Этотъ планъ былъ принятъ, хотя идея Марата все еще не была устранена, на тотъ случай, если бы представилась необходимость совершить убійство при болѣе торжественной обстановкѣ, посреди безпорядковъ, когда народъ будетъ брать приступомъ Конвентъ. Всѣ кварталы подѣлили между агитаторами для поднятія возмущенія, и ночь съ 9-го на 10-е марта назначили для совершенія казни.

16.

Въ то время какъ заговорщики Комитета возстанія собирали свои силы, нечаянный случай открылъ жирондистамъ заговоръ, направленный противъ ихъ жизни. Парикмахеръ Сире, со свойственной его профессіи нескромностью, рассказаль предсѣдателью квартала Сень-Луи Може, что на слѣдующій день, въ полдень, жирондисты будутъ убиты. Може, другъ Кервелегана, депутата Финистерскаго департамента, одинъ изъ самыхъ мужественныхъ членовъ партіи Ролана, отправился, когда настала ночь, къ Кервелегану и умолялъ его, во имя его личной безопасности, не ходить на слѣдующій день въ засѣданіе Конвента и не ночевать дома въ ночь съ 9-го на 10-ое. Кервелеганъ, ожидавшій въ тотъ же вечеръ главныхъ начальниковъ Жиронды къ ужину, передалъ имъ совѣтъ Може и послалъ предупредить всѣхъ депутатовъ своей партіи, чтобы они не отправлялись въ Конвентъ и не ходили къ себѣ домой въ слѣдующіе день и ночь. Самъ онъ поспѣшилъ къ Гамону, одному изъ инспекторовъ залы засѣданій, чтобы принять мѣры для безопасности Конвента. Затѣмъ онъ отправился въ казармы, разбудилъ начальника Союзнаго баталіона Финистерскаго департамента и заставилъ ихъ вооружиться. Нѣсколько взводовъ выступили немедленно.

Луве, мужественный обвинитель Робеспьера, жилъ въ то время въ улицѣ Сентъ-Оноре, недалеко отъ клуба якобинцевъ. Онъ зналъ, что при первомъ же бунтѣ народъ намѣтитъ его своей первой жертвой. Онъ уже заранѣе велъ жизнь осужденнаго, выходилъ только въ Конвентъ, и то всегда вооруженный, искалъ въ разныхъ домахъ пріюта для ночлега и лишь украдкой посѣщаль свое жилище, чтобы повидаться съ молодой женщиной, которая была предана ему. Это была та самая Лодонека, красоту, мужество и любовь которой онъ обезсмертилъ въ своихъ разсказахъ. Эта женщина, бывшая все время на-сторожѣ, услышала, когда наступила ночь, необычный шумъ на улицѣ и крики, раздававшіеся изъ толпы, собравшейся въ большемъ противъ обыкновеннаго числѣ на порогахъ домовъ якобинцевъ. Она проникла въ залу собраній и присутствовала на одной изъ верхнихъ трибунъ, куда допускались и женщины, никѣмъ не узнаваемая, при мрачныхъ приготовленіяхъ къ ночнымъ покушеніямъ. Она видѣла, какъ вспыхнулъ бунтъ, слышала, куда должны были направиться убійцы, какъ раздавали пароль, произносили клятвы; затѣмъ она видѣла, какъ потушили факелы и обнажили сабли. Смѣшавшись съ толпой, она немедленно побѣжала предупредить своего возлюбленнаго. Луве, выйдя изъ своего убѣжища, отправился

тотчасъ къ Петіону, гдѣ собрались нѣкоторые изъ его друзей. Они спокойно обсуждали проекты декретовъ, которые намѣревались представить на другой день. Луве съ трудомъ убѣдил ихъ не ходить на ночное засѣданіе въ Конвентъ. Верньо не хотѣлъ вѣрить въ возможность совершенія преступленія. Петіонъ, равнодушный къ готовившейся ему участи, предпочиталъ ожидать ее дома, а не спасаться бѣгствомъ. Остальные пошли искать безопаснаго убѣжища у людей гостепримныхъ. Луве бѣгалъ ночью отъ двери къ двери, предупреждая Барбару, Бюзю, Салля, Валазе, и убѣждалъ скорѣе спасаться отъ пикъ убійцъ. Бриссо, освѣдомленный уже, отправился увѣдомить обо всемъ министровъ и придалъ имъ бодрость своею неустрашимостью.

17.

Пока жирондистскіе депутаты спасались такимъ образомъ отъ враговъ, шайки кордельеровъ, вооруженныя пистолетами и саблями, достигли типографіи Горза, редактора „Парижской Хроники“, выбили двери, изорвали листы, сломали печатные станки и разграбили мастерскія. Горза, вооруженный пистолетомъ, прошелъ, никѣмъ неузнанный, среди убійцъ, требовавшихъ его головы. Когда онъ подошелъ къ воротамъ, которые вели на улицу, онъ увидалъ, что ихъ охраняютъ вооруженные люди; тогда онъ перелѣзъ черезъ стѣну и бросился въ сосѣдній домъ; затѣмъ онъ нашелъ убѣжище въ полицейскомъ участкѣ.

Другой отрядъ, человекъ около тысячи, выйдя послѣ пиршества, подъ столбами рынка направился къ Конвенту и продефилировалъ по залѣ съ криками: „Жить свободными или умереть!“ Пустыя скамьи жирондистовъ разстроили проектъ ихъ враговъ. Жирондисты, презирая свистки и угрозы толпы и трибунъ, отправились на другой день, чтобы занять свои мѣста въ Конвентѣ.

Толпа около пяти тысячъ человекъ изъ предмѣстій запрудила улицу Сентъ-Оноре, дворъ манежа, террасу фельяновъ. Сабли, пистолеты, пики поднимались надъ головами депутатовъ при крикахъ: „Смерть Бриссо и Петіону!“ Фурнье-Американецъ, Варле, Шампіонъ и извѣстные крикуны изъ народа требовали головы трехъ сотъ умѣренныхъ депутатовъ; они отправились депутаціей въ совѣтъ коммуны съ требованіемъ закрыть парижскія заставы и объявили о вспыхнувшемъ возстаніи. Совѣтъ не согласился на эти требованія. Даже самъ Маратъ осудилъ и разбранилъ Фурнье и его сообщниковъ.

Конвентъ шумѣлъ такъ же, какъ и народъ. Бросали другъ другу оскорбленія и вызовы. Бареръ, колебавшійся въ выборѣ между жирондистами и монтаньярами и терпимый за это обѣими партіями, укротилъ на минуту общую ярость, начавъ говорить о патріотизмѣ вообще и протестуя сразу противъ аристократизма жирондистовъ, анархіи монтаньяровъ и городского мятежа въ Парижѣ. „Говорили, сказалъ онъ:—о проектѣ снести головы депутатамъ сегодня ночью. Граждане! головы депутатовъ въ полной безопасности; головы депутатовъ охраняются всѣми департаментами республики. Кто посмѣетъ коснуться ихъ? Въ тотъ день, когда совершится такое невозможное преступленіе, республика погибнетъ!“ Голосъ Барера былъ покрытъ единодушными рукоплесканіями, и казалось, присутствовавшіе хотѣли выразить этимъ, что жизнь народныхъ представителей гарантирована отъ кинжаловъ парижской черни. Робеспьеръ пред-

ложилъ, какъ средство отъ этого зла, сосредоточить исполнительную власть въ комитетахъ. Онъ хотѣлъ дать почувствовать, что комитетъ общественной безопасности долженъ получить диктаторскую власть и не допускать вмѣшательства Конвента.

„Общія соображенія, которыя вамъ представляютъ, правильны, сказалъ Дантонъ:—но когда зданіе пылаетъ, не обращаютъ вниманія на воронки, крадущихъ мебель, а тушатъ сначала пожаръ. Хотимъ ли мы быть свободными? Если мы этого не хотимъ, то мы погибнемъ, потому что мы дали клятву. Отправьте же вашихъ комиссаровъ, пусть они ѣдутъ сегодня вечеромъ, даже сегодня ночью и скажутъ богатому классу общества: „Аристократія Европы должна пасть подъ нашимъ натискомъ, заплатить намъ свой долгъ или вы заплатите его. У народа нѣтъ ничего, кромѣ его крови, и онъ проливаетъ ее. Впередъ, несчастные! расточайте свое богатства“ (Рукоплеканія на Горѣ и въ трибунахъ). „Слушайте, граждане, продолжаетъ Дантонъ и на лицѣ его сіяетъ пророческое провидѣніе народного счастья: — слушайте, граждане, какая прекрасная участь ожидаетъ васъ; да что! вся нація служить вамъ рычагомъ, право — точкой опоры, а вы еще не перевернули міръ?“ (Рукоплеканія останавливаютъ на минуту взрывъ его энтузіазма). „При обстоятельствахъ болѣе трудныхъ, когда врагъ стоялъ у воротъ Парижа, я говорилъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была въ то время власть: „Ваши споры низки; я знаю только врага, будемъ бить врага“ (Продолжительныя рукоплеканія). „На васъ, утомляющихъ меня личными спорами, продолжалъ онъ, смотря поочередно на Марата, Робеспьера и жирондистовъ:—вмѣсто того чтобы заниматься спасеніемъ республики,—на всѣхъ васъ я смотрю, какъ на измѣнниковъ, и ставлю всѣхъ васъ на одну доску. Э! какое мнѣ дѣло до моей репутаціи? Лишь бы была свободна Франція, а имя мое пусть будетъ опозорено!“

Камбасересъ поддержалъ просьбу, поданную коммунѣ, объ учрежденіи революціоннаго суда. Бюзо воскликнулъ, что Францію хотятъ привести къ болѣе мрачному деспотизму, чѣмъ даже деспотизмъ анархіи. Онъ протестовалъ противъ сосредоточенія власти въ однихъ рукахъ. „Онъ не протестовалъ однако, замѣтилъ Маратъ:—когда власть была всецѣло въ рукахъ Ролана“.

Робертъ Ленде прочелъ проектъ объ учрежденіи революціоннаго суда. „Онъ будетъ состоять изъ девяти судей, сказалъ Ленде:—и не будетъ подчиненъ никакимъ формальностямъ. Закономъ ему будетъ служить совѣтъ; способомъ доказательства—свидѣтели. Въ его залѣ всегда будетъ присутствовать одинъ изъ членовъ, на обязанности котораго будетъ лежать разсмотрѣніе доносовъ. Судъ этотъ будетъ судить всѣхъ тѣхъ, кого пришлетъ къ нему Конвентъ“. Гора рукоплещетъ этому плану. Верньо встаетъ въ негодованіи: „Вѣдь это инквизиція, которая въ тысячу разъ страшнѣе венеціанской; мы объявляемъ, что скорѣе умремъ, чѣмъ согласимся на это!“

Камбонъ и Бареръ, повидимому, сначала испугались оружія, которое имъ предлагали. „Лакедемоняне, сказалъ Бареръ:—покоривъ афинянъ, подчинили ихъ управленію тридцати тирановъ. Эти люди сначала приговорили къ смерти величайшихъ злодѣевъ, которые на всѣхъ наводили ужасъ; народъ рукопле-

скаль ихъ казни; вскорѣ затѣмъ они начали произвольно казнить и добрыхъ, и злыхъ. Побѣдитель Сулла приказалъ умертвить огромное число гражданъ, возвысившихся преступленіями и причиненнымъ ими зломъ республикѣ; всѣ рукоплескали ему; повсюду говорили, что преступники исполнѣ заслужили казнь, но эта казнь послужила сигналомъ къ страшной рѣзнѣ. Если кто хотѣлъ присвоить себѣ чужой домъ или землю, онъ писалъ доносъ на владѣльца, и послѣдняго приговаривали къ смерти“.

Конвентъ постановилъ, что присяжные судьи этого революціоннаго судилища будутъ назначаться имъ самимъ и избираться изъ всѣхъ департаментовъ. Эта поправка, ограничивавшая власть судилища надъ жизнью и смертю гражданъ, истощила терпѣніе Дантона; уже собирались закрыть засѣданіе, какъ вдругъ онъ вскочилъ со скамьи и бросился на трибуну: повинувся его повелительному жесту, вставшіе уже было со скамей депутаты сѣли снова.

„Я требую, повелительнымъ голосомъ сказалъ Дантонъ: — чтобы всѣ добрые граждане не покидали своего поста“ (Всѣ члены молча садятся на свои мѣста). „Какъ, граждане, продолжаетъ онъ:—вы собираетесь уходить, не принявъ рѣшительныхъ мѣръ, которыхъ требуетъ спасеніе республики! Я чувствую, насколько важно прибѣгнуть къ судебнымъ мѣрамъ для того, чтобы покарать анти революціонеровъ, потому что только для нихъ и необходимъ этотъ судъ, для нихъ онъ восполнитъ верховный судъ народной мести. Отнимите ихъ сами у мести народа,—вамъ повелѣваетъ это гуманность; труднѣе всего опредѣлить, что такое политическое преступленіе: такъ развѣ законы, независимые отъ общественныхъ учрежденій, должны быть созданы не для устрашенія бунтовщиковъ и кары виновныхъ? Въ настоящее время общественная безопасность требуетъ крайнихъ мѣръ и страшныхъ средствъ: я не вижу середины между обыкновенными формами суда и революціоннымъ судилищемъ. Будемъ неумолимы, чтобы народъ не былъ жестокъ. Установимъ судъ,—я не говорю—совершенный, потому что это невозможно,—но насколько возможно менѣе дурной, такой, гдѣ бы мечъ закона висѣлъ надъ головою его враговъ. Когда мы кончимъ это великое дѣло, я снова призову васъ къ оружію, напомнимъ вамъ о комиссарахъ, которыхъ вы должны послать, о министерствѣ, которое надо основать. Время настало—не будемъ щадить ни людей, ни денегъ. Берегитесь, граждане! вы отвѣчаете передъ націей за его войска, за его кровь и его ассигнаціи. Итакъ, я требую, чтобы судъ былъ учрежденъ въ настоящее же засѣданіе. Я требую, чтобы Конвентъ одобрилъ мои доводы и пренебрегъ оскорбительными прозвищами, которыя мнѣ осмѣливаются давать. Сегодня вечеромъ учреждается революціонный судъ, учреждается исполнительная власть; завтра начнутся военныя дѣйствія. Пусть завтра же ѣдутъ засѣдать ваши комиссары, пусть возстаютъ вся Франція, берется за оружіе и идетъ на врага. Пусть овладѣютъ Голландіей и освободятъ Бельгію! пусть англійская торговля потерпитъ ущербъ! пусть друзья свободы восторжествуютъ надъ этой страной! пусть наше оружіе, повсюду побѣдоносное, несетъ народамъ свободу и счастье и да будетъ отомщенъ міръ!“

19.

Въ груди Дантона, казалось, билось сердце всего французскаго народа. Его торопливая рѣчь находила откликъ въ душѣ каждаго, подобно тому какъ шаги батальона, идущаго въ атаку, находятъ отзвукъ въ родной почвѣ. Съ трибуны онъ попалъ прямо въ объятія своихъ товарищей съ Горы. Въ этотъ же вечеръ революціонный судъ былъ учрежденъ окончательно. Онъ долженъ былъ состоять изъ пяти судей, избираемыхъ Конвентомъ, и обвинителя, назначаемаго также Конвентомъ; имущества осужденныхъ должны были конфисковаться въ пользу республики, — таковъ былъ этотъ государственный судъ, единственное учрежденіе, способное, какъ думали въ то время, защитить въ такую минуту республику отъ анархіи, контръ-революціи и Европы. Конвентъ, состоявшій изъ представителей народа, присвоивалъ себѣ все, даже совершеніе правосудія, одинъ изъ атрибутовъ верховной власти. Оружіе, за которое онъ схватился въ минуту опасности, могло стать спасительнымъ или гибельнымъ, смотря по тому употребленію, которое изъ него могли сдѣлать. Если бы Конвентъ употребилъ его для прикрытія границъ, для безопасности гражданъ и своего могущества, то оружіе это могло бы разомъ спасти и націю и свободу; но, предоставивъ его разнымъ партіямъ для взаимнаго уничтоженія, онъ погубилъ бы этимъ и опозорилъ революцію. Жирондисты не посмѣли отказаться отъ этой мѣры въ виду раздраженія народа и крайней необходимости. По странной насмѣшкѣ судьбы, Бареръ, не противившійся введенію этого суда, долженъ былъ сдѣлаться самымъ кровожаднымъ судьей, а Дантонъ, настаивавшій на его учрежденіи, долженъ былъ сложить по его приговору свою голову. Жертва ковала мечъ, а жрецъ отказывался принять его.

20.

Народъ, встревоженный грозившей ему опасностью и инсurreкціоннымъ комитетомъ, продолжалъ осаждать Конвентъ, — второй проектъ избіенія жирондистовъ въ ихъ домахъ былъ составленъ на сходкѣ въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо. Дантонъ, освѣдомленный чрезъ своихъ агентовъ о всѣхъ этихъ заговорахъ, возникавшихъ и разрѣшавшихся по его волѣ, приказалъ предупредить депутатовъ, которымъ грозила опасность, чтобы они еще разъ покинули свои жилища. Онъ одновременно велъ къ гибели и спасалъ; онъ искалъ поддержки и благодарности во всѣхъ трехъ партіяхъ; онъ хотѣлъ въ одно и то же время быть необходимымъ и страшнымъ; онъ одинъ удерживалъ отъ столкновенія Жиронду и Гору; къ которой сторонѣ онъ примкнулъ бы, та бы и побѣдила.

Гордость жирондистовъ страдала отъ того вліянія, которое имѣлъ Дантонъ; они отвѣчали презрѣніемъ на его попытки къ сближенію; Робеспьера же они преслѣдовали даже тогда, когда онъ сторонился ото всѣхъ, и приписывали имъ обонимъ всѣ безумства Марата и неистовства анархіи. Они почти извиняли Марата, чтобы свалить всѣ неистовства анархіи на Робеспьера и Дантона. „Марать, говорилъ Инаръ съ трибуны: — не голова, которая замышляетъ, а только рука, которая исполняетъ приказаніе; онъ — орудіе людей вѣроломныхъ, которые искусно пользуются его легковѣріемъ, растрavляютъ его природную

склонность видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ, убѣждаютъ его, въ чемъ хотять, и заставляютъ его поступать такъ, какъ нравится имъ; какъ только они вскружатъ ему голову, онъ начинаетъ нести вздоръ и неистовствовать“.

Члены этой партіи, собравшись у Ролана, рѣшили воспользоваться негодованіемъ, которое народный мятежъ возбудилъ противъ Конвента среди гражданъ Парижа, чтобы вновь приобрести то влияние, которое ускользало отъ нихъ. Верньо, давно уже молчавшій, уступилъ просьбамъ своихъ товарищей и приготовилъ рѣчь, въ которой требовалъ отомщенія Марату. Но несогласіе уже коснулось партіи Жиронды. Верньо, любимый и уважаемый всѣми жирондистами, не служилъ уже выразителемъ политики своей партіи; онъ взялъ на себя роль укротителя и приблизился такимъ образомъ къ Дантону. Между этими людьми, готовыми сойтись другъ съ другомъ, стояло только сентябрьское кровопролитіе. Вотъ что говорилъ Верньо.

„Постоянно преслѣдуемый клеветою, я не хотѣлъ всходить на трибуну, полагая, что мое присутствіе тамъ только возбудитъ страсти и что я не могу взойти на нее съ надеждой принести пользу своему отечеству; но теперь, когда всѣ мы, какъ я думаю, по крайней мѣрѣ, соединены чувствомъ опасности, общей для всѣхъ, теперь, когда весь Конвентъ находится на краю пропасти, куда его можетъ сбросить малѣйшій толчокъ навсегда вмѣстѣ со свободой,—теперь, когда эмиссары Катилины не только подходятъ къ воротамъ Рима, но имѣютъ наглую дерзость входить даже сюда и развѣгивать знамя бунта, я не могу долѣе хранить молчаніе, потому что оно было бы равносильно измѣнѣ. Я буду говорить правду, не страшась убійцъ, потому что убійцы трусы, и я сумѣю защитить отъ нихъ свою жизнь“. Затѣмъ, напомнивъ о покушеніяхъ, совершенныхъ въ февралѣ и мартѣ, онъ продолжалъ: „Такимъ образомъ, идя отъ преступленій къ помилованію, и отъ помилованія къ преступленіямъ, большая часть гражданъ дошла до того, что спутала понятія: мятежъ ради простого возмущенія и возстаніе за свободу. Мы видѣли, какъ развивалась та странная система свободы, во время которой вамъ говорятъ: „Вы свободны, но думайте, какъ мы, иначе мы донесемъ на васъ и отдадимъ васъ народной мести; вы свободны, но должны склонить голову передъ идоломъ, которому мы куримъ олимпіамъ, иначе мы донесемъ на васъ и отдадимъ васъ народной мести; вы свободны, но присоединитесь къ намъ, чтобы сообща преслѣдовать людей, которыхъ мы боимся, потому что они честны и просвѣщенны,—иначе мы заклеимъ васъ страшнымъ прозвищемъ, донесемъ на васъ и отдадимъ васъ народной мести!“

„Въ то время, граждане, позволительно было бояться, чтобы революція, какъ Сатурнъ, не поглотила одного за другимъ всѣхъ дѣтей своихъ.“

„Одна часть членовъ Конвента считала, что революція прекратилась въ тотъ день, когда во Франціи была объявлена республика; она полагала, что съ тѣхъ поръ слѣдовало подавлять каждое революціонное движеніе, вернуть спокойствіе народу и скорѣе издать необходимые законы, чтобы это спокойствіе сдѣлалось продолжительнымъ. Другіе члены, напротивъ, встревожились опасностью, которой намъ угрожала коалиція королей, и думали, что важно продлить возбужденіе. Конвентъ долженъ былъ разобрать большой процессъ—

Одни видѣли въ воззваніи къ народу или въ простомъ арестѣ виновнаго средство избѣжать войны, въ которой были бы пролиты потоки крови, и торжественное признаніе воли народа, какъ законной власти. Другіе видѣли въ этой мѣрѣ зародышъ междоусобныхъ войнъ и поблажку тирану; они называли первыхъ роялистами, а тѣ въ свою очередь обвинили вторыхъ въ томъ, что они страстно желаютъ, чтобы голова Людовика упала только для того, чтобы надѣть корону на голову новаго тирана. Съ этого времени пламя страстей неистово разгорѣлось среди этого Собранія и аристократы, не желая болѣе класть предѣловъ своимъ надеждамъ, возымѣли адское намѣреніе заставить Конвентъ погубить самого себя. Аристократія сказала себѣ: „Разожжемъ еще сильнѣе ихъ злобу, заставимъ самый Конвентъ обратиться въ пылающій кратеръ, откуда вылетаютъ пропитанныя сѣрнымъ запахомъ рѣчи, требующія мятежа, измѣны и контръ-революціи,—остальное довершитъ наша злоба; и если во время волненій, которыя мы возбудимъ, погибнуть нѣкоторые члены Конвента, то мы въслѣдствіи укажемъ Франціи на ихъ же сотоварищей какъ на ихъ убійцъ и палачей“.

Указавъ затѣмъ на факты, свидѣтельствовавшіе о существованіи плана мятежа и убійствъ въ дни 9-го и 10-го марта, Верньо продолжалъ: „Граждане, вотъ какую глубокую пропасть вырыли подъ вашими ногами. Спала ли наконецъ повязка съ вашихъ глазъ? Научились ли вы наконецъ распознавать настоящихъ друзей народа отъ присваивающихъ себѣ это имя?“

„А ты, несчастный народъ, долго ли еще тебя будутъ обманывать лицемеры, которые охотнѣе внимаютъ рукоплесканіямъ, нежели стараются заслужить ихъ? Контръ-революціонеры обманываютъ тебя словами—„равенство и свобода!“ Въ древности у одного тирана была желѣзная кровать, на которую онъ приказывалъ класть свои жертвы: онъ обрубалъ ноги тѣмъ, у которыхъ онѣ не помѣщались въ кровати, и вытягивалъ, причиняя мученія, у тѣхъ, у которыхъ онѣ были короче кровати. Этотъ тиранъ любилъ равенство: вотъ такое именно понятіе о равенствѣ имѣютъ и тѣ злодѣи, которые терзаютъ тебя своею яростью. Равенство для человѣка, живущаго въ обществѣ, можетъ быть только передъ закономъ; оно не можетъ быть имущественное, такъ же какъ нѣтъ равенства въ ростѣ, силѣ, умѣ, дѣятельности, искусствѣ и трудѣ; подъ видомъ свободы вамъ преподносятъ распущенность: у свободы, какъ у ложныхъ боговъ, есть свои друиды, которые хотятъ питаться человѣческими жертвами. Пусть постигнетъ этихъ жестокихъ жрецовъ судьба ихъ предшественниковъ, и пусть позоръ навсегда заклеить безславный камень, который навѣки скроетъ ихъ останки!“

„А для васъ, товарищи, минута настала: пора, наконецъ, сдѣлать выборъ между силой, которая должна спасти насъ, и слабостью, которая губитъ всѣ правительства; ваша слабость сдѣлаетъ васъ игрушками всѣхъ партій и жертвами всѣхъ заговорщиковъ и вскорѣ обратитъ васъ въ рабовъ. Граждане, воспользуемся уроками, которые намъ даетъ опытъ; мы можемъ опрокинуть троны нашими побѣдами, но только лицедрбіемъ нашего счастья мы можемъ вызвать революціи у другихъ народовъ. Мы хотимъ ниспровергнуть троны, такъ докажемъ же, что мы умѣемъ быть счастливыми въ республикѣ. Если наши принципы распространяются медленно среди чужеземныхъ народовъ, то только потому, что блескъ ихъ омраченъ софизмами, бурными волненіями и

особенно кровавой завѣсой. Когда народы въ первый разъ пали ницъ передъ солнцемъ, назвавъ его отцомъ природы, неужели вы думаете, что оно было въ то время закрыто облаками-разрушителями, несущими бури? Конечно, нѣтъ: сіяя славой, оно двигалось по безпредѣльному пространству и изливало на міръ изобиліе и свѣтъ.

„Итакъ, разсѣмъ свою твердостью тѣ тучи, которыя заволакиваютъ нашъ политическій горизонтъ, разгромимъ анархію,—она такой же врагъ свободы, какъ и деспотизмъ,—положимъ основаніе свободѣ на законахъ мудрой конституціи; и вскорѣ вы увидите, какъ падутъ троны, будутъ изломаны скипетры, и народы, открывая намъ свои объятія, объявятъ при радостныхъ кликахъ всемірное братство“.

Эта блестящая рѣчь, вызвавшая аплодисменты, была пустыми звуками словъ, взволновавшими собраніе, но не давшими ему никакой программы.

Марать занялъ мѣсто оратора жирондистовъ. Его циничная манера держать себя на трибунѣ ясно говорила, что онъ презираетъ подобное краснорѣчіе и не имѣетъ на него притязаній.

„Я не являюсь, сказалъ онъ:—съ цвѣтами краснорѣчія и пустыми фразами, чтобы выклянчить аплодисменты; я хочу подѣлиться съ вами нѣсколькими свѣтлыми мыслями, которыя должны показать несостоятельность того пустого фиглярства, которое вы только что слышали. Никто не огорчается больше моего, видя здѣсь двѣ партіи, изъ которыхъ одна не желаетъ спасти революціи, а другая не умѣетъ спасти ее“. При этихъ словахъ залъ и трибуны разразились рукоплесканіями, точно хотѣли еще глубже вонзить въ душу жирондистовъ стрѣлу, пущенную Маратомъ. Послѣдній же, указавъ рукой на скамью, гдѣ сидѣли Верньо и его друзья, продолжалъ: „Здѣсь сидятъ государственные мужи; я не ставлю всѣмъ имъ въ преступленіе ихъ заблужденіе, я обвиняю только ихъ вожаковъ; доказано однако, что люди, обратившіеся съ воззваніемъ къ народу, хотѣли междоусобной войны, а подавшіе голосъ за тирана, хотѣли сохраненія тираніи. Къ тому же не я преслѣдую ихъ, а негодованіе народа. Я противъ напечатанія рѣчи, которая разнесетъ по всѣмъ департаментамъ картину нашихъ раздоровъ и бѣдствій“. Собраніе, раздѣлившееся уже на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая хотѣла удержать побѣду за собою, голосовало сразу вопросы о напечатаніи рѣчей Верньо и Марата. Это предложеніе показалось Верньо до такой степени оскорбительнымъ, что онъ заявилъ, что забылъ уже свою импровизацію.

21.

Дантонъ въ это время часто совѣщался съ Гаде, Жансонне и Верньо: онъ, видимо, былъ склоненъ перейти въ ихъ партію, потому что ихъ просвѣщенность, краснорѣчіе и взгляды общали республикѣ болѣе мягкое правленіе внутри страны и внушительное для вѣшнихъ враговъ. Его обращеніе съ сторонниками этой партіи съ каждымъ днемъ все яснѣе свидѣтельствовало о его тайныхъ намѣреніяхъ. Безпрестанно задѣваемый Бриссо, Валазе, Луве, Барбару, Инаромъ, Бюзо, словомъ, тѣми молодыми жирондистами, которые дѣйствовали подъ вліяніемъ добродѣтельнаго негодованія Ролана и злобы его жены,—Дан-

тонъ молча переносилъ ихъ намеки. Онъ притворялся, что не слышитъ ихъ, и никогда не отвѣчалъ. Изъ великодушія или осторожности, но онъ сдерживалъ свои порывы и избѣгалъ вступать въ споры, въ которые старались вовлечь его неосторожные жирондисты. Дантонъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ геній государственнаго человѣка. Человѣкъ дѣла по преимуществу, онъ могъ бы внести въ партію Жиронды силу воли и объединить ихъ, а этого-то имъ и недоставало; ему принадлежало бы сердце народа, тогда какъ Верньо и его друзья владѣли только его вниманіемъ; онъ привлекъ бы толпу на сторону жирондистовъ, за которыхъ уже стояли собственники; соединившись, они задушили бы анархію въ сердцахъ Франціи, поднявъ народный духъ и отбросивъ революцію за предѣлы своихъ границъ. Дантонъ чувствовалъ влеченіе къ этой миссіи; онъ горько сожалѣлъ объ упорствѣ, съ какимъ друзья Ролана удалялись отъ него.

„Ихъ ненависть ко мнѣ губить ихъ и, можетъ быть, погубить послѣ нихъ и меня, говорилъ онъ: — Безумцы! они не знаютъ, кого отталкиваютъ!“ Но, несмотря на частыя попытки со стороны умѣренныхъ жирондистовъ, примиреніе не состоялось. Прошлое Дантона парализовало его геній; его сообщничество съ сентябрьскими палачами преслѣдовало его самого и въ лицѣ его и республику.

22.

Какъ разъ въ это время, по предложенію Инара, былъ учрежденъ первый комитетъ общественнаго спасенія. Выборъ членовъ былъ безпристрастенъ. Въ число ихъ вошли: Дюбуа-Крансе, Петіонъ, Жансонне, Гюитонъ де-Морво, Робеспьеръ, Барбару, Рюль, Верньо, Фабръ д'Эглантинъ, Бюзо, Дельма, Гаде, Кондорсе, Бреаръ, Камюсъ, Приёръ, де-ла Марнь, Камилль Демуленъ, Бареръ, Кинеттъ, Дантонъ, Сийесъ, Ласурсъ, Инаръ, Камбасаресъ, Жанъ Дебри. Въ запасные члены были выбраны: Треиларъ, Обри, Гарнье де-Сентъ, Ленде, Лефебръ, Ларевельеръ-Лепо, Дюко, Силлери, Ламаркъ и Бойе-Фонфредъ. Силы партій тутъ уравнивались. Удвоенная энергія характеризуетъ дѣйствія правительства и коммуны въ этотъ короткій періодъ примиренія. Опасность для отечества заставляла всѣхъ думать о необходимости войны. Въ Парижѣ звонили въ набатъ, били сборъ, всѣ кварталы вооружались. Сантерръ сталъ во главѣ двухъ тысячъ вооруженныхъ гражданъ. Конвентъ издавалъ приказы. Комитетъ общественнаго спасенія управлялъ. Коммуна производила домашніе обыски, чтобы арестовывать заговорщиковъ, обезоружить аристократовъ, изгнать изъ столицы дворянъ и подозрительныхъ священниковъ. Революціонный судъ началъ засѣданія и объявилъ свои первыя рѣшенія. На площади Республики было воздвигнуто орудіе казни, какъ учрежденіе, вѣщающее республику. Жирондисты же обратили мечъ на головы эмигрантовъ и не рѣшались поразить своихъ настоящихъ враговъ.

23.

Со времени выхода въ отставку своего мужа, госпожа Роланъ отчаялась увидѣть свободу. Холодныя умозрѣнія Робеспьера леденили ея сердце. Лохмотья Марата оскорбляли ея взоръ. Запершись въ уединеніи, она спрашивала себя,

неужели идеаль революціи, о которомъ она мечтала, былъ только одинъ изъ тѣхъ миражей, которые обманываютъ соблазнительной перспективой умы, жаждущіе добра, и исчезаютъ, когда къ нимъ приблизишься. Ей хотѣлось бы умереть прежде, чѣмъ разочароваться. Увлеченіе борьбой и величіе ея мужества поддерживали ее до тѣхъ поръ, пока ея мужъ былъ у власти. Теперь же ея мысли были всецѣло поглощены ею самой, и это угнетало ее. Неблагодарность народная постигла ее раньше славы. Всѣмъ всѣхъ благъ которыхъ, сулила республика госпожа Роланъ видѣла только разрушенія и преступленія. Клеветы, которыми яростно преслѣдовали ее и ея мужа, пугали ее больше, чѣмъ эшафотъ. Ее не покинули ея друзья: Барбару, Петіонъ, Луве, Бриссо, Бюзю. Она собиралась уѣхать изъ Парижа и снова поселиться съ своимъ мужемъ и ребенкомъ въ своемъ домѣ въ Вожолѣ.

Но она стремилась укрыться въ горахъ не для того только, чтобы избаться отъ грозныхъ слуховъ, которые ея враги распускали на ея счетъ: она бѣжала отъ самой себя. Видя опасности, которымъ подвергались ея друзья, она поняла, какъ глубоко ея чувство къ нимъ. Цѣломудренная, какъ статуи древняго міра, которая она брала себѣ за образецъ, она боялась осквернить свою душу пламенемъ обыкновенной любви и потушить имъ пламя любви къ свободѣ. Она рѣшилась бѣжать. Она нуждалась въ самоуваженіи еще больше, чѣмъ въ славѣ. Она хотѣла приготовить смерти незапятнанную жертву.

Но волненія, отчетъ, который Роланъ долженъ былъ дать въ своемъ правленіи, и опасности, увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, заставляли откладывать отъѣздъ съ недѣли на недѣлю. Благоговѣнно обожая Ролана, любя дочь, беспокоясь о своихъ друзьяхъ и страдая о бѣдствіяхъ отечества, она чувствовала, какъ душа ея разрывалась, и испытывала сразу муки жены, матери и главы партіи. Она узнала также и горечь народной ненависти, ядъ клеветы, холодъ супружеской жизни, тревогу о мужѣ и дѣтяхъ, словомъ, всѣ муки, которыя не возбудили въ ней жалости къ королевѣ. Ея домъ, въ темномъ кварталѣ Пантеона, скрывалъ въ себѣ столько же тревогъ и вздоховъ, какъ и дворецъ.

XXXIX.

Дантонъ и Робеспьеръ. — Второй бракъ Дантона. — Дантонъ обвиняетъ жирондистовъ. — Робеспьеръ требуетъ суда надъ ними. — Верньо защищается. — Дантонъ возражаетъ. — Марать. — Теорин Робеспьера. — Оцѣнка ихъ.

1.

Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Вліяніе жирондистовъ въ департаментахъ, искусственно поддерживаемое газетами, субсидируемыми Роланомъ, росло съ каждымъ днемъ. Опасность отечества привлекала народъ на сторону крайнихъ партій. Комиссары Конвента переѣзжали изъ города въ городъ, ставя и смѣняя, по капризу, мѣстные власти, то во вкусъ якобинцевъ, то въ духъ Жиронды. Бурдонъ де-л'Уазъ, посланный въ Орлеанъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ доктрины Робеспьера и замѣнилъ умѣренный муниципалитетъ — якобинскимъ, получилъ двадцать ударовъ штыками въ залѣ ратуши; поднятый и спасенный демагогами, онъ отправилъ своихъ убійцъ въ Парижъ, въ революціонный судъ. Мануэля, — стараго прокурора-синдика Парижа, удалившагося на покой въ Монтаржи, свою родину, — народъ выволокъ изъ его дома, притащилъ къ дереву свободы, обнажилъ, изранилъ и избилъ въ кровь и обезобразилъ нанесенными ударами; а городскія власти, освободившія его, не нашли другого мѣста, чтобы спрятать его отъ разъяренной толпы, кромѣ тюрьмы.

Большинство Конвента, руководимое Равниной, исполняло волю Барера. Робеспьеръ сторонился отъ Дантона, котораго подозрѣвали въ соучастіи въ измѣнахъ Дюмуре. Лежандръ задумалъ примирить ихъ.

2.

Дантонъ и Робеспьеръ встрѣтились за обѣдомъ у Лежандра. Дантонъ, какъ человѣкъ вспыльчивый, легко забывалъ ссоры, и со свойственной ему искренностью первый подошелъ къ Робеспьеру и протянулъ ему руку. Робеспьеръ отдернулъ свою и въ продолженіе всего обѣда молчалъ. Въ концѣ обѣда у него вырвалось нѣсколько многозначительныхъ словъ, въ которыхъ, не относясь прямо къ Дантону, онъ высказалъ недовѣріе и презрѣніе къ людямъ, которые смотрятъ на революціи какъ на залитыя кровью ступени, по которымъ они восходятъ къ своему благополучію, а отъ побѣдъ ожидаютъ только добычи. Въ словахъ этихъ слышался слишкомъ прозрачный намекъ на

корыстолюбіе, въ которомъ подозрѣвали Дантона, и на сентябрскія убійства. Дантонъ отвѣтилъ на это нѣсколькими сарказмами по адресу людей, принимающихъ свою гордость за добродѣтель, а трусость за умѣренность. Соперники разстались, еще болѣе озлобленные другъ противъ друга, чѣмъ были до этой встрѣчи. Дантонъ вернулся къ жирондистамъ и при этомъ дошелъ до такого униженія, что извинился передъ ними за свое прошлое. Мейландъ, депутатъ этой партіи, умолялъ своихъ друзей воспользоваться такимъ настроеніемъ Дантона, чтобы удержать въ своей партіи этого колосса, за которымъ слѣдовали популярность и побѣда.

Однажды Мейландъ, встрѣтивъ Дантона въ одномъ изъ засѣданій Конвента, вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Маратъ перешелъ черезъ залу, шепнулъ нѣсколько словъ Дантону и ушелъ. „Презрѣнный! сказалъ Дантонъ, обращаясь къ Мейланду:—крови, крови, вѣчно крови, вотъ чего ему надо! Уйдемъ отсюда. Эти люди наводятъ на меня ужасъ!“ И онъ увлекъ Мейланда въ Тюльерійскій садъ. Мейландъ, видя, что его друга мучаютъ угрызенія совѣсти и что онъ готовъ уже выслушать совѣтъ, сталъ доказывать ему, что Маратъ позоритъ его политику, а Робеспьеръ, повредившій уже его популярности, будетъ угрожать даже его жизни; онъ указалъ ему, что республика нуждается въ сильной рукѣ, которая взяла бы бразды правленія, сдерживала народъ и направляла націю и Конвентъ и раздавила, какъ гадовъ, Марата, плавающего въ крови, и Робеспьера, погрязшаго въ своей гордости. „Ты—этотъ человѣкъ, прибавилъ онъ:—стой за насъ и мы забудемъ прошлое и пойдемъ за тобою; твое честолюбіе спасетъ отечество“. Дантонъ слушалъ его безъ возраженія; онъ молчалъ, какъ человѣкъ, погруженный въ размышленія. Онъ смотрѣлъ на Мейланда вопрошающимъ взглядомъ, точно хотѣлъ убѣдиться, чувствуетъ ли жирондистъ въ душѣ то, что говоритъ. „Если бы я могъ повѣрить этому! сказалъ онъ наконецъ со вздохомъ:—отъ чьего имени ты такъ говоришь со мною?“— „Отъ имени тѣхъ, отвѣтилъ жирондистъ:—которые презираютъ Марата и ненавидятъ Робеспьера такъ же, какъ и ты!“— А кто сказалъ тебѣ, что я ненавижу Робеспьера?“— „Кто сказалъ мнѣ объ этомъ? Да твоя выгода. Робеспьеръ уже произнесъ нѣсколько зловѣщихъ словъ, касающихся тебя; если ты не предупредишь его, то онъ предупредитъ тебя“. Дантонъ подумалъ еще съ минуту, затѣмъ произнесъ съ рѣшимостью, которая, повидимому, дорого стоила ему: „Перестанемъ говорить объ этомъ, это невозможно! Твои друзья не довѣряютъ мнѣ. Если бы я погибалъ ради нихъ, то они все же выдали бы меня нашимъ общимъ врагамъ. Жребій брошенъ, пусть рѣшаетъ смерть!“

Жирондисты не любили Дантона за его жестокость, а Робеспьеръ—за безправственность. Страхъ, который внушалъ Дантонъ, одинъ только и спасалъ его отъ презрѣнія. Онъ относился къ своей дурной слаvě съ наглымъ презрѣніемъ. Онъ прикрывалъ свою необузданность патріотизмомъ. Онъ составилъ себѣ цѣлый дворъ изъ людей развращенныхъ и низкопоклонниковъ. Геберъ, Фабръ, Мерлинъ, Шабо, Лакруа, Вестерманнъ, Брюнь, Базиръ, Камилль Демуленъ были заведѣвателями за его столомъ. Отъ заговоровъ они переходили къ попойкамъ. Революціи тамъ придавали характеръ какой-то оргіи патріотизма. Стихи, искусства, музыка, подобострастіе служили Дантону отдыхомъ послѣ

напряженныхъ занятій дѣлами и взрывовъ краснорѣчія. Беззаботныя наслажденія и атеизмъ, не признающій будущаго, составляли философію этихъ собраний. Это были ученики Гельвеція, предающіеся наслажденіямъ на развалинахъ государства.

Дантонъ купилъ дачу на склонѣ Севрскаго холма и омеблировалъ ее. Тамъ, по примѣру Мирабо, онъ уединялся съ своими наперсниками для обсужденія разныхъ государственныхъ переворотовъ.

Послѣ смерти жены онъ страдалъ отъ одиночества. Онъ пресытился чувственными наслажденіями и мечталъ о чистой привязанности. Молодая дѣвушка изъ безукоризненно честной семьи и замѣчательно красивая обратила на себя его вниманіе. Звали ее Луизой Жели. Ей было шестнадцать лѣтъ. Онъ задумалъ жениться на ней. Первая его жена, умирая, сама указала на нее Дантону, какъ на женщину, способную замѣнить мать ея дѣтямъ. Дантону было всего тридцать три года. Онъ хотѣлъ удалиться отъ беспорядочной жизни и вновь создать себѣ семейное счастье. Вліяніе этой любви, желаніе явиться чистымъ въ глазахъ своей невѣсты и незапятнаннымъ отъ сношеній съ Робеспьеромъ и Маратомъ, потребность упорядочить дѣла республики, чтобы упорядочить и свою собственную судьбу,—все это были причины, толкавшія Дантона въ партію жирондистовъ; сношенія съ этими краснорѣчивыми умѣренными людьми вернуло ему уваженіе къ себѣ. Его упорно преслѣдовала мысль примкнуть къ ихъ партіи; даже послѣ своего отказа онъ постоянно возвращался съ сожалѣніемъ и какъ бы съ предчувствіемъ къ этой мысли.

3.

Отецъ Луизы Жели былъ экзекуторомъ въ парламентѣ. Благодаря протекціи Дантона, онъ получилъ выгодное мѣсто въ морскомъ министерствѣ. Семья Луизы была глубоко благодарна ему за это благодѣяніе; но имя Дантона, пользуясь громкой извѣстностью, въ то же время внушало ужасъ. Мать молодой дѣвушки долго противилась этому браку. Она горько упрекала Дантона за сентябрскіе дни и за то, что онъ подаль голосъ за смерть короля. Дантонъ раскаялся передъ этой женщиной въ своихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ въ первые дни революціи, объяснивъ ихъ своею страстной любовью къ отечеству и молодостью, и выказавъ искреннее раскаяніе въ томъ, что подаль голосъ за казнь Людовика XVI, объяснивъ свой поступокъ обстоятельствами и тѣмъ, что онъ былъ убѣжденъ въ невозможности спасти короля. Онъ утверждалъ, что крайнія выходки демагоговъ съ каждымъ днемъ возбуждаютъ въ немъ все большее и большее отвращеніе; что республика, воздвигнутая на такомъ основаніи, кажется ему химерой и что тайныя его усилія давно уже направлены къ восстановленію конституціонной монархіи. Искренность и грусть, звучавшія въ признаніяхъ Дантона, тронули семью Жели, и онъ получилъ руку молодой дѣвушки.

4.

Любовь, которую Дантонъ чувствовалъ къ своей невѣстѣ, сдѣлала его уступчивымъ. Онъ согласился придать своему союзу тотъ религіозный харак-

теръ, котораго требовали вѣрованія и набожныя привычки семьи, въ которую онъ хотѣлъ войти. Въ то время, когда обряды католической церкви и ея служители подвергались самымъ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, Дантона обвинялъ въ своей квартирѣ священникъ, не присягавшій революціи, по имени де-Керавенанъ, сдѣлавшійся въслѣдствіи священникомъ въ Сентъ-Жерменъ де-Пре. Передъ брачнымъ обрядомъ Дантонъ прошелъ въ кабинетъ священника, преклонилъ передъ нимъ колѣна и исповѣдался или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ видъ, что кается.

Слухи объ огромномъ состояніи, которое онъ будто бы составилъ себѣ въ Бельгіи нелегальнымъ путемъ, также не оправдались. Онъ внесъ при подписаніи брачнаго контракта всего только тридцать тысячъ франковъ ассигнаціями, которые вскорѣ упали до двѣнадцати тысячъ франковъ. Единственнымъ его свадебнымъ подаркомъ женѣ былъ кошелекъ съ пятьюдесятью лудорами.

5.

Въ это время Дантонъ съ отвращеніемъ—хотя тщательно скрывалъ это—относился къ республикѣ и мечталъ о конституціонной монархіи, о возстановленіи, при помощи войска, правъ Орлеанскаго дома. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы онъ спросилъ жену, издержала ли она тѣ пятьдесятъ лудировъ, которые онъ подарилъ ей въ день свадьбы. „Нѣтъ, отвѣтила молодая женщина:—я спрятала ихъ, чтобы отдать ихъ тебѣ въ минуту крайности“.—Такъ одолжи ихъ мнѣ, сказалъ Дантонъ, они нужны мнѣ для дѣла, о которомъ я могу сказать только тебѣ одной.—И онъ сообщилъ ей о существованіи заговора, цѣлью котораго было ниспровергнуть республику и вырвать правленіе изъ рукъ анархіи; въ Парижѣ предполагалось произвести безпорядки одновременно съ безпорядками въ арміи и тѣмъ доказать необходимость централизаціи власти, а вслѣдъ затѣмъ возвести на престолъ герцога Орлеанскаго. Но раньше чѣмъ приступить къ исполненію этого плана, надо было заручиться согласіемъ самого герцога, котораго въ это время не было въ Парижѣ, для чего предполагали послать вѣрнаго и осторожнаго агента; для исполненія этого порученія Дантонъ избралъ своего секретаря Миже, а пятьдесятъ лудировъ предназначались ему на путевые расходы.

Госпожа Дантонъ отдала мужу пятьдесятъ лудировъ. Миже уѣхалъ. Герцогъ Орлеанскій отказался отъ соучастія въ предпріятіи, которое онъ считалъ преступнымъ, или по крайней мѣрѣ преждевременнымъ. Дантонъ отложилъ осуществленіе своей мечты, но не отказался отъ нея.

Вернемся къ событіямъ, случившимся за нѣсколько недѣль передъ этимъ, чтобы уяснить, какое положеніе Дантонъ занималъ въ движеніи, предшествовавшемъ 31 мая.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ обнаружилась измѣна Дюмурье, Ласурсъ, самый подозрительный изъ друзей Ролана, произнесъ рѣчь, въ которой обвинялъ Лакруа и Дантона въ томъ, что они вступили въ заговоръ съ ихъ другомъ, генераломъ, цѣлью котораго было возстановленіе монархіи. „Эту тучу необходимо разсѣять, заключилъ Ласурсъ, указывая рукой по направленію скамьи, на которой сидѣлъ Дантонъ:—Я требую назначенія комиссіи, чтобы обнаружить и наказать виновнаго. Народъ достаточно насмотрѣлся на тронъ

и Капитолій, онъ хочетъ видѣть Тарпейскую скалу и эшафотъ! (Аплодисменты). Кромѣ того я требую, чтобы арестовали Эгалите и Силлери; наконецъ, чтобы доказать, что мы никогда не согласимся признать надъ собою власть тирана, я требую, чтобы каждый изъ насъ взялъ на себя обязательство убить того, кто сдѣлаетъ попытку стать королемъ или диктаторомъ“. Все собраніе встало и повторило клятву Ласурса. Трибуны, увлеченные волненіемъ Конвента, дали клятву убить диктатора, при чемъ всѣ взоры были обращены на Дантона. Подозрѣніе, которое всѣ до тѣхъ поръ таили у себя на душѣ, обнаружилось послѣ словъ Ласурса и очистило атмосферу Конвента.

6.

Въ продолженіе всей рѣчи Ласурса, на лицѣ Дантона отражались попеременно разнообразныя чувства, волновавшія его душу: удивленіе гордаго человѣка, считающаго себя неуязвимымъ, затѣмъ гнѣвъ, готовый разразиться надъ надменнымъ врагомъ, презрѣніе народнаго любимца, не страшасягося никакихъ нападокъ, рѣшимость бороться не на животъ, а на смерть, наконецъ притворное равнодушіе и сожалѣніе о своихъ обвинителяхъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ обдумывалъ, какимъ бы оружіемъ вѣрнѣе поразить ихъ. Никогда лицо Дантона не отражало въ такое короткое время всю гамму человѣческихъ ощущеній. У него занялся духъ какъ у человѣка, стоящаго надъ бездною, глаза его горѣли въ порывѣ страсти. Когда Ласуръ сошелъ съ трибуны, на нее поднялся Дантонъ; проходя мимо скамей Горы, гдѣ онъ только что сидѣлъ, онъ наклонился къ друзьямъ Робеспьера и сказалъ имъ, указывая на жирондистовъ: „Мерзавцы, имъ хочется свалить свои преступленія на насъ!“ Гора поняла, что Дантонъ наконецъ рѣшился перейти на ихъ сторону и уничтожить ихъ враговъ. Всѣ провожали его глазами до трибуны. Съ выраженіемъ гордой почтительности онъ обратился въ сторону Горы и произнесъ слѣдующую рѣчь, съ трудомъ скрывая волненіе подъ сдержанно-серьезнымъ тономъ своего голоса.

„Граждане, сказалъ онъ, указывая движеніемъ руки, что онъ обращается къ одной только Горѣ:—я долженъ начать съ того, что воздаю вамъ хвалу. Вы, сидящіе на Горѣ, разсудили лучше моего. Я долго думалъ, что, несмотря на необузданность моей натуры, я обязанъ былъ сдерживать себя во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, въ которые ставила меня моя миссія. Вы обвиняли меня въ слабости, и вы были правы: я сознаюсь въ этомъ передъ всей Франціей. И насъ обвиняютъ! Насъ, созданныхъ для обличенія обмана и подлости! и тѣ самые люди, которыхъ мы щадили, теперь нахально выступаютъ нашими обвинителями!“

Его громовый голосъ звучалъ какъ колоколъ набата и покрывалъ собою ропотъ жирондистовъ и одобрительный шопотъ Горы. Объяснивъ свое поведеніе относительно Дюмуре, онъ замолчалъ на минуту, чтобы посмотреть, какое дѣйствіе произвели его слова, и ощупать почву подъ ногами; затѣмъ, овладѣвъ собою, онъ продолжалъ:

„Такъ какъ я былъ слишкомъ благоразуменъ и остороженъ, такъ какъ нашлись люди, распустившіе слухъ, что у меня есть партія и я хочу сдѣлаться диктаторомъ, такъ какъ я не хотѣлъ до сей поры возражать своимъ противникамъ, чтобы не посѣять раздора въ этомъ собраніи, — меня

обвинили въ томъ, что я презираю и позорю Конвентъ! Позорю Конвентъ! Но кто больше моего старался поднять Конвентъ и поддержать его авторитетъ? Развѣ я не отзывался съ почтеніемъ даже о своихъ врагахъ? Почему я отказался, наконецъ, отъ системы молчанія и сдержанности? Потому, что каждая осторожность имѣть границы, потому что вмѣсто того, чтобы, подвергнувшись нападкамъ тѣхъ самыхъ людей, которые должны бы были радоваться моей предусмотрительности, я самъ потерялъ терпѣніе и приобрѣлъ право нападать! Мы хотимъ имѣть короля? Только тѣ, которые были настолько малодушны, что обратились съ воззваніемъ къ народу, думая этимъ спасти тирана, могутъ быть заподозрѣны въ желаніи имѣть короля! Только тѣ, которые хотѣли наказать Парижъ за его героизмъ, поднявъ противъ Парижа департаменты, только тѣ, которые принимали участіе въ тайныхъ ужинахъ Дюмуре, когда онъ былъ въ Парижѣ, да! только тѣ—участники въ заговорѣ!“

Каждое изъ этихъ обвиненій, направленныхъ прямо на Ласурса, Верньо, Барбару и Бриссо, Гора встрѣчала одобреніями, которыя прерывались рѣзкими восклицаніями Марата.

„Назовите тѣхъ, на кого вы намекаете!“ кричатъ Жансонне и Гаде оратору.—„Такъ слушайте!“ отвѣчаетъ Дантонъ, обращаясь къ жирондистамъ. „Слушайте имена тѣхъ, которые хотятъ задушить отечество! Хотите выслушать слово, которымъ будетъ сказано все?“ продолжаетъ Дантонъ.—„Да, да!“ кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Тогда Дантонъ воскликнулъ тономъ человѣка, рѣшившагося не щадить долѣе своихъ противниковъ: „Мнѣ кажется, теперь порвалась послѣдняя нить между Горой и патріотами, хотѣвшими смерти тирана, и тѣми трусами, которые, желая спасти его, оклеветали насъ на всю Францію!“

Гора поднялась какъ одинъ человѣкъ и продолжительнымъ восклицаніемъ подтвердила слова Дантона, показывая этимъ, что они окончательно отдѣляются отъ жирондистовъ. „Я жилъ окруженный клеветою, съ горечью продолжалъ Дантонъ:—она всячески старалась очернить меня, но каждый разъ падала сама собою. Я возмутилъ народъ въ началѣ революціи, и меня оклеветали аристократы; я подготовилъ 10-е августа, и меня оклеветала умѣренная партія; я направилъ Францію къ границамъ, а Дюмуре къ побѣдѣ, и меня оклеветали лже-патріоты; теперь же жалкія рацеи лукаваго старика Ролана подаютъ поводъ къ новымъ обвиненіямъ: бредъ этого старика, окончательно потерявшаго голову, зашелъ такъ далеко, что онъ повсюду видитъ смерть и воображаетъ, что каждый гражданинъ собирается убить его! Ему и его друзьямъ все время чудится гибель Парижа. Но если погибнетъ Парижъ, то не станетъ и республики!“

7.

Эти слова были покрыты продолжительными рукоплесканіями трибунъ. Ихъ призываютъ къ тишинѣ. Дантонъ оправдываетъ ихъ и восхваляетъ парижскій народъ и всю націю, которые съ высоты этихъ трибунъ отдають свое сердце, руку и голосъ дѣлу свободы. Онъ входитъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы оправдать лично себя, затѣмъ, обратившись къ Горѣ, продолжаетъ: „Я докажу, что я непреклонный революціонеръ и что сумѣю защитить себя отъ

всѣхъ нападокъ. Прошу васъ, граждане, принять это къ свѣдѣнію“. Гора встрѣчаетъ съ распростертыми объятіями Дантона, какъ своею новаго главу. Вдругъ чей-то голосъ въ Равнинѣ произноситъ имя Кромвеля. „Кто этотъ мерзавецъ, осмѣлившійся сказать, что я похожъ на Кромвеля?“—прерываетъ самъ себя ораторъ. „Я требую, чтобы этотъ низкій клеветникъ былъ наказанъ и чтобы его отвели въ Аббатство. Я—Кромвель! Но вѣдь Кромвель былъ союзникомъ королей!.. Кто, подобно мнѣ, поразилъ короля, становится навсегда предметомъ ненависти всѣхъ королей!.. Такъ соединитесь же, сказалъ онъ наконецъ голосомъ, который потрясъ всѣхъ монтаньяровъ:—соединитесь вы, рѣшившіе погубить тирана, противъ трусовъ, хотѣвшихъ пощадить его! Сомкнитесь и призвите на помощь народъ, чтобы побѣдить нашихъ внутреннихъ враговъ. Уничтожьте силой вашей воли всѣхъ негодяевъ, всѣхъ аристократовъ, всѣхъ тѣхъ, кто оклеветалъ васъ передъ департаментами. Пусть у васъ не будетъ болѣе съ ними ни мира, ни перемирій, ни соглашеній!..“ Взрывъ негодованія Дантона сообщился повидимому монтаньярамъ. „Положеніе, въ которомъ я нахожусь въ данную минуту, продолжаетъ онъ:—показываетъ вамъ, что необходимо быть твердыми и объявить войну вашимъ врагамъ, кто бы они ни были. Мои стремленія направлены къ республикѣ, будемъ же стремиться къ ней сообща; увидимъ, кто достигнетъ цѣли: мы ли или наши клеветники. Я требую, чтобы комиссія шести, которую вы выбрали по предложенію Ласура, обсудила поведение не только тѣхъ, кто насъ оклеветалъ и кто злоумышлялъ противъ единства республики, но также и тѣхъ, кто пытался спасти тирана“.

Дантонъ, спустившись съ трибуны, попалъ въ объятія своихъ сотоварищей монтаньяровъ. Слова его были сигналомъ къ началу борьбы между якобинцами и жирондистами, которую сдерживалъ только онъ одинъ. Его рѣчь уничтожила преграду между обѣими партіями: гнѣвъ и кровь могли изливаться вволю.

8.

Марать, въ свою очередь, обвинилъ всѣхъ. Сантерръ объявилъ, что сто батальоновъ, сформированныхъ Карно и имъ самимъ, выступятъ изъ Парижа и направятся къ сѣвернымъ границамъ, оставшимся незащищенными вслѣдствіе измѣны. Кюстинъ сообщалъ, что онъ начинаетъ отступать. Кордельеры, якобинцы, коммуна, всѣ партіи съ удвоенной энергіей разразились проклятіями противъ жирондистовъ, старавшихся поселить раздоръ между Парижемъ и департаментами, и, не будучи въ состояніи руководить республикой, замыслили, во время тайныхъ собраній у Ролана, погубить лучшихъ патріотовъ и мечтали о возстановленіи королевской власти. Даже революціонный судъ, только что учрежденный Конвентомъ, сѣтовалъ на то, что ему еще не пришлось судить ни заговорщиковъ, ни измѣнниковъ. Къ нему немедленно отправили множество аристократовъ, эмигрантовъ и генераловъ изъ арміи Дюмуре, виновныхъ не въ соучастіи въ его измѣнѣ, а въ его пораженіи. Карно, посланный на сѣверную границу, не замедлил проявить тамъ свой военный организаторскій талантъ; онъ вооружилъ укрѣпленія, разставилъ гарнизоны, заготовилъ провіантъ, привелъ въ дѣйствіе оружейныя и пушечныя мастерскія, призвалъ гене-

раловъ, и войско сомкнуло свои ряды передъ врагомъ, удивленнымъ тѣмъ, что видитъ новую стѣну изъ штыковъ на мѣстѣ той, которую онъ разрушилъ.

9.

Опасность, въ которой находилось общество, заставила Конвентъ на-время забыть о раздорахъ, и всѣ, повидимому, были единодушны, хотя затаили въ сердца честолюбивые замыслы и ненависть, ожидая только удобнаго случая, чтобы проявить ихъ. Съ того времени, какъ Дантонъ произнесъ рѣчь, партія Марата, чувствуя на своей сторонѣ силу благодаря такой поддержкѣ, становилась съ каждымъ днемъ все смѣлѣе.

Этотъ человѣкъ, самъ по себѣ ничтожество, сдѣлался какъ бы знаменемъ Горы; монтаньяры не могли не принять его, чтобы тѣмъ не обнаружить, что они чувствуютъ себя слабѣе жирондистовъ и желаютъ войти въ соглашеніе съ ними. Маратъ чувствовалъ свою силу и злоупотреблялъ ею, чтобы сѣять повсюду раздоры, такъ какъ они, возвышая его имя въ глазахъ народа, придавали ему значеніе. Кумиръ черни, агитаторъ, ораторъ кордельеровъ, онъ пользовался притомъ поддержкой центрального клуба возстанія, обратившагося благодаря ему въ исполнительную власть анархіи и застѣвавшего въ залѣ Архіепископства. Тамъ, по предложенію Марата, собирались для составленія революціонныхъ воззваній и для возмущенія предмѣстій члены клуба—люди, для которыхъ бунтъ сдѣлался ремесломъ; они не переставали требовать у Конвента формальнаго обвиненія разныхъ Гаде, Верньо, Жансонне, Бриссо, Варбару, Луве и Ролановъ.

Петіонъ представилъ въ Конвентъ одно изъ этихъ воззваній, въ которомъ онъ требовалъ убійства нѣкоторыхъ народныхъ представителей: „Кто болѣе Ролана заслуживаетъ эшафота? а между тѣмъ онъ живъ. Повсюду, куда мы ни взглянемъ, мы видимъ заговорщиковъ. Законодатели, угрожайте казнью! Монтаньяры Конвента, спасайте республику! а если вы чувствуете себя недостаточно сильными къ этому, то сознайтесь намъ въ этомъ откровенно, и мы возьмемся за это дѣло сами“. Дантонъ, забывая всякія границы, присудилъ этому воззванію почетный отзывъ. Онъ вмѣстѣ съ Фабромъ д’Эглантинемъ и нѣсколькими членами изъ партіи Горы взбѣжалъ на трибуну, чтобы сбросить оттуда Петіона. „Оставайся, Петіонъ! крикнулъ ему Дюперре:—у насъ есть дѣти; они отомстятъ за насъ“.—Вы негодяи! возражаетъ Дантонъ. Крики: „Долой диктатора!“ раздаются со стороны умѣренныхъ. Депутаты встаютъ со своихъ мѣстъ и, подобно двумъ потокамъ, окружаютъ трибуну съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Одинъ жирондистъ обнажаетъ кинжалъ. Какой-то монтаньяръ приставляетъ дуло пистолета къ груди Дюперре. Президентъ прерываетъ засѣданіе. Петіонъ продолжаетъ комментировать воззваніе и требуетъ мщенія за оскорбленія, нанесенныя представителямъ народа. Шумъ и взрывы смѣха прерываютъ его на каждомъ словѣ. Давидъ, другъ Робеспьера и Марата, выходитъ на середину залы и угрожаетъ Петіону. Петіонъ не смущается. Онъ пристыжаетъ Конвентъ, что среди его членовъ находится человѣкъ, рядомъ съ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ не хотѣлъ никто сидѣть, а въ настоящее время онъ пользуется большей благосклонностью, чѣмъ лучшіе изъ гражданъ;

человѣкъ, открыто проповѣдующій деспотизмъ, призывающій къ грабежу и требующій казни, словомъ—Маратъ!

Дантонъ смѣняетъ Петіона. „Имѣемъ ли мы право, говоритъ онъ:—требовать отъ народа большаго разума, нежели мы показываемъ сами? Развѣ народъ не имѣетъ права впасть въ патріотическій бредъ въ то время, когда эта трибуна представляетъ собою арену гладіаторовъ? Развѣ меня самого не осаждали только что на этомъ мѣстѣ? Развѣ мнѣ не сказали, что я хочу быть диктаторомъ? Я разберу хладнокровно предложеніе Петіона. Я буду безпристрастенъ, какая бы буря ни клекотала въ моей груди. Я знаю, какова будетъ развязка этой драмы. Развязка ея поразитъ народъ. Я хочу республики и докажу, что все время иду къ этой цѣли. Петіонъ жалуется, что требовали его головы! а развѣ въ нѣкоторыхъ департаментахъ не требовали моей? Я ссылаюсь на самого Петіона: вѣдь онъ не съ сегодняшняго дня свидѣтель народныхъ бурь; онъ знаетъ, что народъ, свергая монарха, чтобы добиться республики, въ силу инерціи переходитъ границы. Что вы обязаны отвѣтить народу, когда онъ говоритъ вамъ горькія истины? Вы должны отвѣтить ему спасеніемъ республики. Конституція будетъ еще прекраснѣе оттого, что родится въ грозу свободы. Одинъ изъ древнихъ народовъ возводилъ стѣны, держа въ одной рукѣ лопату, а въ другой мечъ, чтобы защитить ее. Такъ пусть намъ не досаждаютъ долѣе преувеличенными доносами, точно мы боимся смерти! Неужели намъ приличествуетъ возставать противъ народа потому только, что онъ говоритъ намъ рѣзкія истины! Я требую, чтобы предложеніе Петіона было оставлено безъ вниманія. Если Парижъ негодуетъ, то имѣетъ на это право относительно тѣхъ, которые столько разъ клеветали на него, несмотря на заслуги, которыя онъ оказалъ отечеству“.

Фонфредъ встаетъ въ негодованіи и поддерживаетъ предложеніе Петіона. „Я не считаю нѣсколькихъ человѣкъ за народъ, говоритъ онъ:—Большую часть этого собранія обвиняютъ въ сообщничествѣ. А кто же обвинитель? Дюмюрье. Кто хочетъ покарать его? Герцогъ Орлеанскій, перешедшій на сторону врага. Кто обвиняетъ его еще? Роялисты, требующіе у васъ возстановленія тирана, подобнаго тому, голову котораго вы снесли. Кто же наконецъ обвиняетъ? Всѣ дворяне, всѣ священники, всѣ короли. Они обвиняютъ насъ въ преступленіяхъ, потому что не могутъ обвинить насъ въ томъ, что мы основали республику, объявили войну королевской власти и изгнали Бурбоновъ, презрѣнный глава которыхъ распрощался съ нами! Да, конечно же, слѣдуетъ идти прямо къ цѣли: одной рукой оттолкнуть врага, а другой положить основаніе конституціи. Граждане! не дайте въ лицѣ нашемъ унижить націю!“—„Граждане, въ свою очередь сказали Гаде:—республика погибнетъ, если вы допустите, чтобы эти мерзавцы говорили безнаказанно, что Конвентъ подкупленъ“. Робеспьеръ встаетъ. „Тѣ, которые утверждаютъ, говоритъ онъ:—что большинство Конвента подкуплено—безумцы; но тѣ, которые рѣшились бы отрицать, что Конвентъ не можетъ быть введенъ въ заблужденіе шайкой глубоко испорченныхъ людей,—обманщики... Я приподниму немного завѣсу!..“

При этихъ словахъ Верньо приходитъ въ негодованіе и требуетъ, чтобы

выслушали Робеспьера. „Хотя мы и не приготовили артистической рѣчи, мы все же сумѣемъ отвѣтить и опровергнуть слова этихъ негодяевъ“.

10.

Робеспьеръ яростно нападаетъ на Верньо и его партію. Въ заключеніе онъ требуетъ предать ихъ суду. Монтаньяры аплодируютъ ему по окончаніи рѣчи. Послѣ Робеспьера на трибуну всходитъ Верньо и съ трудомъ добивается, чтобы его выслушали.

11.

„Я осмѣлюсь, говорить онъ:—возразить Робеспьеру, который искусно придуманными въ кабинетѣ коварными выдумками и холодной ироніей хочетъ посягать новый раздоръ въ Конвентѣ; я отвѣчу ему не задумываясь. Мнѣ не надо прибѣгать, подобно ему, къ искусству, съ меня довольно моей души. Мой голосъ, столько разъ вселявшій ужасъ въ этомъ дворцѣ, когда раздавался съ трибунъ и требовалъ ниспроверженія тирана, вселить такой же ужасъ въ души тѣхъ негодяевъ, которые задумали бы замѣнить королевскую власть своей собственной тираніей. Напрасно хотятъ привести меня въ изступленіе, я сумѣю сдержать себя. Я не буду содѣйствовать подлымъ планамъ тѣхъ, кто хочетъ заставить насъ передупить другъ друга, какъ это случилось съ солдатами Кадма, чтобы очистить наши освободившіяся мѣста для деспотовъ, которыхъ они намъ готовятъ. Робеспьеръ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы противились въ іюлѣ мѣсяцѣ сверженію Людовика Капета? Я возражу на это, что я первый заговорилъ 3-го іюля, съ этой трибуны, о его сверженіи и прибавлю, что моя горячая рѣчь не мало способствовала тому, что королевская власть была низвергнута. Комиссія, членомъ которой я состоялъ, не хотѣла ни новаго короля, ни новаго регента; мы хотѣли республики, и это я председательствовалъ все время въ собраніи въ ночь съ 9-го на 10-е августа при гулѣ набата, — а Гаде—утромъ при громѣ пушекъ,—и затѣмъ предложилъ отъ имени Законодательнаго собранія учредить республику. Спрашиваю васъ, граждане, неужели по вашему я вступилъ такимъ образомъ въ договоръ съ дворомъ? Насъ ли онъ обязанъ благодарить или тѣхъ, которые, преслѣдуя насъ, мстятъ намъ за причиненное нами зло?“

„Робеспьеръ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы включили въ декретъ, отрѣшавшій короля отъ власти, пунктъ, которымъ королевскому принцу назначался воспитатель? 17-го августа я всталъ съ своего президентскаго кресла около девяти часовъ утра, чтобы въ теченіе десяти минутъ составить декретъ о сверженіи съ престола. Мнѣ кажется, что я былъ введенъ въ заблужденіе тѣми мотивами, на основаніи которыхъ я включилъ этотъ пунктъ; произошло это, можетъ быть, подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы въ то время находились, а можетъ быть и вслѣдствіе тревогъ, которыя мучили меня во время борьбы, или же—да простятъ мнѣ это—я могъ быть введенъ въ заблужденіе. Тѣмъ не менѣе Робеспьеру, изъ предосторожности скрывавшемуся въ то время въ какомъ-то погребѣ, не подобаетъ осуждать меня такъ строго за минутную слабость. Въѣвъ въ то время, когда я наскоро составлялъ проектъ

декрета, побѣда склонялась то на сторону народа, то на сторону дворца. Назначеніе воспитателя королевскому принцу, въ случаѣ побѣды тирана, окончательно разлучала отца съ сыномъ и отдавала его въ качествѣ заложника народу, обезпечивая такимъ образомъ народъ отъ мести двора.

„Робеспьеръ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы восхваляли Лафайета и Нарбонна? Но Гаде и я, несмотря на ропотъ Законодательнаго собранія, ополчились на Лафайета, когда онъ вздумалъ разыграть роль маленькаго Цезаря.

„Робеспьеръ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы объявили войну Австріи? Въ то время рѣшать вопросъ—воевать намъ или нѣтъ, не приходилось: война уже была объявлена. Приходилось выбирать: спокойно ли ожидать, пока непріятель закончить свое сосредоточеніе у нашихъ границъ, чтобы напасть на насъ и перенести театръ войны на нашу территорію, или намъ самимъ вторгнуться въ ихъ предѣлы. Мужество французовъ отвѣтило за насъ на это обвиненіе.

„Говорятъ, что мы оклеветали Парижъ. Робеспьеръ и его друзья одни оклеветали этотъ славный городъ. Мысль моя всегда съ ужасомъ оставалась на прискорбныхъ событіяхъ, запятнавшихъ революцію; но я всегда утверждалъ, что въ этомъ виноватъ не народъ, а нѣсколько негодяевъ, нахлынувшихъ сюда со всѣхъ концовъ республики, чтобы жить грабежомъ и убійствомъ въ городѣ, громадныя размѣры и волненія котораго открывали обширную арену для ихъ преступной дѣятельности. Чтобы охранить народъ отъ позорной славы, я требовалъ отдать ихъ законной власти. Другіе, наоборотъ, желая оградить разбойниковъ и дать имъ возможность совершать новыя убійства и новыя грабежи, курили оміамъ ихъ распушенности и приписали ихъ преступленія народу. Итакъ, кто же клеветаетъ на народъ: тотъ ли, кто оправдываетъ его въ преступленіяхъ, которыя возводятъ на него приплые негодяи, или тотъ, кто упорно приписываетъ цѣлому народу гнусность кровавыхъ событій?“— „Это народная месть!“ восклицаетъ Маратъ.

Верньо продолжаетъ не взглянувъ на него: „Мы хотѣли бѣжать изъ Парижа! заявляетъ относительно насъ Робеспьеръ, самъ собиравшійся бѣжать въ Марсель. А я объявляю, что если бы Законодательное собраніе покинуло Парижъ, то это могло бы произойти лишь такимъ образомъ, какъThemistocleушелъ изъ Афинъ, то есть вмѣстѣ со всѣми гражданами, оставивъ въ добычу своимъ врагамъ пепель и развалины и обратившись къ нему тыломъ для того только, чтобы вѣрнѣе выкопать ему могилу.

„Робеспьеръ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы подали голосъ за воззваніе къ народу. Развѣ не благодаря ему я долженъ былъ отказаться отъ мысли, которую считалъ хорошей и которая могла бы, въ случаѣ осуществленія ея, предохранить народъ отъ войны, пугавшей меня своими бѣдствіями?

„И мы интриганы и заговорщики!? продолжаетъ Верньо:—а развѣ насъ видѣли 10-го августа предлагавшими принять министровъ въ число членовъ Законодательнаго собранія? А вѣдь случай былъ благопріятный; мы могли разсчитывать съ вѣроятностью, что выборъ можетъ пасть на нѣкоторыхъ изъ насъ; такъ гдѣ же доказательства нашей страсти къ наживѣ и жажды власти, которыя приписываютъ намъ? Дантонъ хвастаетъ тѣмъ, что онъ домогался долж-

ностей и доставил их людям, которых считалъ хорошими гражданами: если кто изъ насъ поступалъ—чего я не могу утверждать—такъ же, то какъ же можно вѣнчать ему въ преступленіе то, за что не порицають Дантона.

„Но вѣдь мы умѣренные, фельянтины. Это мы-то—умѣренные! Я не былъ умѣреннымъ 10-го августа, Робеспьеръ, когда ты прятался въ погребъ! Умѣренные! Нѣтъ, я не изъ числа тѣхъ умѣренныхъ, которыя хотять подавить народную энергію: я знаю, что свобода такъ же всегда дѣятельна, какъ и огонь; она не примирится съ полнымъ затишьемъ, которое можетъ удовлетворить только рабовъ. Я знаю, что во время революцій мечтать успокоить своею волей народное волненіе было бы такимъ же безуміемъ, какъ если бы кто вздумалъ приказать утихнуть волнамъ, подгоняемымъ вѣтромъ. Обязанность законодателя—насколько возможно предупреждать мудрыми совѣтами бѣдствія, причиняемая революціей, и если для того, чтобы быть патріотомъ, придется объявить себя защитникомъ насилій и убійствъ, то—да!—я умѣренный!

„Со времени упраздненія королевской власти, я слышалъ много разговоровъ о революціи; я сказалъ себѣ: „Возможны только два вида революцій: революція, касающаяся собственности или поземельнаго закона, и революція, которая снова приведетъ къ королевской власти“. Я твердо рѣшился бороться съ той и другой. Если это значить быть умѣреннымъ, то—да!—я умѣренный.

„Я слышалъ также, что много говорили о волненіяхъ, и, признаюсь, сокрушался объ этомъ. Волненія вызываются какой-нибудь причиной или же возникаютъ безъ всякаго повода. Въ послѣднемъ случаѣ это конвульсіи, которыя подергиваютъ политическое тѣло и, не принося ему пользы, непременно должны причинить ему вредъ. Если волненіе имѣетъ опредѣленную цѣль, то можетъ быть только одна цѣль: вырвать власть у народныхъ представителей и передать ее лишь одному гражданину. Въ обоихъ случаяхъ люди, призывающіе къ волненіямъ, составляютъ заговоръ противъ республики и свободы и если, чтобы быть патріотомъ, необходимо одобрять его, а чтобы слыть умѣреннымъ бороться противъ него, то—я умѣренный! Когда на мѣстѣ трона стоитъ статуя свободы, волненіе можетъ быть вызвано только приверженцами королевской власти.

„Я также требовалъ строжайшихъ мѣръ, но только противъ враговъ отечества; я требовалъ наказаній, но не изгнаній. Нѣкоторые люди проявляли свой патріотизмъ въ томъ, что терзали людей и заставляли ихъ проливать слезы; я хотѣлъ, чтобы патріотизмъ дѣлалъ людей только счастливыми. Революцію хотять подавить терроромъ,—я же хотѣлъ бы утишить ее любовью. Наконецъ, я не думалъ, что, подобно духовенству и жестокимъ инквизиторамъ, говорившимъ о своемъ Богѣ милосердія при заревѣ костровъ, и мы должны говорить о свободѣ посреди кинжаловъ и палачей. О, да простятъ намъ нашу умѣренность! Если бы мы приняли вызовъ на бой, который намъ неустанно предлагаютъ здѣсь, то я объявилъ бы моимъ обвинителямъ, что,—какія подозрѣнія ни стараются навлечь на насъ, какими клеветами ни осыпаютъ насъ, наши имена все же остаются болѣе уважаемыми, чѣмъ ихъ, и изъ всѣхъ департаментовъ явились бы люди одинаково страшные для анархіи и для тирановъ. И наши обвинители и мы были бы истреблены огнемъ междоусобной войны!“

Отвѣтивъ такимъ образомъ обвинителямъ партіи Робеспьера, Верньо, перейдя къ предложенію Петіона, продолжалъ:

„Вы распорядились въ декретѣ, чтобы принимавшіе участіе въ дѣлѣ 10 го марта были преданы революціонному суду: преступленіе доказано? Сколько же головъ скатилось? Ни одной. Какой заговоръ былъ пресѣченъ. Никакой. Вы приказали освободить одного изъ виновныхъ, чтобы онъ могъ быть выслушанъ какъ свидѣтель: это равносильно тому, какъ если бы римскій сенатъ повелѣлъ Лентулу явиться свидѣтелемъ въ заговорѣ Катилины. Вы призвали къ отвѣту членовъ Центрального Комитета возмущенія. Повиновались ли они? явились ли? Итакъ, кто же вы? Въ прошеніи Хлѣбнаго рынка выливаютъ ушаты помоевъ на Національный Конвентъ; это не прошеніе, съ которымъ обращаются къ вамъ, а распоряженія, которыя диктуютъ вамъ: вамъ нагло отдають приказъ. Граждане! если бы вы были простыми людьми, то я спросилъ бы васъ: „Вы трусы? Въ такомъ случаѣ отдайтесь теченію событій, ожидайте спокойно, пока васъ прогонять или убьютъ, и объявите, что вы сдѣлались рабами перваго явившагося къ вамъ разбойника, который вздумалъ бы заковать васъ въ цѣпи!“ Вы ищете соумышленниковъ Дюмуре? Вотъ они! вотъ они! Это они учредили Центральный комитетъ возмущенія, это они заставили составить адресъ, подписанный отъ имени секціи Хлѣбнаго рынка нѣсколькими интригующими злодѣями: всѣ эти люди хотятъ такъ же, какъ и Дюмуре, уничтоженія Конвента; всѣ эти люди такъ же, какъ и Дюмуре, хотятъ короля, и это насъ-то называютъ соумышленниками Дюмуре! А забыли, что мы постоянно указывали на существованіе заговора въ пользу Орлеановъ! Мы — соумышленники Дюмуре! Значить, забыли, что во время бурнаго засѣданія, длившагося въ теченіе восьми часовъ, мы настояли на изданіи приказа, которымъ всѣ Бурбоны изгонялись изъ республики! И мы-то — соумышленники Дюмуре! А забыли, кто (при этомъ онъ указываетъ на Робеспьера) приказалъ вернуть этотъ приказъ! Какъ! Дюмуре составляетъ заговоръ въ пользу Бурбона, мы настаиваемъ на изгнаніи Бурбоновъ, — и насъ же обвиняють!

„Я отвѣтилъ на всѣ обвиненія и уничтожилъ Робеспьера; теперь я спокойно буду ждать, чтобы народъ рѣшилъ, кто правъ: я, или мои враги! Граждане, я прекращаю этотъ споръ, столь тягостный для меня и гибельный для народнаго дѣла; я думалъ, что измѣна Дюмуре приведетъ къ счастливому исходу, соединивъ насъ всѣхъ чувствомъ общей опасности; я думалъ, что вѣсто того, чтобы ожесточиться и стремиться погубить другъ друга, мы должны стараться спасти отечество. Вслѣдствіе какого рокового стеченія обстоятельствъ представители народа безпрерывно обращаютъ это мѣсто въ очагъ клеветы и борьбы страстей? Вы знаете, что я молча глоталъ обиды, которыя мнѣ наносили въ теченіе шести мѣсяцевъ, и не требовалъ отъ отечества возмездія за нихъ! Вы знаете, что подъ страхомъ прослыть трусомъ, подъ страхомъ признать себя виновнымъ, подъ страхомъ скомпрометировать то небольшое хорошее, что я еще намѣревался сдѣлать, я не хотѣлъ обличать вѣроломства и клеветы Робеспьера! Пусть этотъ день будетъ послѣднемъ днемъ, который мы проводимъ въ постыдныхъ пререканіяхъ!“

Эта рѣчь, облегчившая душу Верньо, привлекла на его сторону большинство умѣренныхъ; Парижъ и вся Франція повторяли въ теченіе нѣсколькихъ дней эту блестящую рѣчь. Жирондисты рѣшили воспользоваться поворотомъ къ себѣ общаго сочувствія, чтобы уничтожить своихъ враговъ; но они могли дѣйствовать только словами. Дантонъ и Робеспьеръ держали парижскій народъ въ своихъ рукахъ. Въ слѣдующіе дни умы были такъ возбуждены, что Дюперре со шпагой въ рукѣ напалъ на членовъ Горы. Придя въ себя отъ криковъ ужаса, раздавшихся въ Конвентѣ, онъ извинился и объявилъ, что если бы онъ имѣлъ несчастіе поднять руку на представителя народа, то у него оставалась другая рука, чтобы покончить самому съ собой. Собраніе приписало его запальчивость умопомраченію и простило его.

Пегіонъ произнесъ вслѣдъ затѣмъ рѣчь, которая походила на крикъ отчаянія отъ потерянной популярности. Послѣ него говорилъ Гаде и, подобно Верньо, защищалъ себя отъ взводимого на него обвиненія въ заговорѣ орлеанистовъ и Дюмуре. „Правда, сказалъ онъ:—когда Дюмуре пріѣзжалъ въ Парижъ ему предшествовала слава великаго генерала, онъ былъ окруженъ ореоломъ своихъ побѣдъ; но я не разыскивалъ его, а иногда только встрѣчалъ въ комитетѣ, членомъ котораго я состоялъ. Однажды я встрѣтилъ его въ частномъ домѣ, гдѣ въ честь его давали празднество, на которое былъ приглашенъ и я. Я отправился туда по дружбѣ къ устроителю его—Тальмъ. Я оставался тамъ только съ полчаса. Дюмуре пробылъ въ Парижѣ нѣсколько дней; я не зналъ даже, гдѣ онъ остановился. Но кого постоянно видѣли рядомъ съ Дюмуре во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ Парижа? Кто былъ всегда и всюду вмѣстѣ съ нимъ? Вашъ Дантонъ!..“

При этихъ словахъ Дантонъ вскакиваетъ какъ ужаленный: „А! ты меня обвиняешь, меня! ты не знаешь моей силы. Я буду возражать тебѣ, я докажу твои преступленія. Въ Оперѣ я сидѣлъ въ ложѣ, сосѣдней съ Дюмуре, а не въ его; и ты былъ также тамъ, и ты!“ Гаде говоритъ: „Да, Дантонъ, Фабръ д'Эглантинъ, генераль Сантерръ составляли дворъ генерала Дюмуре; а ты Робеспьеръ, обвиняешь насъ въ томъ, что мы дѣйствовали заодно съ Лафайетомъ! Гдѣ же ты былъ въ тотъ день, когда его несли, во всемъ блескѣ его могущества, изъ Тюльерійскаго дворца въ этотъ залъ при восторженныхъ кликахъ, которые раздавались съ этой террасы какъ бы для того, чтобы сдѣлать это зрѣлище болѣе внушительнымъ для представителей народа? Я, одинъ я взомелъ на трибуну и обвинилъ его, не тайно, какъ ты, а открыто; онъ былъ вонъ тамъ, и ты, вѣчный клеветникъ, все-таки обвиняешь меня въ злоумышленіи; ты говоришь, что заговоръ, въ которомъ мы принимаемъ участіе, составляетъ цѣпь, начальное звено которой находится въ Лондонѣ, а послѣднее въ Парижѣ, и что звено это золотое! Положимъ; но гдѣ же эти сокровища? Пойдемте, мои обвинители, въ мой домъ, пойдемте, и вы увидите, что моя жена и дѣти питаются однимъ хлѣбомъ, какъ нищіе; посмотрите, въ какой почетной бѣдности мы живемъ. Пойдемте въ мой домъ, и вы увидите, улучшилась ли моя скромная

обстановка; посмотрите, какъ я являюсь въ собраніе: развѣ я пріѣзжаю на великолѣпныхъ рыскахъ.

„Кому же должна была принести выгоду измѣна Дюмуре? Орлеанскому принцу. Но вѣдь не впервые сегодня и не тайкомъ я говорилъ принцу Орлеанскому, что я думаю о немъ. Я обвинилъ его здѣсь однажды вечеромъ въ томъ, что онъ стремится къ королевской власти; на другой день, въ семь часовъ утра, ко мнѣ вошелъ принцъ Орлеанскій. Я чрезвычайно удивился. Онъ заявилъ, что чистосердечно отказался отъ короны. Онъ спросилъ меня, слышалъ ли я, чтобы указывали на него; онъ просилъ меня отвѣтить откровенно. „Вы просите меня быть откровеннымъ, сказалъ я ему:—вамъ не зачѣмъ просить меня объ этомъ. Мнѣ извѣстно ваше ничтожество, и если бы вы были одни, я не боялся бы васъ; но за вами я вижу людей, нуждающихся въ васъ: ихъ-то я и боюсь“. Затѣмъ я прибавилъ: „У васъ въ рукахъ простое средство уничтожить эти подозрѣнія. Попросите Національный Конвентъ издать приказъ объ изгнаніи вашемъ и вашего семейства изъ республики“. Принцъ Орлеанскій отвѣтилъ мнѣ на это, что Рабо Сентъ-Этиеннъ далъ уже ему точно такой же совѣтъ. Черезъ день я сказалъ Силлери, что Орлеанскому принцу остается поступить только такимъ образомъ. Силлери отвѣтилъ мнѣ: „Да, я думаю такъ же, какъ и вы; я составилъ ему рѣчь, въ которой онъ будетъ просить о своемъ изгнаніи, потому что самъ онъ ничего не умѣетъ дѣлать“. Каково же было мое удивленіе, когда во время засѣданія, въ которомъ было предложено издать приказъ объ изгнаніи, я услышалъ, что Силлери проситъ слова, чтобы оспорить этотъ приказъ. Это противорѣчіе усилило мои подозрѣнія противъ принца Орлеанскаго. Итакъ, граждане, теперь доказано, что заговоръ 10-го марта имѣетъ связь съ заговоромъ орлеанистовъ. Однако кто же душа заговора 10-го марта? Кто составилъ его? Граждане! у меня хватитъ смѣлости сказать всю правду прямо: это Робеспьеръ. Въ то время, какъ этотъ новый Магометъ облакалъ такой таинственностью имена жертвъ, которыхъ слѣдовало поразить, его Омаръ называлъ ихъ въ своихъ листкахъ, а другіе брали на себя обязанность убивать ихъ. Граждане, неужели вы думаете, что если вы до сихъ поръ избѣгали этой опасности, то вамъ уже перестали угрожать ею? Разочаруйтесь въ этомъ и слушайте...”

Где читаетъ Конвенту воззваніе яacobинцевъ къ своимъ департаментскимъ собратьямъ: „Къ оружію!“ пишутъ они: „къ оружію! насъ обманули! Самые грозные враги ваши среди васъ, они руководятъ вашими дѣйствіями, они располагаютъ вашими средствами обороны; да, братья и друзья, васъ готовы растерзать даже въ самомъ Сенатѣ преступными руками; да, контръ-революція гнѣздится въ правительствѣ, въ Національномъ собраніи; тамъ именно, въ центрѣ вашего оплота, преступные представители держатъ нить заговора, въ который они вступили съ ордой деспотовъ, готовыхъ убить насъ; но негодованіе уже овладѣло вами. Пойдемте, республиканцы, вооружимся!“

13.

„Все это правда!“ восклицаетъ Марать. При этихъ словахъ правая сторона и центръ встаютъ въ сильномъ негодованіи и громкими криками требуютъ, чтобы

Марать былъ обвиненъ. Марать, видя себѣ поддержку въ молчаніи Горы и одобреніи трибунъ, взбѣгаетъ на трибуну и заносчиво продолжаетъ: „Къ чему это пустое фиглярство? Въ васъ хотятъ возбудить подозрѣніе въ существованіи какого-то химерическаго заговора, чтобы вы не догадались о существованіи настоящаго“. „Требуемъ обвинительнаго декрета противъ Марата!“ разомъ кричатъ триста голосовъ. Марать старается быть услышаннымъ. Но крикъ трехъ сотъ голосовъ заглушаетъ его.

Тогда Дантонъ спускается съ трибунъ, занимаемыхъ Горой, чтобы взять Марата подъ свое покровительство, несмотря на то, что онъ презираетъ его. „Развѣ Марать, говоритъ онъ:—не представитель народа? Какое право имѣете вы нападать на Конвентъ, если у васъ въ рукахъ нѣтъ ясныхъ доказательствъ противъ одного изъ его членовъ? Въ чемъ вина Марата и государственныхъ мужей? Это покажетъ время. Но истинный виновникъ — Орлеанъ. Предайте сначала его революціонному суду и назначьте цѣну за головы всѣхъ эмигрировавшихъ Бурбоновъ“.— „А какая участь постигнетъ нашихъ комиссаровъ, арестованныхъ Дюмуре?“ — спрашиваетъ голосъ съ Горы.

— Ваши комиссары, продолжаетъ Дантонъ: — достойны націи и Національнаго Конвента; имъ нечего бояться, что ихъ постигнетъ участь Регула.

Бойе-Фонфредъ настаиваетъ, чтобы Марать былъ преданъ суду.

14.

На другой день Конвентъ подвергъ голосованію вопросъ объ обвиненіи Марата; за обвиненіе высказались двѣсти двадцать голосовъ противъ девяноста двухъ. Якобинцы громко негодовали. Остракизмъ Марата началъ свое торжество.

15.

Марата, вышедшаго изъ залы въ сопровожденіи большого числа кордельеровъ, однако не арестовали и не отвели въ Аббатство. Никто не рѣшился коснуться народнаго кумира. Онъ безпрепятственно удался, и на слѣдующій день огромная толпа на рукахъ внесла его въ Конвентъ. Ораторомъ секцій былъ молодой человѣкъ, получившій наставленія отъ Дантона. „Мы явились сюда, сказалъ онъ:—чтобы требовать мести измѣнникамъ, позорящимъ народныхъ представителей. Народъ преслѣдовалъ измѣнниковъ, сидѣвшихъ на тронѣ, почему же онъ долженъ оставить безнаказанными тѣхъ, которые находятся въ Конвентѣ? Неужели храмъ свободы угодится убѣжищамъ въ Италіи, куда скрываются преступники, чтобы избѣжать наказанія? Неужели республика отказалась отъ права очистить народное представительство. Мы требуемъ изгнанія Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Гранжѣва, Бюзо, Барбару, Салля, Бирото, Понтекуляна, Петіона, Лангине, Валазе, Гарди, Легарди, Луве, Горза, Фоше, Лантене, Валаде и Камбона“. Собраніе молча слушало требованіе о своемъ изгнаніи. Когда ораторъ кончилъ чтеніе, изъ среды лицъ, изгнанія которыхъ требовалъ ораторъ, всталъ молодой человѣкъ; это былъ Фонфредъ. „Граждане, сказалъ онъ:—вы забыли меня; я имѣю право обидѣться, не слыша своего имени упомянутаго среди именъ, находящихся на славномъ листѣ, который вы представили“.

— И мы, и мы также! закричали члены Жиронды.

Конвентъ, забывъ свои раздоры, единогласно обратился ко всѣмъ народамъ Европы съ воззваніемъ, составленнымъ Кондорсе. Это былъ призывъ къ всеобщему возмущенію. Начались пренія по поводу статей конституціи.

Робеспьеръ продолжалъ каждый вечеръ развивать передъ якобинцами свою теорію соціальной философіи, примѣненія которой въ конституціи онъ требовалъ на слѣдующій день. Такимъ образомъ, благодаря ему, якобинцы сдѣлались вдохновителями Конвента. Декларация правъ, послужившая основой конституціи 91 года, расширенная Робеспьеромъ, должна была послужить основой и для новой конституціи. Это были десять народныхъ заповѣдей, долженствовавшихъ заключать въ себѣ всѣ соціальныя истины, которыя должны были найти себѣ примѣненіе въ различныхъ установленіяхъ. Такимъ образомъ народъ получалъ возможность сравнивать принципы ихъ философіи съ постановленіями законовъ и способомъ примѣненія ихъ въ правленіи. Въ этихъ соціальныхъ истинахъ, изложенныхъ Робеспьеромъ, такъ же какъ и у Жанъ-Жака Руссо, врожденные побужденія человѣка вылились въ законныя права, созданныя и охраняемыя обществомъ. Робеспьеръ забылъ однако, что въ первобытномъ состояніи человѣка было отсутствіе всѣхъ правъ или анархія; что только общество, совершенствуясь, съ каждымъ вѣкомъ все болѣе ограничивало права отдѣльнаго человѣка, постепенно создало эту огромную систему взаимоотношеній, правъ и обязанностей, составившіе законы, которые общество предписываетъ и которыми защищаетъ своихъ сочленовъ.

Но если декларация правъ Жанъ-Жака Руссо и Робеспьера не хватало научной подкладки, зато въ каждой изъ ея формулъ сквозилъ духъ философіи и христіанства. Это былъ идеалъ равенства и братства людей. Это была правда отношеній между государствомъ и его гражданами. Это было нравственное и разумное общество вмѣсто эгоистическаго и тираническаго; государство должно было стать человѣческой семьей, отечество—матерью вмѣсто мачихи своихъ дѣтей. Какой-то вѣрный инстинктъ подсказывалъ Робеспьеру и его сторонникамъ остановиться именно на этомъ проектѣ организаціи общества, который могъ быть приведенъ въ осуществленіе немедленно. Они отдавали должное уваженіе семьѣ и собственности. Подобно архитекторамъ въ древности, которые, строя новый храмъ богамъ, всегда оставляли во вновь строящемся зданіи часть стѣны или нѣсколько столбовъ старой постройки, Робеспьеръ сохранилъ традиціи прежняго общества и въ новомъ. Но онъ пошелъ такъ далеко, насколько только могла пойти реформа. Онъ дошелъ чуть не до утопіи. Онъ поставилъ Бога источникомъ и порукой всѣхъ правъ. Съ первыхъ же его словъ было видно, что онъ вознесся до высшей истины, чтобы извлечь изъ нея второстепенныя. Для того, чтобы опровергнуть его доктрины, пришлось бы опровергнуть Бога. „Національный Конвентъ, говорилъ онъ: — провозглашаетъ передъ всей вселенной и предъ лицомъ безсмертнаго Законодателя слѣдующую декларацию правъ человѣка и гражданина:

Ст. 1. Цѣль всякой политической ассоціаціи—охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка и расширеніе ихъ.

Ст. 2. Основное право человека — заботиться о своемъ существованіи и охраненіи своей свободы.

Ст. 3. Это право равно принадлежит всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ физическихъ и умственныхъ силъ. Равенство правъ установлено природой. Общество, не посягая на нихъ, только охраняетъ ихъ отъ злоупотребленія силы, дѣлающей ихъ призрачными.

Ст. 4. Свобода—право каждаго человека располагать по своему усмотрѣнію своими способностями; въ основѣ ея лежитъ справедливость, границами ей служатъ—чужія права, природа—ея принципъ, а законъ—охрана.

Ст. 5. Законъ можетъ запрещать только то, что вредно для общества, и предписывать только то, что служитъ ему на пользу.

Ст. 7. Собственность—право каждаго гражданина пользоваться той долей имущества, которая гарантирована ему закономъ.

Ст. 8. Право собственности ограничивается такъ же, какъ и другія права, обязанностью уважать чужую собственность.

Ст. 11. Общество обязано заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ или доставая имъ работу или предоставляя средства къ существованію тѣмъ, которые лишились возможности трудиться.

Ст. 12. Помогать неимущимъ долгъ богатаго относительно бѣдняковъ; закону предоставляется опредѣлить способъ, какимъ образомъ этотъ долгъ долженъ быть уплаченъ.

Ст. 13. Граждане, доходъ которыхъ не превышаетъ того, что имъ необходимо для ихъ существованія, исключаются изъ числа тѣхъ, которые обязуются пополнять общественные расходы; остальные должны участвовать въ нихъ соразмѣрно своему состоянію.

Ст. 14. Общество должно всѣми силами способствовать успѣху народнаго развитія и сдѣлать образованіе всеобщимъ достояніемъ.

Ст. 16. Народъ—владыка, государство—его созданіе и его собственность, должностныя лица — его приказчики. Народъ можетъ по своему желанію мѣнять своихъ правителей и увольнять своихъ довѣренныхъ.

Ст. 18. Законъ равенъ для всѣхъ.

Ст. 19. Всѣ граждане могутъ занимать всякія должности, сообразно своимъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ.

Ст. 20. Всѣ граждане пользуются равными правами при назначеніи народныхъ уполномоченныхъ и при изданіи законовъ.

Ст. 21. Для того чтобы эти права не были призрачными, а равенство воображаемымъ, общество должно назначать жалованье своимъ уполномоченнымъ и заботиться о томъ, чтобы всѣ граждане, которые живутъ своимъ трудомъ, могли принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ, куда ихъ призываетъ законъ, не нанося ущерба благосостоянію своихъ семействъ.

Ст. 25. Сопротивленіе притѣсненію вытекаетъ изъ правъ человека и гражданина: надъ всѣмъ обществомъ производится насилие, если притѣсненъ хоть одинъ изъ его членовъ.

Ст. 34. Всѣ люди братья и народы должны помогать другъ другу по мѣрѣ своихъ силъ, такъ же какъ и граждане одного государства.

Ст. 35. Тотъ, кто притѣсняетъ хоть одну націю—врагъ всѣхъ остальныхъ.

Ст. 37. Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, — возмущившіеся рабы противъ владыки земли, человѣческаго рода, и противъ законодателя вселенной—природы“.

16.

Эта декларація представляла собою скорѣе собраніе нравственныхъ правилъ, нежели кодексъ законовъ правленія; она объясняла однако духъ совершавшагося движенія. Революція, несмотря на ея грозы, анархію и преступленія, велика тѣмъ, что она есть догматъ. Ея вожди въ то же время были и ея апостолами. Ея догматы были такъ высоки, что если бы не рука, запятнанная кровью, которая ихъ начертала, то ихъ можно было бы приписать генію Сократа или милосердію Фенелона. Потому-то теоріи революціонныхъ движеній, на-время утратившія популярность вълѣдствіе тѣхъ мукъ, которыя онѣ причинили Франціи при своемъ появленіи на свѣтъ, возрождаются и всегда живутъ и будутъ жить при всѣхъ стремленіяхъ человѣка къ свободѣ. Онѣ были осквернены, но онѣ священны. Если вы очистите ихъ отъ крови, останется истина.

17.

Основные теоретическія истины Конвента принимали форму учреждений, носившихъ печать демократическаго духа, съ каждымъ засѣданіемъ въ которомъ занимались установленіемъ и преніями по поводу законовъ, касающихся народа. Какъ только засѣданіе успокаивалось, его догматы возставали вмѣстѣ съ его поступками; ярость его противниковъ другъ противъ друга переходила въ безграничную любовь къ соціальной истинѣ, къ народу, къ человѣчеству. Эта неопытная въ дѣлѣ благотворенія любовь однако дѣлала ошибки, отличалась нетерпимостью. Подчасъ это было безуміе истины, но все же это была истина. Потому-то такъ много прощено и будетъ прощаться тому времени. Никакой человѣческій трудъ не бываетъ потерянъ, никогда кровь, пролитая за идею, не остается безплодной и ни одна мечта о добродѣтели не пропадаетъ, упорныя стремленія народа къ свободѣ для общества то же, что компасъ для корабля; хотя не видать берега, но корабль направляется къ нему.

18.

Проектъ конституціи, представленный жирондистами и составленный Кондорсе, хотя въ своей основѣ и былъ также демократиченъ, но по духу правился народу менѣе, чѣмъ конституція Робеспьера. Проектъ жирондистовъ ограничивался тѣмъ, что предоставлялъ народу самую широкую власть и признавалъ за каждымъ гражданиномъ настолько свободы, насколько это допускалось коллективнымъ дѣйствіемъ государства. Единство общества было также одной изъ основъ этой конституціи; но жирондисты понимали подъ этимъ словомъ—національный союзъ; Робеспьеръ же—союзъ всего человѣчества. Конституція, предложенная жирондистами, была французское учрежденіе; конституція монтаньяровъ—учрежденіе всемірное.

Демократія, получивъ въ свои руки правительственную власть, начала проявлять свою дѣятельность, основывая по всѣмъ отраслямъ народныя учрежденія. Конвентъ не хотѣлъ, чтобы демократія оставалась мертвой буквой. Всѣ предлагаемые законы одушевлялъ духъ народа, какъ напримѣръ: уничтоженіе нищенства посредствомъ открытія рабочихъ домовъ, убѣжищъ и подаванія помощи неимущимъ классамъ; займы у богатыхъ, съ цѣлью заставить ихъ помогать бѣднымъ соразмѣрно ихъ благосостоянію; усыновленіе республикой всѣхъ подкидышей или лишившихся родителей дѣтей; поощреніе, человѣчное въ принципѣ, но на дѣлѣ безнравственное, къ материнству незамужнихъ дѣвушекъ; установленіе максимальныхъ цѣнъ на самые необходимые для народа сѣстные припасы; ограниченіе конкуренціи купцовъ; попытка государства явиться посредникомъ между производителемъ, продавцомъ и потребителемъ съ цѣлью регулировать отношенія ихъ посредничествомъ; введеніе всенароднаго образованія, распространеніе котораго брало на себя государство.

Что касается народнаго образованія, то Робеспьеръ требовалъ еще большаго. Дѣлая начальное образованіе обязательнымъ для всѣхъ семей и ставя такимъ образомъ въ одинаковыя условія все поколѣніе дѣтей отъ 5 до 12 лѣтъ, онъ, за невозможностью установить общность имущественную, учреждалъ коммунизмъ дѣтей и идей. Онъ смотрѣлъ на человѣчество съ точки зрѣнія отца, который долженъ завѣщать всѣмъ поколѣніямъ своей отчизны въ равныхъ доляхъ мысли, вѣрованія, взгляды, которыми его самого обогатила жизнь. Конвентъ смотрѣлъ на образованіе, какъ на воздухъ, которое общество должно безвозмездно предоставить въ распоряженіе всѣхъ своихъ согражданъ.

По этой теоріи трудъ долженъ былъ составлять часть воспитанія. Школы были въ то же время и мастерскими. Обработка полей была самой важной работой. Робеспьеръ, подобно всѣмъ законодателямъ древности, смотрѣлъ на трудъ, посвященный обработкѣ земли, какъ на самый нравственный и наиболѣе полезный для общества трудъ человѣка, потому что онъ непосредственно питаетъ работника, наименѣ возбуждаетъ страсть къ наживѣ и порождаетъ наименѣ пороковъ и не доводитъ до такой нищеты какъ работа на фабрикахъ. Дисциплина, къ которой образованіе въ общественныхъ школахъ должно было приучить дѣтей, являлась подготовкой къ исполненію тѣхъ обязанностей, которыя впоследствии должны были нести граждане. Эта дисциплина напоминала спартанскую. Она напоминала учрежденія Фенелона въ его Салентской республикѣ и планы Жанъ-Жака Руссо, которыя онъ изложилъ въ своемъ „Эмилѣ“.

Отечество обязано было преподавать ребенку слѣдующія познанія: его учили читать, писать, считать, измѣренію, ему сообщали общія нравственныя правила, которыя въ цивилизованномъ обществѣ обратились уже въ догматы, его обучали законамъ, которыми управляется его страна, обогащали его умъ разсказами изъ исторіи народовъ, развивали въ немъ чувство прекраснаго, столь родственное добродѣтели, при помощи чтенія лучшихъ отрывковъ изъ философіи, поэзій, риторики, завѣщанныхъ вѣкамъ человѣческимъ умомъ.

Наконецъ, что касается религіи, то, согласно этой системѣ, ребенокъ долженъ былъ избрать ее самъ, когда умъ его достаточно разовьется, дабы религія была для человѣка не безсознательной привычкой дѣтства, но сознательнымъ выборомъ разумнаго существа.

20.

Чтобы достать средства на эти учрежденія, на пищу для дѣтей, на вознагражденіе воспитателямъ и воспитательницамъ, Робеспьеръ предложилъ установить налогъ, сообразно размѣру имущества, такъ называемый дѣтскій налогъ. Онъ требовалъ также налога въ пользу бѣдныхъ, на который коммуны могли бы содержать стариковъ и немущихъ больныхъ. Богатый удѣлялъ соразмѣрно изъ своего излишка, бѣднякъ безвозмездно получалъ образованіе, приучался къ труду, изучалъ ремесло; все въ планѣ Робеспьера было направлено къ общности собственности и равенству состояній. Это былъ духъ первоначальной коммуны, идеаль первыхъ христіанъ, воплощенный въ идеаль философовъ.

Равномѣрное распредѣленіе просвѣщенія, способностей и даровъ природы является, очевидно, законной цѣлью стремленій человѣческаго сердца. Пророки, поэты и мудрецы всегда мечтали и проповѣдывали объ этомъ, видя осуществленіе его въ своихъ мечтахъ, какъ конечную цѣль, къ которой стремится человѣчество. Слѣдовательно оно — врожденное стремленіе къ справедливости въ человѣкѣ, божественное предначертаніе, которое Богъ издалъ показываетъ своимъ твореніямъ и все, что стремится къ постепенному разрушенію этого предначертанія, то есть все, что стремится создать неравенство просвѣщенія, состояній и имущества, незаконно. Все же, что уничтожаетъ постепенно это неравенство, являющееся часто несправедливостью, и способствуетъ болѣе правильному распредѣленію общаго достоянія между людьми, — божественно. О каждой политикѣ можно судить по этому признаку, такъ же какъ о деревѣ судятъ по его плодамъ; идеаль ничто иное какъ истина на разстояніи.

Но чѣмъ возвышеннѣе идеаль, тѣмъ труднѣе осуществить его на землѣ. До сихъ поръ трудно было согласовать равенство имущественное съ неравенствомъ нравственныхъ качествъ, способностей и труда, которыми люди отличаются другъ отъ друга. Равное распредѣленіе имущества между человѣкомъ дѣятельнымъ и лѣнивымъ является несправедливостью, потому что одинъ собираетъ, а другой расточаетъ. Чтобы эта общность имущества была справедлива, необходимо допустить, что у всѣхъ людей одинаковыя совѣсть, прилежаніе къ труду и нравственныя качества. Но такое предположеніе химера. Слѣдовательно, неужели общественный строй можетъ твердо стоять на подобной лжи? Одно изъ двухъ: или общество должно принудить своихъ членовъ исполнять одну и ту же работу и быть одинаково добродѣтельными; но тогда, что же станетъ со свободой? Общество превратится во всеобщее рабство.

Или же общество должно ежедневно собственноручно раздавать каждому часть, соответствующую его долѣ труда и пользѣ, которую онъ приноситъ всей общинѣ. Но кто же въ этомъ случаѣ будетъ судьей.

Несовершенная человѣческая мудрость нашла, что гораздо легче, справедливѣе и разумнѣе сказать человѣку: „Будь самъ своимъ судьей, воздавай себѣ самъ

должное своимъ богатствомъ или нищетою". Общество учредило собственность, провозгласило свободу труда и оградило законами конкуренцію.

Но учрежденная такимъ образомъ собственность не кормить того, кто не владѣетъ ничѣмъ. Свобода труда не представляетъ одинаковыхъ условій для того, у кого есть только руки, и для того, кто владѣетъ тысячами десятинъ. Конкуренція есть только сводъ законовъ, порожденныхъ эгоизмомъ, и война не на животь, а на смерть между работникомъ и работодателемъ, между покупателемъ и продавцомъ, между человѣкомъ, утопающимъ въ роскоши, и голоднымъ! Несправедливость повсюду! Непоправимое неравенство въ природѣ и въ законахъ. Мудрость законодателя состоитъ въ томъ, чтобы постепенно, вѣками исправить ихъ, издавая законъ за закономъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы исправить все сразу—разрушить все. Желать возможнаго—необходимое условіе человѣческой мудрости. Не претендуя сразу исправить сложныя несправедливости, надо исправлять ихъ непрерывно, улучшать постоянно, и въ этомъ должна заключаться справедливость такихъ несовершенныхъ существъ, какъ мы. Въ предначертаніяхъ Божіихъ время является элементомъ самой истины; требовать непреложной истины отъ одного дня—значить требовать отъ природы болѣе того, чѣмъ она можетъ дать. Нетерпѣніе ведетъ только къ ошибкамъ и крушеніямъ, а не къ истинѣ. Ошибки—это истины, сорванные преждевременно.

21.

Истина состоитъ очевидно въ стремленіи христіанъ и философовъ къ равномерному распредѣленію земныхъ благъ; но ошибка заключается въ тѣхъ насиліяхъ и способахъ, посредствомъ которыхъ проводили и хотѣли упредить эту истину до сихъ поръ. Соціальное равенство, законъ справедливости, повидимому, есть природный естественный законъ въ политическомъ строѣ. Но, введенный сразу, онъ привелъ бы къ тѣмъ же катастрофамъ, которыя поглотили всѣхъ живыхъ существъ на поверхности земного шара; напротивъ вводимый медленно, постепенно и незамѣтно, онъ уравниваетъ все не раздавивши даже муравья. Вотъ въ чемъ состоитъ мудрость: найти законъ Божій и согласовать съ нимъ законы человѣческіе не опережая истины химерами и времени—нетерпѣніемъ. Принимать желаніе за осуществленіе и жертвовать всѣмъ неизвѣстности — безуміе. Возмущаться препятствіями и природными законами, погребать цѣлыя поколѣнія подъ обломками несовершенныхъ учреждений вмѣсто того чтобы вести его вѣрнымъ путемъ отъ одного общественнаго строя къ другому—преступленіе!

Все это соединилось въ душѣ Конвента: идеаль истинный и практически осуществимый; химеры, которыя разлегались при первой попыткѣ примѣнить ихъ; припадки ярости, во время которыхъ хотѣли пытками заставить подчиниться порядку вещей, который природа человѣческая отказывалась воспринять. Священные желанія, пустая утопія, жестокія средства—вотъ элементы, изъ которыхъ состояла соціальная политика Соборанія, раздѣлявшаго двѣ цивилизации и хотѣвшаго уничтожить одну и опередить другую. Робеспьеръ олицетворялъ эти стремленія болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его сотоварищей. Его планы, религіозные по своей идеѣ, химерическіе вслѣдствіе ихъ непригодности

къ примѣненію, становились кровавыми въ ту минуту, когда ихъ хотѣли осуществить на практикѣ. Мечтателемъ овладѣвало бышенство: неистовство блага приводитъ къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ и неистовство зла. Робеспьеръ упорно отстаивалъ свои химеры какъ бы истины. Будь онъ болѣе просвѣщенъ, онъ обладалъ бы большей терпимостью. Его гнѣвъ начался послѣ его разочарованій. Онъ хотѣлъ сдѣлаться сподвижникомъ соціальнаго возрожденія: но общество сопротивлялось; онъ взялся за мечъ, вообразивъ, что человѣку дозволено стать палачомъ Божиимъ. Его образъ мыслей, частью вслѣдствіе фанатизма, частью вслѣдствіе ужаса, который онъ вселялъ, восприняли якобинцы, народъ и Конвентъ. Отсюда возникло противорѣчіе въ Собраніи, которое одной рукой опиралось на революціонный судъ и орудіе пытки, а другой писало конституцію, напоминавшую идиллическія республики Платона и Телемака и на каждой своей страницѣ проникнутую идеей о Богѣ, народѣ, правосудіи и челоуѣколюбіи. Никогда за истину не было пролито столько крови. Задача исторіи — смыть эти пятна и не отвергать соціальной истины потому только, что потоки крови залили догматы свободы, милосердія и разума.

XI.

Робеспьеръ и Дантонъ составляютъ союзъ противъ жирондистовъ. — Торжество Марата. — Обращеніе жирондистовъ къ якобинцамъ. — Памфлетъ Кампла Демулена. — Арестъ герцога Орлеанскаго. — Проектъ конституціи. — Опасность, грозящая республике. — Инарь. — Комиссія Двѣнадцати. — Арестъ Гебера. — Раздоры. — Анріо. — Гора. — Обвиненіе. — Двадцать два жирондиста.

1.

Эти пререканія, открывъ Конвенту новыя перспективы человѣческаго счастья, успокоили на нѣсколько дней мятежныя души. Расходясь во взглядахъ на настоящее положеніе вещей, Верньо, Робеспьеръ, Кондорсе, Дантонъ и Петіонъ сходились относительно будущаго. Волненіе жирондистовъ, якобинцевъ и кордельеровъ улеглось и они предстали предъ собраніемъ съ прояснившимися лицами. Даже Дантонъ, наименѣ изъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей склонный къ иллюзіямъ, казалось, съ упоеніемъ устремлялъ взоры вдаль и отдыхалъ послѣ пролитой имъ крови. „Это утѣшаетъ меня“, говорилъ онъ со вздохомъ, выходя изъ Собранія:—Никто не знаетъ, какъ дорого достается торжество какого-нибудь ученія тѣмъ людямъ, которые завѣщаютъ его потомству“.

2.

Сенъ-Жюсть развилъ догматы ученія Робеспьера въ рѣчи, въ которой юный ораторъ явился оракуломъ теорій своего учителя. „Соціальный строй, сказалъ Сенъ-Жюсть въ этой рѣчи:—лежитъ въ самой природѣ вещей и требуетъ отъ человѣческаго разума только упорядоченія своего механизма. Человѣкъ рождается для мира и истины, его совращаютъ съ праваго пути только дурныя законы. Найти законы, соотвѣтствующіе природѣ его сердца, — значитъ возвратить ему счастье и возстановить его въ его правахъ. Но искусство управленія порождало только чудовищъ, и народъ сбили съ пути. Наша обязанность найти этотъ путь. Соціальный строй — это правильное отношеніе между согражданами. Политическій строй — это отношенія народовъ другъ къ другу. Преступленіе правительствъ состоитъ въ томъ, что для подавленія неудовольствій своихъ гражданъ они пускаютъ въ ходъ военную силу, находящуюся въ ихъ рукахъ и которая имъ необходима для защиты націи отъ внѣшнихъ враговъ. Итакъ раздѣлите власть, если хотите, чтобы существовала свобода. Исполнительная власть захватываетъ мало-по-малу первенствующую роль даже

при самомъ либеральномъ правительствѣ въ мірѣ; но если эта власть въ одно и то же время является исполнительной и совѣщательной, она быстро становится самодержавной: королевская власть заключается не въ титулѣ короля, а бываетъ такой всегда, когда въ однѣхъ рукахъ сосредоточиваются исполнительная и совѣщательная власть“. Этотъ рядъ безсвязныхъ положеній и туманъ, которымъ Сень-Жюсть окутывалъ свою мысль, не давали почти возможности догадаться, нападаетъ ли онъ на сосредоточеніе власти въ рукахъ Конвента или, напротивъ, желаетъ поддержать его.

3.

Маратъ, Геберъ и Шометтъ проповѣдывалъ общность (равномѣрное распредѣленіе) имуществъ, чтобы польстить этимъ народу и возбудить въ немъ фанатизмъ. Общность имуществъ въ ихъ представленіи была скорѣе насильственнымъ перераспредѣленіемъ, нежели уничтоженіемъ правъ собственности. Понятія: собственность и семья настолько сдѣлались присущи, благодаря обычаю и законамъ, людямъ всѣхъ состояній, что попытка ввести „поземельный законъ“ показалась бы святотатствомъ по отношенію къ человѣку. Это чисто умозрительное положеніе могло послужить темой для нѣкоторыхъ ораторовъ-утопистовъ, но не могло объединить никакой партіи. Онѣ всѣ отрекались отъ него, чтобы не возбудить всеобщаго ужаса. Программы партій всегда начинались съ изложенія образа мыслей и выраженія уваженія къ собственности. Они могли лишать жизни не теряя уваженія народа, но должны были щадить права собственности. Потому что современный человѣкъ дорожитъ своимъ имуществомъ болѣе, чѣмъ жизнью, такъ какъ имущество является не только источникомъ его жизни, но и жизни его жены, дѣтей и потомства. Умирая при защитѣ своего имущества, онъ умираетъ защищая себя не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Французская революція обязана была распредѣлить собственность болѣе равномѣрно и сдѣлать ее доступной для всѣхъ, но никакъ не уничтожать ее.

4.

Пока Конвентъ отерачивалъ борьбу своими философическими разсужденіями и учрежденіями для народа, коммуна, якобинцы и кордельеры воспользовались временемъ, чтобы возмутить предмѣты противъ жирондистовъ, единственнаго препятствія, по мнѣнію ихъ ораторовъ, лежащаго на пути къ счастью народа и безопасности отечества.

Подчинить департаменты игу общественнаго мнѣнія Парижа, запугать національное представительство терроромъ, превратить Конвентъ въ низкое и безотвѣтное орудіе коммуны, подчинить самой коммуны секціямъ, а секціи горсти агитаторовъ подъ предводительствомъ двухъ или трехъ демагоговъ, изъ числа которыхъ народъ долженъ былъ избрать неумолимаго диктатора, чтобы положить предѣлъ собственной анархіи: вотъ каковъ былъ планъ Марата, Шометта, Гебера и ихъ сторонниковъ.

Робеспьеръ и Дантонъ съ отвращеніемъ содѣйствовали осуществленію этого плана. Разсчитывая на непостоянство народной привязанности и глубоко презирая

кумира дня, Марата, оба они совершенно правильно рассчитывали, что этот недостойный безумец должен лишиться власти и что когда жирондисты будут уничтожены Маратомъ, а Маратъ погубить себя самъ, то народу не останется другого выхода, какъ выбрать одного изъ нихъ для спасенія себя отъ своихъ враговъ и отъ самого себя. Каждый изъ нихъ рассчитывалъ, что ему не трудно одержать побѣду надъ своимъ соперникомъ: Дантонъ благодаря превосходству храбрости, а Робеспьеръ благодаря превосходству ума. Оба они притворялись, что ненавидятъ жирондистовъ, хотя въ дѣйствительности не питали къ нимъ ненависти, и что сочувствуютъ изгнанному „другу народа“, причемъ оба втайнѣ краснѣли за выказываемое ими чувство. Изгнаніе Марата изъ Конвента, преданіе его суду, его бѣгство, тайна, окружавшая его убѣжище, наконецъ слухи, распространившіеся о его болѣзни, которую онъ нажилъ вслѣдствіе жизни въ подземельи и непомѣрнаго труда на пользу угнетенныхъ, все это воспламенило до обожанія страсть толпы къ тому, кого она считала своимъ мстителемъ.

Маратъ покинулъ свое убѣжище и 24-го апрѣля предсталъ передъ революціоннымъ судомъ. Смѣлость его осанки, вызывающій взглядъ, которымъ онъ посмотрѣлъ на своихъ судей, толпа, сопровождавшая его въ трибуналъ, привѣтственные клики народа, густой толпой тѣнившагося вокругъ зданія суда, заранѣе обязывали присяжныхъ признать его невиновнымъ, что и было исполнено. Крикъ торжества, раздавшійся около зданія суда и достигшій дверей Конвента, возвѣстилъ жирондистамъ, что ихъ врагъ оправданъ. Кордельеры и предмѣстья, по почину которыхъ и былъ назначенъ судъ, заранѣе приготовили торжество. Оправданнаго Марата подхватили на руки четыре человека и высоко подняли надъ своими головами, чтобы показать его толпѣ. Они отнесли затѣмъ „друга народа“ на эстраду, на которой стояло кресло въ видѣ древняго трона. Это былъ щитъ мятежа, на который пролетаріи подняли короля нищеты. Женщины съ Цвѣточнаго и другихъ рынковъ увѣнчали его лавровыми вѣнками. Маратъ допустилъ это безъ возраженій. — „Это народъ, воскликнулъ онъ: — вѣнчается себя возлагая вѣнецъ на мою главу. Пусть всѣ головы, возвышающіяся надъ народомъ, падутъ вскорѣ по моему приказанію!“

Шествіе направилось къ Конвенту съ криками: „Да здравствуетъ другъ народа!“ Толпа, состоявшая изъ людей въ рубищахъ, женщинъ, дѣтей и нищихъ, медленно подвигалась по набережнымъ и Новому мосту къ улицѣ Сентъ-Опоре, увеличиваясь по пути огромной толпой рабочихъ изъ различныхъ мастерскихъ, бросившихъ свою работу, чтобы защитить и почтить представителя пролетаріевъ. Депутатинъ отъ разныхъ ремесленныхъ цеховъ ожидали Марата на мостахъ, на площадяхъ и при входѣ въ главныя улицы. Послѣ каждой остановки эти группы примыкали къ толпѣ, шедшей впереди или слѣдовавшей за носилками. Въ окнахъ домовъ стояли женщины, бросавшія на голову триумфатора цѣлый дождь лентъ, вѣнковъ и цвѣтовъ. Его привѣтствовали аплодисментами, когда его проносили мимо, и все шествіе отъ Суда до Манежа было ничто иное, какъ продолжительное рукоплесканіе. „Друзья мои, пощадите меня, пощадите мою чувствительность! восклицала

Маратъ:—я сдѣлалъ слишкомъ мало для народа, я могу отплатить ему только отдавъ ему свою жизнь!“

5.

Посреди улицы Сентъ-Оноре, женщины собравшіяся со всѣхъ рынковъ Парижа, чтобы принять участіе въ этомъ торжествѣ, остановили шествіе и засыпали букетами цвѣтовъ носилки, тронъ и „друга народа“. Маратъ, голова котораго была покрыта вѣнками, а плечи, руки, туловище и ноги опутаны гирляндами зелени, буквально утопалъ въ цвѣтахъ. Едва можно было разглядѣть его черный поношенный сюртукъ, грязное бѣлье, обнаженную грудь и длинныя пряди волосъ, падающія на плечи. Руки его безпрестанно раздвигались, точно онъ хотѣлъ обнять толпу. отвратительная грязь его костюма рѣзко отличалась отъ свѣжести гирляндъ и цвѣтовъ. Его изнуренное лицо, растерянный видъ, улыбка, застывшая на губахъ, колебаніе носилокъ, равномерное качаніе головой и движеніе рукъ придавали всей его фигурѣ нѣчто принужденное и механическое, близкое къ безумію и заставлявшее зрителя недоумѣвать, что онъ видитъ: пытку или триумфъ. Это была судорога народа, олицетворенная Маратомъ, способная скорѣе внушить отвращеніе къ восторгу толпы, нежели возбуждать зависть Робеспьера и Дантона.

Немного далѣе торговцы съ рынковъ и набережныхъ Парижа, числомъ отъ двухъ до трехъ тысячъ, привѣтствовали депутата рѣчью и громко кричали: „Да здравствуетъ другъ народа!“ Крики эти потрясли своды Конвента. Толпа вышибла его двери. Маратъ, сошедшій съ своего кресла, но подхваченный толпой, вошелъ въ залу, все еще увѣнчанный лавровыми вѣнками. Толпа попросила разрѣшенія войти въ Конвентъ и вмѣстѣ съ депутатами размѣстилась на скамьяхъ залы Конвента. Засѣданіе было прервано.

Маратъ, котораго его сторонники донесли на рукахъ до трибунъ при аплодисментахъ галерей, долго тщетно пытался жестами прервать рукоплесканія, заглушавшія его голосъ. Наконецъ онъ добился тишины.

„Законодатели французскаго народа, сказалъ онъ: — сегодня возвращенью народу одинъ изъ его представителей, права котораго были попораны въ моемъ лицѣ. Передъ вами стоитъ гражданинъ, на котораго было взведено обвиненіе и котораго только что оправдали. Онъ будетъ продолжать изъ всѣхъ силъ отстаивать права человѣка и права народа!“ При этихъ словахъ толпа машетъ въ воздухъ шапками и шляпами. Единодушный крикъ: „Да здравствуетъ республика!“ оглашаетъ собраніе и повторяется толпой, тѣснящейся около зданія Конвента. Дантонъ, дѣлая видъ, что раздѣляетъ энтузіазмъ толпы къ ея идолу, котораго онъ презираетъ, потребовалъ, чтобы триумфальному шествію Марата воздали должную почесть въ Собраніи префигурировавъ по залѣ Конвента. Маратъ, съ вѣнкомъ въ рукѣ, поднялся на верхнія скамейки, занимаемыя Горой, и занялъ мѣсто рядомъ съ свирѣпымъ Армонвилемъ. „Теперь, сказалъ онъ громко группѣ депутатовъ, поздравлявшихъ его, я держу въ рукахъ жирондистовъ и бриссотинцевъ; они тоже пройдутъ съ триумфомъ, но только на гильотину!“ Затѣмъ, обратившись къ депутатамъ, потребовавшимъ, чтобы его судили, онъ назвалъ ихъ по именамъ и оскорбилъ

ихъ слѣдующими словами: „Народъ оправдываетъ тѣхъ, кого вы осуждаете; недалекъ тотъ день, когда онъ расправится съ тѣми, кого вы уважаете, какъ государственныхъ дѣятелей!“ Дерзкая выходка Марата вызвала въ залѣ лишь улыбку презрѣнія. Робеспьеръ только пожалъ плечами. Марать окинулъ его вызывающимъ взглядомъ и назвалъ его „подлымъ злодѣемъ“. Робеспьеръ притворился, что не слышитъ, и не обратилъ вниманіе на эту безумную выходку народа. Когда Марать вышелъ изъ Конвента, его опять пронесли съ триумфомъ по главнымъ улицамъ Парижа: „Марать—другъ народа, народъ всегда будетъ стоять за него!“ кричала провожавшая его толпа. Подъ колоннами рынка ему устроили пиршество на счетъ народа. Затѣмъ его повели въ клубъ Кордельеровъ.

6.

Тамъ Марать обратился съ длинной рѣчью къ толпѣ и обѣщалъ ей крови. У этого стремившагося къ истребленію человѣка даже радость была кровава. Крики: „Смерть жирондистамъ!“ служили приправой къ его торжеству. По окончаніи засѣданія кордельеры и народъ, ожидавшій его у дверей клуба, при свѣтѣ факеловъ проводили его до дому. Окна и крыши домовъ улицы Кордельеровъ и сосѣднихъ съ нею были иллюминированы какъ бы для встрѣчи спасителя народа. „Вотъ мой дворецъ! сказалъ Марать своему другу Гюсману, указывая на темную лѣстницу, которая вела въ его жилище: — а вотъ мой скипетръ! прибавилъ онъ съ улыбкой, указывая на перо, которымъ онъ писалъ изъ свинцовой чернильницы. У моего соотечественника Руссо никогда не было иного. Однако при его помощи я перенесъ верховную власть изъ Тюльери въ этотъ вертепъ! Этотъ народъ принадлежитъ мнѣ, потому что я отдалъ ему себя. Я не отрекусь отъ власти до тѣхъ поръ, пока не отомщу за него“.

Таково было торжество Марата. Но его пламенная душа уже сжигала его тѣло. Этотъ день славы и власти, заставивъ быстрѣе обращаться его кровь, вызвалъ у него лихорадку, изнурившую его. Хотя болѣзнь и не остановила его работу, но часто удерживала его въ постели. Приближающаяся смерть и мысли, сосредоточивавшіяся на ней, не уменьшили его страсти къ убійствамъ. Этотъ новый Тиберій посылалъ свои приказанія народу съ нищенствующаго Капри. Проведенныя имъ безъ сна ночи стояли крови, которая проливалась на слѣдующій день. Онъ, казалось, сожалѣлъ только о томъ, что не успѣетъ увидѣть, какъ слетятъ съ плечъ тѣ триста тысячъ головъ, которыя онъ не переставалъ требовать въ видѣ отомщенія у народа. Дверь его день и ночь осаждалась доносчиками и поглощала, подобно желѣзной пасти въ Венеціи, всѣхъ, кто являлся съ указаніями на подозрѣваемыхъ. Рука его, уже холодѣвшая отъ приближавшейся смерти, прибавляла все новыя и новыя имена къ списку приговоренныхъ, постоянно лежавшему на его постели.

7.

Этотъ день, показавшій народу его силу, Конвенту его зависимость, жирондистамъ ихъ безсиліе, заставилъ принять крайнія мѣры противъ нихъ. Успѣхи вандейцевъ, отбросившихъ республиканцевъ вдоль всего лѣваго берега

Марія Антуанета
въ революціонномъ трибуналѣ.

Луары; раздѣлъ Франціи, который открыто обсуждался генералами и уполномоченными державъ на военномъ совѣтѣ въ Анверѣ; отступленіе Кюстина подъ Ландо передъ ста тысячами нѣмецкихъ конфедератовъ; блокада Майнца и возникшее вслѣдствіе того бездѣйствіе двадцати тысячъ нашей отборной рейнской арміи, находившейся въ его стѣнахъ; первыя столкновенія армій шпенейской и испанской; одновременное нападеніе на три лагеря, находившіяся подъ начальствомъ Сервана; волненіе, готовое разразиться въ Ліонѣ, гдѣ секціи были все еще роялистскія и противились водворенію революціоннаго режима, грозило принять огромные размѣры; Марсель, возмущенный оскорбленіемъ, которое нанесъ парижскій народъ своимъ союзникамъ и Барбару, набралъ новыя батальоны, чтобы отомстить за своихъ сыновъ; Арль, Нимъ, Тулонъ, Монпелье, Бордо объявили себя врагами Горы и поклялись въ своихъ воззваніяхъ послать свою молодежь противъ Парижа; постоянныя обвиненія въ федерализмѣ и анархіи, безпрерывно взводимыя монтаньярами на жирондистовъ и жирондистами на монтаньяровъ; голодные, стоявшіе у дверей булочныхъ; отсутствіе у народа всякаго занятія кромѣ уличныхъ волненій; броженіе въ клубахъ; газетныя листки, полныя желчи; постоянныя заговоры; переполненныя тюрьмы; гильотина, возбуждавшая народъ къ требованію новой крови вмѣсто того, чтобы насытить его мщеніе: все это приводило населеніе Парижа въ трепетъ отъ ужаса, предшествующій крайнему умоизступленію. Отчаяніе идетъ рука объ руку съ преступленіемъ. Народъ, чувствуя, что онъ погибаетъ, хотѣлъ отомстить кому-нибудь за свою гибель. Якобинцы направляли его месть противъ жирондистовъ. Кража изъ казенной кладовой, откуда милліоны и брилліанты, говорятъ, перешли въ руки Ролана и въ ларцы его жены, придавала народному негодованію отпечатокъ личности, оскорбленія и убійства.

Бриссо, Жире-Дюпре, Горза, Кондорсе, главные жирондистскіе журналисты, опираясь на богатыхъ, поддерживаемые купечествомъ и буржуазіей, не щадили съ своей стороны ни клеветы, ни ироніи, осыпая ими Марата, Робеспьера, Дантона и якобинцевъ. Листки эти, которые читались во время клубныхъ засѣданій, разрывались, сжигались, растаптывались ногами. Клялись, что эти строки будутъ смыты кровью ихъ авторовъ. Маратъ осмѣлился дерзко потребовать въ присутствіи Робеспьера, чтобы ему прислали всѣ листки и всѣ доносы гражданъ на своихъ правителей для предьявленія ихъ въ судъ. Онъ храбро олицетворялъ народъ въ себѣ одномъ. Робеспьеръ едва осмѣлился проворчать на это. Такимъ образомъ Маратъ, восторжествовавъ, назначилъ себя самъ уполномоченнымъ народа. Онъ взялъ на себя диктатуру, которую двадцать разъ заклиналъ народъ передать самому смѣлому изъ его защитниковъ. Основой всей его политики была смерть. Онъ былъ человѣкомъ случая, потому что былъ апостоломъ массоваго убійства. Всякій разъ, когда онъ выходилъ изъ дома въ костюмъ больного и съ головой, обвязанной грязнымъ платкомъ, отправляясь къ якобинцамъ или въ Конвентъ, Дантонъ и Робеспьеръ уступали ему мѣсто на трибунѣ. Онъ говорилъ какъ властелинъ, а не какъ совѣтникъ народа. Его слово прекращало споръ, какъ кинжалъ разрубаетъ узелъ; рукоплесканія трибунъ ставили его подъ защиту народа. Ропотъ негодованія и свистки останавливали тѣхъ, ко-

которые пытались вступать съ нимъ въ пререканія. Слова его были безапелляціоннымъ приговоромъ для толпы.

8.

Даже въ Конвентѣ пренія приняли характеръ боя на словахъ. Когда по поводу погребальныхъ почестей, возданныхъ Коммуной Лазуцкому, одному изъ заговорщиковъ клуба Архіепископства, Гаде осмѣлился сказать, что потомство удивится когда-нибудь, что были возданы отъ имени націи почести человѣку, уличенному въ томъ, что въ ночь на 10-е марта онъ хотѣлъ пойти во главѣ грабителей разрушить Конвентъ, Лежандръ бросился, съ намѣреніемъ возразить Гаде. Ропотъ, поднявшійся въ центрѣ, не допустилъ его взойти на трибуну. „Я уступлю мѣсто на трибунѣ тому, кто говоритъ лучше меня, воскликнулъ Лежандръ:—но если бы я долженъ былъ замѣнить собою горнило, на которомъ раскаливается желѣзо, чтобы заклеить всѣхъ васъ позоромъ, я замѣню его! Если бы мнѣ даже суждено было пасть вашей жертвой, я все же предлагаю, чтобы первый патріотъ, который умретъ отъ руки вашей, былъ бы отнесенъ на площадь, какъ Брутъ отнесъ тѣло Лукреціи, и чтобы было сказано народу: „Вотъ что сдѣлали твои враги!“

9.

На другой день юный Дюкло постарался объяснить Конвенту, какой вредъ можетъ повлечь за собою объявленіе максимума цѣнъ на зерно: топотъ ногами, угрожающіе жесты, крики присутствовавшихъ заглушали его голосъ и принудили его сойти съ трибуны.

„Граждане, вскричалъ Гаде:—разъ національное представительство унижено, значить оно уже не существуетъ. Всякій палліативъ, чтобы поддержать его значеніе—трусость. Парижскія власти не хотятъ, чтобы насъ уважали. Пора прекратить эту борьбу между цѣлой націей и горстью бунтовщиковъ, прикидывающихся патріотами. Я требую, чтобы Национальный Конвентъ объявилъ, что въ понедѣльникъ его засѣданіе будетъ происходить въ Версали“.

При этомъ предложеніи Гаде, всѣ жирондисты и часть Долины встаютъ и кричатъ: „Впередъ! спасемъ то, что осталось отъ достоинства и свободы у народныхъ представителей отъ оскорбленій и кинжаловъ парижанъ“. Виже, отважный юноша, черпавшій, подобно Андре Шенье, героизмъ въ опасности, всходитъ одинъ на трибуну при крикахъ, угрожающихъ жестахъ и оскорбленіяхъ Горы и публики. „Отложить на понедѣльникъ, говоритъ онъ:—значило бы дать время бунтовщикамъ предупредить наше перемѣщеніе при помощи мятежа или убійствъ. Я требую, чтобы при первомъ ропотѣ трибунъ мы вышли изъ залы, гдѣ мы находимся плѣнниками, и удалились въ Версаль“.

Марать, сидѣвшій въ этотъ день на самой верхней изъ скамеекъ, занимаемыхъ Горой, спускается внизъ съ величественнымъ жестомъ примирителя. Онъ боится, чтобы предложеніе жирондистовъ не лишило Конвентъ непосредственного вліянія надъ толпой, повелителемъ которой былъ онъ. Онъ хочетъ успокоить волненіе, которое увлекаетъ жирондистовъ покинуть залу. „Предлагаю самую рѣшительную мѣру, говоритъ онъ:—которая можетъ успокоить всѣ подо-

зрѣнія. Назначимъ цѣну за головы всѣхъ бѣжавшихъ Бурбоновъ и измѣнниковъ вмѣстѣ съ Дюмуре. Я уже требовалъ казни Орлеановъ; повторяю свое предложеніе, чтобы государственные мужи довели до конца дѣло объ эмигрировавшихъ Капетахъ, какъ патріоты довели до конца свое требованіе смерти тирану!“

10.

Такимъ образомъ жертвы, которыя приносились съ обѣихъ сторонъ, были единственнымъ залогомъ къ примиренію въ глазахъ Марата. „Я не поддерживаю и не опровергаю этого предложенія Марата, отвѣчаетъ Бюзо:—хотя бы отвлечь наше вниманіе отъ предложенія Гаде. Разсмотримъ, граждане, какъ потомство отнесется къ нашему положенію. Въ Парижѣ нѣтъ власти, нѣтъ клуба, который пользовался бы большей силой, чѣмъ мы. Якобинцы владычествуютъ. Въ арміяхъ, въ министерствахъ, въ департаментахъ, муниципалитетахъ, гдѣ только они не господствуютъ? Въ общественныхъ мѣстахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ нашей залой, на нашихъ улицахъ, у нашихъ дверей, на нашихъ трибунахъ, что мы слышимъ? Крики бѣшенства! Что мы видимъ? Отвратительныя лица людей, запятнанныхъ кровью и преступленіями. Такъ хочетъ природа: тотъ, кто обагривъ свои руки въ крови ближняго,—чудовище, которое не можетъ жить въ правильно устроенномъ обществѣ. Ему нужно крови, чтобы заглушить угрызения его совѣсти. Вы всѣ сожалеете о томъ положеніи, въ которомъ мы находимся,—я убѣжденъ въ этомъ; я взываю къ вашимъ сердцамъ, я требую, чтобы исторія сказала: если вы не наказали этихъ великихъ злодѣевъ, то лишь потому, что не могли этого сдѣлать. Итакъ, посмотрите, къ какимъ результатамъ привела безнаказанность. Когда вы спрашиваете о причинахъ этихъ безпорядковъ, то надъ вами смѣются. Когда вы требуете примѣненія законовъ, то смѣются и надъ вами и надъ вашими законами. Когда вы наказываете одного изъ среды вашей, его несутъ съ триумфомъ, чтобы поднять васъ на смѣхъ. Взгляните на это общество, слава о которомъ будетъ жить вѣчно (якобинцевъ), едва ли остается тридцать изъ его настоящихъ основателей. Среди нихъ вы видите только людей, запутавшихся въ долгахъ и преступниковъ. Прочтите газеты и посмотрите, можете ли вы оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока существуютъ эти отвратительныя гадины!“

Послѣ этого оскорбительнаго вызова, брошеннаго въ лицо Робеспьеру, Марату, Дантону, Колло-д'Эрбуа, Вильо-Варенну, де-Базиру, Гора встаетъ какъ одинъ человѣкъ противъ Бюзо. „Мы всѣ якобинцы!“ единодушно кричатъ двѣсти голосовъ. Дюранъ-Мальянъ не обращаетъ вниманія на этотъ грозный крикъ. Онъ сообщаетъ Конвенту, что когда послѣдній курьеръ пріѣхалъ отъ имени парижскихъ якобинцевъ въ клубъ въ Марсели, этотъ клубъ назначилъ цѣну за головы пяти марсельскихъ депутатовъ, которые требовали обратиться съ апелляціей къ народу по поводу осужденія короля: десять тысячъ ливровъ первому убійцѣ. „Въ этомъ департаментѣ, прибавляетъ Дюранъ-Мальянъ:—царитъ анархія и смятеніе“. Шумъ въ собраніи удваивается. Одни требуютъ, чтобы голосовали предложеніе удалиться въ Версаль; другіе, чтобы приступили къ обсужденію подлой трусости жирондистовъ.

Дантонъ, съ нѣкоторыхъ поръ старавшійся избѣгать крайнихъ мѣръ, точно

онъ видѣлъ вдали пропасть и страшился, чтобы и его не унесло въ нее, всходить на трибуну и пытается успокоить волненіе, примиривъ спорящихъ. „Мы все полагаемъ, говоритъ онъ: — что народное достоинство требуетъ, чтобы граждане оказывали уваженіе депутату, являющемуся выразителемъ мнѣнія народа, и мы все согласны, что въ данномъ случаѣ ему не было оказано должнаго уваженія и что правосудіе обязано покарать только виновныхъ. Вы хотите быть въ одно и то же время строгими и справедливыми? Итакъ...“ Нетерпѣніе Горы и негодованіе жирондистовъ не даютъ Дантону кончить. Единодушный ропотъ прерываетъ его слова, и онъ принужденъ сойти съ трибуны. Но, сходя, Дантонъ дѣлаетъ условный знакъ публикѣ, и трибуны, которыя занимаетъ народъ, пустѣютъ. Добровольное удаленіе виновныхъ уничтожаетъ предлогъ къ распрѣ и поводъ требовать ихъ наказанія.

Нѣсколько дней спустя, Камилль Демуленъ обнародовалъ одинъ изъ самыхъ колкихъ своихъ памфлетовъ. Роланъ, Петіонъ, Кондорсе, Бриссо были изображены въ немъ въ самомъ безобразномъ видѣ. Даже госпожа Роланъ, въ то время уже находившаяся въ изгнаніи и преслѣдуемая, была изображена въ этомъ памфлетѣ въ видѣ кроваваго куртизанки и выставлена на насмѣшки толпы. Властолюбіе, лихоимство, глухое и непрестанное злоумышленіе противъ свободы; интриги, измѣны, союзы съ чужеземцами, стремленіе возстановить королевскую власть, съ водвореніемъ которой они намѣревались сдѣлаться министрами, — таковы были преступленія, существованіе которыхъ Камилль Демуленъ старался доказать посредствомъ вымышленныхъ имъ фактовъ, разоблачая чужія тайны и обнародывая чужіе секреты, измышляя несуществующія общества и воображаемыя оргіи, а его ѣдкое перо придавало желчь всему его разсказамъ. Эту исторію бриссотинцевъ, прочитанную Камилломъ Демуленомъ якобинцамъ, сочли за манифестацію Горы противъ господствующей партіи въ Конвентѣ. Напечатанная на общественный счетъ въ количествѣ, превышавшемъ сто тысячъ экземпляровъ, она страшно распространилась по улицамъ Парижа и заключала въ себѣ обращеніе къ гражданамъ всехъ департаментовъ. Въ ней прямо по именамъ назывались лица, которыхъ подозревалъ народъ.

Въ этомъ памфлетѣ рядомъ съ именами жертвъ называли и имена людей, достойныхъ поклоненія. Робеспьеръ, Маратъ и Дантонъ были выставлены какъ образцы патріотамъ. Камилль Демуленъ, достаточно умный, чтобы восхищаться жирондистами, но слишкомъ завистливый и потому ненавидѣвшій ихъ, хотя слишкомъ робкій для того, чтобы подражать имъ, сдѣлался игрушкой низкихъ страстей, которыя овладѣваютъ даже лучшими изъ людей. Этотъ писатель, характеръ котораго былъ ниже его ума, подобно пресмыкающемуся, чувствовалъ потребность низкопоклонничать и въ то же время язвить. Онъ работѣствовалъ передъ Дантономъ, Робеспьеромъ и Маратомъ. Онъ поносилъ Ролана и Верньо. Лѣстия одному за другимъ всему временщикамъ и затѣмъ ругая ихъ, онъ перешелъ изъ кабинета Мирабо и интимнаго кружка Петіона къ ужинамъ Дантона и прихлебательству у Робеспьера. Ненавидѣть и въ то же время лѣстить было присуще этому человѣку. Безмолвствуя въ Конвентѣ передъ мощнымъ голосомъ

Верно, онъ возвышалъ свой голосъ на улицѣ, клевета на него и призывая на его голову смерть, которая должна была отомстить за него гению.

11.

Обвиненіе въ орлеанизмъ было въ то время смертельнымъ оскорбленіемъ, которое наносили другъ другу разныя партіи. Камилль Демуненъ собиралъ всевозможные факты, дѣйствительные и вымышленные, служившіе къ обвиненію жирондистовъ, какъ сторонниковъ Орлеановъ. Въ числѣ участниковъ этого вымышленнаго имъ заговора онъ называлъ даже Лафайетта, самаго непримиримаго врага этой партіи. Чтобы придать большую достовѣрность своему вымыслу, онъ сопровождалъ свой рассказъ анекдотами, которые придавали извѣстный оттѣнокъ этому яко бы дѣйствительно существующему заговору, подражая въ этомъ случаѣ древнимъ историкамъ, недомолвками старавшимся придать большее значеніе туманнымъ заговорамъ великихъ заговорщиковъ, заставляя предполагать, что на самомъ дѣлѣ существуетъ болѣе значительное преступленіе, чѣмъ то, о которомъ они рѣшились повѣдать.

„Одно обстоятельство, говорилъ онъ:—убѣдило меня окончательно въ томъ, что, несмотря на кажущуюся вражду, существующую между Лафайеттомъ и Орлеанами, великая семья похитителей престола сплотилась противъ республики. Однажды мы находились одни въ гостиной госпожи де-Силлери; старикъ Силлери самолично натеръ паркетъ своей гостиной изъ опасенія, чтобы не поскользнулись ножки прелестныхъ танцорокъ. Госпожа де-Силлери только что пропѣла подъ аккомпанементъ арфы стихотвореніе, въ которомъ она проповѣдывала непостоянство. Ея дочь и ученица, прекрасная Памела, и дѣвица де-С... протанцовали русскій танецъ, названіе котораго я забылъ, исполненный такой нѣги и страсти, что я не думаю, чтобы юная Иродіада могла плясать съ большимъ увлеченіемъ въ то время, когда добивалась получить голову Іоанна Крестителя. Каково же было мое изумленіе, когда въ ту минуту, какъ восхищеніе мое волшебницей-танцовщицей достигло крайнихъ предѣловъ, дверь, запертая для непосвященныхъ, вдругъ раскрылась, и я увидѣлъ, какъ вошелъ... Кто же? адъютантъ Лафайетта, явившійся по приглашенію; его посадили рядомъ со мною, желая убѣдить меня этимъ, что Лафайеттъ снова сдѣлался другомъ семьи! Развѣ это не верхъ ловкости со стороны жирондистовъ, прибавилъ Камилль:—въ то время, какъ они въ тихомолку агитировали въ пользу Орлеанской партіи, они прислали къ намъ, на Гору, Филиппа, автомата, движеніями котораго они управляли, заставляя его садиться и вставать, желая убѣдить этимъ способомъ народъ, что если и существуютъ приверженцы Орлеановъ такъ именно среди насъ?—Не подъ вліяніемъ ли этой самой тактики жирондисты первые потребовали изгнанія Филиппа? Что касается Орлеана, то въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я слѣжу за нимъ, мнѣ кажется, онъ ни разу не подавалъ мнѣнія, противорѣчившаго мнѣнію вершины Горы, такъ что я прозвалъ его Робеспьеромъ, выразившимъ свое мнѣніе только вставаніемъ. У него было столько же оснований, какъ и у насъ, проклинать Силлери, бывшаго повѣреннаго его тайнъ, присоединившагося теперь къ жирондистской партіи, о каковомъ фактѣ я не разъ разсуждалъ самъ съ собою такъ: „Было бы очень

странно, если бы Филиппъ Орлеанскій не принадлежалъ къ партіи орлеановъ! Однако фактъ этотъ не невозможенъ, хотя партія эта существуетъ и за-сѣдаетъ направо съ жирондистами.

12.

Народъ, на слово вѣрящій всему дурному, подозрѣвающій тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе ему извѣстна истина, обрадовался, когда онъ могъ наконецъ взвалить на жирондистовъ причину всѣхъ бѣдъ. Герцогъ Орлеанскій, подвергнувшійся ихъ преслѣдованіямъ, раздѣлялъ вмѣстѣ съ ними ихъ непопулярность.

Чась испытать неблагодарность уже пробилъ для этого принца. Навлекшій на себя, благодаря жирондистамъ, подозрѣніе народа, выданный головою монтаньярами, боявшимися, чтобы его присутствіе на Горѣ не навлекло на нихъ того же подозрѣнія, онъ былъ единодушно изгнанъ, причѣмъ даже не постарались найти за нимъ какой-либо вины. Поводомъ къ ostracismу выставили бѣгство его сына, увлеченнаго Дюмуре въ заговоръ послѣдняго. Согласно предположенію Барбару и де-Бойе-Фонфреда, Конвентъ постановилъ, что Силлери, тестъ генерала Валенса, лейтенантъ Дюмуре и Филиппъ-Эгалите, отецъ молодого генерала, будутъ находиться подъ надзоромъ и имъ будетъ предоставлено свободно расхаживать только по одному Парижу. Силлери, выданный своими друзьями жирондистами, не сдѣлалъ имъ ни одного упрека. „Когда настанетъ время наказать измѣнниковъ, сказалъ онъ, обернувшись къ бюсту перваго изъ Брутовъ, украшавшему залъ:—если мой зять окажется виновнымъ, то я предстану здѣсь, предъ изображеніемъ Брута“. И онъ склонилъ голову какъ чловѣкъ, готовый слѣдовать взятому имъ за образецъ примѣру и который знаетъ, въ чемъ состоитъ его обязанность. „И я также, вскричалъ принцъ, протягивая руку по направленію къ статуѣ римлянина, судьи и убійцы своего сына:—если виновенъ, то подлежу наказанію; но если виновенъ мой сынъ, то я вижу предъ собою Брута!..“ Онъ безропотно подчинился декрету. Предвидѣлъ ли онъ заранѣе, какъ будутъ оцѣнены его заслуги, понялъ ли свое ложное положеніе въ республикѣ, служа которой онъ вызывалъ въ ней же самой смуты, или умъ его, утомившійся отъ тревоженій, дошелъ до полной безчувственности, но только герцогъ Орлеанскій не выказалъ ни слабости, ни удивленія, узнавъ о неблагодарности Горы. Онъ протянулъ руку своимъ сотоварищамъ; но тѣ отказались пожать ее, какъ бы опасаясь, чтобы ихъ не заподозрили въ близкихъ отношеніяхъ съ великимъ изгнанникомъ. Онъ удалился въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ свой домъ, теперь обратившійся для него въ тюрьму.

Невинный или виновный, герцогъ Орлеанскій стѣснялъ собою обѣ партіи. Вскорѣ послѣ этого его перевели въ темницу Аббатства, а оттуда въ Марсель, въ фортъ Notre Dame de la Garde, вмѣстѣ съ его сыномъ, юнымъ графомъ Божоле, герцогиней Бурбонъ, его сестрой, и принцемъ Конти, его дядей. Единственное исключеніе въ этомъ декретѣ было сдѣлано для герцогини Орлеанской, уже задолго передъ тѣмъ жившей отдѣльно отъ мужа. Жалость и уваженіе народа служили ей защитой: ей было дозволено проживать въ замкѣ Вернонъ, въ Нормандіи, вмѣстѣ съ герцогомъ Пентіевръ, ея отцомъ, и служить ему утѣхой наклонъ его жизни.

Прибывъ въ фортъ Notre Dame de la Garde, герцогъ Орлеанскій встрѣтился тамъ съ вторымъ своимъ сыномъ, юнымъ герцогомъ Монпансье, который былъ арестованъ въ одинъ день со своимъ отцомъ, въ то время, когда находился подъ республиканскими знаменами въ итальянской арміи. Отецъ и оба сына обнялись въ темницѣ ровно черезъ годъ послѣ того какъ они видѣлись въ лагерѣ Дюмуре въ день Жемманской побѣды. Одного только герцога Шартрскаго недоставало для довершенія зрѣлища превратностей судьбы; но онъ уже скрывался въ это время подъ чужимъ именемъ заграницей. Единственная дочь герцога Орлеанскаго, разлученная съ матерью и имѣвшая покровительницу только въ лицѣ госпожи Силлери-Жанлисъ, женщины, по мнѣнію большинства, подозрительной, скиталась по берегамъ Рейна, затѣмъ достигла Нѣмецкой Швейцаріи и поселилась тамъ подъ чужимъ именемъ.

Герцогъ Орлеанскій, въ фортѣ de la Garde, смотрѣлъ на свое личное несчастье и на то, какъ разбелась его семья, съ хладнокровіемъ посторонняго зрителя. Сознавалъ ли онъ, что великія революціи увлекаютъ въ бездну своихъ апостоловъ, или съ безнадежностью и спокойствіемъ философа принималъ удары судьбы, но въ душѣ его оставалось только одно чувство, пережившее всѣ остальные, а именно — чувство отца. Первое время онъ занималъ помѣщеніе вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями; они могли свободно разгуливать по террасѣ форта и съ высоты утеса любоваться далью Средиземнаго моря и движеніемъ и шумомъ Марселя. На четвертый день ихъ заключенія, администраторы форта и офицеры національной гвардіи вошли въ комнату герцога въ то время, когда онъ завтракалъ со своими дѣтьми. Они объявили ему, что полученъ приказъ перевести герцога Монпансье въ другую половину тюрьмы. „Что касается другого вашего сына, сказалъ офицеръ, которому было поручено привести въ исполненіе этотъ приказъ: — то, вслѣдствіе его юнаго возраста, ему разрѣшено оставаться при васъ; но ему воспрещается видѣться съ братомъ“. Принцъ тщетно протестовалъ противъ этого варварскаго распоряженія. Герцога Монпансье, заливавшагося слезами, вырвали изъ объятій отца и брата и увлекли въ другой этажъ крѣпости.

Послѣ перваго вопроса они были переведены въ фортъ Св. Іоанна, тюрьму болѣе ужасную, находившуюся на окраинѣ Марселя; здѣсь ихъ держали строже и они были даже лишены свѣжаго воздуха и движенія. Три комнаты, расположенныя одна надъ другой въ толстыхъ стѣнахъ башни, служили мѣстомъ заключенія принцу и обоимъ его сыновьямъ. Младшему герцогу, Божоле, было позволено нѣсколько часовъ въ день пользоваться свѣжимъ воздухомъ подъ наблюденіемъ двухъ сторожей. Отправляясь на прогулку, юноша проходилъ мимо помѣщенія, которое занималъ его братъ, находившейся подъ его комнатою. Тогда герцогъ Монпансье прикладывался лицомъ къ двери и оба брата поспѣшно обмѣнивались нѣсколькими словами черезъ замочную скважину и запоры. Звукъ ихъ голосовъ доставлялъ имъ минутную радость. Однажды, возвращаясь съ прогулки, графъ Божоле увидѣлъ, что дверь комнаты герцога

Монпансье отворена. Юноша однимъ прыжкомъ очутился въ ней, вырвавшись изъ рукъ своихъ сторожей, и бросился въ объятія брата. Сторожа съ трудомъ могли оторвать его отъ брата. Братя уже два мѣсяца не видались. Были приняты мѣры противъ неожиданныхъ проявленій ихъ нѣжности, какъ онѣ принимаются противъ заговоровъ злоумышленниковъ. Одному было тринадцать лѣтъ, другому восемнадцать.

Отецъ ихъ, жившій по одной лѣстницѣ съ ними, не могъ ни видѣть, ни слышать ихъ. Желаніе лицезрѣть принца крови, зачинщика и жертву революціи, отягченнаго цѣпями, которыя возложилъ на него тотъ самый народъ, которому онъ служилъ, постоянно привлекало все новыхъ посѣтителей въ его темницу. Принцъ, котораго болѣе тяготило одиночество, нежели заключеніе, и который постоянно находился подъ гнетомъ своихъ думъ, не старался избѣгать взоровъ и вопросовъ любопытныхъ. Каждый изъ нихъ, казалось, сокращалъ ему тяжесть времени.

Однажды онъ услышалъ голосъ одного изъ сыновей. „А! Монпансье! крикнулъ онъ ему изъ своей камеры: — это ты, мое бѣдное дитя! Какое облегченіе доставило мнѣ услышать твой голосъ!“ Сынъ слышалъ, какъ отецъ вскочилъ съ своего ложа и молилъ тюремщика позволить ему хоть взглянуть на своихъ дѣтей; но ему было отказано въ этой милости, и дверь, сквозь которую отецъ и сынъ обмѣнялись вздохомъ, затворилась навсегда.

14.

Эта жертва, принесенная Жирондой и Горой миру и подозрѣнію, только на-время отсрочила проявленіе ненависти, которую обѣ партіи питали другъ къ другу. Послѣ того какъ этотъ призракъ короля или диктатора былъ вырванъ изъ среды Конвента, взаимныя обвиненія въ измѣнѣ не переставали раздаваться въ рѣчахъ и въ газетахъ. Сень-Жюсть, Робеспьеръ, Гаде, Верньо, Инаръ обсуждали нѣсколько проектовъ конституціи. „Доведемъ до конца дѣло съ конституціей, сказалъ Верньо въ засѣданіи 8-го мая:—только съ введеніемъ ея исчезнутъ этотъ драконовскій кодексъ и это случайное правленіе, которые были приняты лишь въ силу необходимости и ознаменовали себя всѣмъ слишкомъ памятнымъ измѣнамъ, но которые равно тяготятъ собою какъ добрыхъ, такъ и дурныхъ гражданъ, и если существованіе ихъ продолжится, то они, подъ предлогомъ свободы, водворятъ тиранію. Послѣднимъ же, граждане, успокоятъ земледѣльцевъ, купцовъ и собственниковъ, опечаленныхъ догматами, которые они слышатъ здѣсь. Древніе законодатели, желая заставить уважать свои законы, призывали въ посредники между собою и народомъ какого-нибудь бога. Но у насъ нѣтъ ни Магометова голубя, ни нимфы Нумы, ни демона Сократа, и мы можемъ поставить посредникомъ между собою и народомъ только разумъ. Какую республику желаете вы учредить во Франціи? Желаете ли вы изгнать богатство и роскошь, уничтожающія, по мнѣнію Руссо и Монтескьё, равенство? желаете вы установить правленіе суровое, сдѣлать народъ бѣднымъ и воинственнымъ, какъ въ Спартѣ? Въ такомъ случаѣ будьте послѣдовательны, какъ Ликургъ: раздѣлите земли поровну между гражданами, изгоните изъ употребленія металлы, которые жадность извлекла изъ нѣдръ земли, сожгите даже

ассигнаціи, заклейте презрѣніемъ всѣхъ тѣхъ, кто занимаются полезными искусствами, и оставьте французамъ только пилу и топоръ; пусть люди, которымъ вы предоставите право называться гражданами, не платятъ податей; зато другіе, которыхъ вы лишите этого званія, обратятся въ данниковъ и одни своимъ тяжелымъ трудомъ удовлетворяютъ вашимъ потребностямъ; пусть иностранцы вѣдутъ у васъ торговлю: ознакомьтесь илотами для обработки вашихъ полей и пусть ваше существованіе зависить отъ вашихъ рабовъ! Правда, такіе законы жестоки, безчеловѣчны, бессмысленны; правда, что вскорѣ самый ужасный уравнитель, смерть, пронесется надъ вашими полями, и я предвижу уже, какъ лига королей водворитъ у васъ такіе законы, которые низведутъ всѣхъ французовъ къ равенству отчаянія и могилы.

„Быть можетъ, вы желаете учредить воинственную республику, подобную той, которая существовала въ Римѣ? Я докажу вамъ историческими фактами, что побѣды всегда были гибельны для свободы и подтверждаю слова Монтеस्कѣ, что Саламинская побѣда погубила Аѳины, точно такъ же какъ пораженіе аѳинянъ погубило Сиракузы. И къ чему вамъ побѣды? Неужели вы хотите сдѣлаться гонителями челоувѣчества?

„Наконецъ, не хотите ли вы обратить французскій народъ въ народъ земледѣльскій и торговый и ввести у него пастушескія установленія Вильгельма Пенна? Но какъ можетъ существовать такая нація среди народовъ, постоянно воюющихъ между собою и управляемыхъ тиранами, не признающими иного права, кромѣ права сильнаго!“

Верно доказалъ невозможность примѣнить во Франціи всѣ эти ультрадемократическія конституціи и требовалъ, чтобы вводимыя въ ней установленія соотвѣтствовали ея географическому положенію, національному характеру, промышленной дѣятельности и степени возмужалости и просвѣщенія, въ которыхъ находился тотъ народъ, которому Конвентъ желалъ дать законы. Онъ отринулъ древніе утопіи и взывалъ только къ разуму. Но республика во вкусѣ жирондистовъ не соотвѣтствовала ни воспламененному воображенію народа, ни сверхъестественнымъ мечтамъ якобинцевъ, желавшихъ полного измѣненія общественнаго строя.

Инаръ, предвидя, что Конвентъ будетъ затягивать введеніе конституціи, и желая поставить жизнь самихъ законодателей подъ защиту прочнаго закона, предложилъ намѣтить въ общихъ чертахъ общественный договоръ прежде чѣмъ приступить къ обсужденію деталей конституціи. Гора, не хотѣвшая иной конституціи кромѣ воли народа и случайной диктатуры, встрѣтила ропотомъ неудовольствія предложеніе Инара. Дантонъ, челоувѣкъ находчивый, отвергъ ее. Онъ презиралъ пустыя слова и мысли и шелъ прямо къ цѣли: благу отечества.

Робеспьеръ, челоувѣкъ болѣе широкихъ воззрѣній, говорилъ о конституціи на слѣдующій день. Его всесторонне обдуманная рѣчь въ стилѣ Монтеस्कѣ была обвиненіемъ философа противъ тираній и пороковъ всѣхъ прежнихъ правительствъ. Мириться съ этой тираніей и пороками казалось ему недостойной

слабостью со стороны правды и разума. Суровость его взглядовъ на образъ правленія была противоположна мягкости жирондистовъ.

„До сихъ поръ, говорилъ Робеспьеръ: — искусство управлять состояло въ обираіи большинства въ пользу меньшинства. Цѣлью общества должно быть—огражденіе правъ челоѣка и усовершенствованіе его личности, но повсюду общество унижаетъ и притѣсняетъ людей. Настало время напомнить ему о его дѣйствительномъ назначеніи. Неравенство общественнаго положенія и правъ,—предразсудокъ, вынесенный нами изъ нашего воспитанія, развращеннаго деспотизмомъ, — пережилъ даже нашу незавершенную революцію. Кровь трехсотъ тысячъ французовъ уже пролита, а кровь трехсотъ тысячъ другихъ, быть можетъ, еще прольется ради того, чтобы воспрепятствовать простому земледѣльцу засѣдать въ Сенатѣ рядомъ съ купцомъ, а ремесленнику подавать голосъ на народныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ негоціантомъ и адвокатомъ, и не дать умному и добродѣтельному бѣдняку возможности пользоваться правами гражданина наравнѣ съ развратнымъ и глупымъ богачомъ. Неужели вы воображаете, что народъ, завоевавшій себѣ свободу и проливавшій кровь за отечество въ то время, пока вы утопали въ нѣгѣ или втайнѣ составляли заговоры, дастъ вамъ унижить себя, заковать въ цѣпи, морить себя голодомъ, разорить и умертвить? Нѣтъ, трепещите! Но голосъ истины, раздающійся въ сердцахъ людей испорченныхъ, походитъ на звуки, раздающіеся въ гробахъ и не способные разбудить мертвецовъ!

„Не ищите спасенія свободы въ воображаемомъ равновѣсіи правъ. Это равновѣсіе метафизическая химера. Какое намъ дѣло до противовѣса, старающагося уравновѣситъ власть тираніи? Надо вырвать съ корнемъ самую тиранію; народъ надо поставить на мѣсто его властителей и тирановъ. Мнѣ не нравится, что римскій народъ удалился на Священную гору: я хочу, чтобы онъ остался въ Римѣ и прогналъ своихъ притѣснителей! У народа долженъ быть лишь одинъ трибунъ—онъ самъ!“

Робеспьеръ сдѣлалъ намекъ въ этой рѣчи на новую залу стараго Тюльерійскаго дворца, куда наканунѣ Конвентъ перенесъ свои засѣданія. Республика, казалось, окончательно забирала верховную власть въ свои руки, перенеся засѣданія Конвента въ тотъ самый дворецъ, изъ котораго 10-го августа она изгнала королевскую власть. Зданіе было все цѣликомъ приспособлено къ своему новому назначенію. Начиная съ залы Конвента до залъ совѣта министровъ и канцелярій, гдѣ сосредоточено было производство дѣлъ, касающихся народа, Тюльери заключалъ въ себѣ всѣ отрасли правленія и дѣйствительно обратился въ народный дворецъ. Были даны народныя названія садамъ, дворамъ, павильонамъ и разнымъ частямъ зданія, находившимся за его обширной оградой. Повсюду республика замѣнила атрибуты короля атрибутами народа и символами свободы абсолютную власть. Сѣверный павильонъ былъ названъ павильономъ Свободы; южный—павильономъ Равенства; центральный—павильономъ Единства. Зала Конвента занимала все пространство между павильонами Единства и Свободы. Туда входили по главной лѣстницѣ. Нижнія залы были отведены войскамъ, которыя должны были охранять депутатовъ. Зала Конвента, огромная и приспособленная скорѣе для королевскихъ пріемовъ, была украшена карти-

нами республиканскаго художника Давида. Она напоминала собою, своими трибунами и статуями, римскій форумъ. Видъ ея былъ строгъ и величественъ; но она внушала народу меньше уваженія къ себѣ, чѣмъ импровизированныя залы генеральныхъ штатовъ и Національнаго собранія; она не была залой перваго народнаго движенія; въ ней не раздавался, какъ въ Манежѣ, голосъ Мирабо.

16.

Между тѣмъ часть отъ часу увеличивалась опасность, грозившая республикѣ. Вандея возсталла, поднявъ противореволюціонное знамя. Сантерръ сталъ во главѣ парижскихъ батальоновъ, которые отправлялись прекратить гражданскую войну. Кюстинъ, отступившій къ Ландау, съ трудомъ могъ прикрыть Рейнскую границу. Вурмсеръ и принцъ Кондэ осадили Майнцъ. Марсель, Бордо, Тулонъ, Ліонъ и Нормандія волновались.

Буржуазія, банкиры, богатое купечество, литераторы, артисты, собственники почти всѣ принадлежали къ умѣренной партіи, стремившейся обуздать анархистовъ. Они обѣщали ораторамъ Жиронды предоставить въ ихъ распоряженіе цѣлую армію для борьбы съ предмѣстными. Обѣ партіи, почти одинаково увѣренныя въ своемъ успѣхѣ, желали, чтобы наступилъ рѣшительный день, который долженъ былъ избавить ихъ отъ ихъ враговъ. Угрожающій адресъ, посланный городомъ Бордо, далъ случай Горѣ и Жирондѣ помѣяться силами и посчитаться въ засѣданіи 14-го мая. „Законодатели, говорилъ ораторъ города Бордо:—Жиронда видитъ опасность, угрожающую ея депутатамъ. Она знаетъ, что двадцать два изъ ея представителей приговорены къ смерти. Національный Конвентъ и вы, парижане, спасите представителей народа или мы всѣ бросимся въ Парижъ! Мы не считаемъ революцію анархіей, разрушеніемъ, преступленіемъ, убійствомъ. Мы всѣ скорѣе погибнемъ, чѣмъ подчинимся власти разбойниковъ и убійцъ!“

Собраніе съ ужасомъ слушало эти угрозы. Гора видѣла въ нихъ вліяніе Гаде и Верньо. Президентъ рѣшился отвѣтить на эти требованія рѣчью, въ которой призывалъ къ отмщенію за осужденныхъ жирондистовъ. „Подите, сказали онъ:—успокойте вашихъ согражданъ; скажите, что въ Парижѣ есть еще много гражданъ, которые готовы слѣдить за негодями, подкупленными Питомъ, чтобы держать въ подчиненіи народное собраніе! Если бы на развалинахъ республики появились новые тираны, то вы должны были бы взять на себя инициативу возстанія, и негодующая Франція возстанетъ вмѣстѣ съ вами“.

Лежандръ возмутился этой „петиціей, подсказанной и выпрошенной вѣроломными депутатами, которые, не получивъ ни одной царапины, жаловались, что ихъ хотятъ убить“.

„Граждане“, сказалъ Гаде: — я взомель на трибуну не для того, чтобы защищать бордосцевъ; бордосцы не нуждаются въ защитѣ! Если вы не отправите на эшафотъ эту горсть убійцъ, замышляющихъ все новыя и новыя преступленія противъ представителей народа, то, департаменты нападутъ на Парижъ!“—Тѣмъ лучше! подышались голоса среди Горы:—намъ только того и надѣ! — „Вчера, продолжалъ Гаде: — якобинцамъ было предложено, прежде чѣмъ отправиться въ Вандею, истребить всѣхъ насъ, и это предложеніе убійцъ

было покрыто аплодисментами. Говорятъ уже о томъ, что пора положить конецъ республикѣ! Ахъ! безъ сомнѣнія скоро и Парижъ пойметъ, что такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не можетъ. Паденія республики хотятъ только тѣ, кто стремится уничтожить Конвентъ и предать смерти часть его членовъ. Неужели вы думаете, что департаменты спокойно будутъ смотрѣть, какъ ихъ представители безнаказанно падутъ отъ руки убійцъ? И отъ насъ требуютъ, чтобы мы заранѣе показали свои раны? Но Катилина именно въ такомъ родѣ отвѣтилъ Цицерону: „Покушаются на вашу жизнь? сказалъ онъ сенаторамъ:—Но вѣдь всѣ вы живы!“ И что же, Цицеронъ и сенаторы пали подъ ударами убійцъ въ ту самую ночь, когда этотъ измѣнникъ сказалъ имъ свою рѣчь“.

Рѣчи, раздававшіяся въ Конвентѣ, отличались уклончивостью. Инаръ былъ избранъ президентомъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Это избраніе удвоило вѣру Жиронды въ свои силы; Гора видѣла въ немъ объявленіе войны, и даже умѣренные смотрѣли на него, какъ на вызовъ.

Инаръ, человѣкъ крайностей, былъ неводержанъ въ рѣчахъ. Это былъ фанатикъ Жиронды, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ партіи выбираютъ своимъ главой въ минуту опьяненія своимъ успѣхомъ или когда страхъ увлекаетъ ихъ къ безразсудству и они забываютъ осторожность, въ которой заключается спасеніе партій. Верно, сдержанность котораго равнялась его силѣ, съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на это избраніе. Онъ чувствовалъ, что имя Инара оттолкнетъ многихъ, желавшихъ примкнуть къ Горѣ. Верно даже въ минуты самыхъ краснорѣчивыхъ импровизаций сохранялъ хладнокровіе. Онъ зналъ, какое могущественное вліяніе имѣютъ доводы массы, и даже въ порывѣ увлеченія всегда поступалъ ловко и обдуманно. Онъ хотѣлъ поставить между двумя крайними партіями Конвента здравомыслящее большинство, проникнутое патріотизмомъ, способное ослабить удары, которые собирались нанести другъ другу обѣ крайнія партіи. Каждый день президентства Инара былъ ознаменованъ бурей и кончался катастрофой.

Въ первый день, во время засѣданія 9-го мая, секціи города Парижа потребовали освобожденія нѣкоего Ру, противозаконно арестованнаго по приказанію революціоннаго комитета секціей Добраго Совѣта. „Партія приверженцевъ государственныхъ мужей, воскликнулъ Маратъ:—хочетъ поддержать въ лицѣ этого человѣка антиреволюціонеровъ“.—„Что же, наконецъ, мы такое, возразилъ ему Мазюеръ:—свободная республика или народный деспотизмъ? Какъ! Безъ суда и слѣдствія, среди ночи, арестовали гражданина у его очага, и мы потерпимъ это!“ Отдается приказъ освободить Ру. Лежандръ встаетъ и требуетъ, чтобы это постановленіе было вотировано, для того чтобы народъ узналъ имена покровителей заговорщиковъ. Голосованіе было потребовано еще пятидесятью членами Горы. Президентъ воспротивился этому и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Два часа продолжалось сильное волненіе, во время котораго не смолкали крики на Горѣ и въ трибунахъ. Верно требуетъ, чтобы члены засѣданія были распушены, а копіи протокола отправлены въ департаменты. Кутонъ, замѣститель Робеспьера, хочетъ говорить съ своего мѣста. Жирондисты противятся этому. Кутонъ объясняетъ, что вслѣдствіе болѣзни ногъ онъ не можетъ подняться на кафедру. Жирондисты не желаютъ сжалиться даже надъ его недугъ-

гомъ. Тогда депутатъ Моръ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, поднимаетъ на руки Кутона и относитъ его на трибуну. Присутствующіе аплодируютъ. „Меня обвиняютъ въ томъ, что я анархистъ и взволновалъ свой департаментъ, говоритъ Кутонъ: — Ахъ! если бы единственные виновники ужасовъ, которые здѣсь происходятъ, были такъ же искренни и чисты, какъ я, они тотчасъ взошли бы на трибуну и отдали бы себя на судъ своихъ департаментовъ, подавъ вмѣстѣ со мною свою отставку“. Кутона при громѣ аплодисментовъ переносятъ на его мѣсто.

Верньо, долго сидѣвшій молча и неподвижно, наконецъ встаетъ. Онъ возстановляетъ факты и доказываетъ, что арестованный субъектъ былъ заключенъ вопреки всѣмъ законамъ. „Что же касается доктрины Кутона о большинствѣ и меньшинствѣ, прибавляетъ Верньо:—то онъ ошибается. Впрочемъ, я не признаю постоянного господства большинства; по-моему оно должно быть тамъ, гдѣ разумъ и истина; мѣсто ему не намѣчено ни направо, ни налево; но гдѣ бы оно ни находилось—преступно возставать противъ него. Кутонъ говоритъ: „предположимъ, что большинство составляютъ негодяи“, а я говорю: „предположимъ, что меньшинство состоитъ изъ негодяевъ“, и это предположеніе столь же вѣроятно, какъ и первое; предположимъ, что меньшинство жаждетъ власти, господства, добычи; предположимъ, что оно хочетъ основать свое могущество на беспорядкѣ и анархіи, не очевидно ли, что большинство въ такомъ случаѣ не имѣетъ средства оградить свободу отъ насилія, и мало-по-малу меньшинство можетъ перейти отъ децемвировъ къ триумвирамъ и даже къ королевской власти. Кутонъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ считаютъ виновниками междоусобій, подали въ отставку. Граждане, мы всѣ прикованы къ нашему посту данными нами клятвами и опасностью, въ которой находится наше отечество. Тѣ, кто удалились бы только ради того, чтобы избѣжать подозрѣній, поступили бы какъ трусы!“ Ночь прекратила грозу.

Въ слѣдующее засѣданіе она возобновилась. Гора съ криками продолжала настаивать на томъ, что во всѣхъ вопросахъ меньшинство имѣетъ право требовать голосованія. „Когда въ Англіи, говорилъ Гаде: — хотѣли распустить „долгій парламентъ“, были пущены въ ходъ такіе же мѣры: меньшинство возстановили противъ большинства для того, чтобы оно одержало верхъ надъ большинствомъ. И знаете ли вы, что произошло? Меньшинство дѣйствительно побѣдило большинство. Оно призвало себя на помощь „чрезвычайныхъ патріотовъ“ (они сами себя такъ называли), дикую толпу, которой оно обѣщало разрѣшить грабительство и раздѣлъ земель. Палачъ Придъ (намекъ на Лежандра) ихъ именемъ очистилъ парламентъ. Сто пятьдесятъ членовъ были изгнаны, а меньшинство, состоявшее изъ шестидесяти патріотовъ, осталось господствовать надъ государствомъ. Эти „чрезвычайные патріоты“, орудіе Кромвеля, были въ свою очередь изгнаны имъ. Ихъ собственные преступленія послужили похитителю престола предлогомъ для ихъ изгнанія. Однажды онъ явился въ парламентъ и обратился къ этимъ мнимымъ спасителямъ отечества: „Ты воръ“, сказалъ онъ одному изъ нихъ:—„ты пьяница!“ сказалъ онъ другому: „Ты обогатился на общественный счетъ! Ты посягаешь на предосудительныя мѣста. Убирайтесь! Уступите мѣсто порядочнымъ людямъ“. Они удалились, а Кромвель

сталъ править государствомъ! Граждане! подумайте: развѣ насъ не хотятъ заставить разыграть теперь этотъ послѣдній актъ англійской исторіи?“

17.

Слова Гаде были прерваны волненіемъ, поднявшимся на трибунахъ, занимаемыхъ женщинами. Марать, указывая на писателя умѣренной партіи, по имени Бонвилля, присутствовавшего на засѣданіи, воскликнулъ: „Это безчестный аристократъ, посредникъ Фоше!“— „Это заявленіе Марата, кричитъ Лантенасъ, другъ госпожи Роланъ:—равносильно убійству. Это ты, прибавляетъ онъ, показывая Марату кулакъ:—аристократъ, потому что ты не перестаешь агитировать въ пользу контръ-революціи, проповѣдуя грабежъ и убійство!“— Граждане, взволнованнымъ и торжественнымъ голосомъ говоритъ президентъ Инаръ:—то, что здѣсь происходитъ, открываетъ мнѣ глаза! Народъ! законодатели! слушайте! Аристократія, Англія, Австрія и Питтъ пустили въ ходъ подкупъ, чтобы вызвать эти волненія! (Слышится ропотъ). Только враги отечества могутъ прервать меня. О! если бы вы могли раскрыть мое сердце, то вы увидѣли бы, какой любовью оно перенасыщено къ отечеству! И если бы суждено было, чтобы меня убили на этомъ креслѣ, то мой послѣдній вздохъ былъ бы за него и послѣднія слова мои были бы: „Боже, прости моихъ убійцамъ и спаси свободу моей родины!“ Такъ какъ наши враги могутъ одержать надъ нами побѣду только при нашей помощи, то они замышляютъ народное возстаніе. Возстаніе должны начать женщины. Хотятъ распустить Конвентъ. Англичане воспользуются моментомъ, чтобы распустить Конвентъ, и дѣло контръ-революціи будетъ сдѣлано. Вотъ ихъ планъ, я узналъ о немъ сегодня. Эти волненія подтверждаютъ его. Я обязанъ былъ сообщить о немъ своему отечеству, и я это исполнилъ. Я жду хода событій. Совѣсть моя чиста“.

Большинство собранія аплодируетъ этому намеку на виновниковъ волненій. Верно требуетъ, чтобы рѣчь Инара была напечатана и расклеена по Парижу. „Объявимъ, восклицаетъ Меольдъ:—что мы не разойдемся и умремъ вмѣстѣ!“— „Да, да!“ въ одинъ голосъ отвѣчаетъ Конвентъ. Гамонъ, одинъ изъ инспекторовъ залы, заявляетъ, что комитетъ, которому поручено слѣдить за порядкомъ на трибунахъ, предупрежденный о безпорядкахъ, произведенныхъ женщинами, распорядился схватить нѣкоторыхъ изъ нихъ и допросить.

Гаде пользуется этимъ смятеніемъ и негодованіемъ. „Пока порядочные люди скорбятъ объ опасностяхъ, которымъ подвергается отечество, негодяи составляютъ заговоры, чтобы погубить его. „Пусть ихъ говорятъ“, говаривалъ Цезарь: „а я буду дѣйствовать“. Гаде сообщаетъ собранію о планахъ распустить Конвентъ, о сборищахъ заговорщиковъ въ мэріи, въ архіепископствѣ, у якобинцевъ, объ угрозахъ умертвить бриссотинцевъ, роландистовъ и умѣренныхъ; наконецъ о волненіи женщинъ въ трибунахъ, имѣвшемъ цѣлью дать предлогъ и сигналъ къ началу избіенія. „Докопѣ, граждане, будете вы спать на краю пропасти? Поспѣшите разрушить заговоры, оупутывающіе васъ со всѣхъ сторонъ! До сихъ поръ заговорщики 10-го марта еще не наказаны. Все зло заключается въ анархіи, въ этомъ возстаніи парижскихъ властей противъ Конвента, анархическихъ властей, которыхъ необходимо...“ Взрывъ негодованія трибунъ, перепол-

ненных агентами Коммуны, заглушаетъ послѣднее слово Гаде. Гора разражается жестами и словами, выражающими ея ярость. Невозмутимый Гаде читаетъ среди глубокой тишины три проекта декрета, предложенныхъ жирондистами, которые должны открыть атаку противъ Коммуны и снова подчинить государство закону. „Представители власти въ Парижѣ пали.—Муниципалитетъ черезъ двадцать четыре часа будетъ замѣненъ представителями секцій.—Наконецъ выборные отъ собранія соберутся въ Буржѣ, чтобы образовать національное собраніе тамъ, куда не можетъ достигнуть насиліе Парижа и гдѣ могутъ сосредоточиться представители революціонной власти, какъ только они услышатъ о покушеніи на свободу дѣйствій Конвента“.

18.

При чтеніи этихъ постановленій Колло д'Эрбуа воскликнулъ: „Наконецъ то заговоръ разоблаченъ самими зачинщиками его!“ Бареръ, человѣкъ крайне фальшивый, начинаетъ говорить въ качествѣ представителя комитета Общественнаго спасенія. „Правда, говоритъ онъ: — въ департаментахъ существуетъ планъ начать смуты съ цѣлью ниспровергнуть республику, но въ немъ принимаетъ участіе одна только аристократія. Правда, Шометтъ и Геберъ аплодировали предложенію Коммуны распустить Конвентъ. Правда, избиратели, собравшіеся въ числѣ восьмидесяти четырехъ человѣкъ въ Архіепископствѣ, обсуждаютъ средства очистить національное собраніе. Мы уже предупредили объ этомъ парижскаго мэра, Паша. Наконецъ, вѣрно и то, что люди, собравшіеся въ извѣстномъ мѣстѣ, изыскиваютъ средства погубить двадцать два члена Конвента и намѣрены совершить это посредствомъ женщинъ. Все это, конечно, заслуживаетъ вашего вниманія и должно вызвать вашу бдительность“. Правая сторона аплодируетъ. Но Бареръ, обратившись къ Горѣ, продолжаетъ: „Что же, однако, предлагаетъ вамъ Гаде? Уничтожить власть въ Парижѣ! Если бы я и желалъ анархіи, я поддержалъ бы это предложеніе. (Гора въ свою очередь аплодируетъ). Вы дали мнѣ возможность увидѣть вблизи этихъ представителей власти. И что же я увидѣлъ? Слабый и малодушный департаментъ, секцій, которыя управляются самостоятельно, подобно многимъ маленькимъ муниципалитетамъ, общинный совѣтъ коммуны, гдѣ засѣдаетъ человѣкъ, по имени Шометтъ, гражданскія добродѣтели котораго мнѣ неизвѣстны, но который раньше былъ монахомъ; я видѣлъ коммуну, по произволу толкующую и примѣняющую законы и создавшую революціонную армію. Какое средство можно употребить противъ такого положенія дѣлъ? Комитетъ общественнаго спасенія видитъ единственное средство—это образовать комитетъ изъ двѣнадцати выбранныхъ изъ вашей среды членовъ, которымъ должно быть поручено принятіе мѣръ, необходимыхъ для общественнаго спокойствія, и провѣрка дѣйствій коммуны“.

19.

Эта рѣчь успокоила волненіе, повидимому отсрочивъ приведеніе въ исполненіе предложеній Гаде, но въ то же время оставивъ жирондистамъ увѣренность, въ побѣдѣ благодаря избранію двѣнадцати комиссаровъ изъ среды ихъ членовъ. Какъ всегда бываетъ въ крайнихъ случаяхъ, жирондисты не выбрали

умѣренныхъ людей, какъ-то: Верньо, Дюко, Кондорсе. Въ составъ комисіи Двѣнадцати вошли: Буало, Лагодиньеръ, Виже, Вуйе-Фонфредъ, Рабо Сень-Этьеннъ, Кервелеганъ, Сень-Мартенъ-Валонъ, Гомеръ, Генрихъ Ларивьеръ, Бергуанъ, Гардьенъ, Молево. Гора и народъ подозрѣвали большинство этихъ лицъ въ роялизмъ. Эти члены способны были бы произвести государственный переворотъ. Комиссія Двѣнадцати желала бы произвести его, но у нея не хватало на это силъ.

Какъ только въ Парижѣ узнали о побѣдѣ, одержанной жирондистами въ Конвентѣ, во всѣхъ секціяхъ и клубахъ поднялся крикъ и тревога. Коммуна собралась 19-го. Въ ней громко обсуждались самыя крайнія мѣры. Конвентъ объявили поработленнымъ и неспособнымъ спасти отечество; предложили арестовать подозрительныхъ лицъ, потребовали головы двадцати-двухъ жирондистовъ, главенствующихъ въ Конвентѣ; рѣшили даже предложить ночное убійство и избіеніе по одиночкѣ двадцати двухъ тирановъ, какъ законную мѣру, необходимую для народнаго блага. Одинъ ораторъ привелъ въ примѣръ Варооломеевскую ночь. „Въ полночь, сказалъ онъ:—Колины былъ при дворѣ, а въ часть утра его уже не было въ живыхъ!“ Разошлись, ничего не рѣшивъ, если не считать рѣшимости отомстить.

20.

Мэръ Пашъ очутился между закономъ и народомъ; измѣняя одному и льстя другому, онъ исполнялъ двойныя обязанности—мэра и бунтовщика. Онъ громко возставалъ противъ крайнихъ мѣръ, къ которымъ втихомолку совѣтовалъ прибѣгнуть. Поставленный благодаря занимаемому имъ посту между Конвентомъ и Парижемъ, онъ былъ въ одно и то же время агентомъ одного и подстрекателемъ другого. Гаде, потребовавъ отставки Паша, поразилъ анархію въ самое сердце. Комиссія Двѣнадцати могла только слѣдить за его заговорами, но была не въ силахъ разрушить ихъ.

Пашъ бранилъ громко, а поощрялъ втихомолку. Робеспьеръ довольствовался тѣмъ, что стоналъ передъ якобинцами. Въ партіи кордельеровъ Марать, Варле, даже женщины требовали смерти двадцати двухъ тирановъ. Толпа, тѣснившаяся по вечерамъ въ залахъ и около клубовъ, каждую минуту готова была начать волненіе.

Комиссія Двѣнадцати, ежечасно извѣщаемая о настроеніи умовъ, изыскивала мѣры однимъ ударомъ положить конецъ волненію. Но всѣ мѣры оказывались ненадежными. Она требовала отъ мэра Паша одного предписанія велѣть за другимъ и даже сама готовила докладъ Конвенту, чтобы подѣйствовать на него страхомъ и заставить его дѣйствовать рѣшительно. Но въ подобныхъ обстоятельствахъ трусливые по природѣ и нерѣшительные люди желаютъ, чтобы имъ помогли, а не требовали помощи отъ нихъ. Къ нимъ надо являться уже послѣ побѣды. Они всегда одобрятъ ее. До и во время сраженія они способны только помѣшать одержать побѣду.

21.

Виже отъ имени комисіи Двѣнадцати прочелъ докладъ отъ 24 числа Собранію. Каждое слово, подобно удару набата, призывало Конвентъ къ спасенію его членовъ.

„Вы учредили чрезвычайную комиссію и облекли ее огромной властію. Вы чувствовали, что она—послѣднее средство спасти отечество во время бури. (При чтеніи этихъ словъ начинается смѣхъ на Горѣ). Мы поклялись, продолжайте читать Виже: —спасти свободу или погибнуть вмѣстѣ съ нею. На первыхъ же порахъ, мы открыли страшный заговоръ противъ республики и противъ вашей жизни. Еще нѣсколько дней и республика погибла бы и васъ не было бы въ живыхъ. (Смѣхъ сомнѣнія усиливается на Горѣ). Если мы не докажемъ своихъ словъ, то мы должны сложить свои головы на эшафотѣ...“

Центръ и правая аплодируютъ. Виже читаетъ цѣлый рядъ скорѣе полицейскихъ, чѣмъ политическихъ мѣръ, повидимому жестокихъ, но на самомъ дѣлѣ безполезныхъ. „Конвентъ принимаетъ подъ свою защиту добрыхъ гражданъ, народное представительство города Парижа. Гражданъ будутъ просить собираться аккуратно на собранія. Почтовый персоналъ Конвента будетъ усиленъ. Собранія секцій будутъ закрываемы въ десять часовъ вечера. Конвентъ обязываетъ комиссію Двѣнадцати непрестанно докладывать ему о чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя могутъ поддержать общественную безопасность“.

22.

Таковы были постановленія: слишкомъ слабыя, если опасность была велика; стѣснительныя, если опасность не существовала. Это былъ вызовъ, но не съ тѣмъ, чтобы вступить въ битву, угроза, но не съ желаніемъ нанести ударъ. Жирондисты прекрасно знали, что въ Конвентѣ, исключая Марата, не было другого Кромвеля, также какъ не было и заговора произвести убійства; что Дантонъ и Робеспьеръ держались въ сторонѣ отъ интригъ Паша, Шометта, Гебера, которыя они затѣвали въ коммунѣ, а также и отъ заговора Архіепископскаго клуба; но, подобно всѣмъ другимъ партіямъ, они хотѣли свои подозрѣнія обратить въ преступленія и навлечь на своихъ враговъ въ Конвентѣ народное негодованіе, которое долженъ былъ возбудить въ добрыхъ гражданахъ проектъ совершить убійства. Едва Виже кончилъ говорить, какъ поднялся Маратъ и просилъ мотивировать предложеніе принятія этихъ мѣръ, основанное, по его словамъ, на хищническихъ страхахъ и пустой выдумкѣ; онъ заявилъ, что ему извѣстно существованіе только одного заговора во Франціи, а именно того, который обсуждается въ тайныхъ собраніяхъ государственныхъ мужей, собирающихся у Валазе. „Я хочу, чтобы намъ объяснили! говоритъ Тиріонъ: — Одни говорятъ намъ, что существуетъ заговоръ анархистовъ. Маратъ обвиняетъ въ заговорѣ государственныхъ мужей. Я боюсь, чтобы эти государственные мужи не начали процесса противъ революціи 10-го августа, подобно тому, какъ, передъ 10 августа, хотѣли начать процессъ противъ первой революціи. Гдѣ преступленія? Кто виновные?“

Собраніе недоумѣвало. Одинъ членъ партіи Горы встаетъ и заявляетъ, что ему говорилъ какой-то гражданинъ, что одинъ изъ членовъ комиссіи Двѣнадцати сообщилъ ему, будто не дальше какъ черезъ двѣ недѣли якобинцы будутъ истреблены. „А мнѣ, возражаетъ на это Верньо:—пипуть изъ разныхъ мѣстъ республики, что эмиссары повсюду распространяютъ слухи, что я и мои друзья умремъ черезъ нѣсколько минутъ“. Слова Верньо оспариваются Горой. Боле-Фонфредъ, которому заранѣе было поручено комиссіей Двѣнадцати поддерживать ихъ донесеніе и ускорить изданіе декрета, взбѣгаетъ на трибуну.

23.

„До чего мы дошли, граждане? говорить онъ:—неужели вы со вчерашняго дня потеряли память? Развѣ вы не объявили только что, что представители секцій Парижа, явившіеся предупредить васъ объ опасности, заслуживаютъ благодарность отечества? Развѣ самъ парижскій мэръ не указалъ вамъ на этихъ людей, имѣющихъ только обликъ человѣческой, желавшихъ убить насъ? Развѣ ваши попирты не покрыты и ваши руки не полны этими донесеніями? И намъ не хотять позволить принять мѣръ противъ безопасности гражданъ Парижа и нашей собственной? Ахъ! тѣ, кто противятся этому, неужели не боятся, что они скоро предстанутъ передъ Франціей обгащенные кровью своихъ сотоварищей? Нашъ декретъ клеветаетъ на Парижъ? Но развѣ мы не просимъ, чтобы насъ окружили граждане Парижа? развѣ не гражданъ Парижа мы хотимъ вооружить противъ убійцъ? Наши заговоры—химера? говорятъ Маратъ и Тиріонъ. Граждане! тѣ, кого присудили къ смерти, сами выдаютъ себя на жертву клеветѣ. Они будутъ охранять васъ, подобно тому, какъ вы должны охранять свободу. Они еще дышатъ и это ради нея. Ахъ! спасите Парижъ! спасите республику! Взгляните на наши департаменты! Они всѣ поднялись! Они вооружены! Республика падетъ, если вы одни во Франціи потеряете мужество! Да, если погибнуть дорогіе мои товарищи, то я не переживу ихъ? Если я не могу раздѣлить съ ними ихъ почетнаго изгнанія, по крайней мѣрѣ я погибну вмѣстѣ съ ними! Въ день покушенія, я объявлю съ этой же самой трибуны о пагубномъ разрывѣ, быть можетъ роковымъ для всѣхъ, но необходимомъ, когда оскорблено то, что есть самаго священнаго на землѣ. Да, я объявлю это во всеуслышаніе; департаменты не останутся глухи къ моимъ словамъ, а свобода найдетъ себѣ убѣжище!“ Этому намеку на союзъ департаментовъ аплодируютъ три четверти залы. „Граждане! продолжаетъ Фонфредъ, увлеченный, повидимому любовью къ сотоварищамъ:—Души нашихъ обреченныхъ гибели товарищей улетятъ въ сопровожденіи многихъ другихъ! Листы, въ которые вписаны имена осужденныхъ на смерть, уже готовы! Десять тысячъ парижскихъ гражданъ должны были быть арестованы и умерщвлены! Граждане Парижа! Дѣло осужденныхъ на смерть вашихъ представителей касается и васъ! Проснитесь! Защищайтесь!“

24.

Собраніе, увлеченное этимъ потокомъ краснорѣчія и мужества, приготовилось поставить на голосованіе первый параграфъ. Дантонъ медленно всходитъ по ступенямъ трибуны и старается подъ притворнымъ хладнокровіемъ скрыть свою нерѣшимость. Невозможно отрицать только что представленнаго опасности. Поддерживать жирондистовъ значило бы сдѣлаться непопулярнымъ; погубить ихъ—значитъ предоставить диктатуру Робеспьеру, котораго онъ страшится, или Марату, котораго онъ ненавидитъ.

„Этотъ параграфъ, говоритъ Дантонъ:—не заключаетъ въ себѣ ничего дурного. Конечно, народное представительство должно находиться подъ охраной націи, но вѣдь объ этомъ трактуютъ всѣ законы. Постановитъ то, что вамъ предлагаютъ, значить объявить себя трусами! Неужели Національный Конвентъ

можетъ объявить республикѣ, что имъ овладѣлъ страхъ? Парижъ оклеветали. Пашъ, котораго вы обвиняете въ томъ, что онъ не далъ вамъ отчета, явился предупредить Комитетъ общественнаго спасенія. Довольно и существующихъ законовъ. Берегитесь поддаться страху. Не дадимъ страстямъ овладѣть нами. Берегитесь, чтобы, образовавъ комиссію, долженствующую открыть заговоры, которые составляются въ Парижѣ, васъ не заставили затѣмъ образовъ вторую, чтобы обнаружить преступленія тѣхъ, кто волнуетъ умы въ департаментахъ!“

25.

Дантонъ кончилъ. Встаетъ Верньо. „Я буду говорить, сказалъ онъ:—съ меньшимъ хладнокровіемъ, чѣмъ Дантонъ, хотя я заинтересованъ въ заговорѣ лично и хочу убѣдить людей, намѣреющихся убить меня, что я не страшусь ихъ! Дантонъ сказалъ, что не слѣдуетъ клеветать на Парижъ, допуская возможность существованія этихъ заговоровъ! Если это обвиненіе относится ко всему Конвенту, то это клевета! Если оно относится только къ тѣмъ, которые, подобно намъ, не переставали повторять, что надо отличать гражданъ Парижа отъ кучки негодяевъ, пріотившейся въ этомъ огромномъ городѣ, которая одна только виновна въ преступленіяхъ, запятнавшихъ революцію, и что граждане сѣтовали объ этомъ, да въ такомъ случаѣ оклеветали Парижъ, но кто? негодяи, которые для того, чтобы быть увѣренными, что ихъ не постигнетъ кара за ихъ преступленія, имѣли нахальство вмѣшаться въ народъ!

„Дантонъ говоритъ вамъ: „Не показывайте страха, недостойнаго васъ“. Обсудимъ однако, граждане! Какъ люди, мы не должны думать о своей жизни; но, какъ представители народа, вы несете обязательство передъ отечествомъ, которому грозитъ опасность, принять чрезвычайныя мѣры предосторожности. Вамъ предлагаютъ дѣйствовать съ умѣренностью, потому что дѣло касается вашей личной безопасности; а я скажу вамъ на это: именно потому, что дѣло идетъ о вашей личной безопасности, надо дѣйствовать быстро и энергично. Если вы мужественно не уничтожите грозящую вамъ опасность, если вы не оградите отъ опасности не только вашу жизнь, но и вашу независимость, вы измѣните отечеству, вы предадите народъ, вы погубите единство республики! Не тотъ страшится, кто защищается противъ убійцы, и не человѣкъ, наказывающій преступленіе, питаетъ страхъ, а тотъ, кто предоставляетъ ему торжествовать и царить“. Верньо разбираетъ затѣмъ по статьямъ весь декретъ и доказываетъ его основательность. „Граждане! продолжаетъ онъ:—вотъ что одна изъ преданныхъ вамъ секцій сказала въ судѣ: „Дерзайте быть страшными или вы погибнете“. Идите прямо навстрѣчу вашимъ врагамъ и вы увидите, какъ они обратятся въ прахъ! Если вы желаете трусливо ждать, пока они придутъ и вонзятъ вамъ въ грудь ножъ, объявите это громко! Ваша смерть будетъ отомщена. Наши департаменты возстали. Безъ сомнѣнія свобода выйдетъ побѣдительницей полѣ новыхъ грозъ, но можетъ случиться и такъ, что, окровавленная, она отправится искать убѣжища въ южныхъ департаментахъ. Спасите вашей твердостью единство республики. Если же у васъ на это не хватаетъ смѣлости, то откажитесь отъ вашихъ должностей и просите Францію назначить вамъ преемниковъ, болѣе достойныхъ ея довѣрія“.

Собрание, назлектризованное этими словами, приняло декретъ, предложенный комиссией Двѣнадцати.

Жирондисты поспѣшили воспользоваться оружіемъ, которое они только что вырвали. Въ девять часовъ вечера, Геберъ, одинъ изъ членовъ Коммуны, получилъ приказъ явиться въ комиссію. Совѣтъ Коммуны засѣдалъ непрерывно; Геберъ летитъ туда, прежде чѣмъ отправиться исполнить приказаніе Конвента. Онъ пытается возбудить негодованіе Коммуны противъ новой тираніи. Онъ напоминаетъ своимъ сообщникамъ, что они дали клятву стоять за общее дѣло и считать ударъ, нанесенный одному изъ нихъ, покушеніемъ противъ всѣхъ остальныхъ; онъ объявляетъ, что напоминаетъ объ этомъ не ради себя, такъ какъ готовъ снести свою голову на эшафотъ. Онъ выходитъ, снова возвращается, обнимаетъ Шометта, какъ человѣкъ, идущій на смерть. Президентъ и члены Совѣта сжимаютъ Гебера въ объятіяхъ. Минуту спустя Шометтъ объявляетъ, что Мишель и Марино, два полицейскихъ чина, только что арестованы по приказу комиссіи Двѣнадцати. Напуганный Совѣтъ объять ужасомъ и возмущенъ. Депутации отъ разныхъ секцій являются одна вслѣдъ за другой въ зданіе магистрата для выраженія сочувствія Коммунѣ и клянутся отомстить ея врагамъ. Каждый часъ Совѣтъ посылаетъ своихъ депутатовъ въ комиссію Двѣнадцати, чтобы освѣдомиться о судьбѣ Гебера и его арестованныхъ товарищей. Въ полночь объявляютъ, что Гебера допрашиваютъ; въ два часа, что допросъ его оконченъ; въ три часа узнаютъ объ арестѣ Варле, одного изъ самыхъ пылкихъ ораторовъ партіи кордельеровъ; въ четыре часа поднимается общій крикъ негодованія при извѣстии объ окончательномъ арестѣ Гебера, котораго комиссія Двѣнадцати отправила къ Аббатство.

На слѣдующій день газеты распространили по всему Парижу воззваніе о мести, къ которой призывалъ совѣтъ Коммуны. Они напечатали письмо Верньо къ своимъ согражданамъ-жирондистамъ, въ которомъ вмѣсто числа стояло „Парижъ подъ ножомъ“. „Я писалъ вамъ вчера, говоритъ въ этомъ письмѣ Верньо:—удрученный не опасностью, которую я презираю, но вашимъ молчаніемъ. Я ожидаю своихъ враговъ и все еще увѣренъ, что заставлю ихъ поблѣднѣть. Говорятъ, что не сегодня-завтра они явятся ушиться кровью Національнаго Конвента; я сомнѣваюсь, чтобы они рѣшились на это, хотя ужасъ предалъ секціи во власть горсти злодѣевъ. Будьте готовы: если меня вынудятъ, я призову васъ съ трибуны или для того, чтобы защитить насъ, если еще будетъ не поздно, или чтобы отомстить за свободу, умертвивъ тирановъ. Граждане Жиронды, нельзя терять ни минуты!“

Опубликованіе этого письма, совѣщанія секцій, мрачныя новости, полученные ночью изъ Ванден и съ границъ, продѣлки Папа, раздраженіе якобинцевъ, кордельеровъ и Коммуны довели до послѣднихъ предѣловъ волненіе въ народѣ. Коммуна рѣшила подать петицію въ Конвентъ о немедленномъ преданіи суду Гебера. Эта петиція, переходившая изъ одной секціи въ другую,

подала поводъ къ самымъ ожесточеннымъ спорамъ; одни подписываютъ ее, другіе отвергаютъ, но большинство принимаетъ ее и даетъ клятву идти вмѣстѣ съ гражданами, которые осмѣлятся снести ее въ судъ. По пути шествіе увеличивается толпою, которую всегда привлекаетъ потокъ народнаго волненія. Подателей петиціи въ небольшомъ числѣ пропускаютъ въ залу. Предсѣдательствовалъ Инаръ. Его поведеніе свидѣтельствовало о рѣшимости его партіи. Только необходимость соблюдать достоинство предсѣдателя сдерживала пылъ его характера. Онъ устремилъ на подателей петиціи такой взглядъ, какимъ Цицеронъ смотрѣлъ на Катилину въ ту минуту, когда обдумывалъ свою безсмертную обвинительную рѣчь противъ римскаго заговорщика; онъ, повидимому, только ожидалъ его рѣзкихъ словъ, чтобы разгромить его во имя закона.

При первыхъ же словахъ, произнесенныхъ ораторомъ депутатиі, поднимается ропотъ на правой сторонѣ. Дантонъ, энергичнымъ требованіемъ молчанія, показываетъ, что беретъ подъ свое покровительство подателей петиціи. „Мы пришли, говорить ораторъ Коммуны:—донести вамъ о покушеніи на личность Гебера“.

Жирондисты негодуютъ при словѣ покушеніе.

„Да, продолжаетъ ораторъ:—Геберъ былъ схваченъ въ самомъ магистратѣ и отведенъ въ тюрьму Аббатства. Генеральный совѣтъ рискуя жизнью, будетъ отстаивать его невиновность. Мы требуемъ, чтобы онъ былъ намъ возвращенъ. Произвольные аресты для добродѣтельныхъ людей то же, что гражданскій вѣнецъ“. Трибуны и Гора раздражаются рукоплесканіями. Инаръ встаетъ и энергическимъ жестомъ прекращаетъ аплодисменты. „Уполномоченные народа, говоритъ онъ подателямъ петиціи:—Конвентъ, издавшій законъ о неприкосновенности правъ человѣка, не потерпитъ, чтобы гражданинъ остался въ оковахъ, если онъ не виновенъ. Вѣрьте, что вамъ не замедлятъ оказать правосудіе; но выслушайте, въ свою очередь, истины, которыя я хочу вамъ высказать. Франція учредила въ Парижѣ центральное народное представительство; необходимо, чтобы Парижъ уважалъ его. Если когда-нибудь Конвентъ будетъ уничтоженъ, если когда-нибудь одно изъ тѣхъ волненій, которыя непрерывно продолжаются начиная съ 10-го марта и о которыхъ представители вашего магистрата, прибавляетъ онъ, намекая на Паша:—ни разу не предупредили Конвентъ...“ Сильный ропотъ раздается на Горѣ. Равнина рукоплещетъ.

Инаръ спокойно продолжаетъ: „Если во время одного изъ этихъ непрекращающихся волненій будетъ сдѣлано покушеніе на народныхъ представителей, то, объявляю вамъ отъ имени всей Франціи...“—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! восклицаетъ Гора. Остальное собраніе встаетъ, чтобы поддержать своего президента, и триста членовъ кричатъ въ одинъ голосъ: „Да, да, да! говорите отъ имени всей Франціи“.—„Да, объявляю вамъ отъ имени всей Франціи, продолжаетъ Инаръ:—Парижъ будетъ уничтоженъ...“ Послѣднія слова Инара немедленно покрываются проклятіями Горы, свистками и стукомъ на трибунахъ. Жирондисты и ихъ друзья подтверждаютъ угрозы предсѣдателя, повторяя ихъ съ поднятой какъ бы для клятвы рукою. „Сойдите съ кресла, вопить Маратъ:—вы позорите собраніе, вы покровительствуете государственнымъ мужамъ“. Президентъ, не взглянувъ на Марата, доканчиваетъ свою фразу: „И скоро,

быть можетъ, будутъ искать на берегахъ Сены, существовалъ ли Парижъ!“ Дантонъ встаетъ негодуя, словно онъ услышалъ богохульство, и проситъ слова. Инаръ продолжаетъ: „Мечъ закона, съ котораго еще капаетъ кровь тирана, готовъ поразить каждаго, кто осмѣлится возвыситься надъ народнымъ представительствомъ“.

28.

Инаръ садится. Его замѣняетъ Дантонъ. „Много и даже слишкомъ долго клеветали на Парижъ. Что означаютъ эти проклятія председателя Парижу? Довольно странно, что намъ предсказываютъ опустошеніе Парижа департаментами въ случаѣ, если бы этотъ городъ провинился“...—Да, да, говорятъ жирондисты:—они такъ и сдѣлають.—„Я также знаю толкъ въ ораторскихъ фигуральныхъ выраженіяхъ, продолжаетъ Дантонъ:—Въ отвѣтъ председателя слышится чувство горечи. Къ чему предполагать, что когда-нибудь будутъ искать на берегахъ Сены, существовалъ ли Парижъ? Такія чувства не долженъ былъ бы высказывать президентъ Конвента! Онъ долженъ рисовать намъ только утѣшительныя перспективы. Хорошо, что республика знаетъ, что Парижъ никогда не измѣнитъ своимъ принципамъ; что, разрушивъ тронъ одного тирана, онъ никогда не возстановитъ его, чтобы посадить на него новаго деспота! Если въ той партіи, которая служить народу, есть виновные, то народъ сумѣетъ наказать ихъ. Обратите, однако, вниманіе на великую истину, что если бы пришлось выбирать между двумя крайностями, то лучше было бы броситься въ сторону свободы, чѣмъ вернуться къ рабству. Съ нѣкоторыхъ поръ патріотовъ преслѣдуютъ въ секціяхъ. Я знаю, какъ дерзки враги народа. Они недолго будутъ наслаждаться своими преимуществами. Народъ, выведенный изъ заблужденія, снова обратитъ ихъ въ ничтожество. Среди хорошихъ гражданъ есть слишкомъ пылкіе: къ чему вмѣнять имъ въ преступленіе энергію, которую они употребляютъ на служеніе народу? Если бы не было пылкихъ людей, не было бы и революціи. Я никого не хочу раздражать, потому что чувствую свою силу, защищая правду. Я не думаю, чтобы въ моей жизни нашли преступленіе. (Глухой ропотъ пробѣгаетъ по рядамъ Жиронды). Я требую, чтобы меня перваго предали революціонному суду, если меня находятъ виновнымъ. Я сказалъ все!“— „Не въ этомъ дѣло!“ кричатъ ему съ правой стороны. Дантонъ возвращается къ предмету своей рѣчи. „Надо объединить департаменты; надо остерегаться возбуждать ихъ противъ Парижа. Какъ! Парижъ, сломавшій желѣзный скипетръ, способенъ осквернить Кивотъ завѣта національнаго представительства, который былъ ему довѣренъ! Нѣтъ, Парижъ любитъ революцію; Парижъ заслуживаетъ объятій всей Франціи! Французскій народъ спасетъ себя самъ. Какъ только маска будетъ сорвана съ тѣхъ, которые прикидываются патріотами и служатъ оплотомъ аристократамъ, Франція возстанетъ и повергнетъ на землю своихъ враговъ“. Этотъ угрожающій намекъ Дантона, сдѣланный по адресу жирондистовъ, заставляетъ предвидѣть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ новый сентябрь.

29.

Однако ни Дантонъ, ни Робеспьеръ не думали объ убійствѣ своихъ противниковъ въ Конвентѣ. Дантонъ колебался принять какое-нибудь рѣшеніе. Робеспьеръ безмолвно наблюдалъ, такъ же какъ и передъ 10 августа событія, не волнуя и не сдерживая народъ. Въ засѣданіяхъ якобинцевъ, сдѣлавшихся малолюдными съ тѣхъ поръ, какъ борьба партій сосредоточилась въ Конвентѣ, рѣдко раздавался его голосъ.

Только наканунѣ мятежа, когда побѣда казалась вѣрною, Робеспьеръ разразился угрозами противъ комиссіи Двѣнадцати.

Его рѣчь утвердила секціи въ ихъ намѣреніяхъ. Предводители Коммуны соединились и назвалиcя Центральнымъ клубомъ или Союзомъ республиканцевъ. Они рѣшили заставить Коммуну взбунтоваться, призвать къ себѣ на помощь вооруженную силу и закрыть парижскія заставы до тѣхъ поръ, пока Конвентъ не дастъ правосудія народу. Анрію, которому было вручено общее начальствованіе вмѣсто Сантерра, ручался имъ за штыки. Анрію принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые выдвигаются изъ подонковъ общества въ дни волненій. Родившійся въ городскомъ округѣ Парижа, въ юности онъ принималъ участіе во всѣхъ подозрительныхъ профессіяхъ столицы; сначала былъ безчестнымъ лакеемъ, потомъ шарлатаномъ, вслѣдъ затѣмъ полицейскимъ шпиономъ; революція 1792 года открыла ему двери Бисетра, куда онъ былъ заключенъ за какой-то проступокъ. Онъ вышелъ оттуда, какъ нечистоты выходятъ изъ стоковъ, для того чтобы грязнить и заражать городъ. Съ виду смѣлый, но на самомъ дѣлѣ трусливый, онъ парадировалъ въ рядахъ осаждающихъ въ день 10-го августа, грабилъ послѣ побѣды и убивалъ въ тюрьмахъ. За отсутствіемъ подвиговъ, его преступленія обратили на него вниманіе большинства. Онъ былъ скорѣе коноводъ, нежели начальникъ арміи кварталовъ. Онъ дисциплинировалъ ихъ для анархіи.

30.

Анархія, волновавшая городскіе кварталы, ослабляла также и правительство. Комиссія Двѣнадцати не имѣла ни закона, ни вооруженной силы, чтобы заставить повиноваться себѣ. Коммуна, дѣйствительное правительство Парижа, то открыто, то тайно возмущалась противъ Конвента. Что же касается министровъ, то они не выходили изъ круга своихъ административныхъ обязанностей, будучи рабами и прислужниками комитетовъ, отъ которыхъ получали приказанія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Гара, одинъ только былъ обязанъ наблюдать за Парижемъ и за безопасностью Конвента. Но Гара, отрѣшенный отъ должности въ рѣшительную минуту, принадлежалъ къ людямъ, которые покоряются обстоятельствамъ. Другъ жирондистовъ въ глубинѣ своей души, онъ старался также пріобрѣсти случайную милость Дантона, Робеспьера и Горы; его поступки и слова носили печать той слабости, которая обнадеживаетъ обѣ партіи, но въ рѣшительный моментъ измѣняетъ болѣе правому ради болѣе счастливаго. Одинъ изъ такихъ жалкихъ людей всегда находится во главѣ тѣхъ партій, которыя должны погибнуть: они, подобно оружію плохой закалки, ломаются въ рукахъ того, кто хочетъ ими воспользоваться.

Въ засѣданіи 27-го числа Пашъ поручился за спокойствіе столицы и безопасность Конвента. Вслѣдъ за докладомъ, повергнувшимъ въ уныніе жирондистовъ, Маратъ потребовалъ упраздненія коммисіи Двѣнадцати, какъ бесполезной и вызывающей волненія. „Я веду войну не только противъ коммисіи Двѣнадцати. Если бы вся нація была свидѣтельницей вашихъ заговоровъ противъ свободы, сказалъ онъ, обращаясь къ Верньо и къ Гаде: — то она велѣла бы свести васъ на эшафотъ“. Депутаты кварталовъ явились просить о выдачѣ арестованныхъ гражданъ и дерзко требовали, чтобы члены коммисіи Двѣнадцати были преданы революціонному суду. „Граждане, отвѣчаетъ имъ президентъ Инаръ: — Собраніе прощаетъ вамъ ради вашей молодости“. При этихъ словахъ Гора негодуетъ. Робеспьеръ бросается на трибуну, но крики большинства заглушаютъ его голосъ. „Вы тирантъ! подлый тирантъ!“ кричитъ Маратъ Инару. — „Хотятъ по одиночкѣ перебить всѣхъ патріотовъ“, прибавляетъ Шарле. — „Въ Аббатство тирановъ!“ раздается со всѣхъ сторонъ. Конвентъ, раздѣлившійся на два лагерь, говоритъ только жестами и всѣ эти жесты, повидимому, служатъ вызовомъ одного члена собранія другому и одной партіи другой.

Голосъ Верньо на минуту покрываетъ шумъ. „Довольно пререканій, кричитъ онъ: — къ дѣлу! Пустимъ на голоса, чтобы узнать, надо ли созвать предварительныя собранія; это единственное средство въ нашемъ положеніи. Только Франція можетъ спасти Францію!“

Услышавъ голосъ Верньо, жирондисты встаютъ, собираются группами, показывая своимъ поведеніемъ и криками, что они принимаютъ это отчаянное предложеніе. Лежандръ и молодые монтаньяры согласны на обращеніе къ народу и также кричатъ: „Подавайте голоса по именамъ!“ Предсѣдатель собирается приступить къ голосованію.

Дрожа, чтобы поименное голосованіе не склонило побѣды на сторону жирондистовъ, Гора и патріоты трибунъ раздражаются проклятіями противъ Верньо. „Закроемъ засѣданіе!“ кричатъ умѣренные. Инаръ прерываетъ засѣданіе. Охрипшіе отъ крика голоса умолкаютъ. Дантонъ, казавшійся дотолѣ безучастнымъ, обращается къ жирондистамъ: „Объявляю вамъ, говоритъ онъ голосомъ, напоминающимъ ревъ пушки 10-го августа: — объявляю вамъ, что такое безстыдство начинается тяготить насъ“. Эти слова, знаменательныя въ устахъ человѣка, принимавшаго участіе въ сентябрьскихъ событіяхъ, покрываются рукоплесканіями трибунъ. На Горѣ раздаются требованія, чтобы они были внесены въ протоколъ засѣданія не какъ слова одиночнаго члена, но какъ мнѣніе цѣлой партіи. Дантонъ требуетъ и самъ того же, и движимый волненіемъ и толкаемый своими друзьями, всходитъ на трибуну. Молчаніе, котораго не могъ добиться Робеспьеръ, водворяется, когда Дантонъ появляется на трибунѣ. Робеспьеръ только голосъ народа, а Дантонъ — его поднятая рука. Всѣ ожидаютъ, какой ударъ онъ нанесетъ.

„Я объявляю, говоритъ Дантонъ: — Конвенту и всему французскому народу, что если будутъ продолжать держать въ оковахъ гражданъ, преступленіе которыхъ состоитъ единственно въ чрезмѣрномъ патріотизмѣ, если будутъ отказывать въ словѣ тѣмъ, кто хочетъ ихъ защищать, — я объявляю, что если здѣсь есть хоть сотня добрыхъ гражданъ, то мы будемъ бороться. — Да! да!

въ одинъ голосъ отвѣчаетъ ему Гора.—„Я объявляю, прибавляетъ онъ:—что отказъ въ словѣ Робеспьеру подлая тиранія! Комиссія Двѣнадцати обращаетъ оружіе, которое вы ей дали, противъ лучшихъ гражданъ! Французскій народъ разсудить!“

Дантонъ сходитъ съ трибуны. Тюрьо замѣняетъ его и осыпаетъ бранью дѣйствія и слова предсѣдателя. „Это онъ, говоритъ Тюрьо:—своими вызывающими раздраженіе отвѣтами старается разжечь пламя междоусобной войны въ Парижѣ; это онъ грозитъ столицѣ уничтоженіемъ! — „Президентъ! кричитъ Ланжюине Инару: — не унижайтесь до отвѣта“. Снова съ обѣихъ сторонъ раздаются требованія поименнаго голосованія или суда народа. Базиръ срывается съ своего мѣста и всходитъ по ступенямъ, которыя ведутъ къ креслу предсѣдателя. Нѣсколько жирондистовъ встаютъ и прикрываютъ собою Инара. „Я хочу вырвать у него изъ рукъ, говоритъ Базиръ: — сигналъ къ междоусобной войнѣ, написанный въ его отвѣтѣ подателямъ петиціи“. — „А я, говоритъ Бурдонъ де-л'Уазъ: — если у предсѣдателя хватаетъ дерзости вызывать междоусобную войну—убью его!“ Начинается поименное голосованіе. Его прерываетъ давка и шумъ огромной толпы, наполнившей коридоры Конвента. „Я тщетно старался выйти, говоритъ депутатъ Лидонъ: — мнѣ приставили остріе сабли къ груди“.

Гора обвиняетъ жирондистовъ, что они собрали около залъ Конвента преданные имъ роты солдатъ. Допрашиваютъ командира Раффе. Онъ заявляетъ, что выступилъ по приказанію своихъ начальниковъ и что въ ту минуту, когда онъ старался возстановить порядокъ въ коридорахъ, Марать приблизился къ нему съ пистолетомъ въ рукѣ и, приставивъ дуло къ его виску, угрожалъ выстрѣлить, если онъ не удалится. „Я отвелъ пистолетъ и исполнилъ свою обязанность“, прибавилъ офицеръ. Марать отрицаетъ этотъ фактъ. Шумъ усиливается, рукоплесканія Равнины вознаграждаютъ командира Раффе за оскорбленіе, которое ему нанесъ Марать. Ему разрѣшаютъ присутствовать на засѣданіи. Негодующее общественное мнѣніе видимо склоняется на сторону Жиронды.

32.

Собраніе переживаетъ одну изъ тѣхъ минутъ колебанія, когда одно слово можетъ увлечь огромныя аудиторіи къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Гара, входитъ въ залу вмѣстѣ съ Пашемъ. Всѣ взоры обращаются на нихъ. Гара получаетъ слово. Онъ старается оправдать кварталы и заговорщиковъ.

Это оправданіе и похвалы Гара возмущаютъ правую сторону, которая упрекаетъ его въ томъ, что онъ пускается въ разсужденія вмѣсто того, чтобы ограничиться отчетомъ. Гара принимаетъ сторону министра. Лежандръ бросается на Гаде съ поднятой рукой. Друзья Гаде окружаютъ его и закрываютъ собою. Крики: „Убийца!“ раздаются среди Равнины. Президентъ въ третій разъ прерываетъ засѣданіе отчаяннымъ жестомъ. Воцаряется молчаніе. Гара еще сильнѣе нападаетъ на комиссію Двѣнадцати. „Я заявляю Конвенту, говоритъ онъ:—что онъ не подвергается ни малѣйшей опасности и что каждый изъ васъ можетъ мирно вернуться домой. Я отвѣчаю за это головой“.

Молчаніе, преисполненное ужаса, воцаряется послѣ словъ министра на скамьяхъ, занимаемыхъ жирондистами, потому что онъ выдаетъ ихъ врагамъ. Гара сходитъ съ трибуны при аплодисментахъ Горы и снова садится среди жирондистовъ. Этимъ мнимымъ великодушіемъ Гара показываетъ, что раздѣляетъ опасность своихъ друзей въ ту самую минуту, когда онъ имъ измѣнилъ.

Дантонъ занимаетъ его мѣсто. „Льшу себя надеждой, говорить онъ съ сіяющимъ лицомъ: — что эта великая борьба обнаружить истину, какъ послѣ раскатовъ грома наступаетъ чистота воздуха! Есть люди, прибавляетъ онъ съ отгѣнкомъ гордой печали, смотря на Верньо и Гаде: — есть люди, которые не могутъ не быть злопамятными! Что касается меня, то природа создала меня пылкимъ, но неспособнымъ ненавидѣть“. Этими словами онъ, казалось, въ послѣдній разъ предлагалъ свой нейтралитетъ жирондистамъ. Они отказались отъ него.

Пашъ, воодушевленный одобреніемъ, которое трибуны выражаютъ Гара, еще съ большимъ коварствомъ пускается въ обвиненія противъ комиссіи Двѣнадцати. „Я долженъ заявить вамъ, говорить онъ кончая свою рѣчь: — что комиссія Двѣнадцати отдала приказъ тремъ надежнымъ секціямъ, — Бюттъ де-Муленъ, дю-Майль и кварталу 92, — держать наготовѣ триста вооруженныхъ людей!“

33.

Общій крикъ негодованія раздается при этихъ словахъ на трибунахъ. Депутаты секцій съ шумомъ толпятся у дверей залы. Пашъ проситъ Конвентъ выслушать ихъ. Жирондисты хотятъ закрыть засѣданіе. Фонфредъ встаетъ съ кресла. Его замѣняетъ Геро де-Сешель. Симпатичный публикѣ на трибунахъ своимъ красивымъ лицомъ и молодостью, Горфъ — крайнимъ республиканизмомъ, которое онъ высказываетъ, готовый вслѣдствіе честолюбія продаться за малѣйшую популярность, Геро де-Сешель, какъ только появляется на креслѣ предсѣдателя, тотчасъ же встрѣченъ аплодисментами всей залы. Одно его присутствіе есть уже признакъ уступки. Многіе удаляются, чтобы не быть свидѣтелями оскорбленій національному представителю. Монтаньяры разсаживаются на скамьяхъ. Ораторъ отъ имени двадцати восьми парижскихъ секцій снова требуетъ у Конвента освобожденія Гебера. „Мы стонемъ, говорить онъ: — подъ игомъ деспотическаго комитета, какъ нѣкогда стонали подъ игомъ тирана. Верните намъ истинныхъ республиканцевъ! Освободите насъ отъ тиранической комиссіи и въ настоящее же засѣданіе...“ — Да, да! кричатъ члены Горы. Геро де-Сешель едва даетъ оратору секцій окончить его фразу.

„Граждане, отвѣчаетъ онъ подателямъ петиціи: — сила разума и сила народа одно и то же. Положитесь на энергію націи, проявленіе которой вы видите со всѣхъ сторонъ. Борьба съ притѣсненіемъ такъ же священна, какъ и ненависть къ тиранамъ. Представители народа, мы общаемъ вамъ правосудіе, и мы дадимъ его!“

Эти слова предсѣдателя, переходящія изъ устъ въ уста, отъ подножія трибунъ въ сады и дворы, сообщаютъ народу объ одержанной имъ побѣдѣ. Въ нѣсколько часовъ большинство, олицетворенное въ трехъ предсѣдателяхъ за-

сѣданія, трижды измѣнялось подѣ давленіемъ, которое внѣшнее движеніе произвело на залу: вначалѣ рѣшительное и неумолимое въ лицѣ Инара, затѣмъ умѣренное и примирительное въ лицѣ Фонфреда, наконецъ злоумышляющее и мятежное въ лицѣ Геро де-Сешеля. Ободренные этимъ приѣмомъ, другіе ораторы секцій удваиваютъ смѣлость и усиливаютъ нападки противъ Двѣнадцати: „Патріоты въ оковахъ. Готовятся сцены 17 іюля.— Республика пала.— Мы недаромъ клялись жить свободными или умереть.— Очагъ контръ-революціи въ вашей средѣ.— Неужели этотъ дворецъ сдѣлается новымъ Тюльери?— Депутаты Горы, вы не можете выйти изъ этой залы не пройдя по тысячамъ труповъ и не проливъ крови патріотовъ, завоевавшихъ вамъ этотъ дворецъ! Сто тысячъ вооруженныхъ рукъ здѣсь за васъ! Мы требуемъ освобожденія Гебера, суда надъ безчестнымъ Роланомъ и уничтоженія комиссіи Двѣнадцати!“

— Когда права челоѣка пограны, снова отвѣчаетъ Геро де-Сешель, надо сказать: удовлетвореніе или смерть!

Этотъ призывъ къ возмущенію съ высоты трибунъ, изъ устъ президента, отъ имени большинства становится приказомъ. Просьбы подателей петиціи, передѣланныя въ декреты Лакруа, вотируются Конвентомъ. Петиціонеры смѣшиваются съ депутатами, чтобы заполнить пустыя мѣста жирондистовъ и подаютъ голоса вмѣстѣ съ ними. Геберъ, Варле и ихъ сообщники освобождены. Комиссія Двѣнадцати упразднена. Въ полночь Конвентъ закрываетъ засѣданіе и народъ, удовлетворенный, расходится съ криками: „Да здравствуетъ Гора!“ и „Смерть двадцати-двумъ!“

XLI.

Заговоры.—Ланжюне.—Дантонъ.—Геберъ возвращается съ триумфомъ.—Народныя бѣдствія.—Политика Верньо.—Раздоры.—31-ое мая.—Робеспьеръ произноситъ обвинительный актъ противъ жирондистовъ.—Право голоса, дарованное подателямъ петиціи.—Конвентъ.—Народъ.—Жирондисты.

1.

Ночь прошла въ волненіяхъ, страхѣ и тайныхъ совѣщаніяхъ. Въ то время какъ жирондисты, собравшись у Валазе, обсуждали способы вырвать побѣду изъ рукъ монтаньяровъ, которые одержали ее случайно,—Марать, Геберъ, Добсенъ, Варле, Вексенъ, Фурнье-американецъ, испанецъ Гюсманъ, бывший для Марата тѣмъ же, чѣмъ Сень-Жюсть для Робеспьера, Анріо и около шестидесяти наиболѣе горячихъ членовъ секцій, собравшись въ Архіепископствѣ, въ залѣ, закрытой для публики. Тамъ они оплакивали результаты побѣды, которая не принесла имъ ни добычи, ни жертвъ; которая оставила ихъ врагамъ жизнь, трибуну, право слова, печать, сторонниковъ въ нѣкоторыхъ секціяхъ центра Парижа и возможность вновь захватить власть въ свои руки. Какое дѣло было этимъ кровожаднымъ людямъ до колебанія большинства въ еще свободномъ Конвентѣ? Они хотѣли Конвента рабскаго, покорнаго орудія ихъ злобы и прикрывающагося именемъ народного представительства только для того, чтобы скрыть свое подчиненіе департаментамъ. Каждый изъ этихъ людей мечталъ сдѣлаться Гракхомъ, Мариємъ, Суллой, Катилиной и все болѣе и болѣе воображалъ себя великимъ политикомъ, по мѣрѣ того, какъ мечталъ о болѣе страшныхъ казняхъ. Тысячи плановъ были обсуждены. Молодой человѣкъ, скорѣе сбитый съ толку, нежели просвѣщенный науками, Варле, имя котораго было еще неизвѣстно, составилъ цѣлый проектъ отдѣльныхъ убійствъ, очевидно подъ вдохновеніемъ воспоминаній о сентябрѣ. Варле предъявилъ фальшивую, поддѣланную имъ самимъ, переписку жирондистовъ съ принцемъ Кобургскимъ, съ цѣлю обезчестить ихъ и возбудить негодованіе народа противъ этихъ мнимыхъ измѣнниковъ отечества. Предполагалось арестовать ихъ ночью по-одиночкѣ въ ихъ жилищахъ. Отправленные втихомолку въ уединенный домъ въ предмѣстьѣ Сень-Жакъ, они были бы судимы при закрытыхъ дверяхъ и отъ нихъ отдѣлялись бы такимъ способомъ. Могила, заранѣе вырытая въ саду, примыкавшемъ къ дому, скрыли бы останки жертвъ и народъ не зналъ бы причину ихъ исчезновенія. На слѣдующій день

обнародованіе поддѣльной переписки предало бы ихъ имена общественному позору. Распространили бы слухъ о ихъ бѣгствѣ за границу; и когда, позднѣе, истина опровергла бы это ложное сообщеніе, республика была бы уже спасена, Коммуна стояла бы во главѣ правленія, а народъ благодарилъ бы своихъ мстителей.

Таковъ былъ планъ Варле. Онъ пришелся по вкусу сентябрскимъ палачамъ, но былъ отвергнутъ Добсеномъ и даже самимъ Маратомъ: во-первыхъ, потому что число жертвъ было бы слишкомъ ограничено. Рѣшили предоставить народу самому отдѣлаться отъ своихъ враговъ и указать, какія жертвы ему нужны для удовлетворенія его мести. Одни доводили число жертвъ до тридцати, другіе до восьмидесяти. Предоставили случаю самому позаботиться о числѣ ихъ. Заговорщики разстались, чтобы сообщить лозунгъ секціямъ и предмѣстьямъ. Этотъ лозунгъ, отданный самимъ Маратомъ, былъ: „Долой полумѣры!“ Писали, что въ ту же самую ночь другой высшій исполнительный комитетъ, состоявшій изъ Робеспьера, Дантона, Фабра, Паша и еще нѣсколькихъ главныхъ членовъ Коммуны и Конвента, собрался въ Шарантонѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ были составлены заговоры 20-го іюня и 10-го августа, и тамъ главные предводители Горы выдали другъ другу своихъ враговъ, подобно Октавію, Антонію и Лепиду. Но фактъ этотъ никогда не былъ доказанъ.

2.

Дантонъ, вовлеченный противъ воли въ борьбу, желалъ, чтобы побѣда ограничилась униженіемъ жирондистовъ. Онъ былъ далекъ отъ мысли злоумышлять на жизнь соперниковъ, которымъ наиболѣе удивлялся и которыхъ наименѣе боялся въ Конвентѣ. Онъ имѣлъ надъ ними преимущество популярности. Этого ему было вполне достаточно. Сердце его склонялось на ихъ сторону. „Нѣтъ, сказалъ онъ наканунѣ, говоря о нихъ:—эти говоруны не заслуживаютъ такой злобы; они восторженны и легкомысленны, какъ женщина, которая ихъ вдохновляетъ. И отчего не возьмутъ они себѣ въ начальники мужчину? Эта женщина погубитъ ихъ. Это Цирцея республики“. Дантонъ намекалъ на госпожу Роландъ, которая унизила его гордость.

Робеспьеръ, смущенный и тревожимый послѣдствіями этого великаго междоусобія въ Конвентѣ, заперся, наканунѣ рѣшительнаго дня, въ полномъ уединеніи, какъ человѣкъ, боящійся принять участіе въ дѣлѣ, которое можетъ не удался. Онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ нѣсколько словъ, на что обзывали его занимаемое имъ положеніе и желаніе сохранить популярность. Только Маратъ раздувалъ злобу народа и одинъ на одинъ нападалъ на жирондистовъ, своихъ личныхъ враговъ, до тѣхъ поръ, пока они не были низвергнуты. Была ли это месть, честолюбіе, стремленіе играть великую роль, безпокойный духъ, никогда не знавшій себѣ покоя? Всего этого было понемногу въ характерѣ Марата. Ему болѣе всего нравилось быть на виду и олицетворять собою народъ, борющійся на жизнь и смерть со своими мнимыми врагами.

3.

Жирондисты, собравшіеся у Валазе, узнали случайно о намѣреніяхъ Комитета. Одинъ изъ союзниковъ ихъ, бретонецъ, нѣсколько дней назадъ пріѣхавшій

въ Парижъ, провелъ ночь на 27-е передъ Архіепископствомъ. Небольшая толпа тѣснилась у дверей. Пропускали только тѣхъ, которые показывали привратнику мѣдную медаль. Бретонецъ, подстрекаемый любопытствомъ, вытащилъ изъ кармана бронзовую монету, которую сторожъ принялъ за медаль. Его пропустили. Но какъ только началось совѣщаніе, онъ понялъ сдѣланную ошибку и испугался, чтобы его не узнали. Общее смятеніе и волненіе спасли его. Онъ вышелъ никѣмъ не замѣченный и побѣждалъ предупредить депутата отъ своего департамента. Этотъ депутатъ привелъ его къ Валазе. Валазе и его друзья умоляли этого человѣка вновь пойти на слѣдующую ночь въ гнѣздо заговорщиковъ и донести имъ о томъ, что онъ увидитъ и услышитъ. Его лицо, уже знакомое, не возбудило подозрѣній. Онъ снова явился къ Валазе и сообщилъ ему все; но за нимъ слѣдили. На слѣдующій день нашли его изуродованный трупъ, плившій по Сенѣ; при немъ все еще была монета, при помощи которой онъ обманулъ заговорщиковъ.

4.

Несмотря на декретъ, отмѣнившій наканунѣ комиссію Двѣнадцати, она еще засѣдала въ теченіе ночи. Совѣщались о мѣрахъ къ сопротивленію, которыя жирондисты собирались принять на другой день въ Конвентѣ. Всѣ члены этой партіи и всѣ члены Равнины отправились рано утромъ на засѣданіе. Инаръ занялъ предсѣдательское кресло, твердо рѣшившись или вновь приобрѣсти вліяніе на большинство, или умереть на своемъ посту. Мѣста, занимаемая Горой, были пусты; депутаты, вчерашніе побѣдители, наслаждались своей побѣдой и не хотѣли подать повода предполагать своимъ посѣтшнымъ появленіемъ въ засѣданіе, что въ этой побѣдѣ можно сомнѣваться. Однако Ланжюине смѣло просилъ слова.

Ланжюине не былъ жирондистомъ. Онъ не былъ честолюбивъ и не имѣлъ недостатковъ этой партіи; онъ не принималъ участія ни въ заговорѣ 20-го іюня, ни въ заговорѣ 10-го августа, ни въ осужденіи Людовика XVI. Онъ родился въ Реннѣ въ уважаемой семьѣ; отецъ его служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, а самъ онъ былъ замѣчательнымъ адвокатомъ и христіаниномъ-философомъ; его революціонныя идеи только воплощали въ себѣ его евангельскія вѣрованія. Равенство было однимъ изъ его догматовъ. „Дворянство“, писалъ онъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій: „не есть необходимое зло“. Онъ привыкъ къ парламентскимъ преніямъ во время столкновеній средняго сословія Бретани съ аристократіей, духовенствомъ и парламентомъ въ Реннѣ. Изъ духа противорѣчія старому порядку вещей онъ былъ выбранъ депутатомъ генеральныхъ штатовъ. Онъ былъ однимъ изъ основателей клуба Бретонцевъ. Какъ уроженецъ Запада, а не Юга, онъ обладалъ строгой совѣстливостью и упорствомъ характера, которая создаютъ не ораторовъ, но героев убѣжденія. Религіозный, какъ всѣ бретонцы, искусный спорщикъ въ парламентѣ, республиканецъ болѣе по характеру, нежели по убѣжденію, Ланжюине принадлежалъ къ числу людей, которыхъ душевная чистота дѣлаетъ одинокими среди партій, а великодушіе заставляетъ защищать тѣ дѣла, которыя покинуты всѣми, если они считаютъ ихъ справедливыми и достойными защиты. Онъ обладалъ притомъ муже-

ствомъ, которое росло по мѣрѣ того, какъ усиливался шумъ собранія и волненія народа, подобно солдату, храбрость котораго разгорается въ пылу битвы. Нападки на жирондистовъ со стороны Горы и народа привели его въ негодованіе наканунѣ. Достаточно было какой-либо партіи подвергнуться преслѣдованію, чтобы Ланжюине сталъ въ ея ряды. Увидавъ его, Гора ждала протеста и отказалась выслушать его.

„Я имѣю право быть выслушаннымъ по поводу вчерашняго мнимаго декрета, говорить Ланжюине: — я утверждаю, что декрета не было; а если бы онъ и былъ, то я требую, чтобы его отмѣнили“. Слова его прерываетъ ропотъ Горы.

„Все погибло, граждане, продолжаетъ Ланжюине съ жестомъ чловѣка, созерцающаго развалины отечества:—все погибло! и я вамъ заявляю, что вчерашній декретъ—заговоръ еще болѣе ужасный, чѣмъ всѣ бывшіе до сихъ поръ. Какъ! Въ три мѣсяца ваши комиссары произвели болѣе незаконныхъ арестовъ въ департаментахъ, чѣмъ было сдѣлано въ тридцать лѣтъ деспотизма! Люди уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ проповѣдуютъ анархію и убійства и остаются безнаказанными!—„Если Ланжюине не замолчитъ, кричить Лежандръ:—я заявляю, что взойду на трибуну, сброшу его оттуда и убью!“—Заставъ же издать декретъ, что я быкъ, возражаетъ Ланжюине (намекъ на ремесло мясника Лежандра).—„А я требую, говорить Барбару: — чтобы слова Лежандра были занесены въ протоколъ, дабы засвидѣтельствовать, что мы пользуемся свободой!“—„Ты защищалъ аристократовъ своего департамента, ты извергъ!“ вопить противъ Ланжюине партія Горы. Левассеръ заявляетъ, что коммиссія Двѣнадцати была учреждена не для того, чтобы предупредить, но чтобы привести въ исполненіе контръ-революціонный заговоръ. Жирондисты и ихъ враги обмѣниваются самой жестокой бранью, одни отрицая, а другіе утверждая, что декретъ былъ изданъ.

Гаде получаетъ слово. „Вы говорите, что необходимо придать силу закона декрету, который былъ изданъ въ то время, когда законодатели, заключенные въ этой залѣ послѣ того какъ была разогнана ихъ стража, совѣщались подъ висѣвшимъ надъ ними ножомъ, среди угрозъ, оскорбленій и насилій! когда нѣкоторые изъ насъ, а именно Петіонъ и Ласурсъ, не въ силахъ были пробраться сквозь толпу, окружавшую ихъ, и дойти до своего поста! когда, наконецъ, мятежные петціонеры, поощряемые самимъ президентомъ (но это уже былъ не Инаръ) заставили Конвентъ подчиниться волѣ мятежнаго народа!“

Робеспьеръ, притворившійся больнымъ, слабымъ голосомъ произноситъ нѣсколько горькихъ и трогательныхъ фразъ о тираніи Двѣнадцати. Шумъ Равнины покрываетъ рѣчь оратора. Ставятъ на голоса отмѣну вчерашняго декрета, который уничтожалъ комиссію Двѣнадцати. Небольшимъ большинствомъ голосовъ декретъ отмѣняется. Гора изумлена. „Надо закрыть покрываломъ статую свободы!“ восклицаетъ Колло д'Эрбуа.

Дантонъ дѣлаетъ еще разъ попытку не допустить представительство до окончательнаго разлада; онъ встаетъ и хочетъ ловко предоставить послѣднее средство къ соглашенію побѣдителямъ жирондистамъ. „Вашъ вчерашній декретъ, говоритъ онъ Конвенту:—былъ великимъ актомъ справедливости, и я льщу себя надеждой, что онъ будетъ вновь изданъ еще до окончанія этого засѣданія;

но если бы комиссія Двѣнадцати опять получила власть въ свои руки, которую она хотѣла проявить даже на членахъ этого собранія, если бы нить заговора не была порвана и представители народа не были призваны обратно къ своимъ должностямъ, — то, доказавъ уже, что мы превосходимъ своихъ враговъ остроумностью, мы докажемъ имъ еще, что превосходимъ ихъ смѣлостью и революціонной стойкостью!”

Всѣ члены Горы жести и криками стараются показать, что они присоединяются къ заявленію Дантона. „А мы, возражаютъ жирондисты:—требуемъ, чтобы отомстили департаменты, а не трибуны“. Марать пробуетъ говорить. „Долой Марата!“ въ одинъ голосъ кричитъ Равнина. Рабо Сентъ-Этьеннъ, докладчикъ Комиссіи, хочетъ наконецъ прочесть донесеніе Двѣнадцати. Его упорно отказываются выслушать. Онъ ссылается на старшинство этого донесенія.

„Старшинство принадлежитъ вѣстовой пушкѣ!“ отвѣчаетъ Гора. Трибуны ропотомъ заглушаютъ голоса жирондистовъ. Предсѣдатель призываетъ къ порядку. „Контръ-революція здѣсь“, говоритъ Тиріонъ. — „Мы уже не свободны, вернемся же въ наши департаменты!“ восклицаетъ Шамбонъ. Монтаньяры, по внушенію Дантона, требуютъ освобожденія Гебера; Равнина, по предложенію Бойе-Фонфреда, спѣшитъ вотировать это требованіе.

Петиціонеры, наwerbованные и настроенные жирондистами, просятъ, чтобы ихъ выслушали. „Пора, говорятъ они: — окончить эту борьбу. Пора уничтожить шайку злодѣевъ, скрывающуюся подъ маской патріотизма; пора водворить порядокъ въ бунтующемъ меньшинствѣ. Скажите одно слово, и васъ окружаютъ защитники, достойные того дѣла, которое вамъ довѣрено. Всѣ увидятъ съ одной стороны добрыхъ гражданъ, а съ другой горсть разбойниковъ!“ Прерванные ревомъ Горы и трибунъ, петиціонеры принимаютъ поздравленія Инара и ихъ приглашаютъ присутствовать на засѣданіи.

„Неужели вы прикажете“, говоритъ Дантонъ:—напечатать такой адресъ? Французскій народъ обратитъ оружіе противъ своихъ враговъ. Онъ, если захочетъ, въ одинъ день уничтожитъ людей, столь глухихъ, что они воображаютъ, будто есть различіе между народомъ и гражданами. Подумайте, если хвастаются тѣмъ, что у нихъ здѣсь большинство противъ васъ, зато за васъ огромное большинство въ республикѣ и въ Парижѣ“. — Да, да! отвѣчаютъ трибуны. — „Пора, продолжаетъ Дантонъ:—народу не ограничиваться оборонительной войной! пусть онъ нападаетъ на защитниковъ умѣреннаго образа дѣйствій! Пора намъ гордо выступить на поприще жизни! Пора сдѣлать Францію стойкой! Пора намъ всѣмъ соединиться противъ тѣхъ, кто хочетъ уничтожить республику! Однажды мы уже выказали энергію и побѣдили. Нѣтъ, Парижъ не погибнетъ! Съ блестящей судьбой республики соединится судьба этого знаменитаго города, который тираны хотѣли уничтожить! Парижъ всегда будетъ страшилищемъ для враговъ свободы, и его секціи въ тѣ великіе дни, когда народъ будетъ собираться толпами, заставятъ ступешаться этихъ презрѣнныхъ фельяновъ, этихъ трусовъ умѣренныхъ, торжество которыхъ только минутное!“

Краснорѣчивой рѣчью Дантона, покрытой единодушными аплодисментами, закончилось засѣданіе, результаты котораго остались неопредѣленными. „Какое мнѣ дѣло до вашихъ ссоръ? сказала Дантонъ, выходя изъ Тюльери, лицамъ,

окружившимъ его: — Я вижу только враговъ. Идемте же вмѣстѣ на враговъ отечества!“

5.

Вечеромъ Гебера торжественно привели изъ тюрьмы въ магистратъ. Тамъ онъ получилъ лавровый вѣнокъ изъ рукъ Шометта. Требовали, чтобы во исполнение ареста Гебера комиссія Двѣнадцати была предана революціонному суду. Геберъ, снявъ съ своей головы вѣнокъ, возложилъ его на бюстъ Жанъ-Жака Руссо, перваго апостола свободы. Участники революціи всегда воздавали почтеніе тому, кто первый подаль мысль о ней, — автору „Общественнаго договора“, который не разъ осудилъ бы такихъ учениковъ. На слѣдующій день засѣданіе въ Конвентѣ прошло спокойно; обманчивая тишина — предвѣстница бурь, какъ во времена народныхъ волненій, такъ и въ явленіяхъ атмосферы.

Засѣданіе клуба якобинцевъ 30 числа было началомъ бурь слѣдующаго дня. Пока Революціонный комитетъ обсуждалъ въ Архіепископствѣ, какого образа дѣйствій ему слѣдуетъ держаться, Лежандръ и Робеспьеръ старались убѣдить якобинцевъ, а Маратъ и Дантонъ кордельеровъ. „Я чувствую себя неспособнымъ, говорилъ Робеспьеръ: — указать народу мѣры, которыя могли бы его спасти. Это не дано одному человѣку! Это не дано мнѣ, изнуренному четырьмя годами революціи и раздражающимъ душу зрѣлищемъ торжества тираніи! Не мнѣ указывать эти мѣры; не мнѣ, страдающему изнурительной лихорадкой и особенно лихорадкой патріотизма!“ Эта мнимая покорность безсильнаго патріотизма была самымъ лучшимъ маневромъ, чтобы возбудить отчаянную энергію народа. „Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ ему одинъ изъ самыхъ восторженныхъ якобинцевъ: — потомство никогда не повѣритъ, какъ могли двадцать пять милліоновъ человѣкъ позволить горсти интригановъ взять надъ собою верхъ, или же оно будетъ видѣть въ насъ только двадцать пять милліоновъ трусовъ. Я говорю: завтра же должно раздаться бряцаніе оружія! должна загремѣть пушка! всѣ, кто не возстанутъ на общаго врага, должны быть объявлены измѣнниками отечеству! Когда раздается громъ орудій, звукъ этотъ воодушевитъ трусовъ, и они возстанутъ вмѣстѣ съ нами, и мы истребимъ враговъ нашихъ“.

6.

Революціонныя мѣры Центральнаго комитета, засѣдавшаго въ Архіепископствѣ, проявились во всемъ Парижѣ. Совѣтъ Коммуны, избравшій мѣстомъ своимъ засѣданій магистратъ, началъ говорить повелительно и угрожать Конвенту. Постановленія, принимавшіяся на бурныхъ собраніяхъ секцій противорѣчили одни другимъ, въ зависимости отъ числа ихъ представителей, причемъ большинство было то на сторонѣ одной, то на сторонѣ другой партіи. Печальныя извѣстія, приходившія изъ Вандеи, съ границъ и съ Юга, приводили народъ въ ужасъ и располагали его къ принятію крайнихъ мѣръ. Несчастія въ Пиренейской арміи, отступленіе Сѣверной арміи, болѣе похожее на бѣгство; блокада Валансєна и Камбре, которымъ невозможно было подать помощь, несмотря на то, что они съ трудомъ выдерживали осаду; республиканскія войска, разбитыя у Фонтеней крестьянами-роялистами подъ предводительствомъ Лескюра; Марсель, обѣтый

огнемъ, Бордо, охваченный волненіемъ, Пюнь, загоравшійся искрами мятежа, который тлѣлъ въ его стѣнахъ,—всѣ эти несчастія, сразу обрушившіяся на республику, раздираемую въ то же время распрями въ ея центрѣ, въ Конвентѣ, раздражили умы противъ людей слабыхъ и вѣроломныхъ, которые такъ несчастливо управляли отечествомъ.

Народъ, не знавшій кого винить, свалилъ на жирондистовъ всѣ бѣдствія того времени. Для борьбы съ направленнымъ противъ нихъ обвиненіемъ у жирондистовъ была только отвлеченная сила закона. Штыки и пики національной гвардіи колебались по волѣ непостоянства секцій. Съ одной стороны нѣсколько смѣлыхъ ораторовъ, вызывающихъ къ департаментамъ, слишкомъ удаленнымъ, чтобы они могли ихъ услышать; съ другой—весь народъ, вооруженный, поднятый зачинщиками и направляемый сплотившимися якобинцами: въ исходѣ побѣды нельзя было сомнѣваться. Жирондисты, вначалѣ успокоенные законностью ихъ дѣла и симпатіей, которую имъ выражала буржуазія Парижа, начали наконецъ предчувствовать свою гибель и готовиться къ ней не какъ политическіе дѣятели, а скорѣе какъ мученики. Однако они еще льстили себя надеждой, что счастье вернется къ нимъ въ послѣднюю минуту. По ихъ настояніямъ адресъ за адресомъ приходили изъ ихъ департаментовъ съ просьбой, чтобы Парижъ принялъ ихъ головы подъ свое покровительство. Они думали, что если умѣренные члены Конвента слишкомъ робки, чтобы напасть вмѣстѣ съ ними на могущественную Коммуну и уничтожить анархію, то они все же слишкомъ дорожатъ своего безопасностью, а потому и не выдадутъ, ослабивъ этимъ себя, своихъ двадцати-двухъ сочленовъ, которые будутъ въ такомъ случаѣ или подвергнуты остракизму или сложатъ свои головы на плахѣ, приготовленной имъ Маратомъ. Они отказывались вѣрить, чтобы честные люди, вооруженные секціями, могли когда-нибудь употребить противъ народныхъ представителей свои штыки, которые они носили для защиты народа.

Такое нарушеніе закона казалось имъ столь чудовищнымъ, что они смотрѣли на него какъ на явленіе невозможное. Местъ департаментовъ была въ ихъ глазахъ столь вѣрной и грозной, что должна была запугать даже ихъ убійцъ. Соединенные общностью мыслей и опасности съ многочисленными членами Равнины, засѣдавшими между ними и Горой, жирондисты пересчитывали съ тайнымъ чувствомъ удовлетворенія эти триста голосовъ, которые склоняли на ихъ сторону перевѣсъ во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ. Они вѣрили въ право, въ здравый смыслъ, разумную пользу и мужество собраній. Они забывали зависть, страхъ, увлеченіе, робкія извиненія, которыми слабые люди прикрываютъ свою трусость предъ лицомъ опасности, которую они стараются уполить, выдавая жертвы. Они шли съ этими неопредѣленными мыслями, то полные вѣры, то унынія, въ разныя ночныя сборища, куда они отправлялись послѣ ночныхъ засѣданій. Бюзо, Луве, Барбару, Инаръ, Ребекки всходили по-одиночкѣ, уже прячась отъ взоровъ народа, по лѣстницѣ Ролана, скрытой въ глубинѣ двора въ улицѣ Лагарпъ. Тамъ эти безстрашные молодые люди обвиняли въ медлительности и нерѣшительности комиссію Двѣнадцати, которая должна была, по ихъ мнѣнію, предупредить дѣйствія Коммуны, въ первую же ночь увлечь и замѣшать въ дѣло Конвентъ, предать Марата, Паша, Дантона и Робеспьера

революціонному суду, призвать военную силу департаментовъ въ Парижъ, преобразовать секціи и закрыть клубы, откуда выходили анархія, преступленіе и страхъ.

Роланъ, оскорбленный своимъ паденіемъ и добиваясь славы утвердить республику въ своихъ основахъ, выказывалъ въ своихъ рѣчахъ мрачную энергію, ничего не стоящую въ рукахъ безоружныхъ людей. Госпожа Роланъ, которая то проникалась страстнымъ участіемъ къ своимъ друзьямъ, то чувствовала приливъ мужества, — воодушевляла или старалась тронуть эти собранія. Бюзо боготворилъ въ лицѣ ея воплощеніе и голосъ отечества. Барбару слушалъ ее съ почтеніемъ и восторгомъ. Они готовы были умереть, но хотѣли умереть во время борьбы.

7.

Верньо, Кондорсе, Сійесь, Фонфредъ, Дюко, Гаде, Жансонне начали все чаще собираться въ улицѣ Сентъ-Лазаръ или въ Клиши, то у женщины, всей душою преданной одному изъ нихъ, то у молодого Фонфреда. Это были политики партіи. Сійесь совѣтовалъ дѣйствовать энергично, но не хотѣлъ принять отвѣтственность на себя. Кондорсе, отличавшійся пламенностью мыслей, но не дѣйствій, негодовалъ на неудачу своихъ либеральныхъ теорій и приготовился умереть, собираясь разстаться съ своими идеями только вмѣстѣ съ жизнью. Фонфредъ и Дюко, монтаньяры по образу мыслей, оставались въ своей партіи только изъ ненависти, которую имъ внушала Робеспьеръ, и особенно изъ дружбы, связывавшей ихъ съ товарищами. Дюко и Фонфредъ склонялись къ обвиненію комиссіи Двѣнадцати, неосторожное поведеніе которой они осуждали.

Гаде, воодушевленный, краснорѣчивый и неустрашимый, увлеченный самъ порывомъ своего энтузіазма и вѣрящій во власть этого энтузіазма надъ Конвентомъ, не хотѣлъ составлять никакого плана, а сообразоваться съ обстоятельствами, никакой тактики, кромѣ импровизаціи, никакого оружія, кромѣ своего слова: онъ былъ равно готовъ побѣдить или умереть, но лишь бы это случилось на трибунѣ.

Жансонне, болѣе разсудительный и опытный въ дѣлахъ правленія, хотѣлъ обратиться къ штыкамъ секцій за защитой и побѣдой, которыхъ онъ не находилъ болѣе для конституціи у ея колеблющагося большинства. Верньо, опору, славу и послѣднее популярное лицо его партіи, сильно всѣ упрасивали взять въ свои руки руководительство въ этой борьбѣ, приготовить къ ней свои мысли, чувства и рѣчи, единственно равныя размѣру опасности; взойти на трибуну, разразиться накопившимся въ его душѣ негодованіемъ передъ отечествомъ и вернуть добрымъ гражданамъ мужество, угасшее въ ихъ сердцахъ благодаря его молчанію.

Верньо слушалъ молча требованія предъявляемыя къ нему его друзьями и не могъ сразу принять какое-нибудь рѣшеніе. Слишкомъ прозорливый, чтобы скрывать отъ себя крайнюю степень опасности, и слишкомъ мужественный, чтобы бояться смерти, онъ былъ въ то же время настолько дальновидный политикъ и знатокъ исторіи, что не могъ заблуждаться насчетъ плановъ, которые ему предлагали. Верньо былъ противъ того, чтобы брать на себя отвѣтственность за пораженіе и паденіе своей партіи, которая казалась ему уже погибшей. Смотря

вокругъ себя, онъ не видѣлъ никакой реальной силы, на которую республика, та, о которой онъ мечталъ, могла бы опереться, чтобы бороться противъ анархіи. Его дальнзоркій взглядъ видѣлъ только погибель тамъ, гдѣ другіе думали, что видятъ исходъ. Его собственный гений лишалъ его мужества, потому что помогать ему распознавать невозможное. Ужасное положеніе для великаго ума! Въ отчаянныя минуты жизни ограниченность ума—счастіе для людей посредственныхъ. Она не отнимаетъ у нихъ пыла увлеченія, оставляя имъ иллюзію. У Верньо не было болѣе ни иллюзій, ни увлеченія; но онъ сохранилъ то стоическое безстрастіе, которое обходится безъ горячности и иллюзій, не блѣднѣя видѣть приближеніе смертнаго часа и, сражаясь безъ надежды, принимаетъ пораженіе, какъ иные люди принимаютъ мученичество, съ полнымъ хладнокровіемъ и героизмомъ воли.

8.

Верньо рѣдко увлекался заблужденіями своей партіи. Устремивъ взоры на Европу, великій ораторъ чувствовалъ такъ же глубоко, какъ Дантонъ, необходимость укрѣпить единство республики, чтобы бороться противъ расчлененія своего отечества. Отчаянный федерализмъ Барбару, Луве, господа Роланъ былъ ему жалокъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ прибѣгалъ къ федерализму, какъ къ послѣднему способу, чтобы заставить дрожать даже анархію. Онъ чувствовалъ, что самые ожесточенные враги Франціи не могли бы придумать для нея ничего болѣе гибельнаго, чѣмъ это добровольное расчлененіе, о которомъ мечтали нѣкоторые безумцы. Онъ боялся для своего отечества не того, что борьба, которую онъ велъ съ Коммуной, окончится изгнаніемъ или смертію его друзей или его собственными смертію и изгнаніемъ, а того, что эта борьба приведетъ къ возмущенію и отпаденію департаментовъ, что явится слѣдствіемъ междоусобій въ представительствѣ. Любовь къ отечеству окончательна заглушала партійный духъ въ душѣ Верньо. Его рѣчи были такъ горячи только отъ пламени этой любви.

Въ этой сложной борьбѣ, происходившей въ его душѣ, Верньо, какъ всѣ люди, поставленные лицомъ къ лицу съ невозможностью, просилъ у судьбы, у своихъ друзей и враговъ только времени. Онъ принесъ жертву времени, принявъ республику на другой день послѣ 10-го августа, когда еще наканунѣ вѣрилъ во временную необходимость конституціонной монархіи. Онъ принесъ жертву времени, когда, противъ своей совѣсти, подавъ голосъ за казнь Людовика XVI. Эти двѣ уступки отсрочили опасность, какъ плотина отодвигаетъ волны, въ то же время давая имъ увеличиваться въ вѣсѣ. Верньо хотѣлъ выиграть еще одну отсрочку, и, уступивъ правленіе Горѣ, бороться противъ анархіи народа и предупредить разрывъ Парижа съ департаментами. Такъ какъ у него не было ни личнаго самолюбія, ни тщеславія своимъ именемъ, то ему ничего не стоило уступить власть своимъ соперникамъ. Онъ сознавалъ, что онъ по своимъ личнымъ качествамъ выше тѣхъ, кто одержалъ бы надъ нимъ верхъ въ политикѣ. Своимъ мужествомъ онъ былъ обязанъ своему гению; никто не могъ отнять его у него. Уступая власть, онъ въ сущности ничего не уступалъ, ни даже славы, потому что слава самопожертвованія въ его глазахъ была выше славы власти.

9.

Итакъ Верньо все направлялъ къ мировой сдѣлкѣ. Дантонъ, раздѣлявшій его взглядъ, добросовѣстно поддерживалъ намѣренія Верньо при посредствѣ своихъ друзей.

Робеспьеръ и Пашъ, увѣренные въ побѣдѣ, старались доказать, что мятежъ носить характеръ непреклонной воли народа. Они хотѣли властвовать надъ Конвентомъ, но не уничтожить его. Не надо крови, не надо жертвъ—таковъ былъ новый пароль Паша и его сторонниковъ.

Упразднить комиссію Двѣнадцати, исключить изъ состава Конвента двадцать два члена, признать большинство за Горой, предоставить революціонное правленіе парижской коммуны, учредить законный терроръ отъ имени запуганнаго національнаго представительства,—вотъ каковы были результаты, къ которымъ пришли заговорщики послѣ цѣлаго дня совѣщаній. Физическое насилие, пролитая кровь, головы, выданныя народу, дали бы департаментамъ слишкомъ много предлоговъ къ возстанію и слишкомъ много поводовъ къ мести. Въ это время возбуждало опасеніе сильное броженіе на Югѣ, война на Западѣ и волненія въ Лионѣ. Междоусобія въ Конвентѣ могли сдѣлаться сигналомъ къ междоусобию во всей Франціи. Надо было скрыть тиранію подъ видомъ умѣренности и уваженія къ чужому мнѣнію ради департаментовъ. Надо было скрыть даже отъ вооруженныхъ гражданъ секцій характеръ покушенія, которое ихъ подстрекали совершить. Робеспьеръ, Дантонъ, Пашъ, даже самъ Маратъ нашли, что это намѣреніе благоразумно. Анрію получилъ приказъ поддерживать порядокъ въ возстаніи и своимъ образомъ дѣйствій смѣшать приказы Конвента съ приказами коммуны такъ, чтобы бунтъ носилъ характеръ законности и чтобы толпы, направляющіяся къ Тюльери, не знали, идутъ ли они освободить или низвергнуть народныхъ представителей. Этимъ лицемернымъ и двусмысленнымъ характеромъ дни 31-го мая и 2-го іюня всецѣло обязаны коварному генію Паша. Онъ внушилъ свою политику Коммунѣ и сыгралъ лучше, нежели Петіонъ 10-го августа, двойную роль зачинщика и усмирителя мятежа.

10.

Эти намѣренія, извѣстныя жирондистамъ, заставляли ихъ предполагать, что засѣданіе 31-го числа ограничится жестокой борьбой за большинство, въ которой народъ приметъ участіе только изъ любопытства и будетъ кричать въ честь Горы и что малѣйшая уступка съ ихъ стороны положить конецъ этой борьбѣ, какъ это было и въ предыдущіе дни. Свѣдѣнія, которыя они получали, были различны, смотря по кварталамъ и клубамъ, откуда они приходили.

Засѣданіе 30-го числа, непродолжительное и безъ преній, ознаменовалось только приходомъ депутаціи отъ двадцати-семи парижскихъ секцій, которая требовала упраздненія комиссіи Двѣнадцати и ареста ея членовъ. Одинъ юный патріотъ, подъ вліяніемъ своей молодости и важности минуты, ораторъ депутаціи, выразилъ въ сильныхъ словахъ желаніе народа. „Я вамъ скажу недлинную рѣчь, сказалъ онъ:—Спартанцы говорили мало словъ, но умѣли умирать. Мы, парижане, поставленные при Термопилахъ республики, сумѣемъ умереть, и у насъ будутъ мстители.“ Конвентъ, въ которомъ на этотъ разъ собралось

немного членовъ, а скамьи центра были пусты, голосоваль напечатаніе этой петиціи. Такая уступчивость дѣлала Коммуну съ каждымъ часомъ все смѣлѣе, а народныхъ представителей все терпѣливѣе.

Вечеромъ собрался общій совѣтъ Коммуны и сдѣлался центромъ дѣйствій возстанія. Съ этой минуты Парижъ раздѣлился на два лагеря: одинъ заключалъ въ себѣ Тюльери, Карусельскую площадь, Пале-Рояль, всѣ богатые и торговые кварталы города, батальоны которыхъ, состоявшіе изъ гражданъ, сторонниковъ порядка, еще держали сторону жирондистовъ; другой, простиравшійся отъ магистрата и включавшій въ себѣ два большихъ предмѣстья: Сентъ-Марсо и Сентъ-Антуанъ, былъ преданъ якобинцамъ. Всѣ великія событія имѣли своимъ центромъ эти густо-населенные простымъ народомъ кварталы столицы. Убѣжденія народа можно было опредѣлить ихъ мѣстомъ жительства. Отъ Елисейскихъ полей до Новаго моста простирался конституціонный городъ; отъ Новаго моста до Бастиліи—городъ революціонный. Тюльери былъ центромъ перваго; магистратъ—центромъ второго. Это были два народа, а иногда два войска: одинъ всегда хотѣлъ двигаться впередъ, хотя бы къ анархіи; другой хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, хотя бы въ положеніи неопредѣленномъ и сомнительномъ. Нищета, безпокойная, мятежная, но по своей натурѣ безкорыстная,—вотъ наступательная армія революцій. Богатство, эгоистическое и недвижимое,—оборонительная армія установившагося порядка. Убѣжденія большей части людей идутъ рука объ руку съ цифрой ихъ состояній. Народъ—армія новыхъ идей; богачи—армія правительствъ. Одну вербуетъ надежда; другая присоединяется изъ страха. Таковы были въ это время два Парижа, стоявшіе лицомъ къ лицу: одинъ, поднятый монтаньярами; другой, дрожавшій вмѣстѣ съ умѣренными.

11.

Пашъ, Шометтъ, Геберъ, Сержанъ, Пани показывали видъ въ теченіе этой ночи своими рѣчами и дѣйствіями въ совѣтѣ Коммуны, что стараются охранить внѣшнюю законность. Пашъ, извѣщенный, что клубъ Архіепископства прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ, перешелъ туда; онъ убѣдилъ бунтовщиковъ успокоиться пока и подождать. Онъ вернулся въ совѣтъ и объявилъ своимъ товарищамъ, что его просьбы оказались безсильными успокоить раздраженіе народа, что комитетъ только что объявилъ возстаніе и распорядился закрыть заставы и арестовать подозрительныхъ лицъ. Едва Пашъ кончилъ говорить, какъ загудѣлъ набатъ съ башенъ собора.

Было три часа утра. Зловѣщіе звуки быстро передавались съ одной колокольни на другую и будили гражданъ Парижа, вызывая тревогу въ однихъ и приводя въ ужасъ другихъ. Набатъ, со дня 14-го іюля, былъ первымъ шагомъ въ великихъ мятежахъ народа. Среди мятенія, поднятаго этимъ шумомъ въ магистратъ и на Гревской площади, молодой человекъ, по имени Добсенъ, одинъ изъ ораторовъ комитета Архіепископства, входитъ въ залу совѣта Коммуны, во главѣ депутаціи отъ большинства секцій. Добсенъ заявляетъ отъ имени властелина-народа, представляемого секціями, что онъ, оскорбленный въ своихъ правахъ, принялъ крайнія мѣры, чтобы спасти самого себя, и что всѣ чиновники муниципалитета и представители власти въ департаментахъ смѣщены.

При этих словах, Шометт требует от своих товарищей в Коммунѣ, чтобы они отказались от своих должностей и передали власть в руки народа. Все члены совета встают, отказываются от своих полномочий и дают клятву не отдѣляться от нации. Они удаляются при криках: „Да здравствует республика!“

Добсенъ тотчас же создаетъ новый советъ, большинство котораго составляютъ прежніе члены. Этотъ советъ призываетъ Паша, Шометта, Гибера—и, во имя возстанія, утверждаетъ ихъ въ прежнихъ должностяхъ. Но советъ перемѣняетъ свое названіе на болѣе знаменательное и объявляетъ себя главнымъ революціоннымъ советомъ парижской Коммуны. Онъ приказываетъ Анрію, распорядиться стрѣлять изъ вѣстовой пушки, бить въ набатъ въ магистратѣ и послать подкрѣпленія тюремнымъ карауламъ, чтобы предупредить побѣги или избѣженіе заключенныхъ. Жандармы и національные гвардейцы карауловъ, стоящихъ на Гревской площади, снова дефилируютъ и приносятъ присягу властямъ возстанія. Каждая четверть часа приходятъ все новыя и новыя депутаціи отъ кварталовъ и отъ войскъ, чтобы примкнуть къ движенію и брататься съ мятежниками.

День наступаетъ; весь городъ на ногахъ. Мэръ Пашъ, диктаторъ въ теченіе одной ночи, является въ Конвентъ дать отчетъ, въ какомъ положеніи находится Парижъ. Его сопровождаютъ члены совета, чтобы въ случаѣ нужды заслонить его собою отъ направленного противъ него кинжала. Огромная толпа народа слѣдуетъ за Пашемъ до Карусельской площади, составляя собою народную охрану. Анрію, верхомъ, объѣзжаетъ кварталы, двигаетъ батальоны, сосредоточиваетъ ихъ около Тюльери, на Новомъ мосту, на Карусельской площади. Подобно Пашу онъ увлекаетъ въ возстаніе національную гвардію, которая должна въ одно и то же время увеличить собою число возставшихъ и сдерживать ихъ. Чтобы поразить воображеніе народа и запугать ближайшія къ Тюльери городскіе кварталы, онъ приказываетъ притащить на Карусельскую площадь, прямо противъ входа въ Конвентъ, желѣзныя рашперы, на которыхъ артиллеристы раскачиваютъ ядра, — какъ будто тиранія и швейцарцы все еще скрываются, какъ за оплотомъ, въ этомъ дворцѣ. Каждую минуту вѣстовая пушка гремитъ на Новомъ мосту. Батальоны, которымъ неизвѣстно, идутъ ли они осаждать или защищать Конвентъ, строятся на постахъ, которые имъ указаны, болѣе привыкнувъ подчиняться капризу толпы, нежели обуздывать ее.

12.

Такой видъ имѣлъ Парижъ въ утро 31-го мая. Небо было пасмурно, ледяной вѣтеръ раздражалъ нервы людей и располагалъ ихъ къ злобѣ. Национальные гвардейцы дрожали отъ холода подъ своими доспѣхами. Бессонная ночь, холодъ, звонъ набата, ревъ вѣстовой пушки, нетерпѣніе передъ ожидавшимъ ихъ событіемъ, сомнѣніе, удивленіе, неизвѣстность—придавали лицамъ народа и солдатъ мрачное и тупое выраженіе, всегда бывающее на лицахъ толпы, какъ и на лицѣ преступника, наканунѣ и на другой день великихъ преступленій.

13.

Депутаты, которымъ грозила опасность, страхась засады, не ночевали у себя дома. Одинъ Верньо, всегда безстрастный и покорный судьбѣ, упорно отказывался принять какія бы то ни было мѣры предосторожности. „Что для меня жизнь? сказалъ онъ наканунѣ выходя отъ Валазе:—Моя кровь будетъ, быть можетъ, краснорѣчивѣ моихъ рѣчей, чтобы разбудить и спасти отечество. Пусть они прольютъ ее, если она должна быть взыскана на нихъ!“

Другіе разошлись, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ въ домахъ друзей. Бюзо, Барбару, Луве, Бергуень, Рабо Сентъ-Этиеннъ и Гаде собрались всѣ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ. Три кровати, нѣсколько стульевъ, надежное оружіе, забарикадированныя двери, рѣшимость не умереть до тѣхъ поръ, пока они не отомстятъ за себя, позволили имъ заснуть на нѣсколько минутъ. Въ три часа утра ихъ разбудили вѣстовая пушка и звонъ набата. „*Sha suprema dies!*“ воскликнулъ Рабо Сентъ-Этиеннъ прислушиваясь къ этому шуму. Рабо, какъ человѣкъ набожный, всталъ на колѣни у своей постели, на которой онъ только что спалъ свободный, и громко призывалъ милосердіе Божіе на своихъ товарищей, на отечество и на себя самого. Скептикъ Луве и юный Барбару рассказывали потомъ, что эта молитва Рабо, бывшего служителя Божія, глубоко тронула ихъ сердца. Бываютъ минуты, когда мысль о Богѣ помимо воли проникаетъ въ души людей вмѣстѣ съ сознаніемъ ихъ собственного безсилія, но не затѣмъ, чтобы лишить ихъ мужества. Рабо всталъ успокоенный и укрѣпленный.

Онъ и его друзья вышли изъ дома въ шесть часовъ утра съ пистолетами и кинжалами, скрытыми подъ одеждой. Они явились, не бывъ узанными, на свои мѣста въ Конвентъ.

Зала была еще пуста. Одинъ только Дантонъ, взволнованный событіями ночи и съ нетерпѣніемъ ожидавшій наступавшаго дня, ходилъ взадъ и впередъ повидимому въ сильномъ безпокойствѣ. Онъ разговаривалъ съ двумя членами Горы. При видѣ жирондистовъ, въ которыхъ онъ съ сожалѣніемъ видѣлъ свои жертвы, Дантонъ сдѣлалъ горестный жестъ и конвульсивная судорога состраданія передернула его губы. Луве увидѣлъ въ этомъ радостную улыбку. „Видишь, сказалъ онъ Гаде:—какая страшная надежда сіяетъ на этомъ гнусномъ лицѣ?“—„Еще бы, вскричалъ Гаде настолько громко, чтобы его слышалъ Дантонъ:—вѣдь сегодня Клавдій изгоняетъ Цицерона!“

14.

Въ то время какъ зала наполнялась и группы депутатовъ вели бесѣды о событіяхъ ночи, вооруженные жители квартала Бюттъ-де-Мулень, усиленные пятью сосѣдними кварталами Парижскаго центра, узнавъ, что предмѣстье Сентъ-Антуанъ идетъ, чтобы обезоружить ихъ, укрѣплялись въ саду Пале-Рояля, устанавливали пушки, заряжали ихъ картечью и являли такимъ образомъ собою послѣднюю опору умѣреннымъ членамъ Конвента противъ притѣсненій Коммуны. Сорокъ тысячъ союзниковъ изъ предмѣстій, дойдя до рѣшетки Пале-Рояля, хотѣли выломать ворота сада. Представители центральныхъ кварталовъ приготовились защищать ворота. Кровь готова была уже пролиться. Начались

переговоры. Союзники удовольствовались тѣмъ, что разрѣшили войти въ садъ депутатамъ отъ батальоновъ, чтобы убѣдиться, правда ли, что члены секціи Пале-Рояля надѣли бѣлую кокарду. Депутаты, допущенные внутрь, увидели нелѣпость клеветы и пожали руку своимъ братьямъ по оружію.

Этотъ эпизодъ успокоилъ злобу народа и удержалъ батальоны обѣихъ партій въ пассивной неподвижности.

Засѣданіе Конвента открылось въ шесть часовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гара, а за нимъ Пашъ даютъ отчетъ о броженіи въ Парижѣ; они приписываютъ его восстановленію комиссіи Двѣнадцати.

Валазе, въ нетерпѣніи выяснить, какой оборотъ должны принять дѣла въ этотъ день, всходитъ первый на трибуну. Верньо, боящійся смѣлости своихъ друзей, знакомъ выражаетъ свое неудовольствіе и задумывается. „Со времени закрытія вчерашняго засѣданія, говоритъ Валазе: — набатъ гудить, бьютъ въ барабаны—и по чьему же приказу? Осмѣйтесь указать на виновныхъ! Анрію, временный начальникъ, послалъ приказъ на постъ на Новомъ мосту стрѣлять изъ вѣстовой пушки. Это явное преступленіе по должности, подлежащее наказанію смертію. (Эти слова вызываютъ волненіе на трибунахъ). Если шумъ будетъ продолжаться, безстрашно заявляетъ Валазе:— я объявляю, что заставлю уважать мою личность. Я здѣсь представитель двадцати пяти милліоновъ человѣкъ! Я требую, чтобы Анрію былъ преданъ суду и арестованъ. Я требую, чтобы комиссія Двѣнадцати, на которую взведены такіа клеветы, была призвана, чтобы сообщить свѣдѣнія, которыя она собрала“.

Тюрьо смѣняетъ Валазе. Онъ требуетъ, чтобы эта комиссія была снова упразднена, бумаги ея опечатаны и разслѣдованіе ея образа дѣйствій поручено комитету Общественнаго спасенія. Рѣчь Тюрьо прерывается и потомъ окончательно заглушается звономъ набата. Подымаются смѣшанные крики: одни требуютъ ареста Валазе, другіе — Тюрьо. Громъ вѣстовой пушки покрываетъ собою все. Верньо дѣлаетъ съ трибуны знакъ примиренія и наконецъ добивается тишины.

„Я такъ убѣжденъ въ истинѣ того, что вамъ говорили о печальныхъ послѣдствіяхъ мятежа, который, повидимому, готовится въ Парижѣ; я такъ убѣжденъ, что этотъ мятежъ неминуемо погубитъ свободу и республику, что, по моему мнѣнію, тотъ, кто желаетъ, чтобы онъ начался,—сообщникъ нашихъ виѣшнихъ враговъ, независимо отъ исхода мятежа. И вамъ рисуютъ комиссію, какъ язву Франціи, въ ту самую минуту, когда вы слышите пушечные выстрѣлы! Требуютъ, чтобы она была упразднена, если дѣйствовала по произволу! Если это правда, она, безъ сомнѣнія, должна быть упразднена. Но надо сначала выслушать ее. Однако, теперь, по моему мнѣнію, не время слушать ея докладъ. Этотъ докладъ неизбежно затронетъ страсти, чего надо избѣгать въ день возмущенія. Необходимо только, чтобы Конвентъ доказалъ Франціи, что онъ свободенъ. Но чтобы доказать это, онъ не долженъ упразднить сегодня комиссію. Итакъ, я требую отерочки до завтра. А пока, постараемся узнать, кто приказалъ стрѣлять изъ вѣстовой пушки, и потребуемъ въ нашъ судъ главнаго командира!“

Поднимаются единодушные крики одобренія, санкціонирующіе требованіе

отсрочки Верньо. Она не спасала ни свободу, ни честь, но спасала положеніе Конвента. Она успокаивала народъ, общая ему побѣду. Она удовлетворяла Гору, не допуская ее употребить гнусность насилія. Она сохраняла головы жирондистамъ, общая ихъ отреченіе. Она была пустымъ проявленіемъ уваженія закону. Она была удобна для всѣхъ, въ особенности для слабыхъ. Жирондисты почувствовали себя сразу погубленными и спасенными уступкою своего оратора. Тѣ, которые думали о своей собственной жизни, рукоплескали, а тѣ, которые думали о своей чести, были смущены и молчали.

15.

Дантонъ хотѣлъ вырвать у собранія побѣду, уже на половину уступленную Верньо. „Прежде всего надо предать суду комиссію, сказалъ онъ какъ можно громче:—она заслужила негодованіе народа. Вспомните мою рѣчь противъ нея, эту слишкомъ умѣренную рѣчь. Человѣкъ, по природѣ спокойный, безстрастный, министръ внутреннихъ дѣлъ самъ убѣждалъ васъ освободить ея жертвъ. Вы создали ее, эту комиссію, не ради ея, а ради себя. Разсмотрите ея дѣйствія. Если она виновна, покажите на ней страшный примѣръ, который устрасилъ бы всѣхъ тѣхъ, кто не уважаетъ народа, даже въ минуты его революціоннаго возбужденія. Пушка прогремѣла. Но если Парижъ хотѣлъ только дать сигналъ къ началу представленій, которыя онъ вамъ преподноситъ; если Парижъ призываетъ, слишкомъ торжественнымъ и громкимъ, желалъ только предупредить гражданъ, чтобы они шли требовать у васъ правосудія,—Парижъ имѣетъ за собою еще большую заслугу передъ отечествомъ! Не только не порицайте эту вспышку, но обратите ее на пользу народнаго дѣла, упразднивъ вашу комиссію“.

Одни ропщутъ, другіе рукоплещутъ. Дантонъ бросаетъ презрительный взглядъ на Равнину, волнующуюся у его ногъ. „Я обращаюсь, говоритъ онъ, дѣлая знакъ Верньо: — я обращаюсь только къ тѣмъ, кто обладаетъ кое-какимъ политическимъ смысломъ, а не къ тѣмъ тупоумнымъ людямъ, которые говорятъ лишь подъ вліяніемъ своихъ страстей“. Движеніе его головы и направленіе его взгляда относятся къ Гаде, Бюзо и Луве эти дерзкія слова. „Я говорю первымъ, продолжаетъ Дантонъ:—Не забывайте величія вашей цѣли—спасти народъ отъ его враговъ, отъ аристократовъ, отъ его собственной злобы. У комиссіи не было ни малѣйшаго смысла, потому что она издала безразсудныя постановленія и сообщила о нихъ мѣру Парижа. Я требую суда надъ ея членами. Вы считаете ихъ безупречными, не такъ ли? А я думаю, что они удовлетворяли чувству своего злопамятства. Надо освѣтить этотъ хаосъ, народу необходимо правосудіе!“— „Какому народу?“—кричатъ голоса изъ Равнины. „Какому народу?“ продолжаетъ Дантонъ:—народъ этотъ многочисленъ!“ И онъ показываетъ рукою на безчисленныя головы, склоняющіяся сверху, съ трибунъ, занятыхъ народомъ. „Этотъ народъ передовой стражъ республики. Всѣ департаменты ненавидятъ тиранію. Всѣ одобряютъ это великое движеніе, которое истребитъ враговъ свободы. Я первый громко воздамъ справедливость тѣмъ мужественнымъ людямъ, которые били въ набатъ и гремѣли изъ вѣстовой пушки...“ Крики „браво“ съ трибунъ не даютъ ему докончить это прославленіе Анрію и революціоннаго комитета Коммуны. Дантонъ, начавшій рѣчь въ духѣ умѣрен-

ности, внезапно увлекся и почувствовалъ, что его опяняетъ восторгъ аудиторіи и что онъ самъ возбуждаетъ страсти, которыя хотѣлъ обуздать. Онъ поправляется, оканчивая рѣчь. „Если бы нѣкоторые люди, говоритъ онъ:—къ какой бы партіи они ни принадлежали, захотѣли продолжить волненіе, которое сдѣлается бесполезнымъ послѣ того, какъ вы совершите правосудіе, то самъ Парижъ заставитъ ихъ исчезнуть!“ Онъ потребовалъ, чтобы былъ сдѣланъ запросъ собранію по поводу упраздненія коммисіи Двѣнадцати.

Рабо тицетно требуетъ среди шума, чтобы коммисію по крайней мѣрѣ выслушали. Онъ доноситъ на Сантерра, который долженъ былъ, говоритъ онъ, вступить ночью въ Парижъ съ волонтерами, отправлявшимися въ Вандею, но которыхъ для этого акта тираніи задержали у воротъ столицы. Рѣчь Рабо прерываютъ крики. Прежде всего хотятъ выслушать депутацію отъ Коммуны.

Верньо, на котораго сыпется брань съ трибунъ, занимаемыхъ народомъ, требуетъ, чтобы онѣ были очищены. „Вы насъ обвиняете, кричитъ Рабо Бурдону де-Л'Уазъ:— потому что знаете, что мы должны обвинить васъ!“ Допускается депутація отъ квартала Обсерваторіи. Она хочетъ, заявляетъ она, во имя главнаго совѣта сообщить о мѣрахъ, принятыхъ ею. Она говоритъ, что поставила собственность подъ защиту санкюлотовъ, а такъ какъ этотъ классъ людей не можетъ обойтись безъ заработка, то она назначила имъ по сорока су въ день. „Народъ, говоритъ ораторъ:—возставшій въ первый разъ 10-го августа, чтобы свергнуть съ трона тирана, возстаетъ вторично, чтобы положить конецъ убійственнымъ для свободы заговорамъ контръ-революціонеровъ!“— „Укажите, какіе это заговоры!“ кричатъ ему жирондисты. Гаде, возмущенный такою дерзостью, бросается на трибуну. „Петиціонеры, говоритъ онъ:— говорятъ объ огромномъ заговорѣ; они ошибаются только въ одномъ словѣ: вмѣсто того чтобы сказать, что они его открыли, они должны были бы сказать, что они привели его въ исполненіе“. При этихъ словахъ кажется, что трибуны обрушатся на голову Гаде. „Дайте досказать этому Дюмуре“, говоритъ Бурдонъ де-Л'Уазъ. „Какъ вы полагаете, продолжаетъ Гаде:—законы издаютъ секціи Парижа или вся республика? Если поставить власть выше закона, то это значило бы разрушить республику. А тѣ, кто приказываютъ бить въ набатъ, запираютъ городскія ворота и стрѣляютъ изъ вѣстовой пушки, развѣ не ставятъ себя выше закона? Это не парижскіе кварталы, а нѣсколько злодѣевъ!“— „Вы хотите погубить Парижъ, вы клеветаете на него!“ кричитъ Гора.— „Другъ Парижа—это я; враги Парижа—вы!“ отвѣчаетъ ораторъ. Онъ хочетъ продолжать свою рѣчь; крики и ругательства прерываютъ его.

16.

Предсѣдатель грозитъ, что прикажетъ очистить трибуны. „Новая власть поднимется рядомъ съ вами, продолжаетъ Гаде:—если вы позволите существовать этому революціонному комитету...“ Голосъ его снова замираетъ среди шума. Едва слышны его заключенія по поводу того, что надо отмѣнить всѣ мѣры, принятія муниципалитетомъ, и поручить коммисіи Двѣнадцати найти и наказать тѣхъ, кто велѣлъ закрыть заставы, бить въ набатъ и стрѣлять изъ пушки. Верньо смѣняетъ Гаде и старается ослабить раздраженіе, произведенное его

другомъ. „Развѣ одни только жирондисты будутъ имѣть право говорить?“ кричитъ ему Лежандръ. Слово дано Кутону.

Робеспьеръ шопотомъ говоритъ нѣсколько словъ своему сотоварищу и провозжааетъ его глазами до трибуны. „Безъ сомнѣнія Парижъ волнуется, говорить Кутонъ:—Коммуна приказала бить въ набатъ; но мы переживаемъ такую критическую минуту, когда она могла взять на свою отвѣтственность мѣры, необходимыя въ подобныхъ обстоятельствахъ. Гаде обвиняетъ ее въ томъ, что она подготовила возмущеніе. Гдѣ же это возмущеніе? Это значить оскорблять парижскій народъ—сказавъ, что онъ возмутился. Если и есть волненіе, то его возбудила ваша коммиссія. Та самая преступная партія, которая, желая скрыть огромный заговоръ, хочетъ, чтобы поднялось сильное волненіе. Эта партія хочетъ, распространяя клевету, зажечь гражданскую войну, дать нашимъ врагамъ поводъ войти во Францію и провозгласить тирана. Вспомните, граждане, какъ дворъ, изыскивая все новыя и новыя средства погубить свободу, придумалъ учредить Центральный комитетъ. Подобнымъ же образомъ партія государственныхъ мужей заставила создать коммиссію. Коммиссія двора приказала арестовать Гебера, коммиссія Двѣнадцати также приказала арестовать его. Коммиссія двора издала приказъ объ арестѣ трехъ депутатовъ; а когда она увидала, что общественное мнѣніе перестаетъ быть на ея сторонѣ, она прибѣгла къ вооруженной силѣ. Развѣ это не то же самое, что дѣлаетъ коммиссія Двѣнадцати?“ Эта хитрая параллель Кутона между дѣйствіями двухъ тираній заставила содрогнуться народъ на трибунахъ; это сравненіе переносило его къ 10-му августа. Ораторъ, прерванный рукоплесканіями, казалось, наслаждался ненавистью, которую возбудилъ, и ему не хватало голоса, чтобы продолжать рѣчь.

Верно почувствовалъ ударъ: сердце у него застучало. Онъ обратился къ сторожу, приносившему въ стаканѣ воду для ораторовъ трибуны: „Дайте стаканъ крови Кутону: онъ жаждетъ ее!“ Затѣмъ онъ сдѣлалъ усиліе овладѣть собою и, чувствуя, что необходимо сдѣлать небольшую уступку обстоятельствамъ, чтобы обезоружить народъ, онъ взомель на трибуну. „И я также, сказалъ онъ:—требую, чтобы вы постановили объявить, что парижскія секціи оказали большую услугу отечеству поддержавъ спокойствіе въ этотъ критическій день, и чтобы вы предложили имъ имѣть такой же надзоръ до тѣхъ поръ, пока всѣ заговоры не будутъ уничтожены“. Это двусмысленное предложеніе было принято обѣими утомившимися партіями: каждая изъ нихъ думала, что подаетъ голосъ противъ другой.

Являются новые петиціонеры. Они уже болѣе настойчиво требуютъ, чтобы депутаты, измѣнившіе отечеству, были подвергнуты суду; они требуютъ, чтобы было образовано революціонное войско Парижа, оплачиваемое жалованіемъ по сорока су въ день, ареста двадцати-двухъ жирондистовъ, таксы на хлѣбъ, по три су за фунтъ, вооруженія всѣхъ санкюлотовъ. Послѣ этихъ петиціонеровъ являются чиновники парижской администраціи и читаютъ грозный адресъ противъ жирондистовъ „Они хотѣли уничтожить Парижъ! говорить Люилье, ихъ президентъ:—Если Парижъ исчезнетъ съ поверхности земли, то лишь защищая противъ нихъ единство республики! Потомство отомститъ за насъ! Пора, законодатели, кончить эту борьбу. Народъ раз-

дражень такой медлительностью. Пусть трепещутъ его враги. Его величавый гнѣвъ готовъ разразиться. Пусть они трепещутъ! Вселенная содрогнется отъ его мести. Инаръ старался вызвать междоусобную войну и уничтожить столицу! Мы требуемъ у васъ обвинительнаго декрета противъ него и его сообщниковъ, всѣхъ этихъ Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Бюзо, Барбару, Ролановъ, Лебренъ, Клавьеръ. Отомстите за насъ Инару, Ролану и подайте великій примѣръ!“

17.

Едва успѣли прочесть этотъ декретъ, какъ толпа, сопровождавшая депутацию, разсѣялась по скамьямъ Горы. Верньо и Дюльсе протестуютъ противъ противозаконнаго безпорядка, мѣшающаго ходу преній. „Такъ пусть, говоритъ Левассеръ (де-ла-Сартъ): — депутаты Горы перейдутъ всѣ на эту сторону (онъ указываетъ на пустыя скамьи правой стороны). Наши мѣста будутъ хорошо охранены петиціонерами!“ Гора повинуется и бросается въ сторону жирондистовъ, вправо. Верньо приказываетъ позвать командира вооруженныхъ батальоновъ, чтобы онъ принялъ приказанія отъ предсѣдателя. Валазе протестуетъ отъ имени четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, представителемъ которыхъ онъ является, противъ рѣшенія, принятаго подъ угрозой мятежа. Робеспьеръ хочетъ говорить. Верньо встаетъ. „Национальный Конвентъ, говоритъ онъ: — не можетъ вести пренія въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится теперь; пойдемъ присоединимся къ вооруженной силѣ и встанемъ подъ защиту народа“.

Съ этими словами Верньо уходитъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими друзьями; но онъ скоро возвращается, быть можетъ оттиснутый толпой или движимый сожалѣніемъ, что оставилъ трибуну своимъ врагамъ. Робеспьеръ успѣлъ уже занять ее и упрекалъ собраніе въ нерѣшительности и слабости его постановленій. Верньо, услышавшій послѣднія слова оратора, проситъ слова. Робеспьеръ съ презрѣніемъ смотритъ на Верньо съ высоты трибуны.

„Я не буду занимать вниманіе собранія говоря о бѣгствѣ и возвращеніи тѣхъ, которые покинули засѣданіе, сказалъ онъ. — Полумѣрами не спасешь отечества. Вашъ Комитетъ общественнаго спасенія, черезъ посредство Барера, сдѣлалъ вамъ нѣсколько предложеній. Одно изъ нихъ я принимаю — а именно предложеніе объ уничтоженіи комиссіи Двѣнадцати. Но неужели вы думаете, что этого довольно для успокоенія тѣхъ людей, которыхъ волнуетъ, какимъ способомъ спасти отечество? Нѣтъ. Комиссія эта однажды была уже упразднена, а измѣны все-таки не прекратились. Примите противъ ея членовъ болѣе рѣшительныя мѣры, на которыя вамъ только что указали петиціонеры. Здѣсь есть люди, которые хотѣли бы наказать это возстаніе какъ преступленіе! Итакъ вы предоставите вооруженную силу въ распоряженіе тѣхъ, которые хотятъ направить ее противъ народа“. Робеспьеръ хотѣлъ, повидимому, рассмотреть различныя мѣры, предложенныя по этому поводу. Верньо, утомленный ожиданіемъ удара, который Робеспьеръ собирается нанести ему, кричитъ нетерпѣливо: „Дѣлайте же заключеніе!“ Это обращеніе вызываетъ сильный ропотъ противъ Верньо. Робеспьеръ съ презрительной улыбкой смотритъ на своего противника. „Да! я сейчасъ сдѣлаю заключеніе, и оно будетъ

противъ васъ! говоритъ онъ: — противъ васъ, который послѣ революціи 10-го августа хотѣлъ отправить на эшафотъ тѣхъ, кто произвелъ ее! противъ васъ, который не переставалъ взывать къ разрушенію Парижа! Противъ васъ, хотѣвшаго спасти тирана! Противъ васъ, составлявшаго заговоръ вмѣстѣ съ Дюмуре! Противъ васъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовавшаго тѣхъ самыхъ патріотовъ, головы которыхъ требовалъ Дюмуре! Противъ васъ, преступная мстительность котораго вызвала возмущеніе, которое вы хотите вмѣнить въ преступленіе вашимъ жертвамъ! Мое заключеніе—это обвинительный декретъ противъ сообщниковъ Дюмуре и противъ всѣхъ тѣхъ, на кого указали петиціонеры!“

Каждое изъ заключеній Робеспьера, покрытое аплодисментами Горы, петиціонеровъ и трибунъ, отнимало у Верньо даже мысль о возраженіи. Конвентъ и народъ обрушился, казалось, всею тяжестью на жирондистовъ. Они молчали. Пустили на голоса декретъ, предложенный Бареромъ. Этотъ декретъ помимо упраздненія коммисіи Двѣнадцати заключалъ въ себѣ и нѣкоторыя съ перваго взгляда кажушіяся самостоятельными мѣры Конвента, цѣлью которыхъ было сохранить въ глазахъ департаментовъ внѣшнее приличіе. Декретъ былъ принятъ безъ преній Равниной и Горой. Радость, съ одной стороны притворная, съ другой—злорадная, объяла все собраніе и сообщилась черезъ трибуны толпѣ, тѣснившейся у дверей залы. Базиръ предложилъ Конвенту пойти побрататься съ народомъ и слить свое единодушіе съ единодушіемъ всѣхъ гражданъ. Предложеніе это было встрѣчено съ восторгомъ. Страхъ также имѣетъ свои минуты умиленія. Коммуна тотчасъ же приказала иллюминировать Парижъ. Члены Конвента, предшествуемые и окруженные людьми, несшими факелы, почти всю ночь ходили по главнымъ кварталамъ столицы, сопровождаемые членами секцій и отвѣчали криками на крики: „Да здравствуетъ республика!“ Жирондисты, боявшіеся обратить на себя вниманіе своимъ отсутствіемъ, слѣдовали за шествіемъ и присутствовали, выражая притворную радость, при торжествѣ побѣды, одержанной надъ ними самими. Тамъ находились Кондорсе, Петіонъ, Жансонне, Верньо, Фонфредъ. Людовикъ XVI былъ отомщенъ: у заговорщиковъ 10-го августа было свое 20-е іюня. Этотъ унижительный триумфъ, на который народъ увлекалъ ихъ насильно, былъ предвѣстникомъ ихъ близкаго паденія и первымъ поруганіемъ, которымъ начинался рядъ долгихъ ихъ мученій. „Что нравится тебѣ больше: эти оваціи или эшафотъ?“ спросилъ настолько громко, чтобы его слышали, Фонфредъ у Верньо, который шелъ съ нимъ рядомъ опустивъ голову. „Мнѣ все равно, отвѣтилъ на это Верньо съ стоическимъ равнодушіемъ:—пѣтъ выбора между этой прогулкой и эшафотомъ; она ведетъ насъ къ нему!“

XII.

Попытка арестовать Ролана.—Госпожа Роланъ въ Собраніи.— Она арестована.— Власть Комитета общественнаго спасенія.—Набатъ.—2-е іюня.—Ръчи.—Собраніе.— Ланжюине.—Мятежъ.—Конвентъ передъ народомъ.—Судъ надъ жирондистами.

1.

Въ то время какъ жирондисты сопровождали шествіе, торжествовавшее ихъ паденіе, революціонный комитетъ Коммуны отправилъ вооруженныхъ людей арестовать Ролана въ его домѣ. Злопамятство этого старика, умъ и красота его жены, народная молва, обращающая ихъ домъ въ очагъ заговоровъ противъ Горы, ругательства Марата, внушенія Робеспьера, постоянные намеки въ якобинскихъ газетахъ на тайное могущество этой семьи, наконецъ имя роландистовъ, данное жирондистамъ и смѣшивавшее такимъ образомъ мнимыя преступленія Ролана съ преступленіями, которыя приписывались его друзьямъ,—не позволяли народу забыть этого павшаго министра. Роланъ не пользовался преимуществомъ паденія: забвеніемъ. Этого человѣка слишкомъ боялись, чтобы простить ему. Въ лицѣ его думали арестовать цѣлый заговоръ противъ республики и найти у него нити и душу партіи федерализма. Въ шесть часовъ вечера, въ то время какъ толпа окружала Конвентъ, а друзья Ролана боролись на трибунѣ, представители секцій явились къ нему и потребовали именемъ Революціоннаго комитета, чтобы онъ послѣдовалъ за ними. Они показали ему письменный приказъ. „Я не знаю такой власти въ конституціи, отвѣтилъ Роланъ:—и отказываюсь добровольно повиноваться приказаніямъ, исходящимъ отъ власти незаконной. Если вы употребите насиліе, то я могу противопоставить вамъ только сопротивленіе человѣка моихъ лѣтъ; но я буду протестовать до послѣдняго вздоха.“—„У меня нѣтъ приказа употребить насиліе, сказалъ начальникъ секціонеровъ, которому было поручено произвести арестъ:—я пойду доложу объ этомъ совѣту Коммуны, а здѣсь оставлю своихъ товарищей, которые отвѣчаютъ мнѣ за васъ“.

2.

Госпожа Роланъ вооружается всей силой негодованія, которое внушаетъ ей нарушеніе закона и опасность, угрожающая ей мужу. Она поспѣшно набрасываетъ письмо Конвенту, требуя, чтобы онъ отомстилъ за нихъ. Кромѣ того, она пишетъ еще письмо президенту и проситъ его дозволить ей присутствовать лично на засѣданіи суда. Она бросается въ первую попавшуюся извозничью карету и велитъ везти себя въ Тюльери.

Толпа и войско наполняли дворы Тюльери. Госпожа Роланъ опускаетъ на лицо вуаль, изъ страха быть узанной врагами. Сначала ее отталкиваютъ часовые, но затѣмъ она хитростью и настойчивостью добивается проуска въ залу петиціонеровъ. Она слышитъ оттуда, въ теченіе нѣсколькихъ томительныхъ часовъ, глухой отголосокъ шума въ залѣ и волненія трибунъ, которыя поносятъ ея друзей и одобряютъ ея враговъ. Она посылаетъ записку предсѣдателю черезъ одного депутата Равнины, по имени Розъ, который узналъ ее и взялъ ее подъ свое покровительство. Розъ возвращается послѣ продолжительнаго отсутствія. Онъ сообщаетъ ей о проискахъ противъ партіи жирондистовъ, объ удрученномъ состояніи, въ которомъ они находятся, объ опасности, грозящей двадцатидвумъ жирондистамъ подвергнуться осужденію на смерть, о невозможности для Конвента уклониться на-время отъ этой борьбы не на животь, а на смерть, чтобы выслушать и обсудить требованіе женщины. Она продолжаетъ настаивать. Розъ приводитъ къ ней Верньо.

Госпожа Роланъ и Верньо разговариваетъ въ то время, какъ ихъ партія терпитъ пораженіе. „Устройте такъ, чтобы меня впустили, чтобы мнѣ разрѣшили говорить, просить мужественная женщина Верньо:—я выскажу такіа истины, которыя не будутъ бесполезны для республики и которыя выведутъ Конвентъ изъ его оцѣпенѣнія. Примѣръ мужества можетъ устыдить націю“. Краснорѣчіе, на которое она чувствовала себя способной, заставляло ее заблуждаться насчетъ трусости собранія. Верньо скорбитъ объ ея иллюзіи, пытается отговорить ее отъ ея намѣренія, сжимаетъ ея руки въ своихъ, какъ бы прощаясь съ нею, и возвращается въ залу растроганный и укрѣпленный, чтобы отвѣтить Робеспьеру.

Госпожа Роланъ выходитъ изъ Тюльери, бѣжить пѣшкомъ къ Луве, мужество котораго она цѣнитъ и хочетъ призвать къ себѣ на помощь. Луве находился въ Конвентѣ. Когда она вернулась домой, привратникъ объявилъ ей, что Роланъ, освобожденный изъ-подъ надзора секціонеровъ, скрылся въ соседнемъ домѣ. Она бѣжитъ туда. Ея мужъ уже перемѣнилъ убѣжище. Она слѣдуетъ за нимъ изъ дома въ домъ и наконецъ находитъ его; она падаетъ въ его объятія, рассказываетъ ему о своихъ попыткахъ, радуется его освобожденію, и снова уходитъ, чтобы заставить открыть себѣ двери Конвента.

3.

Уже два часа назадъ наступила ночь. Эта женщина, одна, проходитъ по иллюминированнымъ улицамъ, не понимая, которая изъ партій празднуетъ этой иллюминаціей свою побѣду. Дойдя до Карусельской площади, гдѣ только что стояли сорокъ тысячъ войска и волновалась безчисленная толпа, она застаётъ площадь пустой и безмолвной. Только нѣсколько часовыхъ охраняютъ ворота національнаго дворца. Засѣданіе было закрыто. Она разспрашиваетъ кучку санкюлотовъ, которые караулили пушку. Они рассказываютъ ей съ восторгомъ, который, какъ они думаютъ, раздѣляетъ и она, что комиссія Двѣнадцати упразднена, что эта жертва примирила патріотовъ, что Парижъ спасаетъ республику, что царство измѣнниковъ кончилось и побѣдоносный муниципалитетъ не замедлитъ арестомъ двадцати-двухъ. Она, подавленная, возвращается домой.

Жансонне.

Она цѣлуетъ свою спящую дочь и раздумываетъ, не искать ли спасенія отъ ареста въ бѣгствѣ. Убѣжище, гдѣ спрятался ея мужъ, не могло скрыть ихъ обоихъ. Единственный, возможный теперь для нея пріютъ далъ бы поводъ вѣрить клеветѣ на ея добродѣтель, чего она, въ своей чистотѣ, боялась больше смерти. Она рѣшилась ждать свою судьбу и мужественно встрѣтить ее у своего очага, какъ супруга и мать. Она уже давно пріучила себя къ мысли о преслѣдованіи и даже объ убійствѣ. Сердце ея, снѣдаемое двойною страстью: мужественною любовью и безнадежнымъ патріотизмомъ, съ нѣкоторыхъ поръ рисовало ей въ смерти единственное убѣжище для ея добродѣтели и славное безсмертіе для ея имени. Она сожалѣла только о своей дочери, въ которой видѣла зародыши своихъ талантовъ, но разумъ которой, болѣе сильный и ясный, былъ способенъ управлять страстями. У нея были вѣрные друзья, которымъ она могла довѣрить свое сокровище. Спокойная съ этой стороны, она была готова ко всему. Участь второй Лукреціи не пугала ея воображенія, лишь бы кровь ея обагрила собою знамя республики. Принявъ это рѣшеніе, она сѣла писать Ролану о результатахъ дня. Побѣжденная усталостью и мучительной тревогой, пережитой въ теченіе дня, она только что заснула, когда члены секціи ворвались въ ея домъ и приказали служанкѣ разбудить ее. Она встаетъ и, зная напередъ, какая участь ее ожидаетъ, надѣваетъ скромное платье и связываетъ въ узелъ самыя необходимыя носильныя вещи, какъ будто она навсегда покидала свой домъ. Секціонеры ждутъ ее въ ея гостиной; они предъявляютъ ей приказъ Коммуны объ ея арестѣ. Она проситъ обождать минуту арестомъ, чтобы увѣдомить запиской одного изъ своихъ друзей о своемъ положеніи и поручить ему свою дочь. Ей разрѣшаютъ; но когда начальникъ секціонеровъ началъ настаивать, чтобы прочесть то, что она написала, и хотѣлъ узнать имя ея друга, къ которому она обращалась, она съ негодованіемъ разорвала свое письмо, предпочитая лучше исчезнуть не простившись, чѣмъ выдать человѣка, чувство ея дружбы къ которому было бы вмѣнено ему въ преступленіе.

На разсвѣтѣ ее увезли отъ дочери и рыдающихъ слугъ. „Какъ васъ любить!“ съ удивленіемъ сказалъ одинъ изъ секціонеровъ, всегда видѣвшій въ прекрасной и чувствительной женщинѣ только главу гнусной и оклеветанной партіи. „Потому что и я люблю!“ съ трогательной гордостью отвѣтила ему госпожа Роланъ.

Ее посадили въ карету, окруженную жандармами. Народъ и уличныя женщины, съ утра собѣжавшіяся полюбоваться зрѣлищемъ этого ареста, провожали карету криками: „На гильотину!“ Толпа любитъ видѣть всякое униженіе. Комиссаръ коммуны спросилъ госпожу Роланъ, не желаетъ ли она опустить окна кареты, чтобы избавиться отъ этихъ взглядовъ и криковъ. „Нѣтъ, сказала она:—гонимая невинность не должна имѣть вида преступленія и стыда; я не боюсь взглядовъ порядочныхъ людей и презираю своихъ враговъ.“—У васъ больше характера, чѣмъ у многихъ мужчинъ, сказалъ ей комиссаръ:—вы спокойно ожидаете правосудія.—„Правосудія! отвѣтила она:—если бы оно было, я не была бы здѣсь! Я взойду на эшафотъ такъ же, какъ отправляюсь въ тюрьму. Я ставлю ни во что жизнь“. Двери тюрьмы закрылись за нею. Всѣ добродѣтели, ошибки, надежды, раскаяніе и весь героизмъ ея партіи, казалось, вошли вмѣстѣ

съ нею въ эту темницу. Исторія послѣдуетъ туда за нею, чтобы созерцать ихъ.

4.

Засѣданіе Конвента на слѣдующій день, 1-го іюня, было занято только чтеніемъ прокламаціи Комитета общественнаго спасенія къ французскому народу, которая была составлена и прочитана Бареромъ. Эта прокламація, носившая печать слабости и превратности событій и участи людей, извиняла возстаніе, какъ счастливое беззаконіе Парижа и изображала жирондистовъ, какъ представителей слишкомъ суровой добродѣтели, вины которыхъ загладила Конвентъ. Коммуна, опьяненная своею побѣдой, выражалась болѣе повелительно и собиралась прикончить своихъ враговъ. Маръ Пашъ уже не притворялся, что порицаетъ Комитетъ возстанія въ Архіепископствѣ. „Я явился, сказалъ онъ:— изъ Комитета общественнаго спасенія, куда меня призывали. Я нашелъ, что намѣренія его самыя прекрасныя: Маратъ, который былъ тамъ, засвидѣтельствуетъ вамъ это. Маратъ хочетъ подать вамъ совѣтъ въ теперешнихъ важныхъ обстоятельствахъ“.

Маратъ дѣйствительно появляется на трибунѣ. „Возстанъ, державный народъ! говоритъ онъ:—Ты можешь разсчитывать только на свою собственную энергію; твои уполномоченные измѣняютъ тебѣ. Явись въ Конвентъ, прочти свой адресъ и не уходи, не получивъ отвѣта. Затѣмъ поступай сообразно своимъ правамъ и выгодамъ. Вотъ совѣтъ, который я хотѣлъ дать тебѣ“. Коммуна, слѣдуя совѣту Марата, выбираетъ двѣнадцать комиссаровъ, шестерыхъ изъ своей среды, а шестерыхъ изъ Комитета возстанія, для представленія адреса въ Конвентъ. Президентъ благодаритъ Марата за то, что онъ вдохнулъ свою энергію Коммунѣ. Рѣшено принять мѣры, чтобы поднять къ возстанію все населеніе Парижа, раздать жалованіе санкюлотамъ, бить набатъ, сборъ и стрѣлять изъ пушки.

5.

Между тѣмъ Комитетъ общественнаго спасенія, которому Конвентъ своимъ декретомъ передалъ всю власть и отвѣтственность, отнятыя наканунѣ у коммисіи Двѣнадцати,—началъ свои совѣщанія. Большинство его составляли депутаты Горы и нѣсколько нейтральныхъ депутатовъ Равнины. Комитетъ общественнаго спасенія совѣщался тайно и насчитывалъ только девять членовъ: Барера, Дельма, Бреара, Камбона, Роберта Линде, Гюитона де-Морво, Трейлара, Лакруа д'Ерѣ-е-Луаръ, Дантона. Въ этомъ неожиданно облеченномъ диктаторской властью комитетѣ Бареръ, какъ всегда, старался все пронюхать, а Дантонъ господствовалъ, какъ повсюду. Комитетъ, освѣдомленный черезъ своихъ агентовъ о рѣшеніяхъ Коммуны и о проектѣ арестовать двадцати-двухъ, провелъ ночь и часть дня въ совѣщаніи. Онъ призвалъ Паша, Гара, министра внутреннихъ дѣлъ, и Бушотта, военнаго министра, креатуру Паша. Свѣдѣнія были ужасны; мнѣнія колебались; приходилось выбирать одно изъ двухъ: или во всемъ отказать Коммунѣ или при посредствѣ Конвента помочь ей уничтожить его собственныхъ членовъ. Пашъ, Бушоттъ и Гара не скрывали уже отъ

комитета, что арестъ двадцати-двухъ былъ единственною мѣрою, которая могла успокоить броженіе въ Парижѣ. Эта жестокая необходимость принести въ жертву своихъ товарищей ненависти большинства, повидимому, была противна даже Бареру. „Неизвѣстно, говорилъ онъ Пашу: — кто же представляетъ собою націю: національный Конвентъ или парижская Коммуна“.

Трейларъ, Дельма, Бреаръ, Камбонъ также возмущались мыслью посягнуть на неприкосновенность единственной существовавшей въ то время высшей власти и поощрить такимъ образомъ заговорщиковъ и бросить вызовъ департаментамъ. Это значило признать худшую изъ диктатуръ, о которыхъ столько говорили: диктатуру мятежей.

Лакруа, фанатикъ-кордельеръ, преданный Дантону, какъ гению республики, не осмѣливался высказать своего мнѣнія раньше своего главы, боясь ошибиться въ преступленіи. Дантонъ, казалось, самъ впервые колебался. Онъ выслушивалъ все и все принималъ къ свѣдѣнію, но скрывалъ подъ маской безстрастія волновавшія его мысли, которыя раньше всегда такъ ясно читались на его лицѣ. Но въ его неподвижности было болѣе скорби, нежели негодованія. Его лицо, казалось, заранѣе выражало трауръ по республикѣ.

Гара стоналъ около Дантона о неминувости опасности, о важности покушенія, о мрачныхъ послѣдствіяхъ принесенія подобной жертвы грубой силѣ народа. Потомъ, какъ бы озаренный одною изъ тѣхъ внезапныхъ мыслей, которыя, подобно вспышкѣ молніи, освѣщаютъ темноту, воскликнулъ: „Я вижу только одно средство къ спасенію, но для этого нуженъ героизмъ, котораго нельзя ожидать въ наше время всеобщей испорченности“. — „Говори, сказалъ Дантонъ: — наши души высоки, каковыми онѣ были во всѣ времена, революція не унизила человѣческой природы“. — „Итакъ, снова съ робостью началъ Гара, какъ человѣкъ, измѣряющій глубину сердца другого, не зная, найдетъ ли въ немъ добродѣтель или преступленіе: — вспомни о ссорахъThemistocles и Аристиды, которыя чуть не погубили ихъ отечества, терзая его раздорами двухъ ожесточенныхъ партій. Аристидъ спасъ свое отечество величіемъ своей души. „Афиняне“, сказалъ онъ народу, который раздѣлился на двѣ партіи: его и его противника: „вы не будете спокойны и счастливы до тѣхъ поръ, пока не бросите меня и Themistocles въ пропасть, куда вы бросаете преступниковъ“. — „Ты правъ, воскликнулъ Дантонъ, понявъ намекъ прежде, чѣмъ Гара успѣлъ примѣнить его къ данному обстоятельству, и вставая, какъ человѣкъ, видящій въ чемъ спасеніе и берущій его на себя: — ты правъ! единство республики должно восторжествовать на нашихъ трупахъ, если это необходимо; мы и враги наши должны въ равномъ числѣ удалиться изъ Конвента, чтобы вернуть ему силу и миръ! Я бѣгу объявить это рѣшеніе героическимъ друзьямъ съ Горы и предложу первый отправиться заложникомъ въ Бордо“.

Весь комитетъ, увлеченный великодушнымъ энтузіазмомъ Дантона, согласился на его предложеніе, которое, оставляя честь жертвы монтаньярамъ, спасало честь жирондистовъ и давало побѣду только патриотизму. Гара видѣлъ въ немъ прекращеніе пугавшей его борьбы; Бареръ — продолженіе равновѣсія партій; самъ Пашъ — дорогу къ высшей судебной власти въ республикѣ, которой мечтали облечь его подъ именемъ „великаго народнаго судьи“; наконецъ Дантонъ,

античнымъ поступкомъ личнаго самопожертвованія, который защитилъ бы его имя отъ упрековъ за сентябрь,—думалъ доказать свое патріотическое безкорыстіе, долженствовавшее еще болѣе возвеличить его въ народномъ воображеніи и дать ему, въ силу уваженія, то высшее управленіе республикой, котораго онъ не могъ еще добиться популярностью.

Но энтузіазмъ испаряется по мѣрѣ того, какъ люди успокаиваются, и внезапныя рѣшенія совѣта рѣдко принимаются въ большихъ собраніяхъ. Дантонъ увлекъ нѣсколькихъ друзей; остальные просили дать имъ время подумать. Онъ просилъ попытаться узнать мнѣніе Робеспьера. Робеспьеръ, болѣе политикъ и человѣкъ менѣе великодушный, отнесся критически къ мечтаніямъ Дантона и доказалъ ихъ несостоятельность его друзьямъ. Его логика, сказалъ онъ:—не позволяеть ему отречься не отъ власти, которой онъ не пользовался, а отъ полномочія народа, отправившаго его занять тотъ постъ, на которомъ онъ хотѣлъ умереть. Дѣло не во мнѣ, прибавилъ онъ:—а въ моихъ взглядахъ, которые суть взгляды народа и настоящаго времени. Ради нихъ я не имѣю права отречься. Пусть возьмутъ мою голову, но самъ я не выдамъ ее. Ктому же пропасть Аристиды—только великій софизмъ. Или Аристидъ думалъ, что онъ вредитъ отечеству и тогда долженъ былъ самъ броситься въ пропасть, или же онъ думалъ, что спасаетъ его, и тогда долженъ былъ бросить въ пропасть своихъ враговъ. Вотъ логика. Героизмъ Дантона—только умиленіе слабого сердца, колеблющагося подъ тяжестью своего долга и предающаго революцію ради одной слезы“.

6.

Дантонъ, Бареръ, Лакруа, Гара, пораженные непоколебимостью Робеспьера, принуждены были отказаться отъ этого проекта, и видѣли спасеніе Конвента въ немедленномъ и добровольномъ отреченіи двадцати - двухъ. Они всячески старались убѣдить вышеупомянутыхъ депутатовъ въ необходимости пожертвовать собою ради единства республики. Патріотизмъ и страхъ помогли имъ убѣдить въ этомъ нѣсколькихъ членовъ. Но большинство и предводители партій предпочитали ожидать, чтобы преступленіе выступило во всемъ своемъ ужасѣ, нежели ослабить его ударъ, предупредивъ его. Подобно Робеспьеру, они отвѣтили посредникамъ отъ Комитета общественнаго спасенія: „Пусть возьмутъ наши головы; мы отдаемъ ихъ республикѣ, а не нашимъ убійцамъ!“

7.

Исполнительный комитетъ съ этихъ поръ безпрерывно засѣдалъ въ магистратѣ, въ залѣ, сосѣдней съ залой совѣта Коммуны. Онъ состоялъ изъ Варле, Добсена, Дюфурни, Гассенфраца, Гюсмана,—все приверженцевъ Марата. Маратъ внушилъ имъ мысль вернуть въ Парижъ батальоны волонтеровъ, выступившихъ противъ Вандей, окружить Конвентъ и блокировать его до тѣхъ поръ, пока онъ не выдастъ двадцати-двухъ членовъ и комиссію Двѣнадцати. Въ то время какъ эмиссары Комитета возстанія отправились, чтобы привести назадъ эти батальоны, снова забилъ набатъ на всѣхъ колокольныхъ Парижа, а барабаны секцій били сборъ во всѣхъ кварталахъ.

Жирондисты при звукѣ набата и барабановъ сошлись въ послѣдній разъ, не для совѣщаній, а чтобы, собравшись вмѣстѣ укрѣпиться духомъ передъ смертью. Крайняя степень опасности, невозможность предотвратить ее, гнѣвъ народа, который болѣе не дѣлалъ различія между ними и осыпалъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ проклятіями, все это установило между ними въ эту послѣднюю минуту полную солидарность и готовило имъ общую участь. Они ужинали всѣ вмѣстѣ въ уединенномъ домѣ улицы Клиши при шумѣ колоколовъ, барабановъ, при глухихъ раскатахъ отъ проѣзда пушекъ и артилерійскихъ повозокъ, которыя Анріо направлялъ къ Конвенту. Эти зловѣщіе звуки не отнимали у нихъ ни свободы духа, ни спокойствія, ни даже способности весело острить, что доставляло огромное удовольствіе этимъ неустрашимымъ сердцаамъ во время ихъ послѣднихъ бесѣдъ, причемъ, казалось, они бросали вызовъ судьбѣ и смерти. Они примирились съ своею участію и только въ концѣ ужина начали разсуждать о томъ, какъ лучше всего встрѣтить ее, и то не ради себя, а для того, чтобы явить собою примѣръ республикѣ. Высокія слова были произнесены и сокрыты этой ночью. Всѣ могли бы бѣжать, но никто не хотѣлъ этого. Петіонъ, имѣвшій слабость къ популярности, оказался неустрашимымъ передъ смертью; Жансонне, привыкшій видѣть смерть на полѣ битвы, и Бюзо, сердце котораго усиленно билось подъ впечатлѣніемъ геройскаго поступка его друга, несчастной госпожи Роланъ, хотѣли встрѣтить смерть на скамьяхъ Конвента и тамъ дать себя убить, призывая месть департаментовъ. Барбару, съ пылкостью молодого южанина показывая оружіе, спрятанное подъ одеждой, умолялъ своихъ товарищей вооружиться и хотѣлъ отомстить за себя самъ, истребивъ самыхъ опасныхъ изъ своихъ убійцъ. Луве, не оправдывая этотъ героизмъ, который не привелъ бы ни къ какимъ результатамъ, умолялъ своихъ друзей бѣжать, воспользовавшись смятеніемъ ночи, возбудить негодованіе и поднять возстаніе въ своихъ департаментахъ. Верньо, какъ всегда, полагался на случай и на свой геній и не хотѣлъ ничего рѣшать раньше времени. Его мужество даже вредило ему. Онъ слишкомъ охотно встрѣчалъ смерть, чтобы стараться избѣгать ее. Смерть, казалось, настолько сторожила его на всѣхъ путяхъ революціи, что онъ былъ совершенно равнодушенъ къ выбору пути, который долженъ былъ привести его къ ней. Сила, порождаемая отчаяніемъ, влечетъ за собою покорность судьбѣ. Надежда въ героизмѣ. Верньо былъ самымъ краснорѣчивымъ изъ гражданъ, но не былъ бойцомъ. „Чокнемся за жизнь или за смерть! ска- залъ онъ, вставая изъ-за стола, Петіону, сидѣвшему противъ него: — Эта ночь въ своемъ мракѣ скрываетъ для насъ то или другое. Не будемъ заботиться о себѣ, а о своемъ отечествѣ. Да будетъ это вино въ стаканѣ моею кровью, которую я выпью за спасеніе республики“. Заглушенные крики: „Да здравствуетъ республика!“ отвѣтили на возвышенныя слова Верньо. Несчастные жирондисты принуждены были понижать голосъ, обращая свои послѣднія пожеланія къ отечеству, изъ страха, чтобы ихъ не услышалъ тотъ самый народъ, за который они готовились умереть.

Набатъ, бой барабановъ, выстрѣлы изъ вѣстовой пушки, раздавашіеся одинъ за другимъ на площадкѣ Новаго моста, шаги вооруженныхъ секціонеровъ, спѣшившихъ на свои посты на улицахъ, все³ указывало жирондистамъ, что нельзя долѣ колебаться. Они разстались однако, не придя ни къ какому единодушному рѣшенію: каждый поступалъ сообразно со своими надеждами, отчаяніемъ, мужествомъ или слабостью; одни искали спасенія, бѣжавъ ночью за парижскія заставы; другіе отправились ожидать исхода засѣданія у своихъ друзей, которыхъ не подозрѣвали въ федерализмъ; самые великодушные и неосторожные пошли на засѣданіе Конвента, чтобы умереть на своемъ посту. Скамьи во время вечерняго засѣданія, которое открылось въ десять часовъ, долго оставались пустыми. Уже слухъ о ихъ бѣгствѣ и измѣнѣ распространился на Горѣ, когда присутствіе наиболѣе мужественныхъ изъ двадцати-двухъ показало ихъ презрѣніе къ своимъ убійцамъ.

Планъ блокады, предложенный Маратомъ, былъ принятъ. Всю ночь Анріо разставлялъ вокругъ Конвента батальоны парижскихъ волонтеровъ, призванные изъ предмѣстievъ въ городъ. Сто шестьдесятъ артилерійскихъ орудій и батальоны парижскихъ секцій, въ которыхъ Коммуна была менѣе увѣрена, образовали вторую линію за Карусельской площадью. Глубокое молчаніе царило въ рядахъ этой арміи гражданъ. Это былъ уже не мятежъ, а лагерь. Въ войскахъ этихъ чувствовалась рѣшимость справиться съ народнымъ представительствомъ хотя бы штыками. Сердца ихъ бились желаніемъ совершить преступленіе противъ конституціи.

На разсвѣтѣ открылось засѣданіе. Какъ и наканунѣ, председательствовали Маларме. Болѣе умѣренный нежели Геро де-Сешель, онъ умѣлъ придать насилію видъ законности. Гора поручила ему позаботиться о томъ, чтобы при осужденіи не пострадало достоинство закона. Ланжюинне посмотрѣлъ на почти пустыя скамьи жирондистовъ и готовъ былъ съ тѣмъ большей страстностью защищать ихъ, чѣмъ охотибѣ они сами предавали себя; онъ просилъ слова. „Долой Ланжюинне!“ кричатъ ему съ трибунъ: „онъ хочетъ зачекъ гражданскую войну!“ — „До тѣхъ поръ, пока здѣсь будетъ разрѣшено говорить свободно, говоритъ Ланжюинне: — я не позволю въ моемъ лицѣ унижать достоинство представителя народа. Я скажу правду. Слишкомъ вѣрно то, что вы уже три дня совѣщаетесь подъ ножомъ. Противники ваши управляютъ вами. Они окружили васъ своею властью. Внутри подкупленные наемники, извнѣ—пушки. Преступленія, которыя законъ наказываетъ смертю, были совершены. Похитители власти приказали стрѣлять изъ вѣстовой пушки“. При этихъ словахъ Лежандръ, Друзъ, Тюрро, Робеспьеръ младшій, встаютъ и бросаются, вооруженные пистолетами, къ трибунѣ, чтобы согнать оттуда Ланжюинне. Лежандръ приставляетъ свой пистолетъ къ его груди. Бирото, Дефермонъ; Пиластръ, Лидонъ, Пеніеръ бросаются на помощь къ Ланжюинне. Предсѣдатель прерываетъ засѣданіе. „Свобода погибнетъ, говоритъ онъ съ грустной торжественностью: — если подобные беспорядки продолжатся“. — „Однако, что же вы сдѣлали? съ убѣжденіемъ продолжаетъ Ланжюинне:—ничего для достоин-

ства Конвента, ничего чтобы охранить его членовъ, на которыхъ нападаютъ и уже въ теченіе двухъ дней угрожаютъ ихъ жизни!“—„Злодѣи! кричитъ ему Тюріо:—такъ ты поклялся погубить республику своими вѣчными ругательствами и клеветою!“—„Собраніе, похитившее власть, существуетъ, совѣщается, составляетъ заговоры, дѣйствуетъ, невозмутимо продолжаетъ ораторъ: — Распорядительный комитетъ призываетъ къ гражданской войнѣ и возмутительная коммуна продолжаетъ еще существовать! Третьяго дня, когда эта противная вамъ и незаконная власть окружила васъ вооруженной силой и пушками, вамъ принесли петицію, этотъ листъ, заключающій осужденіе вашихъ товарищей, найденный въ грязи парижскихъ улицъ“. При этихъ словахъ казалось, что Гора и трибуны обрушатся на Ланжюине. Толпа, сбѣсившаяся около дверей и въ коридорахъ, угрожаетъ смертью и отбѣсняетъ до ступеней трибунъ привратниковъ и стражу. Крики, поднятые кулаки, угрожающіе жесты, направленное противъ него оружіе, не вызвали даже дрожи въ голосѣ Ланжюине. Въ заключеніе онъ сказалъ, что коммуна будетъ обуздана направленными противъ нея кинжалами ея приверженцевъ.

Ланжюине смѣняетъ депутація отъ революціонныхъ властей Парижа. „Уполномоченные народа, говорятъ они:—Парижъ уже четыре дня не складывалъ оружія и уже четыре дня смѣются надъ его требованіями. Факель свободы угасаетъ, колонны равенства потрясены. Контръ-революціонеры дерзко поднимаютъ голову. Пусть они наконецъ затрепещутъ! Громъ гремитъ и уничтожитъ ихъ. Представители, преступленія крамольниковъ Конвента намъ извѣстны. Спасите насъ или же мы сами себя спасемъ!“

Бильо-Вареннъ требуетъ, чтобы петиція, которую намѣревались немедленно послать въ Комитетъ общественнаго спасенія, была обсуждена въ этомъ же засѣданіи. Равнина требуетъ разсмотрѣнія очередныхъ дѣлъ. „На очереди, кричитъ нетерпѣливый Лежандръ: — спасеніе отечества!“ Во время колебанія Конвента при словахъ Лежандра, которыя служили какъ бы условнымъ знакомъ между Горой и народомъ,—женщины и зрители съ шумомъ сбѣгаютъ съ трибунъ и кричатъ: „Къ оружію!“ Двери подаются съ трескомъ подъ напоромъ толпы. Одну минуту Конвенту кажется, что надъ нимъ хотятъ произвести насиліе даже въ его убѣжищѣ. „Спасите народъ отъ него самого! кричитъ депутатъ правой стороны, Ришонъ:—спасите головы вашихъ собратій издавъ декретъ о ихъ временномъ арестѣ!“—„Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ съ неустрашимостью древнихъ великодушный Ларевельеръ-Лепо, человекъ, релігіозное чувство котораго служить опорой его чувству долга: — нѣтъ, нѣтъ, не нужно слабости! Мы все раздѣлимъ участь нашихъ собратій!!!“

Но нѣкоторые, возбуждающіе паническій страхъ въ другихъ и смѣшивающіе низкую трусость съ осторожностью, продолжаютъ громко требовать декрета объ арестованіи себя самихъ. Левассёръ, другъ Дантона, бросается на трибуну. Врагъ Жиронды, но врагъ открытый, онъ хочетъ, чтобы Конвентъ былъ очищенъ, но не хочетъ проливать крови своихъ сотоварищей. „У насъ требуютъ, говоритъ онъ:—приказа о временномъ арестѣ двадцати-двухъ, чтобы защитить ихъ такимъ образомъ отъ народнаго гнѣва. Я настаиваю на томъ, что ихъ слѣдуетъ арестовать окончательно, если они того заслужили. Они заслужили

этого, и я сейчас вамъ это докажу“. Раздаются громкіе аплодисменты, которые выражаютъ заранѣ согласіе съ выводами Левассёра и возвѣщаютъ жирондистамъ, что они уже осуждены. Левассёръ продолжаетъ говорить; въ длинной рѣчи онъ перечисляетъ преступленія, которыя приписываютъ жирондистамъ, и прибавляетъ, что если они даже не виновны въ этихъ преступленіяхъ, то по крайней мѣрѣ ихъ подозрѣваютъ въ совершеніи ихъ и, какъ подозрѣваемые, они должны быть арестованы и судимы Конвентомъ на основаніи законовъ.

Молчаніе, воцарившееся во время рѣчи Левассёра, свидѣлствуетъ о внутренней борьбѣ, происходящей въ членахъ собранія. Бареръ, котораго ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, наконецъ возвращается изъ Комитета общественнаго спасенія и всходитъ на трибуну, чтобы прочесть оттуда донесеніе этого комитета. Лицо его, выражающее неудовольствіе, когда онъ смотритъ на правую, улыбается, когда онъ бросаетъ взглядъ на Гору и на немъ заранѣ можно прочесть рѣшеніе, вдохновителемъ и выразителемъ котораго онъ является. „Комитетъ, говоритъ онъ кратко: — полагаетъ, что онъ, изъ уваженія къ нравственному и политическому положенію Конвента, не можетъ издать декретъ объ арестѣ; но онъ думаетъ, что онъ обязанъ обратиться къ патріотизму и великодушію и потребовать отъ нихъ добровольнаго отказа отъ ихъ полномочія, — единственной мѣры, которая можетъ прекратить раздоры въ республикѣ и водворить въ ней миръ. Наконецъ комитетъ принялъ всѣ мѣры, чтобы поставить вышеупомянутыхъ членовъ подъ защиту народа и вооруженной силы Парижа“.

9.

Гробовое молчаніе Горы и ропотъ неудовольствія трибунъ доказываютъ жирондистамъ, что эта мѣра только наполовину удовлетворяетъ нетерпѣніе ихъ враговъ. Нѣкоторые спѣшатъ ухватиться за нее, какъ за якорь спасенія, который можетъ ускользнуть у нихъ, если пустятся въ разсужденія. Инаръ, нѣкогда самый пылкій изъ нихъ, теперь болѣе другихъ потерявшій мужество и удрученный, всходитъ съ опущенной головой по ступенямъ трибуны, чтобы первому произнести проклятіе противъ Парижа. „Когда на вѣсы кладутъ чело-вѣка и отечество, говоритъ онъ голосомъ, въ которомъ слышится покорность своей судьбѣ: — я всегда склоняюсь на сторону отечества! Объявляю вамъ, что если бы понадобилась моя кровь, чтобы спасти мою родину, то мнѣ не понадобилось бы иного палача кромѣ меня самого: я самъ снесъ бы свою голову на плаху и отцѣпилъ бы роковой ножъ, который долженъ былъ бы пресѣчь мою жизнь. Требуютъ, чтобы мы отказались отъ нашихъ должностей, какъ единственной мѣры, могущей предупредить страшныя несчастія, угрожающія намъ; итакъ, я самъ себя отрѣшаю и не хочу иной охраны, кромѣ народа!“ Инаръ спускается съ трибуны при одобреніяхъ однихъ и выраженіи презрѣнія со стороны другихъ. Лантена, слабохарактерный другъ Ролана, слѣдуетъ примѣру Инара. „Наши страсти, наша рознь вырыли пропасть подъ нашими ногами. Туда должны упасть двадцать-два объявленныхъ виновными члена!“ Фоше, гора желаніемъ найти защиту въ снисходительности народа,

спѣшить пожертвовать собою отечеству или страху. Старикъ Дюсо, ослабѣвшій подъ бременемъ лѣтъ или науки, также выражаетъ свою покорность судьбѣ. Аплодисменты покрываютъ и отмѣчаютъ каждое изъ этихъ отреченій. Удовлетворенный Конвентъ думаетъ избѣгнуть исключенія своихъ членовъ, воспользо-
вавшись добровольнымъ ихъ отреченіемъ подъ влияніемъ чувства патриотизма.

10.

Ланжюине встаетъ и въ послѣдній разъ всходитъ на трибуну. „Я полагаю, говоритъ онъ твердымъ голосомъ, какъ человѣкъ, у котораго чиста совѣсть: — я полагаю, что я выказалъ уже слишкомъ много энергіи и вы не можете ожидать, чтобы я отказался отъ своей должности“. При этомъ гордомъ заявленіи, Гора, трибуны, народъ, наполняющій залу, разражаются проклятіями и грозятъ смертью. Ланжюине съ презрѣніемъ смотритъ на толпу, издали грозящую ему, ругательства которой заглушаютъ его голосъ. Среди наступившаго на минуту молчанія слышится его негодующій упрекъ, обвиняющій въ низости его враговъ. „Когда древніе жрецы, говоритъ онъ: — тащили къ жертвенникамъ свои жертвы чтобы убить ихъ, они вѣнчали ихъ цвѣтами и надѣвали на нихъ повязки!.. Подлецы! они не оскорбляли ихъ!..“ При этой величественной картинѣ мрачнаго сравненія оратора съ жертвой, а жреца съ народомъ, шумъ затихаетъ, и народъ, пристыженный, въ свою очередь опускаетъ чело. Когда высокая рѣчь сопровождается высокимъ поступкомъ, человѣкъ помимо своей воли чувствуетъ себя поработленнымъ, краснорѣчіе становится героизмомъ, а геній сливается съ добродѣтелью. „Все кончено, продолжаетъ Ланжюине:—нельзя выйти отсюда, ни даже подойти къ окнамъ, чтобы потребовать правосудія у народа. Противъ насъ направлены пушки. Ни одно законное желаніе не можетъ быть высказано въ этой залѣ. Я кончилъ!..“ И онъ сходитъ съ трибуны.

Барбару, менѣе краснорѣчивый, но столь же непреклонный, смѣняетъ Ланжюине. „Если бы понадобилась моя кровь, чтобы упрочить свободу, я пролилъ бы ее, говоритъ онъ: — Если бы я долженъ былъ для этой же цѣли пожертвовать своею честью, я сказалъ бы вамъ: „Возьмите ее у меня: потомство будетъ моимъ судьей“. Наконецъ, если бы Конвентъ считъ необходимымъ, чтобы я отрекся отъ своихъ обязанностей, я повиновался бы его приказанію. Но я никогда не откажусь самъ отъ полномочій, которыми облекъ меня народъ. Нѣтъ, не ждите, чтобы я подалъ въ отставку. Я поклялся умереть на своемъ посту и сдержу свою клятву!“ Имъ восхищаются. Всѣ молчатъ.

„Жертвы отечеству! кричитъ Маратъ:—Они забываютъ, что нужно быть чистыми, чтобы предлагать такіа жертвы! Это я, истинный мученикъ свободы, долженъ предать себя за всѣхъ! Я предлагаю отказаться отъ своихъ полномочій въ ту минуту, когда вы издадите приказъ объ арестѣ двадцати-двухъ; я требую, чтобы, исключивъ изъ списка Дюко, Лантена и Дюсо, не заслуживающихъ чести подвергнуться изгнанію, вы прибавили имена Дефермона и Валазе, которые въ него не попали!“

11.

Бильо-Вареннъ, подобно Марату, возражалъ противъ нерѣшительности Барера, высказанной имъ въ заключеніи его рѣчи, когда у дверей собранія снова раздался шумъ и прервалъ пренія. Лакруа, другъ и повѣренный Дантона, тайно предупрежденный имъ о настоящемъ положеніи, вбѣжалъ въ залу съ протянутыми впередъ руками, какъ человѣкъ, который умоляетъ защитить его и отомстить своимъ убійцамъ. Онъ старается придать движеніямъ, голосу и позѣ выраженіе ужаса. „Оружіе было направлено мнѣ въ грудь, говоритъ онъ:—Конвентъ подъ картечью. Мы поклялись жить свободными или умереть; итакъ умремъ, но умремъ свободными!“

Жиронда и Равнина подтверждаютъ слова Лакруа. Они заявляютъ, что многіе изъ нихъ были оттиснуты въ залу и подверглись оскорбленіямъ. Дантонъ также выражаетъ негодованіе. Бареръ кричитъ, что Конвентъ, которому угрожаютъ, не можетъ издавать законы; что надъ нимъ тяготятъ новые тираны; что эта тиранія засѣла въ революціонномъ комитетѣ Коммуны; что этотъ совѣтъ пріютилъ злодѣевъ въ своей средѣ: онъ указываетъ на испанца Гюсмана друга и агента Марата; что въ эту самую минуту на глазахъ у Конвента раздаютъ войскамъ, окружившимъ его, жалованіе за службу у мятежниковъ. Дантонъ поддерживаетъ Барера и требуетъ, чтобы Комитетъ общественнаго спасенія отомстилъ за притѣсненныхъ представителей. Издается приказъ, чтобы вооруженная сила удалась изъ залы. Маларме, уставшій говорить, уступаетъ предѣлательство Геро де-Сешелю, торжественно предѣлательствующему въ дни слабости.

Быть можетъ, если бы на засѣданіи присутствовали всѣ жирондисты, если бы Верньо, умѣренные взгляды котораго побѣдили Равнину и усыпили Гору, произнесъ въ эту минуту одну изъ своихъ превосходныхъ рѣчей, онъ успокоилъ бы народъ своими обѣщаніями, заставилъ покраснѣть Конвентъ, пристыдивъ его за его слабость, и попытка Лакруа и Дантона спасти двадцати-двухъ удалась бы. Но всѣ ораторы Жиронды или отсутствовали, или молчали. Одинъ только Бареръ вторично обратился къ собранію. „Граждане, сказалъ онъ:—повторяю вамъ, постараемся узнать, свободны ли мы? Я требую, чтобы Конвентъ отправился къ войскамъ, которыя конечно защитятъ его“.

Съ этими словами Геро де-Сешель встаетъ съ кресла и становится во главѣ колонны депутатовъ, которые выражаютъ желаніе слѣдовать за нимъ. Жирондисты и члены Равнины идутъ вслѣдъ за ними. Монтаньяры въ нерѣшимости остаются на своихъ мѣстахъ. „Не ходите, кричатъ имъ якобинцы съ трибунъ:—это ловушка, куда измѣнники хотятъ заманить патріотовъ. Васъ убьютъ!“ — „Какъ! вы покидаете своихъ сотоварищей, которые хотятъ ринуться въ толпу, и обрекаете ихъ такимъ образомъ на вѣрную смерть, заставляя предполагать, что существуетъ два Конвента, одинъ въ залѣ, а другой внѣ ея!“ говорятъ съ умоляющими жестаи депутаты Равнины. Дантонъ въ порывѣ великодушія бросается къ нимъ. Робеспьеръ съ минуту говоритъ съ Кутономъ, Сень-Жюстомъ и нѣсколькими якобинцами. Они рѣшаются наконецъ сойти съ своихъ скамей и присоединиться къ шествію.

Двери растворяются при появлении президента, опоясанного трехцветным шарфомъ. Часовые дѣлаютъ на караулъ. Толпа пропускаетъ представителей. Они подходятъ къ Карусельской площади. Народъ, запрудившій эту площадь, приветствуетъ депутатовъ. Крики: да здравствуетъ Конвентъ! выдайте двадцатидвухъ! долой жирондистовъ! сливаются съ выраженіями уваженія. Конвентъ, безстрастно слушаетъ эти крики и подвигается, не нарушая процессіального шествія, до пушекъ, около которыхъ ихъ, повидимому, дожидается генераль Анріо, окруженный своимъ штабомъ. Геро де-Сешель приказываетъ Анріо убрать это орудіе вооруженной силы и очистить проходъ представителямъ націи. Анріо, чувствующій за собою вооруженную силу возстанія, отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ, поднимаетъ свою лошадь на дыбы, и дѣлаетъ повелительный жестъ. „Вы не пройдетъ, говорить онъ Конвенту:—до тѣхъ поръ, пока не выдадите двадцатидвухъ“. — „Схватите этого возмутителя!“ кричитъ Геро де-Сешель солдатамъ, показывая на Анріо. Солдаты не трогаются съ мѣста. „Канониры, къ орудіямъ! солдаты, въ ружья!“ командуетъ Анріо своимъ баталіонамъ.

Слова эти передаются по всей линіи офицерами; около пушекъ образуются кучки солдатъ. Конвентъ поворачиваетъ обратно. Геро де-Сешель проходитъ вмѣстѣ съ депутатами подъ сводомъ дворца въ садъ. Тамъ, батальоны, оставшіеся вѣрными, стоявшіе въ концѣ длинной аллеи, примыкавшей къ площади Революціи, кричатъ членамъ собранія, чтобы они шли къ нимъ, и обѣщаютъ защитить ихъ своими штыками. Геро де-Сешель направляется туда. Батальонъ мятежной секціи преграждаетъ ему путь, прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до моста. Конвентъ, плотно сомкнувшись около своего президента, колеблется и останавливается.

Марать, показавшійся изъ боковой аллеи въ сопровожденіи толпы молодыхъ кордельеровъ, которые кричатъ: „Да здравствуетъ другъ народа!“ принуждаетъ депутатовъ, покинувшихъ свой постъ, вернуться къ нему. Конвентъ, возвращающійся хотя и помимо воли, все же притворяется довольнымъ, что ему разрѣшаютъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, и идетъ въ залу. Кутонъ присоединяетъ насмѣшки къ оскорбленіямъ, которыми осыпаютъ депутатовъ въ залы Конвента. „Граждане! говорить онъ:—всѣ члены Конвента должны быть теперь покойны относительно своей свободы. Вы прошли среди народа. Повсюду вы нашли его почтительнымъ къ своимъ представителямъ и неумолимымъ къ заговорщикамъ. Итакъ теперь, когда вы можете совѣщаться на свободѣ, я требую уже не обвинительнаго декрета противъ двадцатидвухъ, но прямого приказа арестовать ихъ, а также членовъ комиссіи Двѣнадцати и министровъ Клавьера и Лебрёна!“

12.

Неискренніе, хотя всеобщіе аплодисменты свидѣлствуютъ, что Конвентъ пересталъ даже стыдиться своего положенія. Лежандръ, Кутонъ и Марать пытаются однако вызвать жалость къ членамъ комиссіи Двѣнадцати, которые протестовали противъ ареста Гебера и Варле. Изъ списка осужденныхъ вычеркиваютъ Фонфреда, Сень-Мартена и нѣкоторыхъ другихъ.

Петиціонеры предлагаютъ себя въ заложники департаментамъ, депутатовъ

которых предполагають арестовать. „Мнѣ не нужны были штыки, чтобы защищать свободу моихъ убѣждений, отвѣчаетъ Барбару:—мнѣ не нужны и заложники, чтобы охранить мою жизнь. Мои заложники—чистота моей совѣсти и великодушіе парижскаго народа, въ руки котораго я себя отдаю“. — „А я, говоритъ Ланжюинн: — требую заложниковъ не ради меня самого, давно уже пожертвовавшаго своею жизнью, а для того, чтобы, не дать разгорѣться междоусобной войнѣ и сохранить единство республики!“ Не было слышно ни малѣйшаго оскорбительнаго ропота неудовольствія при этихъ словахъ двадцатидвухъ. Конвентъ, нанеся имъ ударъ, почувствовалъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ ударъ и самому себѣ. Щадя ихъ, онъ щадилъ себя. Члены Горы молча спустились съ своихъ скамей, избѣгая смотрѣть на тѣхъ, кого они только что осудили. Многіе бѣжали. Нѣкоторые нашли пріютъ у Мельяна, одного изъ своихъ сотоварищей, и разошлись оттуда въ разныя стороны, когда результатъ дня сталъ извѣстенъ. Барбару, Ланжюинн, Верньо, Молево, Гардиенъ остались на своихъ мѣстахъ, тѣтно ожидая вооруженныхъ людей, которые должны были взять ихъ подъ стражу; не дождавшись ихъ, они отправились по домамъ. Революціонный комитетъ подвергъ ихъ домашнему аресту, который былъ порученъ жандармамъ.

13.

Такова была политическая катастрофа, которая постигла эту партію. Она погибла точно такъ же, какъ и возникла, благодаря бунту, узаконенному побѣдой. День 2-го іюня, который называютъ также 31 мая, потому что борьба продолжалась три дня, было 10 августа Жиронды. Партія эта пала вслѣдствіе своей слабости и нерѣшительности такъ же, какъ и король, низвергнутый ими. Республика, которую они основали, обрушилась на нихъ послѣ своего восьми-мѣсячнаго существованія. Этихъ республиканцевъ уважали за ихъ намѣренія, восхищались ихъ талантами, сожалѣли за ихъ несчастія, сѣтовали объ ихъ удаленіи вслѣдствіе замѣнившихъ ихъ преемниковъ и потому, что вожди ихъ, по своему паденію, открыли собою длинный рядъ лицъ, погибшихъ на эшафотѣ. Но послѣ исчезновенія этой партіи спрашиваешь себя, какими идеями они руководились и была ли у нихъ вообще какая-нибудь идея. Исторія въ свою очередь задаетъ вопросъ: если бы Жиронда, восторжествовавъ 31 мая, спасла республику, оказались ли бы способны ея члены по своему политическому гению и характеру къ диктаторскому управленію, сохраняя притомъ популярность, и сумѣли ли бы они успокоить волненіе внутри Франціи и доставить ей торжество во внѣшнихъ ея дѣлахъ, а также могли ли они учредить республику на твердыхъ началахъ, охранивъ ее отъ власти королей и демагоговъ. Исторія отвѣчаетъ не колеблясь: нѣтъ, у жирондистовъ не было этихъ данныхъ. У нихъ не было ни единодушія, ни политическихъ способностей, ни рѣшимости. Они произвели революцію помимо своего желанія; они управляли ею, не понимая ея. Революція должна была возстать противъ нихъ и выскользнуть у нихъ изъ рукъ.

Государственнымъ людямъ, чтобы управлять великими движеніями, въ ко-

торыхъ они принимаютъ участіе, необходимо: во-первыхъ, полное пониманіе этихъ самыхъ движеній и, во-вторыхъ, страстей народа, выразителями которыхъ являются эти движенія. У жирондистовъ не было ни того, ни другого. Въ національномъ собраніи они долго дружили съ монархіей, дурно понятой ими, и не сообразили, что народъ никогда не можетъ переродиться и не возрождается подъ видомъ той власти, отъ давленія которой онъ ускользаетъ. Республика, робко задуманная нѣкоторыми изъ нихъ, была скорѣе принята какъ роковая необходимость, нежели какъ правильная, одобренная другими система правленія. На другой же день послѣ объявленія ея они испугались порожденнаго ими плода, какъ мать пугается родившяго урода. Въѣсто того, чтобы стараться укрѣпить народившуюся республику, они всячески старались ослабить ее. Конституція, которую они предлагали ей, скорѣе возбуждала сожалѣніе, нежели надежду. Они одинъ за другимъ отнимали у нея всѣ органы, необходимые для ея жизни и силы. Аристократія проявляла себя подъ другою формою во всѣхъ ихъ буржуазныхъ установленіяхъ: принципы популярности были заранѣе задушены. Они сторонились отъ народа; народъ, въ свою очередь, сторонился отъ нихъ. Голова страшилась руки; рука страшилась головы. Соціальныи организмъ могъ только бороться или зачахнуть.

Жирондисты, со времени возникновенія ихъ партіи, переходили отъ вызова къ уступкамъ и отъ сопротивленія къ пораженію. 10 августа вырвало у нихъ тронъ, который они мечтали сохранить еще, тѣмъ же самымъ декретомъ, въ которомъ Верньо объявлялъ о лишеніи короля короны. Дантонъ заставилъ ихъ дать согласіе на сентябрскія убійства, которыя они не могли ни предупредить, пустивъ въ ходъ вооруженную силу, ни наказать прикрывъ жертвы собственнымъ тѣломъ. Робеспьеръ вырвалъ у нихъ голову Людовика XVI, подло принесенную ими въ жертву взаимнѣ собственныхъ головъ. Маратъ вырвалъ у нихъ свою безнаказанность и свой триумфъ послѣ своего осужденія 10 марта. Якобинцы вырвали у нихъ министерство въ лицѣ Ролана. Наконецъ Пашъ, Геберъ, Шометтъ и Коммуна заставили ихъ отказаться теперь отъ ихъ власти, оставивъ имъ только жизнь. Ихъ слабохарактерность дѣлала ихъ несчастными. Дюмуреъ, ихъ генералъ, измѣнилъ республикѣ и этой измѣной навлекъ на нихъ обвиненіе въ сообщничествѣ. Войска, безъ начальниковъ, безъ дисциплины, не пополняемая рекрутами, несли одно пораженіе за другимъ. Укрѣпленія на сѣверѣ сдавались или находили защиту только въ своихъ стѣнахъ. Роялизмъ одерживалъ побѣды на западѣ; федерализмъ раздиралъ югъ; анархія парализовала центръ, а тираническія партіи—столицу. Конвентъ, изобиловавшій ораторами, но не имѣвшій политическихъ вождей, восторгался ихъ рѣчами, но ставилъ ни во что ихъ дѣйствія. Они ненавидѣли якобинцевъ, но позволяли имъ господствовать. Они гнушались революціоннаго трибунала и позволяли ему наносить удары наудачу, въ ожиданіи, когда онъ нанесетъ ударъ имъ самимъ. Они ужасались расчлененія республики, а ихъ отчаянныя посланія не переставали толкать ихъ департаменты къ убійствамъ и федерализму.

14.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ такого правленія, и Франція, наполовину покоренная чужеземцами, снова поработенная контръ-революціей, пожираемая анархіей и раздраемая собственными руками, перестала бы существовать и какъ республика и какъ нація. Эти люди слова губили все. Приходилось или рѣшиться на погибель вмѣстѣ съ ними, или поддержать правительство. Его захватило въ свои руки насиліе. Оно овладѣло такъ же, какъ это случилось и 10 августа, диктатурой, которую никто въ Конвентѣ не осмѣлился еще захватить. Востаніе Коммуны, хотя порожденное и направляемое пагубными страстями, было однако представлено патріотамъ какъ востаніе во имя общественнаго спасенія. Народъ, ясно видѣвшій, что онъ идетъ къ погибели, противозаконно протянулъ руку къ кормилу правленія и вырвалъ его изъ безсильныхъ рукъ, которыя дали ему уклониться въ сторону. Народъ воображалъ, что онъ дѣйствуетъ по самому священному своему праву—по праву существованія. Его обвинили въ томъ, что онъ навязалъ свою инициативу департаментамъ и выдалъ волю Парижа за волю всей Франціи. Что могли подѣлать департаменты, говорятъ патріоты 31 мая:—на такомъ разстояніи отъ совершавшихся событій? Прежде чѣмъ ихъ запросили бы и они успѣли бы отвѣтить, прежде чѣмъ ихъ мнѣніе и вооруженная сила достигли бы Парижа, союзники очутились бы уже у его воротъ, вандейцы—у воротъ Орлеана, а республика была бы задушена въ своей колыбели. Въ крайней опасности близость равносильна праву. Та часть народа, которая стоитъ ближе всего къ общественному бѣдствію, обязана помочь ему первая. Въ подобныхъ случаяхъ размѣръ власти зависитъ отъ того, насколько можетъ достать рука. Городъ присваиваетъ себѣ тогда диктатуру, пользуясь своимъ положеніемъ, предоставляя себѣ право требовать утвержденія ея впоследствии. Парижъ присваивалъ себѣ такимъ образомъ диктатуру неоднократно до и послѣ 1789 года. Франція не упрекнула его ни за 14 іюля, ни даже за 10-е августа, когда Парижъ, не спросившись и не дождавшись ея рѣшенія, устроилъ революцію и учредилъ республику.

Ктому же, каковы бы ни были теоріи отвлеченнаго равенства между городами государства, къ сожалѣнію, эти теоріи уступаютъ мѣсто дѣйствительному факту въ исключительныхъ обстоятельствахъ; и этотъ фактъ имѣетъ за собою право, когда вытекаетъ изъ необходимости. Безъ сомнѣнія, города, гдѣ сосредоточена правительственная власть, не что иное, какъ члены народнаго тѣла; но зато этотъ членъ—голова! Столицѣ принадлежитъ надъ остальными членами власть инициативы, право вести за собою и рѣшать, потому что голова такой же центръ въ націи, какъ и у отдѣльнаго лица. Ожесточенная полемика можетъ оспаривать право, но исторія не можетъ отрицать его. Когда жизнь идетъ правильнымъ ходомъ, правленіе распредѣляется повсюду равномерно. Въ исключительныхъ же обстоятельствахъ править не тотъ, кто имѣетъ на это право, а тотъ, кто захватилъ въ свои руки власть. Инициатива управляетъ, когда она лежитъ въ существѣ вещей. 31 мая было незаконно: кто оправдаетъ его? А развѣ

10 августа было законно? Однако оно было созданием жирондистов. Которая из партий могла по праву сослаться на закон? Ни одна. Все нарушили его. Въ этомъ поочередномъ и продолжительномъ захватѣ власти не могли бы оправдаться закономъ ни Гора, ни Жиронда, ни Коммуна, ни Парижъ, ни Бордо. Законъ болѣе не существовалъ или, вѣрнѣе, закономъ сдѣлался инстинктъ самосохраненія великой націи. Закономъ стала сама революція! Народъ, заблуждавшійся въ своемъ патріотизмѣ, думалъ издавать его среди волненій и мятежа этихъ трехъ дней. Это былъ беспорядокъ, но въ его глазахъ однако это былъ законъ; потому что это насиліе казалось ему единственной мѣрой, которая могла спасти отечество и революцію. 10-е августа, говорили ему:—одно лишь могло спасти свободу, а 31 мая спасти націю.

XLIII.

Марать.—Дантонъ.—Гора.—Судъ надъ жирондистами.—Разрывъ между департаментами и Конвентомъ.—Блокада портовъ.—Союзники на границахъ.—Новая конституція.—Жирондисты въ Канъ.—Генераль Вимпфень.—Марать—общественный обвинитель.

1.

Послѣ того дня, когда народъ выказалъ свою силу, произведя давленіе Парижа на представителей, онъ разошелся, не прибѣгнувъ ни къ какой крайности. У него было сознаніе огромной услуги, оказанной свободѣ. Онъ добровольно иллюминировалъ улицы и никого не оскорбилъ. Онъ предоставилъ жирондистамъ свободно выйти изъ Тюльери и по-одиночкѣ разойтись по домамъ. Казалось, ему нужны были не головы, а власть. Онъ воображалъ, что освободилъ Конвентъ отъ ига нѣсколькихъ честолюбцевъ и отъ казней нѣсколькихъ измѣнниковъ, и этого ему было вполне достаточно. Онъ готовъ былъ повиноваться Конвенту, разъ онъ считалъ его свободнымъ. Ничѣмъ невозможно было бы увлечь его къ тираніи.

Одинъ только человѣкъ хотѣлъ воспользоваться народнымъ движеніемъ ради личнаго честолюбія: Марать. Ему это не удалось, и онъ принужденъ былъ оправдываться передъ якобинцами въ томъ, что онъ не стремится къ диктатурѣ. Рѣчи, произнесенныя имъ въ Конвентѣ, въ Коммунѣ и къ народу въ теченіе этихъ трехъ дней смутъ, были направлены къ тому, чтобы указать на себя самого какъ на необходимаго вождя. Бильо-Вареннъ грубо упрекалъ его въ этомъ. „На меня клеветуютъ, отвѣтилъ Марать:—за то, что я будто бы требовалъ вождя, властелина, то есть тирана. Я явился сюда не затѣмъ, чтобы оправдывать себя, потому что я убѣжденъ, что никто не вѣритъ этой клеветѣ. Непріятно говорить по-французски передъ невѣждами, которые не понимаютъ этого языка, или передъ бездѣльниками, которые не желаютъ понять его. Вчера въ девять часовъ вечера, депутаціи многихъ секцій явились посовѣтоваться со мною относительно того, чего имъ держаться. „Какъ! сказалъ я имъ:—бьетъ набатъ, возвѣщающій свободу, а вы спрашиваете совѣтовъ?“ И я тутъ же прибавилъ: „Я вижу, что народъ не можетъ спастись безъ предводителя, который направлялъ бы его движенія“. Граждане, окружавшіе меня, вскричали: „Какъ! вы требуете главу?“—„Нѣтъ, возразилъ я:—я требую вождя, а не властелина. Это большая разница“.

2.

Марата упрекали за честолюбіе, а Дантона за бездѣйствіе и за то, что онъ шадить жирондистовъ. Тотъ же самый Варле, который въ комитетѣ Архіепископства предлагалъ принять самыя жестокія мѣры противъ жирондистовъ, осмѣлился напасть на Дантона на трибунѣ кордельеровъ, среди его друзей и въ самомъ очагѣ его могущества. Варле думалъ, что настала удобная минута нанести ударъ этой гигантской популярности и на развалинахъ ея основать свою собственную. Дѣйствительно, популярность Дантона уже колебалась. Его молчаніе въ комитетѣ Общественнаго спасенія, его бездѣйствіе въ Конвентѣ, спокойствіе во время кризиса, грубое обращеніе къ возмущившемуся народу казались кордельерамъ признаками угаснушаго патріотизма или тайнаго соглашенія съ жирондистами. Кордельеры, допустивъ Варле говорить такимъ образомъ противъ своего идола, показали этимъ, что ихъ расположеніе къ нему ослабѣваетъ. Дантонъ отсутствовалъ. Камилль Демуленъ защищалъ своего патрона противъ нападокъ Варле, выставляя народу услуги, оказанныя революціи душою 10 августа и 2 сентября.

Значеніе Дантона не поколебалось послѣ этой выходки противъ него. Вечеромъ Камилль Демуленъ пришелъ рассказать ему о нахальствѣ Варле. „Благодарю тебя за то, что ты отоместилъ за меня этой гадинѣ, сказалъ ему Дантонъ:—когда народъ найдетъ второго Дантона, тогда онъ можетъ безнаказанно быть неблагодарнымъ и пожертвовать мною ради своихъ капризовъ. Но я ничего не боюсь, прибавилъ онъ, ударивъ себя по лбу ладонью:—вотъ здѣсь двѣ головы: одна для того, чтобы поднять революцію, другая для того, чтобы управлять ею“. Дантонъ въ откровенныхъ дружескихъ бесѣдахъ съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе скрывалъ свое намѣреніе овладѣть республикой и преобразовать образъ правленія. „Я мало говорю, сказалъ онъ нѣсколько дней спустя одному изъ своихъ друзей:—Я подумываю даже о томъ, чтобы скрыться на нѣкоторое время. Надо умѣть пользоваться раздорами. Революціи также ослабѣваютъ! Вотъ чего я жду!“

3.

На другой день Гора возобновила всѣ комитеты, исключая комитета Общественнаго спасенія. Она отправила туда большинство самыхъ рѣшительныхъ изъ своихъ членовъ. Толчокъ, полученный ею наканунѣ, показалъ ей значеніе силы массъ. Она отрѣшила отъ должности министровъ, которыхъ подозрѣвали въ приверженности къ побѣжденнымъ, отправила комиссаровъ въ сомнительные департаменты, отмѣнила проектъ конституціи, предложенный жирондистами, и поручила комитету Общественнаго спасенія составить въ теченіе недѣли проектъ вполнѣ демократической конституціи. Она спѣшила наборомъ рекрутъ и вооруженіемъ революціонной арміи, этого массоваго бродила патріотизма. Она издала декретъ о насильственномъ займѣ у богатыхъ цѣлаго милліарда. Она посылала обвиняемыхъ одного за другимъ въ революціонный судъ. Засѣданія ея были уже не преніями, а короткими рѣшеніями, тотчасъ же утверждае-

мыми голосованіемъ и немедленно отсылавшимися въ различные комитеты для приведенія ихъ въ исполненіе. Она лишила исполнительную власть послѣднихъ остатковъ независимости и отвѣтственности. Министры, безпрестанно призываемые въ ея комитеты, обратились въ пассивныхъ исполнителей постановленныхъ ею мѣръ. Ея комиссары, посланные въ департаменты, были облечены диктаторскою властью, упразднявшею всѣ посредствующія инстанціи и даже всѣ законы и приводившею вездѣсущность и всемогущество Конвента къ крайностямъ республики. Отнынѣ народное собраніе перестало быть представительствомъ: оно обратилось въ правительство. Оно самостоятельно правило, судило, чеканило монету, сражалось. Это была сплотившаяся Франція: одновременно голова и рука. Это коллективное диктаторство имѣло передъ диктаторствомъ одного лица то преимущество, что оно было неуязвимо и не могло быть прервано или уничтожено ударомъ кинжала.

Отнынѣ перестали спорить, а начали дѣйствовать. Исчезновеніе жирондистовъ отняло голосъ у революціи. вмѣстѣ съ Верньо было изгнано и краснорѣчіе, проявлявшееся только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда главы партій, какъ-то Дантонъ и Робеспьеръ, начинали говорить не съ цѣлью опровергнуть чужія мнѣнія, но для того, чтобы высказать свои намѣренія или объявить распоряженія. Засѣданія проходили почти въ молчаніи. Въ Конвентѣ водворилась тишина, нарушаемая лишь шагами проходившихъ за оградой батальоновъ, залпами вѣстовой пушки и ударами топора гильотины на площади Революціи.

4.

Между тѣмъ большинство жирондистовъ, членовъ комиссіи Двѣнадцати и нѣкоторые изъ ихъ друзей, предупрежденные этимъ первымъ случаемъ остракизма о грозящей имъ опасности, бѣжали въ свои департаменты и поспѣшили заявить протестъ противъ изувѣченія своего отечества. Жертвы 31 мая не были тотчасъ же брошены въ тюрьмы. Коммуна удовлетворялась тѣмъ, что изгнала ихъ съ ихъ законодательскихъ креселъ. Ихъ сотоварищи изъ состраданія, казалось, съ умысломъ давали имъ возможность спастись бѣгствомъ отъ тюрьмы и почти неизбѣжныхъ убійствъ. Жандармы, привыкшіе относиться съ уваженіемъ къ народнымъ представителямъ, сторожили арестованныхъ въ ихъ домахъ. Скорѣе служители, чѣмъ тюремщики, эти люди, которыхъ легко было растрогать или подчинить себѣ, допускали, чтобы арестованные депутаты входили въ сношенія съ своими семьями и находившимися на свободѣ друзьями. Арестованные принимали гостей, нѣкоторые получили даже разрѣшеніе выходить по ночамъ изъ дома. Довольствовались ихъ словомъ не бѣжать изъ Парижа.

Большинство изъ ожидавшихъ исхода возстанія 2 іюня у Мельяна, въ улицѣ Сентъ-Оноре, рѣшили бѣжать. Остальные уже бѣжали по-одиночкѣ. Робеспьеръ, Дантонъ, комитетъ Общественнаго спасенія и даже самъ народъ старались не замѣчать этихъ побѣговъ, чтобы спасти отъ самихъ себя жертвы, которыхъ имъ тяжело было бы поразить.

5.

Бюзо, Барбару, Гаде, Луве, Салль, Петіонъ, Бергуинъ, Лесаажъ, Кюсси, Кервелеганъ, Ланжюине бѣжали въ Нормандію и, поднявъ возстаніе въ департаментахъ между моремъ и Парижемъ, основали въ Канѣ очагъ и центръ возстанія противъ тираніи столицы. Они дали себѣ имя Центрального собранія для сопротивленія тираніи. Бирото и Шассе добрались до Ліона. Кварталы этого города уже успѣли вооружиться и начать междоусобную кровопролитную борьбу. Бриссо бѣжалъ въ Муленъ, Рабо Сентъ-Этіеннъ—въ Нимъ. Гранжнѣвъ, посланный Верньо, Фонфредомъ и Дюко въ Бордо, набралъ батальоны, готовые идти противъ столицы. Тулуза послѣдовала этому примѣру возмущенія противъ Парижа.

Западные департаменты были всѣ охвачены мятежомъ и обрадовались, что раздираемая на части республика предлагаетъ имъ поддержку одной изъ двухъ партій для возстановленія королевской власти. Горный центръ Франціи, наименѣе подпавшій подъ иго Парижа и, благодаря удаленности отъ границъ, наименѣе подверженный внѣшнимъ опасностямъ, заволновался. Тарнъ, Ло, Авейронъ, Канталь, Пуи-де-Домъ, Геро, Энъ, Изеръ, Юра,—въ общемъ семьдесятъ департаментовъ,—объявили разрывъ съ Конвентомъ.

Эти департаменты поручили выбраннымъ своимъ властямъ принять всѣ мѣры для отомщенія за народное предательство. Марсель, по призыву Ребекки и молодыхъ друзей Барбару, набралъ 10,000 человекъ. Онъ заключилъ въ тюрьму комиссаровъ Конвента, Ру и Антибуля. Роялизмъ, всегда тлѣвшій на Югѣ, незамѣтно превратилъ это патріотическое движеніе въ возстаніе въ пользу монархіи. Ребекки, огорченный тѣмъ, что нанесъ невольный ударъ республикѣ, и въ отчаяніи, что увидить, какъ роялизмъ овладѣетъ движеніемъ Юга, избавился отъ угрызений совѣсти самоубійствомъ, бросившись въ море. Ліонъ и Бордо заключили въ темницу посланныхъ Конвента, какъ маратистовъ. Первые колонны арміи, набранной департаментами, начали наступать со всѣхъ сторонъ. Шесть тысячъ марсельцевъ были уже въ Авиньонѣ, собираясь подняться по Ронѣ и присоединиться къ мятежникамъ Нима и Ліона. Соединившіяся Бретань и Нормандія сосредоточили свои лучшія силы въ Эвре.

6.

Извнѣ положеніе Конвента было не менѣе напряженное. Англія блокировала всѣ французскіе порты. Стотысячная армія, — англичане, голландцы и австрійцы, — тѣснила и занимала сѣверные департаменты. Осажденный Конде видѣлъ, какъ генераль Дампьеръ изнемогалъ отъ усилій защитить его. Валансъенъ, бомбардированный тремястами артиллерійскихъ орудій, обратился въ груды пепла, окруженную неприступными валами. Эмигранты, австрійцы и пруссаки перешли Рейнъ и угрожали Эльзасскимъ департаментамъ вторженіемъ болѣе ста тысячъ воиновъ. Кюстинъ и наши рейнскіе гарнизоны съ трудомъ удерживали ихъ. Этотъ генераль, засѣвшій за линіей Виссембурга, собирался укрыться въ Страсбургѣ. Майнцъ, предоставленный самому себѣ, съ гарнизо-

номъ въ двадцать тысячъ отборныхъ солдатъ, лишенный такимъ образомъ возможности активной борьбы, геройски отражалъ атаки генерала Калькрейта съ его семидесятитысячнымъ войскомъ. Прусскій король, съ другимъ армейскимъ корпусомъ стоявшій противъ Кюстина, ожидалъ только извѣстія о сдачѣ Майнца, чтобы нанести послѣдній ударъ. Восстаніе жирондистовъ взволновало Франкконте отъ Страсбурга до Альпъ и сдѣлало высоты Юры недоступными для пропаганды и занятія эмигрантскими войсками. Общій врагъ—обыкновенно служить единственнымъ связующимъ звеномъ партій!

7.

Двадцать тысячъ молодыхъ волонтеровъ изъ Франкконте, склонившихся на сторону роялизма вслѣдствіе негодованія противъ монтаньяровъ и Марата, готовы были двинуться на Лионъ и Маконъ, для подкрѣпленія южной арміи, идущей на Парижъ. Восемьдесятъ тысячъ савояровъ и пьемонтцевъ, расположившись на высотахъ графства Ниццы и въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются глубокія ущелія Савойскихъ Альпъ, угрожали Тулону, Греноблю и Лиону. Эти чужеземныя войска предлагали роялистамъ, находившимся внутри государства, вооруженную помощь противъ тирановъ республики. У Бирона, командовавшего итальянской арміей, было для защиты Прованса и границъ всего только нѣсколько тысячъ потерявшихъ мужество и недисциплинированныхъ солдатъ. Война наша съ Испаніей велась вяло съ обѣихъ сторонъ и не покрыла славой ни одной изъ нихъ; базой военныхъ дѣйствій служили ущелья Пиренейскихъ горъ, причемъ наши Русильонскія провинціи, оставшіяся безъ прикрытія, находились въ опасности хотя и отсроченнаго, но неизбежнаго вторженія. Неудачи революціонной арміи въ Вандеѣ довершали эту картину бѣдствій республики и крайностей Конвента. Оставалось только черпать силу въ мужествѣ. Чтобы не отчаяться въ исходѣ борьбы, которую должна была выдерживать республика, и центръ которой сосредоточился въ Парижѣ, надо было такъ же вѣрить въ освобожденіе, какъ вѣрила нація. Конвентъ обладалъ этой вѣрой; онъ рѣшилъ или самому погибнуть и погубить вмѣстѣ съ собою и Францію, или выиграть дѣло. Оно было его славой, оправданіемъ и спасеніемъ. Дантонъ и Робеспьеръ, парижская коммуна и якобинцы то энтузіазмомъ, то ужасомъ, который они внушали республикѣ, поддерживали ея энергію въ минуты самой большой опасности. Они поставили ее между контръ-революціей и эшафотомъ: ей оставалось только избрать родъ смерти; она выбрала славную смерть рѣшившись сражаться отчаянно.

8.

Чтобы показать, что онъ не теряетъ вѣру въ будущее, Конвентъ, послѣ нѣсколькихъ дней преній, вотировалъ новую конституцію, планъ которой онъ поручилъ составить комитету Общественнаго спасенія. Геро де-Сешель прочиталъ проектъ 10 іюня, а 24 дѣло было рѣшено.

Эта конституція изъ представительной обращалась въ демократическую, то есть представительство общее, прямое, вездѣ и всегда призывало самый народъ подъ всевозможными видами принять непосредственное участіе въ пра-

вленіи. Съ народомъ совѣщались относительно всѣхъ законовъ; собраніе назначало всѣ исполнительныя власти, контролировало ихъ и отставляло отъ должности по своему усмотрѣнію. Робеспьеръ, взгляды котораго одержали верхъ въ этой затѣѣ, защищалъ ее для якобинцевъ противъ нападеній фанатиковъ-демагоговъ, вроде Ру и Шабо. „Остерегайтесь, говорилъ онъ:—этихъ бывшихъ проповѣдниковъ союза съ австрійцами. Берегитесь новой маски, которой хотятъ прикрыться аристократы! Я предвижу въ будущемъ новое преступленіе, которое можетъ быть скоро разразится; но мы обнаружимъ его и уничтожимъ враговъ народа, подъ какимъ бы видомъ они ни явились!“

Якобинцы, притворявшіеся, что на ихъ сторонѣ противъ кордельеровъ только выгода людей умѣренныхъ и что этому обдуманному и политичному характеру и образу дѣйствій они обязаны своимъ могуществомъ, апплодировали словамъ Робеспьера. Они отправили депутацію, ораторомъ которой былъ Колло д'Эрбуа, умолять кордельеровъ, чтобы они заставили замолчать хулителей конституціи и привлекли всѣ сердца къ дѣлу, которое время сдѣлаетъ еще болѣе популярнымъ. Кордельеры склонились на сторону якобинцевъ; они изгнали изъ своей среды Ру и Деклерка де-Вожъ, какъ возмутителей, и простили Варле, принявъ во вниманіе горячность его молодости. Проектъ конституціи, санкціонированный такимъ образомъ двумя обществами, управлявшими мнѣніемъ Парижа, и опиравшійся на защиту Робеспьера, былъ посланъ во всѣ муниципалитеты республики для представленія на одобреніе французскому народу, созванному на предварительныя собранія.

Что касается Дантона, то онъ бросилъ эту конституцію народу, какъ игрушку, которая, въ его представленіи, была уже разбита. Онъ любилъ въ народѣ только его силу, мало вѣрилъ въ свободу, не заботился о будущемъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые возстаютъ противъ тираній только примкнувъ къ еще большей тираніи. Когда они перестаютъ быть взбунтовавшимися рабами, то становятся самыми наглыми властителями. Всѣ эти конституціонныя теории были въ глазахъ Дантона только болѣе или менѣе ловкими ребячествами; ему почти ничего не стоило написать ихъ, потому что ничего не стоило уничтожить ихъ. Онъ признавалъ въ революціи лишь одинъ законный образъ правленія: правленіе случайное и законъ необходимости.

9.

Тогда пронесся слухъ, что Конвентъ, поставленный въ затрудненіе арестомъ жирондистовъ въ Парижѣ, не рѣшался ни судить ихъ, ни освободить, и предполагалъ принести жертву спокойствію и примиренію съ департаментами, даровавъ амністію двадцати-двумъ. Таково было дѣйствительно мнѣніе Дантона: бесполезныя жестокости удручали его и воспоминанія о сентябрѣ отталкивали его отъ убійства. Валазе, возмущенный оскорбленіемъ, заключавшимся въ подобномъ прощеніи, написалъ Конвенту, что онъ не можетъ повѣрить, чтобы существовалъ такой проектъ у комитета Общественнаго спасенія, что честь для него дороже свободы и что онъ съ отвращеніемъ откажется отъ прощенія. Верньо, столь же безстрашный и съ презрѣніемъ относившійся изъ глубины

своей темницы къ своимъ побѣдителямъ, написалъ письмо въ томъ же духѣ. „Я требую, чтобы меня судили, писалъ онъ. — Если я виновенъ, то я вѣдь добровольно далъ арестовать себя, чтобы головой своею искупить измѣны, въ которыхъ меня бы изобличили; если мои обвинители не представляютъ доказательствъ противъ меня, то я, въ свою очередь, требую, чтобы они были отправлены на эшафотъ. Граждане, мои сотоварищи! обращаюсь къ вашей совѣсти: ваша судъ въ свою очередь подлежитъ суду потомства“. Остатки партіи Жиронды, ободренные возстаніемъ департаментовъ, отправились толпой въ засѣданіе Конвента, чтобы настоять на прочтеніи писемъ и петицій въ пользу арестованныхъ. „Вамъ бросаютъ горящіе головни, чтобы разжечь междоусобную войну! воскликнулъ Лежандръ:—поспѣшите потушить ихъ, приступайте къ преніямъ“. Конвентъ не обратилъ вниманія на эти петиціи. Бареръ прочелъ донесеніе комитета Общественнаго спасенія. Онъ прославлялъ въ немъ 31 мая и требовалъ строгихъ мѣръ для возстановленія среди якобинцевъ и Коммуны уваженія къ верховной власти, сосредоточенной въ Конвентѣ. „Граждане Горы, въ заключеніе сказалъ Бареръ:—конечно вы заняли самое верхнее мѣсто не для того, чтобы вознестись выше истины; сумѣйте же выслушать ее. Не произносите раньше времени приговора о виновности вашихъ сотоварищей, которыхъ вы изгнали изъ своей среды, и дайте, въ ожиданіи приговора, заложниковъ взволнованнымъ департаментамъ“. Робеспьеръ, Лакруа, Тюрю и Лежандръ были возмущены этой слабостью. Робеспьеръ былъ пораженъ тѣмъ, что осмѣлились вновь обсуждать то, что разъ уже рѣшилъ народъ.

Въ это время донесли Конвенту, что административныя власти возмущившихся департаментовъ только что приказали арестовать комиссаровъ Ромма, Пріёра Коть-д'Орскаго, Рюля и Пріера Марискаго. „Я знаю Рюля, вскричалъ Кутонъ:—онъ стоялъ бы еще свободный противъ всѣхъ орудій Европы!“ Единогласно требуютъ немедленнаго наказанія возставшихъ администраторовъ. Нѣкоторые члены правой предложили или принять слабыя мѣры, или держаться вѣроломной выжидательной тактики. При этихъ словахъ Дантонъ вышелъ изъ необъяснимой инертности, которую ему ставили въ упрекъ.

„Какъ! вскричалъ онъ:—кажется, сомнѣваются въ республикѣ? Во время тяжелыхъ дѣторожденій политическимъ тѣламъ такъ же, какъ и физическимъ, грозитъ близкое разрушеніе. Насъ окружаютъ грозовыя тучи! громъ гремитъ! ну, такъ изъ его раскатовъ родится дѣяніе, которое обезсмертитъ французскую націю. Вспомните, граждане, что произошло со времени заговора Лафайетта; вспомните, въ какомъ положеніи находился тогда Парижъ, угнетенныхъ и заключенныхъ патріотовъ, которымъ отовсюду угрожали, о величайшихъ опасностяхъ, которыя грозили намъ! Сегодня мы находимся въ такомъ же положеніи! Повидимому опасность существуетъ только для тѣхъ, кто создалъ свободу! Лафайеттъ и его партія вскорѣ были изобличены. Теперь новые враги народа уже бѣжали подъ чужими именами. Бриссо, этотъ корифей нечестивой секты, которая будетъ уничтожена, человѣкъ, хваставшій мужествомъ и кичившійся бѣдностью, обвинявшій меня въ томъ, что я покрытъ золотомъ, никто иной какъ негодяй, надъ которымъ народъ уже произнесъ свой приговоръ въ Муленѣ, арестовавъ его какъ заговорщика. Говорятъ,

что возстаніе въ Парижѣ вызываетъ волненія въ департаментахъ? Объявляю передъ лицомъ вселенной, что настоящія событія создадутъ славу этому чудному городу! Объявляю передъ лицомъ Франціи, что если бы не пушка 31 мая, то заговорщики предписывали бы намъ законы! Пусть преступленіе этого возстанія падетъ на насъ!!!“

10.

Этотъ гордый вызовъ, брошенный потомству, былъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ Горы. Дантонъ присоединился къ побѣдоносному возстанію 31 мая и передъ лицомъ всей Франціи окрестилъ его патриотическимъ.

Кутонь воспользовался вызваннымъ этими словами энтузіазмомъ и предложилъ вотировать не только амнистію шайкамъ, осаждавшимъ Конвентъ, но также выраженіе одобренія Коммунѣ, народу и даже инсуреціонному комитету Парижа, дѣйствовавшимъ во дни 31 мая, 1 и 2 июня.

Дюко, оставшійся вмѣстѣ съ Фонфредомъ на опустѣвшихъ скамьяхъ жирондистовъ, пытался смягчить гнѣвъ побѣдителей и склонить ихъ къ снисхожденію въ пользу своихъ сотоварищей. Ему отвѣтили ропотомъ. Верньо обвинили въ томъ, что онъ пытался подкупить сторожившаго его жандарма. Указали на побѣгъ Ланжюине и Петіона, которые бѣжали чтобы присоединиться къ своимъ товарищамъ въ Кавѣ. Робеспьеръ потребовалъ немедленнаго отчета объ арестованныхъ депутатахъ, „Какъ! воскликнулъ онъ:—здѣсь осмѣливаются проводить параллель между Конвентомъ и какими-то заговорщиками! Здѣсь говорятъ языкомъ Вандеи!“ Эта оскорбительная брань по адресу правой стороны была покрыта ропотомъ и неодобреніемъ. „Я требую, сказалъ Лежандръ, притворившійся фанатическимъ приверженцемъ Робеспьера:—я требую, чтобы первый же мятежникъ, первый изъ этихъ бунтовщиковъ (уничтожающій жестъ по адресу друзей Верньо), который осмѣлится прервать оратора, былъ отправленъ въ Аббатство!“—Хотятъ узнать ихъ преступленія, продолжалъ Робеспьеръ:—Граждане, ихъ преступленія, — народныя бѣдствія, дерзость заговорщиковъ, коалиція европейскихъ тирановъ, препятствія, которыя они поставили намъ при изданіи нами законовъ, святая конституція, основанная послѣ того, какъ они исчезли! Граждане! пусть малодушіе не побуждаетъ васъ щадить осужденныхъ; народъ за васъ!“

Конвентъ распорядился перевести депутатовъ въ дома, принадлежащія націи.

11.

Фонфредъ попытался добиться хотя бы того, чтобы въ приказѣ объ арестованіи его друзей была указана особая тюрьма, куда они должны быть заключены, чтобы ихъ не смѣшивали съ обыкновенными преступниками. Онъ встрѣтилъ холодное равнодушіе. Жены и дѣти арестованныхъ просили разрѣшить имъ раздѣлить участь ихъ мужей и отцовъ. Гора отчасти удовлетворила, отчасти отвергла эти частныя просьбы смотря по личному отношенію къ просителямъ. Вертранъ, который только что лишился жены и долженъ былъ одинъ и безъ средствъ воспитывать своихъ малолѣтнихъ дѣтей, былъ безжалостно отнятъ у нихъ. Пренія

продолжались. Друзья обвинили Бирото въ попыткѣ къ бѣгству, а Верньо въ томъ, что онъ подпоилъ своихъ тюремщиковъ. „Перестанемъ, сказалъ наконецъ Робеспьеръ:—заниматься отдѣльными личностями. Они желали бы, чтобы республика думала только о нихъ; но республика думаетъ лишь о свободѣ. Издайте законы, пригодные для народа, положите основу народному образованію, возстановите значеніе общественнаго мнѣнія, позаботьтесь объ учищеніи нравовъ; торопитесь же, если вы не хотите продолжить ужасовъ революціи. Намѣреніе вашихъ враговъ—вызвать гражданскую войну. Они хотятъ, чтобы Конвентъ представлялъ собою зрѣлище раздоровъ, терзающихъ Францію. Вотъ причины ихъ настойчивыхъ требованій, чтобы вы занялись этими негодными личностями, которыя, уже пораженные мечомъ закона, поднимаютъ знамя возстанія. Пусть этихъ презрѣнныхъ терзаютъ угрызенія совѣсти“.

Вскорѣ узнали о бѣгствѣ Кервелегана и Бирото. „Въ чемъ же ихъ преступленіе?“ кричить кто-то изъ Равнины.—„Ихъ преступленіе, отвѣчаетъ Морь:—это ихъ бѣгство“.

12.

Наконецъ Сень-Жюсть, по внушенію Робеспьера, прочиталъ докладъ о событіяхъ 31 мая. Въ этомъ докладѣ, гдѣ были собраны въ одинъ обвинительный актъ всѣ клеветы Камилла Демулена противъ жирондистовъ, эта партія была изображена въ видѣ огромнаго заговора, имѣвшаго цѣлью возстановить низвергнутую королевскую власть и предать республику иностранцамъ. Федерализмъ, къ которому, быть можетъ, и склонялись нѣкоторые изъ нихъ, былъ представленъ какъ конечная цѣль, къ которой эта партія систематически стремилась. „Итакъ, въ заключеніе сказалъ Сень-Жюсть:—они хотѣли, дѣйствуя якобы во имя вашего блага, поработить всѣхъ васъ:—они обращались съ вами, какъ съ королемъ Кипра, который былъ закованъ въ золотыя цѣпи. Марсель и Ліонъ, готовые присоединиться къ Вандеѣ, сдѣлались добычею своихъ эmissаровъ. Тираны, болѣе гнусные чѣмъ Пизистратъ, они готовы убить сына, требующаго у нихъ возвращенія отца, и мать, оплакивающую сына! Бюзо бунтуетъ Эръ и Кальвадосъ; Петіонъ, Луве и Барбару помогаютъ ему. Народныя собранія закрываютъ; патріотовъ жестоко преслѣдуютъ. Въ Нимѣ учреждаютъ правительственную комиссію. Повсюду льется кровь. Въ Бордо раздаются крики: „Да здравствуетъ король!“ смѣшанные съ оскорбленіями Конвенту. Слышите, какъ кричатъ тѣ, кого убиваютъ? Свобода міра и права человѣка блокированы вмѣстѣ съ вами въ Парижѣ. Они не погибнутъ! Ваша судьба сильнѣе вашихъ враговъ. Вы уже расквитались съ ними, потому что они разоряютъ отечество. Огонь свободы очистилъ насъ такъ же, какъ кипѣніе металловъ удаляетъ изъ плавильника грязную пѣну. Пусть они останутся одни съ своими преступленіями. Сошлите однихъ, судите другихъ и затѣмъ простите. Вы не захотите быть непримиримыми!“

Въ докладѣ предлагалось даровать амнистію возставшимъ департаментамъ, о чемъ былъ изданъ декретъ. Въ немъ объявлялись измѣнниками отечеству Бюзо, Барбару, Горза, Ланжюине, Салль, Луве, Бергуинъ, Бирото и Петіонъ; отдавались подъ судъ арестованные въ Парижѣ Жансонне, Верньо,

Молево и Гардіена и требовалось, чтобы Бертранъ, членъ комиссіи Двѣнадцати, явился въ Конвентъ. На основаніи этого Шабо потребовалъ и получилъ обвинительный декретъ противъ Кондорсе, который только что передъ этимъ мужественно защищалъ своихъ друзей въ адресѣ, обращенномъ къ французамъ.

13.

Конвентъ, свирѣпствуя такимъ образомъ въ центрѣ, въ то же время боролся и на окраинахъ. Его комиссары повсюду вели борьбу съ жирондистскими эмиссарами, бунтовали секціи, набирали батальоны, шли во главѣ ихъ противъ первыхъ появившихся шаекъ и подавляли возстаніе въ самомъ его зародышѣ. Генераль Карто отразилъ марсельскимъ волонтерамъ путь къ Ліону и обратилъ ихъ въ бѣгство близъ Авиньона. Бордо былъ въ нерѣшимости, отомстить ли за своихъ депутатовъ, или подчиниться Горѣ. Но очагъ возстанія федералистовъ былъ въ Канѣ, въ Нормандіи, и въ Бретани. Бросимъ взглядъ на этотъ городъ и его провинціи.

Семнадцать депутатовъ, бѣжавшихъ въ Канъ, были: Барбару, Бергунъ, Бутеду, Бюзю, дю-Шатель, дю-Кюсси, Горза, Гаде, Кервелеганъ, Ланжуйне, прибывшій туда только за нѣсколько дней, Ларивьеръ, Лесажъ (депутатъ д'Ёръ и Луаръ), Луве, Мельянъ, Салль, Валади, Петіонъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ. Къ нимъ присоединились трое молодыхъ писателей, преданныхъ ихъ дѣлу и сочувствовавшихъ ихъ бѣдствіямъ: это были Жире-Дюпре, Рюффе и Маршена.

Все эти депутаты собрались въ Канъ, потому что этотъ городъ не ждалъ ихъ вызова для того, чтобы высказаться противъ событій 31 мая и противъ насилій надъ національнымъ представительствомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ канскіе якобинцы, возмущенные доктринами Горы, открыто порвали съ обществомъ парижскихъ якобинцевъ. Въ самую ночь 31 мая совѣтъ Кальвадосскаго департамента вотировалъ сформированіе департаментской арміи, которая предназначалась для охраненія безопасности Конвента. „Мы положимъ оружіе только тогда, гласилъ адресъ, составленный въ этомъ же засѣданіи:—когда уничтожимъ мятежниковъ и тѣхъ, кто былъ причиной изгнанія!“ Собраніе взяло на себя руководство возстаніемъ. Оно поручило генералу Вимпфену, бывшему конституціонному депутату, командованіе отрядами. Генераль Вимпфенъ былъ уроженцемъ Баіе. Несмотря на то, что онъ остался вѣренъ отечеству, въ душѣ онъ былъ роялистомъ. Инсurreкціонное собраніе приказало арестовать Ромма и Пріёра, двухъ комиссаровъ Конвента изъ партіи Горы. Ихъ заключили въ замокъ въ Канѣ. Во время своего заключенія Роммъ обдумалъ планъ „республиканскаго календаря“, который долженъ былъ даже въ самомъ исчисленіи времени стереть отпечатокъ прошлаго и традицій.

Бѣжавшіе депутаты прибыли въ Канъ одинъ за другимъ въ теченіе первыхъ дней іюня. Каждый изъ нихъ, по своему прибытіи, представлялся инсurreкціонному комитету и разжигалъ пылъ федералистовъ разказами о своемъ собственномъ преслѣдованіи. Городъ далъ имъ убѣжище въ домѣ быв-

шаго интендантства. Они скорѣе оставались зрителями, чѣмъ дѣйствующими лицами въ возстаніи. Число мятежниковъ увеличилось нѣсколькими полками, составлявшими гарнизонъ Кана и его окрестностей, и нѣсколькими батальонами волонтеровъ, составленными изъ цѣлѣ молодежи Ренна, Лоріена и Бреста. Авангардъ этихъ войскъ, бывшій подъ начальствомъ де-Шюизе, возвратившагося эмигранта, преданнаго королю, стоялъ въ Эвре. Де-Шюизе видѣлъ въ возстаніи желаніе низвергнуть республику. Онъ думалъ, что, одержавъ побѣду, легко будетъ переимѣнить знамя у своихъ войскъ и возстановить конституціонное королевство. Этотъ человекъ былъ одновременно ораторомъ, дипломатомъ и солдатомъ; это былъ характеръ, точно созданный для гражданскихъ войнъ, которые порождаютъ больше авантюристовъ, чѣмъ героев. Де-Шюизе провелъ цѣлый годъ скрываясь въ какой-то трущобѣ среди лѣсовъ Бретани и оттуда своими дѣйствіями и посланіями раздувалъ пламя возстанія противъ республики. Теперь онъ облекся въ трехцвѣтную одежду и раздѣлялъ мнѣнія жирондистовъ. Его солдаты не довѣряли ему. Генераль Вимпфенъ остался въ Канѣ съ главнымъ армейскимъ корпусомъ. Онъ безуспѣшно пытался усилить свои войска набирая волонтеровъ. Эмиссары Горы, разбѣянные по департаменту, ослабляли и подавляли движеніе. Боялись, чтобы свобода не погибла въ борьбѣ, которая велась во имя ея.

Де-Шюизе повелъ свои войска, въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, на Вернонь. Но такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность расположить ихъ лагеремъ въ окрестностяхъ Брекура, а самъ уѣхалъ въ ночь на 13 іюля, то достаточно было нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны войскъ Конвента, чтобы разсѣять ихъ. Это пораженіе было сигналомъ къ пораженію всѣхъ инеургентскихъ войскъ. Даже бретонскіе батальоны вернулись въ свои департаменты. Робертъ Линде, комиссаръ Конвента, безпрепятственно вступилъ въ Канъ. Депутаты думали только о собственной безопасности. Вимпфенъ предложилъ имъ убѣжище въ Англіи. Они отказались воспользоваться имъ, не желая смѣшивать свое дѣло съ дѣломъ эмигрантовъ.

Безпечность, погубившая жирондистовъ въ Парижѣ, погубила ихъ и въ Канѣ. Никто изъ нихъ не выказалъ тѣхъ сторонъ характера и ума, которыя замѣняютъ собою численность и создаютъ способы дѣйствія. Они безропотно подчинялись своей судьбѣ. Они теряли время въ пустыхъ переговорахъ съ членами инсurreкціоннаго комитета. Барбару занималась поэзіей, словно во время досуга счастливыхъ дней. Онъ старался оправдаться въ томъ, что въ процессѣ короля подаль голосъ за смертную казнь: „Это было не мое личное мнѣніе, а мнѣніе моихъ сообщниковъ, и я только высказалъ его“.

Пегіонъ, повидимому, былъ поглощенъ заботами о сынѣ.

Луве и Барбару отправились въ Лизье съ намѣреніемъ идти съ авангардомъ на Парижъ. Они прибыли туда какъ разъ въ то время, когда разсѣянные войска Пюизе возвращались въ Канъ. Одинъ изъ ихъ друзей, бѣжавшій вмѣстѣ съ батальонами этого генерала, засталъ Барбару лежащимъ на полу въ своей комнатѣ въ одной изъ гостиницъ Лизье. Онъ сообщилъ ему о Вернонскомъ пораженіи. Барбару возвратился въ Канъ. Валади и Барбару не разставались. „Барбару, говорилъ Валади: — божественный вѣтреникъ, кото-

рый черезъ десять лѣтъ будетъ великимъ человѣкомъ!“ Жире-Дюпре сочинялъ инсургентные стихи, чтобы замѣнить ими „Марсельезу“ во время сраженій съ Горой.

Потонъ съ негодованіемъ оправдывался отъ взводимого на него обвиненія въ соучастіи въ сентябрьскихъ убійствахъ. Его честное лицо опровергало эти тяжкія подозрѣнія. „Взгляните, говорилъ о немъ Барбару:—взгляните на чело-вѣка, котораго хотятъ выставить убійцей!“

Лицо, рѣчь и манеры Гаде были трагичны. „Всегда ораторъ“, шутя говорилъ о немъ Барбару.

Жирондисты обнаружили въ Канѣ больше равнодушія къ своему положенію, чѣмъ энергіи улучшить его. Они возбуждали скорѣе любопытство, чѣмъ энтузіазмъ. Все гило въ ихъ рукахъ. Ихъ гражданская война была простымъ мятежомъ, даже не достигшимъ укрѣпленій Парижа. Республика, которую они создали, отказала имъ даже въ полѣ битвы, сохранивъ для нихъ только эшафотъ. Франція жалѣла этихъ преслѣдуемыхъ людей, но не хотѣла унизиться до мести за нихъ. Ее приводили въ ужасъ жестокости, причиненныя представительству, притѣсненія Конвента, эшафоты; но она еще болѣе опасалась распаденія своей территоріи и вторженія чужеземцевъ. Она не могла поставить на одинъ уровень временную тиранію комитета Общественнаго спасенія, какъ бы ни была жестока его тиранія, съ гибелью отечества и распаденіемъ народнаго единства, въ жертву которому, какъ она воображала, она принесла себя. Имя федералиста сдѣлалось худшимъ проклятіемъ въ представленіи народа: это было отцеубійство, которое могло быть искуплено только смертью.

14.

Каждый день по подозрѣнію въ федерализмъ въ Революціонный комитетъ были отправляемы лица, которыхъ это имя обрекало на народную месть. Марать не переставалъ клеймить этимъ именемъ всѣхъ проверженцевъ изгнанныхъ депутатовъ, связанныхъ съ ними единствомъ мнѣній или узами привязанности. Марать, послѣ одержанной имъ побѣды, открыто обличалъ коммуны, кордельеровъ и даже Конвентъ. Благодаря нерѣшительности Дантона, медлительности Робеспьера и умѣренности якобинцевъ, Марать достигъ въ это время апогея своей популярности и могущества.

Онъ отваживался на все, о чемъ мечталъ. Его пылкое воображеніе не видѣло уже преградъ мечтамъ. Онъ выказывалъ полное презрѣніе къ Конвенту. Онъ гнушался присутствовать на его засѣданіяхъ. Онъ пожималъ плечами, когда при немъ произносили имена Робеспьера и Дантона. „Оба они неспособны, говорилъ онъ:—одинъ по безупречной нравственности, другой по недостатку ума довести до конца революцію и возродить народъ“. У него кружилась голова отъ той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ благодаря своему безумію. Онъ воображалъ, что законнымъ образомъ воплощаетъ въ себѣ одною весь народъ, его право и волю. Онъ обожалъ въ себѣ народнаго кумира.

15.

Обожаніе, которое онъ питалъ къ себѣ, онъ внушилъ и невѣжественной и буйной толпѣ, въ особенности парижской черни. Марать сдѣлался въ ея глазахъ послѣднимъ словомъ патріотизма. „Марать намъ необходимъ, говорилъ Камилль Демуленъ Дантону, желая оправдать себя въ томъ, что онъ льстилъ этому человѣку:—Пока Марать съ нами, народъ будетъ вѣрить намъ и будетъ за насъ; потому что для него ничего нѣтъ выше мнѣніи Марата. Онъ выше всего міра и никто не можетъ превзойти его“.

Послѣ изгнанія жирондистовъ Марать отказался быть депутатомъ, не желая, какъ онъ говорилъ, произносить приговора надъ тѣми, кого считалъ своими личными врагами. По его мнѣнію, это былъ бунтъ. Онъ презиралъ приговоръ Конвента и верховную власть закона. Слѣдаемый изнурительной лихорадкой и ужасной проказой—слѣдствіемъ страшнаго волненія крови, онъ почти не выходилъ изъ своего мрачнаго, уединеннаго жилища. Оттуда, больной и никому не показывавшійся, онъ не переставалъ предписывать народу, кого онъ долженъ подвергнуть изгнанію, указывалъ на подозрительныхъ лицъ, намѣчалъ жертвы и отдавалъ приказанія даже Конвенту. Конвентъ выслушивалъ ихъ съ чувствомъ отвращенія, хотя и съ притворнымъ уваженіемъ. Разѣхавшіеся по департаментамъ жирондисты, чтобы усилить ненависть Франціи къ своимъ врагамъ, называли ихъ маратистами. Это оскорбительное прозвище еще болѣе возвеличило Марата во мнѣніи толпы. Департаменты воплотили въ этомъ человѣкѣ весь ужасъ, всю гнусность, всю анархію того времени. Олицетворяя преступленіе въ этомъ зловѣщемъ живомъ существѣ, они дѣлали самое преступленіе еще ужаснѣе и отвратительнѣе.